

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ
№ 3 2022 (МАРТ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

Подписано в печать 24.03.2022 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

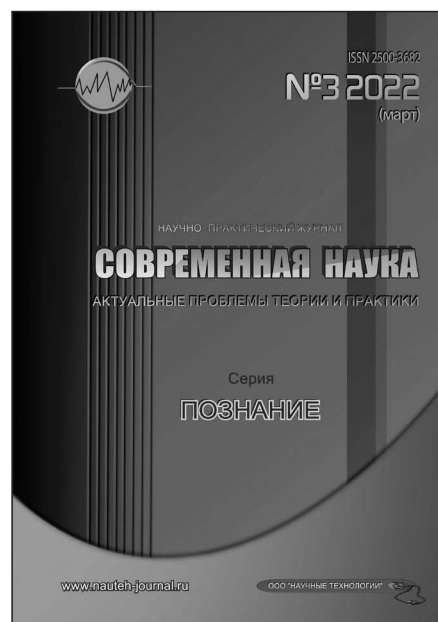
Серия: Познание №3 (март) 2022 г

© Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики». Серия «Познание».

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 09.00.00, 19.00.00, 24.00.00)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филол.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филол.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Иконникова Светлана Николаевна — д.филол.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный институт культуры

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филол.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филол.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филол.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филол.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н., доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филол.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филол.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филол.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр Михайлович — д.псх.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филол.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

- Гао Юе** – Образ китайского предпринимателя в обыденном сознании представителей русской лингвокультуры
Gao Yue – The image of a Chinese entrepreneur in the everyday consciousness of representatives of the Russian linguistic culture 6
- Горлова И.И., Бычкова О.И., Костина Н.А., Саркисова Е.Г.** – Методологические основания исследования понятия «региональная культура»
Gorlova I., Bychkova O., Kostina N., Sarkisova E. – Methodological bases for studying the concept of "regional culture" 11
- Костюк Е.Б.** – Иконические знаки семиосферы элитарной музыкальной культуры постиндустриальной эпохи
Kostyuk E. – The iconic signs of the semiosphere of the elite musical culture of the post-industrial era 16
- Орищенко С.С.** – «Свои» и «Чужие» как предмет культурологического познания: концепты, образы, проекции и взаимосвязи
Orishchenko S. – "Own" and "OtherS" as a subject of cultural knowledge: concepts, images, projections and relationships 20
- Петров И.Ф., Петрова С.И.** – О трансформационных процессах в обществе
Petrov I., Petrova S. – About transformation processes in society 27
- Чжан Мэн** – Роль университетской и городской культуры в деле совместного воспитания кадров
Zhang Meng – The role of university and urban culture in joint education of staff 32

Психология

- Великанова А.С., Польщиков К.А., Шакина Е.Н.** – Оценка направленности личности молодых специалистов на основе автоматизированного контент-анализа: постановка проблемы исследования
Velikanova A., Polschikov K., Shakina E. – Assessment of the personality orientation of young professionals based on automated content analysis: formulation of the research problem 35
- Вязникова Л.Ф., Ткач Е.Н.** – Антропопрактики как условие гуманитаризации современного образования
Vyaznikova L., Tkach E. – Anthropopractic as a condition humanitarization of modern education 42
- Гуткевич Е.В.** – Семья в условиях пандемии COVID-19 (обзор актуальных психологических исследований)
Gutkevich E. – Family in the context of the COVID-19 pandemic (review of current psychological research) 46
- Зекерьяев Р.И.** – Стандартизация опросника «направленность поведения личности в интернет-пространстве»
Zekeryaev R. – Standardization of the questionnaire "orientation of personality behavior in the internet space" 52
- Коган Б.М., Жаков Д.А.** – Современные возможности кинезиологии в решении прикладных проблем коррекционной психологии
Kogan B., Zhakov D. – Modern possibilities of kinesiology in solving applied problems of correction psychology 57

Крупская Н.Н. – Моделирование контекста «информация» в концепте «Пирамида развития» П.М. Пискарев <i>Krupskaia N.</i> – Modeling of the context "information" in the concept "Pyramid of development" by P.M. Piskarev 63	Колганов С.В., Глухов П.С. – Духовный мир и метавселенские иллюзии <i>Kolganov S., Glukhov P.</i> – Spiritual world and meta-universe illusions 106
Левада А.В. – Нарушение пищевого поведения, как проблема человека XXI века <i>Levada A.</i> – Eating disorders as a human problem of the XXI century 71	Красников С.П. – Миф и общество в современных условиях <i>Krasnikov S.</i> – Myth and society in modern conditions 110
Малкина С.А. – Когнитивные ошибки у женщин, имеющих нарушения пищевого поведения <i>Malkina S.</i> – Cognitive errors in women with eating disorders 74	Мартынова Н.Д. – Философия секса в античности <i>Martynova N.</i> – The philosophy of sex in antiquity 112
Панюкова Ю.Г., Рева А.Р. – Взаимосвязь между рабочей пространственной средой и психологическим благополучием сотрудников <i>Panukova J., Reva A.</i> – Relationship between workplace environment and psychological well-being of employees 78	Маханева Е.А. – Актуальные проблемы контекстуального анализа мультикультурных коммуникаций в профессиональных коллективах <i>Makhaneva E.</i> – Actual problems of contextual analysis of multicultural communications in professional teams 119
Рыжова Д.С. – Психологические детерминанты успешности обучения студентов психологов <i>Ryzhova D.</i> – Psychological determinants of the success of teaching psychology students 86	Музафарова Н.Р. – Функционирование концептуального ума в философии северного буддизма <i>Muzafarova N.</i> – Functioning of the conceptual mind in northern buddhism philosophy 122
Филиппова О.В. – Психологический анализ особенностей юридических практик <i>Filipova O.</i> – Psychological analysis of the features of legal practices 91	Писаревская Н.С. – Манипулятивные технологии в современной рекламе: pro et contra <i>Pisarevskaya N.</i> – Manipulative technologies in modern advertising: pro et contra 134
Философия	Потапчук В.И., Добрых А.В. – Перспективы использования выпускниками и студентами дальневосточных духовных семинарий и иными субъектами православной просветительской и проповеднической деятельности в условиях Дальнего Востока России подходов русской религиозной философии: значение для разъяснений данными субъектами ряда положений «основ социальной концепции РПЦ» <i>Potapchuk V., Dobrykh A.</i> – Prospects for the use of the approaches of Russian religious philosophy by graduates and students of far eastern theological seminaries and other subjects of orthodox educational and preaching activities in the conditions of the Russian Far East: the significance for the clarification by these subjects of a number of provisions of the "fundamentals of the social concept of the Russian orthodox church" 138
Галмагова Г.М. – Социокультурная идентичность: типология форм <i>Galtmagova G.</i> – Sociocultural identity: a typology of forms 97	
Девлетов О.У., Сазбандян Т.В., Горбунов В.В. – Теоретическая оценка особенностей и проблем кодекса профессиональной этики банкира <i>Devletov O., Sazbandyan T., Gorbunov V.</i> – Theoretical assessment of the features and problems of the banker's code of professional ethics 102	

Семенов Д.С. – Конфуцианство: история, содержание учения, влияние на современное китайское народонаселение
Semenenko D. – Confucianism: history, content of teaching, influence on the modern Chinese population144

Симутина Т.В. – Понятие триадологии как актуальная традиция в русской философско-теологической мысли. История и современность
Simutina T. – The concept of triadology as a current tradition in Russian philosophical and theological thought. History and modernity151

Сирин С.А. – Деформация правосознания как фактор правового нигилизма
Sirin S. – Deformation of legal consciousness as a factor of legal nihilism156

Сметанкина Л.В., Мазяева Е.А. – Тренды интернет-коммуникации в молодежной среде
Smetankina L., Mazyayeva E. – Trends in internet communication among young people160

Смирнов С.В. – Демографический переход: перспектива стабилизации антропогенного воздействия на биосферу
Smirnov S. – Demographic transition: the perspective of stabilizing the anthropogenic impact on the biosphere.166

Ярославцева А.В. – Имеет ли смысл отстаивать общечеловеческие нравственные ценности?
Yaroslavtseva A. – Does it make sense to defend universal moral values?170

Информация

Наши авторы. Our Authors178

Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале179

ОБРАЗ КИТАЙСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ В ОБЫДЕННОМ СОЗНАНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Гао Юе

Аспирант, Государственный институт русского языка
им. А.С. Пушкина
stecgaoyue@163.com

THE IMAGE OF A CHINESE ENTREPRENEUR IN THE EVERYDAY CONSCIOUSNESS OF REPRESENTATIVES OF THE RUSSIAN LINGUISTIC CULTURE

Gao Yue

Summary: At the moment, one can observe the expansion of business relations between the Russian Federation and the People's Republic of China. This determines the interest of entrepreneurs of the two states in the business culture of each other. At the moment, there are a number of studies devoted to the study of the image of a representative of the Chinese and Russian linguistic culture in general and Chinese, Russian entrepreneurs in particular, within the framework of researchers of communication processes in various industries.

However, there are no works devoted to the study of the image in the everyday consciousness of a representative of linguistic culture. This determines the relevance of this work and its potential practical use. In the article, the author analyzed the image of a Chinese entrepreneur in the everyday consciousness of representatives of the Russian linguistic culture. A number of elements and judgments were identified that form the image of a Chinese entrepreneur in the everyday consciousness of representatives of the Russian linguistic culture. These elements and judgments were divided into main categories, reflecting certain aspects of the image of a Chinese entrepreneur in the everyday consciousness of representatives of the Russian linguistic culture: business correspondence, honesty towards partners, business etiquette, the procedure for concluding contracts, communication, negotiation, trust in partners, conducting business correspondence. Also, the most common methods of the Chinese in the course of negotiations were identified, they were characterized.

Keywords: Chinese entrepreneurs, Business Etiquette, international communication, judgments; opinion.

Аннотация: На данный момент можно наблюдать расширение области деловых и экономических отношений между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. Это обуславливает интерес предпринимателей двух государств к деловой культуре друг друга. На данный момент известен ряд исследований с обеих сторон, посвященных изучению образа представителя китайской и русской лингвистической культуры. В частности, это касается представителей российского и китайского бизнеса в различных сферах. Однако, очень сложно привести пример исследования, касающегося изучения образа китайского предпринимателя в сознании среднестатистического обывателя. Это говорит в пользу актуальности данной работы и ее потенциальной практической пользы. В статье автор проанализировал образ китайского предпринимателя в обыденном сознании представителей русской лингвокультуры. Приводится ряд суждений и факторов, влияющих на формирование этого образа, которые разделены на основные категории: ведение деловой переписки, честность по отношению к партнерам, деловой этикет, процедура заключения договоров, общение, переговоры и наиболее распространенные приемы их ведения, доверие к партнерам.

Ключевые слова: китайские предприниматели, деловой этикет, международная коммуникация, суждения, мнение.

Введение

На фоне развивающегося экономического сотрудничества между китайскими и российскими бизнесменами, повышается уровень интереса предпринимателей с обеих сторон к деловой культуре партнёров [1, с. 175]. На раннем этапе развития данных отношений информационный вакуум заполнили представления об образе предпринимателей в обыденном сознании представителей двух лингвистических культур.

Необходимо отметить, что с 2010 года Китай является

одним из мировых лидеров по темпам экономического развития. В частности, Китайская Народная Республика вышла из мирового экономического кризиса 2007-2008 годов больше с положительными сдвигами в различных секторах экономики нежели с негативными последствиями [2, с. 52].

Если рассматривать образ современного китайского предпринимателя в обыденном сознании представителей русской лингвистической культуры, то большое влияние на его формирование и представление оказали отношения, складывающиеся между Российской Федерацией и Китаем в приграничной зоне в конце XX - на-

чале XXI веков. Необходимо отметить, что на территории Дальнего Востока уже свыше 150 лет активно протекают процессы тесного взаимодействия представителей китайской и русской цивилизации, развиваются различные векторы отношений между ними [3, с.113].

В 1990-е годы произошёл наибольший скачок в развитии внешнеэкономических связей, что привело к включению китайских граждан в дальневосточную экономическую жизнь. Выстроенные в тот период отношения развиваются до сих пор, постепенно приобретая специфические особенности и создавая новые сферы для сотрудничества [4, с. 132].

В частности, многие китайские мигранты сначала работали на территории Российской Федерации, а затем становились самостоятельными участниками «народной» торговли и создавали собственные предприятия, то есть, переходили в разряд предпринимателей. В новом качестве они в минимальные сроки освоили такие отрасли как оптовая торговля товарами широкого потребления с последующим смещением акцента на розничную торговлю. Второй по популярности отраслью для предпринимателей из Китая стала сфера услуг: ателье, починка обуви и т.д. [5, с. 91].

Последующее развитие международных связей привело к тому, что представители русской лингвистической культуры стали посещать КНР, где получили возможность оценить китайских предпринимателей в реалиях и условиях родной среды. Это позволило расширить представления об их образе. Изучение данного вопроса имеет большое практическое значение, так как бизнес между Китаем и Россией в условиях нынешней рыночной экономики является важнейшей составляющей экономики обеих стран. Анализ образа китайского предпринимателя в обыденном сознании представителей русской лингвокультуры может серьёзно способствовать выстраиванию наиболее эффективных коммуникаций, развитию отношений между представителями как малого, так и крупного бизнеса.

Как уже было сказано, существует множество исследований по поводу образа китайского предпринимателя. К примеру, В.А. Плунгян в своей работе говорит о том, что зачастую представители русской лингвокультуры рассматривают китайцев в общих рамках стереотипов относительно всех восточных народностей. Однако большая часть работ позиционирует портрет представителя китайской нации как самостоятельную единицу, обладающую рядом индивидуальных характеристик, выделяющих его из числа прочих [6, 7, 8].

Материалы и методы

В ходе выполнения исследования использовались

такие методы как контент-анализ, теоретические методы исследования этнической и кросс-культурной коммуникации, метод семантического дифференциала, моделирование стереотипных представлений носителей русского языка о китайских предпринимателях.

В качестве материалов использовались интернет-ресурсы, а также литературные источники, посвященные характеристикам и качествам китайских предпринимателей, которыми они наделяются представителями русскоязычной лингвокультуры.

Ожидаемые результаты

Выявление ряда элементов и суждений, из которых складывается образ китайского предпринимателя в обыденном сознании представителей русской лингвокультуры. Разделение этих факторов на основные категории, отражающие отдельные аспекты образа:

- ведение деловой переписки;
- честность по отношению к партнерам;
- деловой этикет;
- процедура заключения договоров;
- общение;
- ведение переговоров;
- доверие к партнерам.

Особенности и приёмы ведения переговоров

При ведении деловой переписки китайские предприниматели часто используют доверительные конструкции: «Мой дорогой друг», «Да, босс» и так далее. Если предприниматель из Китая видит, что в вашем профиле размещена личная или семейная фотография, он обязательно отметит это в переписке, даже если письмо посвящено сугубо деловым вопросам. Поэтому для выстраивания эффективной коммуникации необходимо в рамках деловой переписки показать доверительное личное отношение и со своей стороны [9].

В обыденном сознании большинства представителей русской лингвокультуры распространено мнение: «китайцы все равно вас обманут, вопрос только в том, на какую сумму, а все, выстроенные заранее планы, скорее всего, придется полностью перестраивать несколько раз» [13].

Если говорить о ведении переговоров с китайскими предпринимателями, следует уделить особое внимание взаимоотношениям на личном уровне. Социальный статус партнера имеет огромную роль для китайцев. Поэтому в ходе переговоров и общения китайский предприниматель считает вполне уместным и приемлемым задать массу вопросов для определения этого статуса. Представители китайского народа высоко ценят важных персон и трепетно относятся к высокому социальному

статусу. Поэтому в ходе переговоров необходимо обозначить перед партнёром своё высокое общественное положение. Также необходимо сохранять хладнокровие и максимально эффективно использовать связанные со своей репутацией возможности.

Начинаются переговоры с рукопожатия, что является традицией во многих странах мира. После этого китайцы могут сразу начать нахваливать ваши личностные качества, навыки и деловую хватку, так как лесть и обилие комплиментов в ходе переговоров являются для них абсолютно нормальным и приемлемым явлением. В ряде случаев это является одним из тактических ходов для того, чтобы поставить вас в слабую позицию и таким образом пролоббировать собственные интересы.

Еще одна особенность китайских предпринимателей в ходе переговоров – максимально оттягивать принятие окончательного решения. Считается, что чем больше вы ждете, тем в более выигрышном положении пребывает китайский предприниматель, соответственно, появляется больше шансов на уступки с вашей стороны. Особенно это заметно при ведении переговоров на территории китайского предпринимателя. В этом случае ни в коем случае не стоит оглашать дату своего отъезда, а лучше даже назвать более длительный срок пребывания. Так у китайского партнёра будет меньше соблазнов затянуть переговоры до последнего дня дедлайна.

Китайские предприниматели любят торг. В самом начале они обязательно назовут абсолютно не реальную цифру, конечно, если они выступают в роли продавца. В обратной ситуации ожидайте занижения стоимости. Необходимо учитывать, что это элемент тактики ведения переговоров, поэтому не стоит сразу соглашаться, необходимо озвучить свои условия и склонять партнёров к их принятию.

Также часто китайские предприниматели используют такие приемы как внезапное проявление суровости, злость, быстрая смена настроений и неадекватные реакции. Это делается для того, чтобы дестабилизировать партнера и проверить его психологическую устойчивость. Необходимо не менять своей позиции и защищать свои интересы, несмотря на изменчивое поведение китайцев.

Рассматривая поведение китайских предпринимателей в рамках переговоров, необходимо отметить их манеру общаться завуалировано. Для описания данной модели даже есть свое понятие «хань суй». Поэтому нужно быть готовым к многочисленным паузам и молчанию [14].

Честность по отношению к партнерам

У китайских предпринимателей весьма своеобразное понятие честности по отношению к партнерам. В стране широко распространен «культ личности» или «чести», однако фактически он действует относительно определенной группы лиц, чье мнение имеет для них наиболее важное значение. Как правило, европейские и российские партнеры в эту группу не входят. В ней, по большей части, соотечественники. В связи с этим, китайцы довольно часто обманывают своих зарубежных партнеров, в том числе российских, и крайне редко локальных партнёров.

Деловой этикет

Китайские предприниматели стараются не демонстрировать сомнения в предложениях коллег и партнеров. Поэтому они стараются не высказывать свои точки зрения открыто. Китайские предприниматели зачастую стараются подстроиться под партнёров, то есть они стараются быть максимально мягкими и деликатными. Важно учитывать, что и к себе китайские предприниматели требуют такого же отношения. Однако не стоит забывать, что при этом они не отказываются от различного рода уловок и ухищрений.

Даже в том случае, если вы смогли убедить китайского предпринимателя изменить свою точку зрения по ходу переговоров, и он подтвердил это – далеко не факт, что при заключении договора оно останется прежним.

Рассматривая деловой этикет, важно отметить, что переговоры зачастую происходят в неформальной обстановке, в основном, за едой в ресторане, а не в кабинете. Именно в связи с этим устные договорённости могут значить гораздо больше, чем официально подписанный договор.

Существует эффективный способ, позволяющий расположить к себе китайского предпринимателя при переговорах в ресторане. Необходимо еще до окончания застолья самостоятельно оплатить счет. Но есть один нюанс – важно сделать это незаметно для всех участников переговоров. В конце, когда официант приносит счет к столу, обычно один из китайцев охотно берет на себя все расходы. А когда официант предупреждает, что все уже оплачено, вы оказываетесь в сильной позиции. Партнер и лицо свое не теряет, и чувствует некоторую обязанность. Это хитрость, на которую очень часто идут сами китайцы [10].

Процедура заключения договоров

Китайские предприниматели зачастую не соблюдают требования, установленные договором. Для этого могут

Таблица 1.

Наиболее распространенные приемы китайцев в ходе ведения переговоров и их характеристика

№	Вид приема	Характеристика приема
1	Жесткий контроль над местом и временем проведения переговоров	Доминирование при выборе места и времени являются для китайских предпринимателей демонстрацией преимуществ и некоего верховенства
2	Ведение переговоров «для практики» или ведение «пустых переговоров»	Чтобы максимально сбить цену и добиться наиболее выгодных для себя условий китайские предприниматели зачастую ведут изнурительные переговоры, которые заканчиваются безрезультатно по причине «чрезмерно высоких цен на предлагаемые товары или услуги»
3	Намеки или даже угрозы относительно того, что китайские предприниматели будут вести бизнес с другими партнерами – вашими прямыми конкурентами	Если требования китайских предпринимателей не удовлетворяются сиюминутно, они считают вполне уместным заявить, что готовы уйти к вашим конкурентам
4	Демонстрация гнева	Это является своего рода проверкой эмоционального фона и устойчивости партнера, его хладнокровия. Если партнер начинает переживать и боится потерять клиента - китайского предпринимателя, он готов пойти на уступки
5	Проверка на качество	Когда китайские предприниматели видят, что партнер хорошо подготовился к встрече и продумал буквально каждую деталь, они могут прямо пойти на демарш. Главной целью такого поведения является ввести партнера в замешательство и ступор, заставить сомневаться
6	Лесть	Основной целью лести является максимально ввести в заблуждение своего партнера, усыпить его бдительность. Поэтому необходимо не вестись на комплименты и высокую оценку своей деятельности, решений, талантов
7	Тактика изматывания	Тактика заключается в максимально возможном затягивании переговоров с целью вызвать нетерпение и раздражение у иностранного партнера. Китайцы умело поведут вас по пути совмещения изматывающих переговоров днем, вкупе с безлимитными развлечениями вечером и ночью. В результате партнер истощен и готов на любые условия
8	Использование слов партнера против него самого	В ходе переговоров и встречи китайские предприниматели максимально внимательны, они ловят каждое слово своего партнера. Это делается для того, чтобы затем придаться к малейшей неточности. Также это может послужить основанием для того, чтобы упрекнуть во лжи или противоречии, намеренном введении в заблуждение и прочих грехах

быть самые различные причины. Любые неточности или различия в понимании и значении будут трактоваться как возможность не соблюдать сроки или другие условия. Кстати, о соблюдении сроков: обязательно обеспечивайте серьёзный запас, так как пунктуальность не является характерной чертой китайских предпринимателей. [11].

Общение

В общении китайцы максимально вежливы и доброжелательны. Они ценят личные отношения, всегда заинтересуются делами и здоровьем своих партнеров. У китайских предпринимателей есть термин «гуанси», который означает ориентир на обретение связей, то есть китайцы всегда находятся в поиске выгодных связей и контактов [12].

Доверие к партнерам

Среди представителей русской лингвистической культуры распространено мнение, что китайцы никому

не доверяют в партнерских отношениях. Тому имеется веская причина – китайские предприниматели рассматривают своих партнеров как источник дохода и не более того.

Также выполненный анализ литературных источников и интернет-ресурсов позволил выявить и дать определение наиболее распространенным приемам китайских предпринимателей в ходе ведения переговоров. Они продемонстрированы в таблице 1.

Выводы

Таким образом, изучение образа китайского предпринимателя в обыденном сознании представителей русской лингвокультуры позволяет учесть его нюансы и характеристики, чтобы сделать деловую коммуникацию максимально эффективной и плодотворной. Зная наиболее распространенные приемы китайской стороны, можно хорошо подготовиться и провести плодотворные переговоры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дятлова Е.В. Как вести бизнес с китайцами: образ китайской деловой культуры в пособиях и рекомендациях для российских предпринимателей // Вестник БГУ. 2013. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kak-vesti-biznes-s-kitaytsami-obraz-kitayskoj-delovoy-kultury-v-posobiyah-i-rekomendatsiyah-dlya-rossiyskih-predprinimateley> (дата обращения: 22.04.2021).
2. Перфильева Ю.В., Кравцова Л.И. Особенности трудового поведения персонала на предприятиях Китая // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-trudovogo-povedeniya-personala-na-predpriyatiyah-kitaya> (дата обращения: 22.04.2021).
3. Чжоу Т. Хозяйственная деятельность китайских предпринимателей на Дальнем Востоке России в 90 е гг. XX в. // Россия и АТР. 2019. №3 (105). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hozyaystvennaya-deyatelnost-kitayskih-predprinimateley-na-dalнем-vostoke-rossii-v-90-e-gg-xx-v> (дата обращения: 22.04.2021).
4. Бабина В.А. Приграничная торговля: проблемы и перспективы развития. Хабаровск: Изд-во ДВАГС, 2010. 133 с.
5. Романова Г.Н. Экономическая деятельность китайцев на российском Дальнем Востоке: торговля, предпринимательство, занятость (конец XIX — нач. XX в.) // Адаптация этнических мигрантов в Приморье в XX в. Владивосток, 2000. С. 91—92. [б] Рыжова Н.П. Процессы региональной интеграции в российско-китайском приграничье // Вестник ВолГУ. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2008. № 1. С.107—114.
6. Ларин А.Г. Китайские мигранты и российский правопорядок. Проблема ответственности // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2009. № 14. С.115—134.
7. Плунгян В.А., Рахилина Е.В. С чисто русской аккуратностью (к вопросу об отражении некоторых стереотипов в языке) // Московский лингвистический журнал. М., 1992.
8. Ильенко А. Трудности перевода или 10 секретов переписки с китайскими поставщиками//Openchina.com:интернет-изд. 2016. 12 янв. URL: <http://openchina.com.ua/trudnosti-perevoda-ili-10-sekretov-perepiski-s-kitayskimi-postavshhikami/> (дата обращения: 15.04.2021).
9. Н. Мерный. Потерял лицо? Берегись! Правила общения с китайскими бизнес-партнерами//Контур: интернет-изд. 2018. 30 марта.URL:<https://kontur.ru/articles/5108> (дата обращения: 15.04.2021).
10. Е. Лим. Ни Хао. Как общаться с китайскими бизнес-партнёрами//Cossa:интернет-изд. 2018. 3 июня.URL:<https://www.cossa.ru/152/216161/>(дата обращения: 15.04.2021).
11. Е. Сальникова. Инструкция: как начать напрямую работать с китайскими поставщиками//RusBase:интернет-изд. 2018. 3 июня.URL: <https://rb.ru/opinion/kitajskie-postavshiki/> (дата обращения: 15.04.2021).
12. И. Карпачев. Почему при работе с китайскими бизнесменами бесполезна помощь юристов. //Forbes.ru:интернет-изд. 2009. 04 сен. URL: <https://www.forbes.ru/svoi-biznes-column/master-klass/102989-pochemu-pri-rabote-s-kitaiskimi-biznesmenami-bespolezna-pomos> (дата обращения: 15.04.2021).
13. Переговоры с китайцами // Primelog.ru:интернет-изд. 2019. 01 апр.URL: <https://primelog.ru/useful/peregovory-s-kitaytsami/> (дата обращения: 15.04.2021).

© Gao Yue (smecgaoyue@163.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «РЕГИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА»¹

METHODOLOGICAL BASES FOR STUDYING THE CONCEPT OF "REGIONAL CULTURE"

**I. Gorlova
O. Bychkova
N. Kostina
E. Sarkisova**

Summary: The methodological analysis of regional culture is based on the basic concepts of the phenomenon of «cultural regionalism». The article shows that the existing scientific approaches to the study of regional culture are based on the study of the specifics, characteristics, patterns of functioning and development of culture. Showing different approaches to the definition of regional culture, its content is clarified as a set of interrelated phenomena in culture, determined by its national component, having its own path of historical development and denoting human activity, diverse in its manifestations - spiritual, material and artistic in the space of the region.

Keywords: culture, region, cultural regionalism, methodological analysis, regional culture.

Горлова Ирина Ивановна

*Д.ф.н., профессор, Южный филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева, г. Краснодар
ii.gorlova@gmail.com*

Бычкова Ольга Ивановна

*К.э.н., доцент, Южный филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева, г. Краснодар
bychkovaoi@mail.ru*

Костина Наталья Анатольевна

*К.п.н., доцент, Южный филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева, г. Краснодар
kostnat72@mail.ru*

Саркисова Елена Геннадьевна

*Южный филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева, г. Краснодар
gorlik93@mail.ru*

Аннотация: Методологический анализ региональной культуры строится на базовых понятиях феномена «культурный регионализм». В статье показано, что существующие научные подходы исследования региональной культуры основаны на изучении специфики, характеристик, закономерностей функционирования и развития культуры. Показывая различные подходы в определении региональной культуры, уточнено ее содержание как совокупности взаимосвязанных явлений в культуре, определяемых ее национальной составляющей, имеющих свой путь исторического развития и обозначающих в пространстве региона многообразную по своим проявлениям человеческую деятельность - духовную, материальную и художественную.

Ключевые слова: культура, регион, культурный регионализм, методологический анализ, региональная культура.

В современном мире термин «региональная культура» многими учеными связывается с понятиями глобализации и регионализации. Вследствие этого рассмотрение общих вопросов анализа региональной культуры, а также отдельных практик культурной жизни регионов не утрачивает актуальности и новизны. Историю вопроса связывают с теоретическими изысканиями В. Межуева, который в своих работах доказывает, что культура как способ осмысленной жизни была доступна лишь привилегированным слоям российского общества

- дворянству и разночинству, проживающих в центральных городах. Крестьянство же, жившее на периферии, существовало в русле народной, устной стихии [1]. Таким образом, провинциальная (региональная) культура оценивалась как отстающая от культуры центра. Впоследствии глобальные цивилизационные сдвиги в истории XX-XXI веков нивелировали различия культуры центра и культуры периферии.

Самым распространенным подходом, определяю-

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева» по теме 24. «Региональная культура и культурная политика: стратегии развития и опыт позитивных практик Юга России»

щим его специфику, является подход, рассматривающий региональную культуру в рамках сообщества, проживающего на определенной географической территории различных континентов, либо в разных странах. С развитием регионализации, проявляющейся в сохранении культуры этносов, возникновении самодостаточных территориальных образований, указанный термин стал ограничиваться одной страной или конкретным регионом.

Процессы регионализации затрагивают несколько уровней. На макроуровне локальные цивилизации, стремясь защитить себя от внешнего вторжения, образуют замкнутые государственные системы. Мезоуровень проявляет процесс через объединение отдельных территорий, входящих в состав государства. Регионализация на микроуровне определяется внутренней политикой национальных государств, сопровождается локализацией внутренних территорий. В России данный процесс связан с созданием политико-правового института - «субъект Федерации». Современные исследования рассматривают регионализм как сотрудничество между государствами или отдельными административными единицами, учитывает потребности регионов, культурных автономий и т.д.[2, с 226-227].

В контексте данного исследования интерес представляет трактовка регионализма как феномена культуры. По мнению В.Н. Стрелецкого, «культурный регионализм, представляет собой двуединый феномен: это понятие охватывает, с одной стороны, реальное региональное разнообразие культурных ландшафтов, с другой стороны - их восприятие местными (территориальными) сообществами. Феномен культурного регионализма прослеживается на разных уровнях пространственной иерархии - от локального до национального»[3, с.46]. В качестве важных регуляторов регионализма как феномена культуры ученый выделяет: гетерогенность регионального сообщества, региональные специфические особенности материальной и духовной культуры и региональное самосознание людей как основное понятие культурного регионализма.

Методологический анализ региональной культуры строится на базовых понятиях данного феномена. В его основе лежит представление о культуре как определенном историческом опыте человечества, преломляющемся через индивидуальный мир человека. Параллельной системой становится социальный «мир», существующий в определенных географически закреплённых координатах. Единство этих «миров» позволяет описывать культуру как социально-личностный феномен, разворачивающийся в истории. Культура представляет собой многомерное явление. Мировое культурное пространство, национальная, этническая, региональная культуры образуют целостный мир культуры.

Существующие научные подходы исследования региональной культуры основаны на изучении специфики, характеристик, закономерностей функционирования и развития культуры. Это самый востребованный и употребляемый термин гуманитарной науки. За многие века исследовательского интереса к культуре сложились сотни ее интерпретаций и трактовок. Практически все исследователи в качестве примера приводят дефиницию, данную английским этнографом Э. Тайлором в работе «Первобытная культура» 1871 года: «Культура или цивилизация ... слагается в своем целом из знания, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества»[4, с.18].

В современных российских гуманитарных исследованиях определение термина обобщенно может быть представлено в четырех проекциях:

1. культура – идеал, эталон, образец.
2. культура – система ценностей;
3. культура – система знаков;
4. культура – человеческая деятельность.

В настоящее время по поводу каждого значения понятия «культура» идет активная дискуссия.

В классических исследованиях «культура» противопоставляется «природе».

В терминах государственной политики РФ появляется отраслевое понимание культуры, которое связано с функцией государственного управления культурой. В рамках управления культура выступает самостоятельной отраслью социальной сферы, включающей не только деятельность учреждений и организаций культуры, но и деятельность по сохранению объектов материального и духовного культурного наследия. Здесь возникает противоречие между теоретическими классическими исследованиями культуры как сферы человеческой деятельности по созданию, трансляции и сохранению идеалов, эталонов, образцов в области культуры, и пониманием культуры как объекта государственной политики.

В контексте глобализации культура приобретает особое качество. По мнению Н.В. Розенберг «если культура глобализируется, то диалог культур теряет смысл, он возможен только тогда, когда каждая культура самоценна, вносит свой вклад во всемирную культуру и может чему-то учиться у другой»[5, с.6].

Для зарубежной научной традиции присущи, помимо перечисленных значений термина «культура», следующие исследовательские аспекты:

1. культура в корпоративной политике;
2. культура через потребление материальных благ;
3. культура в аспектах безопасности;
4. культура через миграционную тематику.

В академических работах, посвященных определению термина «культура» следует отметить существенный вклад основателя школы неозволюционизма. Л. Уайта. Он называет культуру формой «социальной наследственности», интегрированной системой, внутри которой выделены подсистемы – технологическая, социальная и идеологическая[6, с.440].

Фундаментальные векторы исследований культуры определены К. Манхеймом. Они включают:

1. релятивизацию сфер культуры по отношению друг к другу;
2. относительность и преходящий характер исторических форм феноменов культуры;
3. процессуальный характер культуры;
4. переживание, соответствующее образованию феноменов культуры, идеал образования;
5. антагонизм между культурой и природой;
6. общественный характер феномена культуры[7, с.239].

Помимо вышеуказанных ученых, над определением понятия «культура» как основы культурной политики работал американский антрополог и социолог К. Гирц. Он изучал культуру, используя «эмический» подход, анализируя культуру с помощью когнитивных процессов внутри самой культуры[8].

Методологический подход В.С. Библера рассматривает культуру в следующем дискурсе:

1. культура – как форма диалога и взаимопорождения культур;
2. культура – форма самодетерминации индивида в горизонте личности;
3. культура – изобретение «мира впервые», позволяет «читателю, слушателю, зрителю заново породить мир из плоскости полотна, хаоса красок, ритма стихов, полководья звуков»[9].

В работах отечественных философов и культурологов А. Ахиезера, Л. Баткина, Г. Гачева, П. Гуревича, Б. Ерасова, М. Кагана, Л. Когана, И. Кондакова, И. Лойфмана, А. Медведева, А. Флиера и других предлагаются методологические основы анализа культуры как социально-личностного феномена, акцентируются связи «человек — общество», «мир культуры - мир природы».

Для понимания характера культуры основным является исследование типа культуры, характера продуцируемого культурой типа личности, аспектов самоидентификации человека в культуре и систем самосознания культуры. Представляется особенно важным тот факт, что в период интенсивных социокультурных и экономических изменений, в период обновления культурной парадигмы, принятие «Основ государственной культурной политики» помогло преодолеть ситуацию неопределенности

в отношении современной трактовки культуры.

Национальная культура России, представленная в «Основах государственной культурной политики», является сложнейшим метатекстом, целостность которого поддерживается множеством кодов и языков, что является основой для ее саморазвития[10, с.262]. Отсюда прорастают идеи диалога разных культурных традиций и границы пространства, где осуществляется становление новых текстов и смыслов, процесс семиотизации, сближающий понимание различий, но не устраняющий их[11]. Пространствами диалога выступают регионы – мощные территориальные образования (континенты, страны), субъекты Российской Федерации.

Существует множество определений понятия регион, причем ученые не рассматривают его однозначно в географически-территориальных рамках, несмотря на то, что в современных энциклопедиях термин «регион» обозначен как крупная территориальная единица. Чаще всего специалисты рассматривают этот феномен в рамках географических наук, где используются термины «пространство», «ландшафт», «район», «территория».

Регион в современной экономике – это субъект РФ, крупный естественный экономический район, федеральный округ, территориально и экономически связанные территории разных стран, существенная экономическая территориальная составляющая страны[12, с.4].

В теории государственного управления регион выступает как субъект, права и обязанности которого закреплены законодательством. При этом отмечается, что «регион может совпадать с границами территории субъекта Российской Федерации либо объединять территории нескольких субъектов Российской Федерации»[13].

Социологией рассматривается регион «как форма территориальной организации социальной структуры общества, социальных связей и отношений, социальных институтов и процессов»[14, с.227].

Наконец, культурология определяет регион как «специфическое культурное образование, вписанное в общий “пейзаж”, основу которого составляют однородная физическая среда и более или менее однородная экономика, составляющие каркас общественной жизни и общий фон исторического и нравственного развития» [15, с.23].

Как отмечает Н. С. Зиминая, с точки зрения социокультурного подхода, регион, интерпретируемый в качестве территориального социокультурного сообщества, создается как итог деятельности его социальных акторов (жителей, социальных групп, организаций) и служит «внутренней средой», мотивирующей их поведение[16].

В данном исследовании регион представляется как историческое образование, обладающее уникальными социально-экономическими и культурными характеристиками, где человек представлен творцом социального и территориального пространства.

Анализ современных интерпретаций понятия «регион» говорит о множественности подходов к термину «регион», соответственно и понятие «региональная культура» в трактовках разных авторов будут различны.

Методологические основы исследования региональной культуры на базе междисциплинарного подхода включают в себя исторические сведения, геоклиматические условия, традиции и обычаи, этнопсихологические характеристики населения региона, художественно-эстетические практики, формы политического и экономического регулирования культурной жизни региона, анализ современной социокультурной динамики.

В частности, согласно современным культурологическим исследованиям, объектом региональной культурной политики выступает не только «региональная культура», но и «культура региона» в целом – данные понятия имеют существенное качественное отличие и не являются синонимами.

Отечественный исследователь И.Я. Мурзина справедливо указывает на то, что не каждый регион формирует региональную культуру. «Культура региона – это суммарная совокупность всех культурных проявлений в границах определенной однородной территории. Региональная культура – это общая сквозная специфика разнородных культурных проявлений»[17, с.29].

Т.В. Бернюкевич анализирует региональные культуры в контексте становления российской культуры через характеристику социального пространства, обладающего специфическим потенциалом культурной коммуникации, способствующим трансляции культурного опыта и социокультурной динамики[18].

Комплексный подход в исследовании региональной культуры демонстрирует И.Ф. Петров, выделяя ее системообразующие факторы: региональное самосознание, региональные культурные интересы, состав населения, наличие «агентов» формирования культурной политики, встроенность в систему межрегиональных и международных культурных связей[19]. Ученый рассматривает региональную культуру в широкой и узкой интерпретациях: культура как специфический способ жизни общества и культура как совокупность деятельности организаций и учреждений культуры.

А.В. Спиридонова под региональной культурой подразумевает подвижную конфигурацию культурных

свойств и признаков конкретного региона. О.Б. Фоминых определяет региональную культуру через внешние признаки (территориальная соотнесенность с ядром национальной культуры) и внутренние особенности (традиции, ценности и т.д.)[20, с.6-7].

Часто процессы, протекающие в региональных культурах, имеют не локальное периферийное значение, а начинают определять будущее общего пространства культуры национальной. Так, И.Я. Мурзина отмечает, что региональная культура является одновременно вариантом национальной культуры и самостоятельным явлением, через связь общего и особенного. Исследователь заостряет внимание на том, что «только поднявшись до уровня самосознания, она превращается в «региональную культуру»... В этом кроется известная парадоксальность региональной культуры как феномена, существующего на значительных этапах своего развития и «внутри» национальной культуры и «наряду» с ней»[17, с.26].

Без таких преобразований невозможно сформировать единое социокультурное российское пространство и выработать как общую стратегию культурного развития, так и ее территориальные варианты, учитывающие особенности региона. Важным направлением данной проблематики может стать изучение различных аспектов региональных культур, а также анализ механизмов и форм их интеграции в пространстве современной российской культуры. Региональная культура, таким образом, как неотъемлемая часть общенациональной культуры, становится «адаптивным механизмом», который объединяет региональное и национальное, обеспечивая идентификацию народа.

В настоящее время усиливается значение тех региональных культур, которые находятся в поле взаимодействия различных этнических сообществ, развиваются в культурном трансграничье и приграничье. Часто процессы, протекающие в этих региональных культурах, имеют не локальное периферийное значение, а начинают определять будущее общего пространства культуры национальной. Обмениваясь опытом, обобщая результаты изучения региональных культур, исследователи тем самым способствуют определению особенностей морфологии современной культуры, изучению её структурно-семантических аспектов, выявлению в целом специфики российской культуры как целостного пространства бытования культур региональных.

Одновременно, исследование региональной художественной культуры, можно рассматривать как маркер происходящего в региональной культуре, прежде всего потому, что именно явления искусства и художественная жизнь зачастую представляют периферийную культуру целиком. Отличительными особенностями становятся, с одной стороны, феномены, несущие провинциальную

специфику, с другой - достижения «искусства из центра», показанные в регионе.

Сопоставляя исследования, изучающие понятие «региональная культура» с разных точек зрения, приходим к выводу об особенной форме существования региональной культуры на разных территориях, о многообразии ее функций.

Показывая различные подходы в определении региональной культуры, уточним ее содержание как совокупность взаимосвязанных явлений в культуре, определяемых ее национальной составляющей, имеющих

свой путь исторического развития и обозначающих в пространстве региона многообразную по своим проявлениям человеческую деятельность - духовную, материальную и художественную.

В своей работе мы не претендуем на исчерпывающее описание феномена региональной культуры. Задача, которую мы ставили перед собой, состоит в том, чтобы разработать методологическую базу понятийного аппарата региональной культуры и в дальнейшем апробировать ее, определяя концептуальные основы региональной культурной политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Межуев В.М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. М.: Университетская книга. 2012. 406 с.
2. Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М., 2009. 372 с.
3. Стрелецкий В.Н. Регионализм как феномен культуры // Региональные исследования. 2011. № 3 (33). С. 45-50.
4. Тайлор Э.Б. Первобытная культура: Пер. с англ. М.: Политиздат, 1989. 573 с.
5. Розенберг Н.В. Философские аспекты осмысления понятия «глобальная культура» // Вестник Тамбовского университета. Сер. Филологические науки и культурология. 2015. № 3 (3). С. 5–9.
6. Уайт Л. Энергия и эволюция культуры // Наука о культуре: избранное. М.: РОССПЭН, 2004. 960с.
7. Мангейм К. Избранное: Социология культуры. М.; СПб., 2000. 501с.
8. Килькеев В.Н. Теоретико-методологические принципы культурной антропологии Клиффорда Гирца: дис. ... канд. филос. наук. Смоленск, 2009. 142 с.
9. Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры (два философских введения в двадцать первый век). М.: Издательство политической литературы, 1991. 414 с.
10. Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: «Искусство – СПб», 2000. 704с.
11. Астафьева О.Н. Культурная политика: динамика теоретических подходов и фундаментальную концептуализацию / Культурная политика России: актуальные аспекты: коллективная монография / под ред. А.Н. Чумакова. М.: Изд-во «Перспект», 2015. С. 15–26.
12. Корчагин Ю.А. Региональная экономика и финансы: учеб. пособие для студ. экон. спец. Воронеж, 2010. 260 с.
13. Основные положения региональной политики в Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 3 июня 1996 // Российская газета. 1996. 11 июня.
14. Социальная политика региона: теория и практика: учеб. пособие / кол. авторов; под ред. И.П. Скворцова. М., 2010. 448 с.
15. Регионоведение: учеб. пособие / отв. ред. профессор Ю.Г. Волков. Ростов н./Д, 2002. 416 с.
16. Зимина Н.С. Потенциал социокультурного пространства российских регионов в контексте национальной безопасности. Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 2 (217). Философия. Социология. Культурология. Вып. 20. С. 88-95.
17. Мурзина И.Я. Феномен региональной культуры: бытие и самосознание: дис. ... докт. культурологии. Екатеринбург, 2003. 237 с.
18. Бернюкевич Т.В. Региональные культуры в контексте становления российской культуры // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2017. Т. 12, № 3. С. 55-59.
19. Петров И.Ф. О региональной культуре // Тенденции развития науки и образования. 2018. № 40-1. С. 13-16.
20. Фоминых О.Б. Региональная и провинциальная культура: некоторые характеристики // Время культуры в региональном пространстве: сб. науч. тр. / под ред. Д.Н. Маслюженко. Курган, 2010. С. 74-84.

ИКОНИЧЕСКИЕ ЗНАКИ СЕМИОСФЕРЫ ЭЛИТАРНОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЭПОХИ

Костюк Екатерина Борисовна

К.п.н., доцент, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов
e_shpakov@mail.ru

THE ICONIC SIGNS OF THE SEMIOSPHERE OF THE ELITE MUSICAL CULTURE OF THE POST-INDUSTRIAL ERA

E. Kostyuk

Summary: The semiosphere of elite musical culture is an interesting sphere that requires systematic study by Russian science. The article proposes the identification and analysis of the iconic signs of the semiosphere of elite musical culture, which are often used in various forms of its presentation, are actively used as a means of visual communication in the context of the specifics of the modern information-driven era of the turn of the XX-XXI centuries.

The author comes to the conclusion that the use of the considered iconic signs of the semiosphere of elite musical culture in modern conditions is due to the entrenched historical and aesthetic connotation of their reading, as well as the peculiarity of modern artistic culture, characterized by the desire for maximum visualization, as well as the media characteristic of the post-industrial era.

Keywords: semiosphere of musical culture, semantics, elite musical culture, iconic sign, pictorial sign, music.

Аннотация: СемIOSфера элитарной музыкальной культуры представляет собой интересную, требующую системного изучения отечественной наукой сферу. В статье предлагается выявление и анализ иконических знаков семIOSферы элитарной музыкальной культуры, которые часто используются в различных формах ее презентации, активно применяются как средство визуальной коммуникации в условиях специфики современной информационно обусловленной реальности рубежа XX-XXI вв.

Автор приходит к выводу о том, что применение рассматриваемых иконических знаков семIOSферы элитарной музыкальной культуры в современных условиях продиктовано закрепившейся историко-эстетической коннотацией их прочтения, а также особенностью современной художественной культуры, характеризующейся стремлением к максимальной визуализации, а также медийности свойственной постиндустриальной эпохе.

Ключевые слова: семIOSфера музыкальной культуры, семантика, элитарная музыкальная культура, иконический знак, изобразительный знак, музыка.

В постиндустриальную эпоху, когда многие явления преобразуются в систему знаков, аккумулирующих информацию разной глубины, значимости и направленности, в сфере музыкальной культуры все активнее используются семантические единицы, имеющие определенное прошлое, но в условиях стремительных информационных потоков, а также взаимовлияния культур, приобретающих статус средства коммуникации, обозначающего определенное явление, смыслы или даже целое направление культуры и искусства. В этом плане представляется актуальным в контексте изучения специфики развития современной музыкальной культуры проанализировать сложившиеся иконические знаки семIOSферы элитарной музыкальной культуры, которые активно используются для ее обозначения, так или иначе, на рубеже XX-XXI веков.

Понятие элитарная музыкальная культура не так уж часто встречается в рамках научной, и тем более, эмпирической лексики общества постиндустриальной эпохи. Значительно чаще обсуждаются вопросы роли массовой музыкальной культуры в развитии современного общества. Элитарность связана с понятием избранный, и прежде всего, подразумевает социальную или культурную стратификацию. Отечественные и зарубежные ученые,

рассматривая проблему элитарности, отмечают, что оно подразумевает – особое качество, связанное, как правило, с высокими духовными смыслами, совершенством соотношения формы и содержания, нравственно-эстетического тезауруса. Вот как, например, отмечает в своем труде профессор С.С. Комиссаренко: «Духовная элита необходима для любого общества, ибо она реализует его высокие, культурные цели и придает процессу культурного развития поступательное движение, наполняя его нравственно-образующим смыслом» [3, с.36]. Именно элита, социальная и духовная, способствовала развитию музыки – основы элитарной музыкальной культуры, которая в научных исследованиях чаще обозначается как академическая, или классическая. Для нее характерны: особая эстетика, определенные требования к обучению и исполнению ее, стремление к совершенству, гармонии в форме и содержании, и особый тип слушателя [1, с.7-8].

Надо отметить, что исследованию вопросов специфики элитарной культуры, в частности, музыкальной, посвящено немало научных трудов: Адорно Т., Запесоцкого А., Кагана М., Кадцына Л., Конен В., Кузуб Т., Маркова А., Махлиной С., Молзинского В., Комиссаренко С., Сохора А., Цукера А., Чередниченко Т., Холоповой В., Шака Ф. и других. Учеными подчеркивается определяющее значе-

ние элитарной культуры в гармоничном развитии общества, ставится вопрос дихотомии взаимодействия элитарного и массового, которое было характерно в целом для XX века, и еще более обострилось в условиях информационного «нашествия» постиндустриальной эпохи рубежа XX-XXI вв. Исследования, касающиеся элитарной музыкальной культуры в основном затрагивают вопросы семантики музыкального языка [9], искусствоведческие аспекты художественно-эстетического характера. Однако проблематика исследований практически не касается семантических особенностей социально-культурного аспекта элитарной музыкальной культуры. Между тем, мы согласны с выводами российского ученого В.Д. Конен, которая отмечает, что термины: «серьезное» искусство, «высокое», «академическая школа» не совсем адекватны полноте отображения сущности рассматриваемого явления, и не во всем объеме отображают все нюансы этого направления, которое она обозначила как «второй пласт» [4, с.18-30].

Именно специфика роли социального заказчика, «музыка есть явление... историко-общественное» [6, с.317], во многом и определяла судьбу этого музыкального направления с его принципом избирательности, который метафизически ему свойственен, а также сложившуюся семантическую систему. В.Д. Конен отмечает: «Тысячелетняя связь музыкального искусства с церковью оставила в нем вечный и глубокий след» [4, с.21]. Начиная от монахов, которые фактически и были первыми социальными заказчиками, и сочинителями, и исполнителями, и первыми слушателями, и хранителями избранных мелодий, потому что далеко не все из них становились музыкальной основой для слов молитвы, осуществлялась кропотливая работа *по отбору* лучших интонаций. От монахов и дворян, которые опекали и выбирали музыкантов в свои ансамбли и оркестры, отбирали композиторов для сочинения музыки при дворе, всегда была *идея избранности*. Из множества извлекалось лучшее. Лучшее в музыке всегда должно было быть пронизано высоким духовно-нравственным и совершенным эстетически по форме, и на протяжении веков, до XX века, идеал калократии, сформулированный еще древними греками, питал музыку, которую мы относим к сфере элитарной. Ее социальные заказчики - священнослужители и высшая социально-культурная элита разных эпох, обладала важной составляющей - образованием, подразумевающим зачастую и умение играть на музыкальных инструментах, петь. «К XVII в. западное искусство четко разделилось на высокое искусство для привилегированных классов и низкое - для массы» [7, с.9]. Отсюда следующая значимая характеристика этого слушателя - умение понимать слушаемое в полном объеме, расшифровывать семантику музыкальных образов и языка, через посвященность в это знание. Профессор С.Т. Махлина пишет: «постепенно развившиеся приемы создания художественных произведений... потребовали предварительного их усвоения.

И тогда... без специальной подготовки ни в одном виде искусства не было возможности выражать свои творческие эмоции... понимать искусство». [7, с.7]

И в XX веке, несмотря на его социально-культурные катаклизмы, опосредованные войнами, революциями, научно-техническими открытиями, сохраняется элитарная музыкальная культура с изменившимся отчасти свой социальный статус заказчиком. Кого можно ныне причислить к социально-духовной элите в век торжества среднего класса? Прежде всего, тех, кто обладает должной степенью образованности, духовной нацеленности на восприятие глубоко по смыслу произведения. Посетителями традиционных для академической музыки учреждений - филармоний, театров, становятся представители, как правило, имеющие высшее образование, многие из которых с детства приучены были к такой форме досуга.

Семиосфера элитарной музыкальной культуры складывалась под влиянием, как уже ранее было отмечено, определенной социально-культурной общности - социальной элиты, отличающейся носительством идеалов, идей, которые в разных видах искусства проявляли себя тем или иным образом. Практика формирования элитарной музыкальной культуры подразумевала установление достаточно четких границ и в сфере поведения слушателей во время концерта, и исполнителей на сцене, их внешнем виде, и в атрибутике визуального ряда, и в особенностях инструментального состава и музыкального языка (в ладово-тональной системе, ритме), вербальных и невербальных знаков. Представляется, что правомерным будет, говоря об элитарности в музыке опираться на тот аспект этого понятия, который соотносится с понятием *избранный*, а значит *выбираемый* и *отбираемый*, прежде всего по качеству, который должен наиболее точно выразить идею, а, следовательно, быть реализован в совершенной форме и самом адекватном материале, способном эту форму «держать». *Изменение идеи, будет неизбежно отражаться на форме, и специфике использования материала.*

В семиотике принято рассматривать явление искусства или культуры по типам знаков: иконическому, индексальному, символическому (Ч. Пирс). Однако в контексте нашего исследования представляется важным также соотнести с теорией *знака художественного* современного российского ученого С.Т. Махлиной, которая совершенно справедливо отмечает: «Многозначность каждого из выразительных средств искусства имеет двойную природу... его различные значения зависят от ситуации и *контекста*, в которых оно применено» [9, с.98]. Кроме того, в рамках поставленной нами задачи, более проанализируем сложившуюся к рубежу XX-XXI веков иконическую систему семиосферы элитарной музыкальной культуры.

Иконический тип (знаки-изображения). В элитарной музыкальной культуре к таким знакам, как выявило исследование, относятся: изображения определенных музыкальных инструментов, композиторов.

Изображения музыкальных инструментов элитарной музыкальной культуры по большей части связаны с европейской музыкой академической традиции. Если для массовой музыки XX века иконическими знаками выступают - саксофон, синтезатор, электрогитара, и их звучание - знак-признак и направления, а именно джаза, рок-музыки, поп-музыки, и эпохи. Для европейской музыки такими знаками-изображениями, стали, прежде всего¹, *лира, скрипка, фортепиано, орган*. Их изображение имеет контекст стереотипа в условиях развития современной культуры. Безусловно, можно говорить о том, что каждая эпоха в европейской музыкальной культуре представлена характерными именно для нее музыкальными инструментами, их тембрами, ставшими фактически темброобразами эпохи, то есть знаками-признаками. Однако в качестве иконического (изобразительного) знака именно обозначающего в общественном восприятии рубежа XX-XXI веков музыку академической традиции выбирается изображение лиры, скрипки, клавиатуры фортепиано, фронтального изображения органа. Представляется, что причин закрепления этих знаков элитарной музыкальной культуры стало несколько:

- лира, «инструмент Аполлона...является своеобразным эталоном, воплощающим некий древний художественный идеал»[2,с.34]. Семантика изображения инструмента, много раз запечатленного на барельефах зданий, в интерьерах дворцов, скульптурах, в живописи, на рубеже XX-XXI вв. в общественном восприятии связана с европейской музыкой аристократического, а также высоко-духовного, аполлонистического характера. Профессор Герцман Е.В. отмечает: «она была создана как олицетворение соразмерности в движении звезд, и подобно семипланетному небу обладала семью струнами» [2, с. 80]. Ныне изображение лиры возникает как знак музыки академической традиции на афишах, на программах концертов и т.п.;
- активное формирование и доминирование музыки академической европейской традиции в общественно-культурной жизни предшествующих эпох связано со струнным оркестром. Для этого состава инструментов писалось много музыки (для пьесы, для оперы и т.п.). Основа струнного, а затем и симфонического оркестра - струнная группа со скрипкой на первых ролях, несмотря на всю непростую предысторию возникновения и совершенствования этого инструмента. Эстетика звучания скрипки, благодаря стараниям великих

мастеров - Страдивари, Амати, Гварнери и др. – певучая, подражающая прекрасному голосу, соответствовала концепции красоты и гармонии, провозглашенной в эпоху Просвещения, особенно в стиле классицизм и в жанре оперы. Изображение скрипки, возникающее на любых визуальных носителях, становится знаком классической, серьезной музыки;

- звучание органа, его облик – знак христианской традиции, инструмент был неотъемлемой частью католического, лютеранского храмов, духовной сферы. И уже в XX веке, а также начале XXI столетия орган сохраняет свой изначальный контекст, несмотря на активизацию антирелигиозных, антихристианских течений, атеистические движения в общественной жизни. В современной визуальной практике, именно фронтальное изображение органа чаще всего можно увидеть на афишах, оно «считывается» как знак концерта с музыкой академической традиции;
- фортепиано, которое стало популяризоваться с эпохи Романтизма и в практике домашнего музицирования, и в музыкально-художественных салонах, и концертной жизни того времени, своим обликом стало также символизировать искусство европейской академической традиции. Фактически, как и книга в XIXв.[10,с.166-167], инструмент стал определенным средством коммуникации в условиях нового типа общения между исполнителем и публикой особенно в условиях музыкальных салонов. В XX и начале XXI веков появились новые инструменты (электрогитара, синтезатор и т.п.)– символы массовой музыки, звучание фортепиано, его изображение возникает тогда, когда нужно подчеркнуть принадлежность к элитарной музыкальной культуре.

К знакам-изображениям элитарной музыкальной культуры мы можем отнести также и портреты выдающихся композиторов: В.А. Моцарта, Л. ван Бетховена, П.И. Чайковского, И.С. Баха, которых размещают на афишах в контексте, где необходимо подчеркнуть, что мероприятие относится к сфере элитарной музыкальной традиции, серьезной классической музыке. Их изображение выступает своеобразным знаком, подчеркивающим целый ряд смыслов: серьезность, традиционность, европейскую культуру. Они узнаваемы и для массовой аудитории, которая привлеченная известными композиторами, возможно, тоже посетит мероприятие. Правда, зачастую вербальная форма более привлекательна, чем изображение композитора, поскольку «на слуху» фамилии – Моцарта, Бетховена, Баха, Чайковского, а вот то, как они выглядели, массовой публике не столь извест-

¹ На основе анализа визуальных материалов, репрезентирующих направление в современной культуре (афиш, программ, видеоматериалов), а также опроса студентов вузов Петербурга (2020-2021 гг.)

но. В отличие от массовой музыкальной культуры, для которой более характерно использование знаков-изображений исполнителей, для сферы элитарной музыкальной культуры характерно обращение к портретам композиторов, некоторые из них были и исполнителями, как Ф. Шопен, Ф. Лист. Причиной подобного выбора, как представляется, становится то, что для произведения массовой музыки, часто стандартного в своих интонационно-ритмических формулах, огромное значение приобретает исполнительская интерпретация, которая и зачастую способствует его популяризации. В музыке академической традиции, где каждое произведение уникально, особенно значимым и становится тот, кто сочинил.

В постиндустриальную эпоху, когда узнаваемость, «медийность» лица становится фактически «иконкой», т.е. узнаваемым знаком. Интересно, что и технический, и бытовой язык отобразил эту новую функцию изображения. Неотъемлемой частью межкультурной коммуникации, становится визуальная узнаваемость, например, лица исполнителя. В начале XXI века, даже точнее,

с его второго десятилетия, более активно привлекают исполнителей элитарной музыкальной культуры к участию в телешоу, ток-шоу и т.п. проектам, которые в свою очередь имеют амбивалентный результат: для массовой аудитории их лица становятся известными и в дальнейшем. Появление, например, на афише изображения Н. Цискаридзе, А. Нетребко, В. Гергиева и т.п., вызывает интерес к концерту, на который слушатель, возможно, и не пошел бы, если бы не знакомое, ставшее «медийным» лицо. С другой стороны участие в проекте представителей элитарной культуры сразу повышает статус данного проекта (например, телешоу «Синяя птица», канал Россия1).

Выводы: применение сложившихся иконических знаков семиосферы элитарной музыкальной культуры, обусловлено с одной стороны, закрепившейся историко-эстетической коннотацией их прочтения, с другой – спецификой современной художественной культуры, характеризующейся стремлением к максимальной визуализации, медийности свойственной постиндустриальной эпохе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адорно Т. Избранное: Социология музыки. М.: СПб.: Центр гуманитарный инициатив, 2008. 448с.
2. Герцман Е.В. Музыка Древней Греции и Рима. СПб.: Алетейя, 1995. 335с.
3. Комиссаренко С.С. Элита российской культуры. СПб.: «Нестор», 2004. 236с.
4. Конен В.Д. Третий пласт. Новые массовые жанры в музыке XX века. М.: Музыка, 1994. 160с.
5. Кузуб Т.И. Музыкальная культура XX века как феномен эпохи глобализации: автореферат. . . канд. культур: Екатеринбург. 2010. 24с.
6. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М.: Политиздат, 1991. 525с.
7. Махлина С.Т. Семиотика культуры и искусства. Кн.2. СПб.: Композитор СПб, 2003. 340с.
8. Махлина С.Т. Семиотика культуры и искусства. Кн.1. СПб.: Композитор СПб, 2003. 264с.
9. Тараева Г.Р. Семантика музыкального языка: конвенции, традиции, интерпретации: автореферат. . . докт. иск.: Ростов-н/Д. 2013. 46с.
10. Хренов Н.А. Публика в истории культуры. М.: АГРАФ, 2007. 496с.

© Костюк Екатерина Борисовна (e_shpakov@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

«СВОИ» И «ЧУЖИЕ» КАК ПРЕДМЕТ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ: КОНЦЕПТЫ, ОБРАЗЫ, ПРОЕКЦИИ И ВЗАИМОСВЯЗИ

Орищенко Светлана Серафимовна

К.п.н., доцент, Самарский государственный институт культуры
orichtchenko63_6@mail.ru

"OWN" AND "OTHERS" AS A SUBJECT OF CULTURAL KNOWLEDGE: CONCEPTS, IMAGES, PROJECTIONS AND RELATIONSHIPS

S. Orishchenko

Summary: The article is devoted to the concept of «own and others» and its reflection in cultural studies. From etymology to morphology, from syntax to phraseological units «own and others» continue to form an idea of the world in all its diversity. Science and art continue to reflect on the influence of the sign «friends and strangers», including on the art of cinema. Binary opposition forms cultural reality and penetrates into the root system of culture. The interaction of science and art gives birth to a metalanguage that clarifies cinematic utterances. The concept of «friends and strangers» for film culture is fundamental, because when opponents interact, a conflict is born in the script of the film. The logo becomes «its own» for the art of cinema, thanks to the close attention from film culture studies.

Keywords: word, sign, concept, lexeme, cultural reality, phraseology, binary opposition, antagonists, cultural core.

Аннотация: Статья посвящена концепту «свои и чужие» и его отражению в культурологии. От этимологии до морфологии, от синтаксиса до фразеологизмов «свои и чужие» продолжают формировать представление о мире во всём его многообразии. Наука и искусство продолжают рефлексировать по поводу влияния знака «свои и чужие». Бинарная оппозиция формирует культурную реальность и проникает в корневую систему культуры. Взаимодействие науки и искусства рождает метаязык, который проясняет кинематографические высказывания. Концепт «свои и чужие» для кинокультурологии является основополагающим, поскольку при взаимодействии оппонентов рождается конфликт в сценарии фильма. Логос становится «своим» для искусства кино, благодаря пристальному вниманию со стороны кинокультурологии.

Ключевые слова: слово, знак, концепт, лексема, культурная реальность, фразеологизм, бинарная оппозиция, антагонисты, культурное ядро кинокультурологии.

Интерес к антагонистической паре «свои и чужие» обусловлен тем, что мы изучаем современный отечественный кинематограф. Современность диктует внимательное отношение к оппозиции «свои и чужие». Казалось бы, что этот концепт достаточно изучен в разных гуманитарных науках: лингвистике, философии, психологии, семиотике, культурологии. Мы снова возвращаемся к его исследованию, поскольку эта лексема интересна сегодня с точки зрения кинокультурологии. Кинокультурология призвана изучать слово в кинотекстах с целью погружения в киноматериал и сохранения всего ценного опыта для культуры и искусства. Необходимо пояснить, что термин кинокультурология не является синонимом к понятию культурология кино. Здесь мы руководствуемся мнением М. Эпштейна, который считает: «Вообще слово нельзя придумать, ибо оно само думает, оно есть акт мысли. Оно не объект, а скорее партнер, сотрудник в работе мысли. Оно возникает из еще невидимых и неслышимых глубин языка и приходит на помощь, когда нужно выразить какую-то мысль, не находящую средств выражения. Нельзя сказать: «придумать мысль», потому что мысль – это и есть акт думания. Если приходит какое-то новое слово, это не

означает, что я придумываю его, скорее, я начинаю думать этим словом. Оно приходит из сверхнапряженного семантического вакуума языка» [8, с.139]. Кинокультурология – это часть культурологии, изучающая слово в киноповествовании. Снова прибегнем к мысли М. Эпштейна, озвученной в статье В.И. Ионесова: «Ословить» явление, правильно подобрать для него компоненты значения (морфемы) – значит включить его в систему культурных координат, создать предпосылку для сознательной и целенаправленной работы с ним. Это своего рода словарная психотерапия и вместе с тем социотерапия, историотерапия: выведение предмета из бессознательного в область личного и общественного сознания» [8, с.139]. Таким образом, мы исследуем антонимическую пару «свои и чужие» с точки зрения кинокультурологии. Сначала попытаемся обобщить те знания, которые нам известны.

Некоторые этимологические прояснения, морфологические и синтаксические функции

Известно, что слово выражает смыслы культурной реальности. Культурная реальность, интересующая нас,

строится на бинарной оппозиции «свои и чужие», поэтому сначала обратимся к семантическому значению этих слов. При этом, «свои и чужие» интересны для культуры и искусства кино только в своём противоположном единстве. Объединяясь и противодействуя, они отражают всё многообразие мира. Два антагониста имеют каждый своё семантическое значение. В словаре Н.М. Шанского узнаём, что слово «свой» – «собственный», «особа» является однокоренным слову «свобода» [17, с. 404]. «Чужой» – «рыжий», «народ» [17, с. 497]. Очевидно отсюда отрицательная коннотация во фразе: «Я что – рыжий что ли?» – то есть не такой, как все, обособленный, чужой. «Свой и чужой» как философская категория не существуют вне «другого». «Другой» в словаре Н.М. Шанского – «друг», «товарищ» [17, с. 133]. Все слова принадлежат общеславянскому языку. В «Этимологическом словаре» М. Фасмера каждая из позиций дополнена иными сведениями. «Свой», кроме значения «собственный» «особа», – это «брат жены, тесть, свояк» [14, Т. 3 : с. 583]. «Чужой», кроме значения «рыжий», «народ», – это «тоже», «чудо», «войско» [14, Т. 4 : с. 379]. «Другой», кроме значения «друг», «друг друга», – это «второй» [14, Т. 1 : с. 543]. Если коснуться морфологических признаков слов «свой», «чужой», «другой», то можно установить, что «свой» – притяжательное местоимение, «чужой» – относительное прилагательное, «другой» – определительное местоимение. «Свой, чужой, другой» отвечают на вопросы *какой? чей?* Изменяются по родам, числам и падежам. Все три слова при синтаксическом разборе могут выступать в роли имён существительных, быть субстантивированными, то есть становиться в именительном падеже главным членом предложения – *подлежащим* или в косвенных падежах – *дополнением*. Итак, сближение, расхождение и взаимодействие «своих и чужих» происходит уже на уровне их этимологического смысла, морфологических признаков и синтаксических функций. «Свой» и «другой» становятся ближе друг к другу, так как являются одной частью речи – *местоимением*. При этом «чужой» тоже вовлечено в круг взаимодействия, хотя его обособление обусловлено другой частью речи – *прилагательным*. Переход этих слов в *имя существительное* подчёркивает возможность взаимодействия внутри оппозиции и перекодировки «своих» в «чужих» и обратно.

Некоторые лингвокультурологические уточнения

«Фразеологический словарь русского языка» раскрывает суть лексемы «чужой» через группу фразеологизмов: *жить чужим умом* (придерживаться чужих взглядов, убеждений; не быть самостоятельным в своих действиях, поступках и т. п.); *чужими руками* (не самостоятельно, используя труд, усилия, энергию и т. п. других (делать что-либо)); *чужими руками жар загребать* (пользоваться результатами труда других в своих корыстных целях); *с чужих слов* (на основании разговоров, рассказов других

людей, а не собственных знаний, наблюдений); *петь с чужого голоса* (не имея своего мнения, высказывать, повторять и т. п. чужое; быть несамостоятельным в своих суждениях); *с чужого плеча* (ношенный прежде кем-либо другим и не подходящий по размеру); *есть чужой хлеб* (жить на чужой счёт; горький хлеб, тот, которым упрекают); *на чужой счёт* (на средства других, за деньги других); *в чужом пиру похмелье* (неприятность из-за других, из-за вины другого)» [15, с. 529-530]. «Чужой» с точки зрения лингвокультурологии отражает нравственную составляющую слова с отрицательной коннотацией. Каждому фразеологическому обороту с лексемой «чужой» можно подобрать антонимическую пару со словом «свой»: *жить своим умом, делать своими руками, не принимать на свой счёт* и т.д. Обращение к фразеологическим оборотам, паремиям необходимо, поскольку они формируют «собственный подъязык (лексика, фразеология, паремология)» [11, с. 233]. Это увеличивает возможности мета-языка, поскольку кинотексты тогда могут быть поняты, когда действует закон «*фасцинативного притяжения*», то есть «*тексты требуют многократного повторения и каждое повторение осознаётся как ценный опыт*» [11, с. 241]. Многократное *устное* повторение кинотекстов определяет искусство кино в разряд современного фольклора. В данном случае мы имеем ввиду многократное повторение (пересказ), как рефлексию на киноповествование, основанное на понимании взаимодействия «своих и чужих» для того, чтобы выкристаллизовался смысл кинотекста, его «зерно», первопричина, исток. Для нас важно интерпретировать кинотексты, в том числе, и через фразеологические обороты, поскольку этот приём позволяет увеличить ракурсы, с которых мы исследуем текст художественной экранизации, в центре которого рассматривается слово.

«Свои и чужие» в семиотических проекциях

Лингвокультурология тесно связана не только с этимологией, но и с семиотикой. Вместе они помогают погружаться в кинокультурологию, для которой слово является основной единицей художественного образа. Семиотика, исследуя слово, как знак, пытается доказать, что язык кино – сложнейшая знаковая система, зависящая от лингвистики. Н.А. Хренов утверждает: «*Собственно, именно эта зависимость от лингвистики и обывала многое в культуре рассматривать по аналогии со словом, т.е. знаком в его вербальной форме*» [16, с. 637]. Наука так увлечена кодированием и дешифровкой искусственных языков, что всё меньше остаётся места для изучения языка традиционного, но не менее значимого для науки, особенно, если этот язык принадлежит искусству. И не просто искусству, а искусству кино, которое, как известно аккумулирует в себе многие роды и виды искусства. Другой аспект внимательного отношения к слову заключается в разрыве восприятия лексики между зрителями разных поколений.

Ценность художественного языка кинематографа обусловлена тем, что она строится на фундаменте древнейшей оппозиции «свои и чужие», связанной со структурами языка. Можно задаться вопросом: «Связаны ли они с культурой»? Структуры языка имеют большое значение для культуры. Н.А. Хренов считает: «Но ведь что такое структуры языка как не структуры культуры? Значит, абстрагируясь от структур языка, мы уже пытаемся выйти за пределы культуры. Необходимо пробиться к очищенным от культуры чувственным, природным, предметным, телесным, видимым стихиям бытия» [16, с. 640]. Это необходимо, потому что границами культуры так или иначе является язык, по существу, нет языка – нет культуры. В культуре всё поименовано, в начале всего слово (знак, образ), в культуре нет безымянного. Но там, где слово, там искушение и искажение бытия, язык задаёт в нашей голове структуру, через которую человек воспринимает мир. Но воспринимает его так, как в значительной мере повелевает воспринимать его собственная языковая структура. Язык «ревнив», он крепко нас держит «на поводке», знание его необходимо. Необходимо пробиться к очищенным от культуры «чувственным, природным, предметным, телесным, видимым стихиям бытия». Каким образом это возможно осуществить? Пожалуй, лишь через искусство (воображение, художественное творчество, интуицию), которое с наибольшей силой приближает к нам «чувственные, природные, предметные, телесные, видимые стихии бытия». Искусство нейтрализует (укрошает) давление и диктат структур языка, преобразуя их в наиболее безопасные и проникновенные формо-образы. Искусство в этом ракурсе как бы переводит язык в метаязыковые проекции, соединяя человека с бытием. Именно в этом видится смысл и значимость художественного нарратива кинематографа. Именно они помогают при раскодировании кинотекстов находить те смыслы, которые изначально присущи культуре, лежат в основе её фундамента.

Подтверждение находим у Ю. Лотмана, который утверждал: «Кинематограф говорит с нами, говорит многими голосами, которые образуют сложнейшие контрапункты. Он говорит с нами и хочет, чтобы мы его понимали» [12, с.91]. «Человеческая культура разговаривает с нами, то есть передаёт нам информацию, различными языками. Язык – упорядоченная коммуникативная (служащая для передачи информации) знаковая система. Из определения языка как коммуникативной системы вытекает характеристика его социальной функции: язык обеспечивает обмен, хранение и накопление информации в коллективе, который им пользуется. Указание на знаковый характер языка определяет его как семиотическую систему» [12, с. 3]. По мысли Ю. Лотмана, «кино» является коммуникативной системой, значит метаязык призван интерпретировать семантический и синтаксический язык кино. Кино, по определению Ю.

Лотмана, – «лента, письмо, послание». Для того чтобы его понять, необходимо знать язык, на котором говорят создатели фильмов. Учёный уточняет: «Создаётся видимость понимания там, где подлинного понимания нет. Только, поняв язык кино, мы убедимся, что оно представляет собой не рабскую бездумную копию жизни, а активное воссоздание, в котором сходства и отличия складываются в единый, напряжённый – порой драматический – процесс жизни» [11, с. 6]. Опираясь на значения слова, кинокультурология может исследовать язык искусства кино, деля «своих и чужих» на разные типы оппозиции: мифологический (А. Балабанов, В. Сигарёв, Р. Литвинова, К. Муратова), религиозный (А. Тарковский, С. Параджанов, П. Лунгин, В. Хотиненко, К. Серебренников, Н. Досталь, А. Богатырёв), социальный (А. Звягинцев, А. Хант, А. Касаткин, Н. Назарова, К. Коваленко) исторический (Н. Михалков, А. Прошкин, А. Кравчук, В. Фанасютина, А. Галибин), философский (Т. Абуладзе, Ю. Быков, Р. Хамдамов, К. Балагов). Мы называем здесь имена режиссёров, чьи кинотексты мы изучаем с точки зрения кинокультурологии. Здесь необходимо уточнить, что такие типы оппозиции, как мифологический, религиозный и философский рассматриваются в работе «Оппозиция «свои – чужие» в культуре» кандидата философских наук В.Г. Фельде (философская антропология, философия культуры).

«Свои и чужие» очень похожи в своём взаимодействии на мозг человека: на левое и правое полушария, отвечающие за означающее и означаемое. При отсутствии функций одного из полушарий, его берётся выполнять другая часть мозга. Возможно, поэтому «свои и чужие» при определённых обстоятельствах понимают и принимают друг друга. Это возможно, когда «свои и чужие» высвечиваются через искусство кинематографа. Тогда возможно погружение концепта «свои и чужие» вглубь и вширь. Рассматривая оппозицию «свои и чужие» с точки зрения кинокультурологии, мы придерживаемся мнения, что антагонистическая пара может существовать только в неразрывном единстве, поддерживая и дополняя друг друга. Сценарий фильма невозможно создать, если в его основании не будет противостоящей пары «свои и чужие». Их взаимодействие подобно работе левого и правого полушария мозга, отвечающего за разные функции в физиологии человека. Данная точка зрения, высказанная не единожды в философии, психологии, культурологии, семиотике, подкреплённая работами, Л.С. Выготского (положение «о функции целого и части в деятельности мозга»), Н.А. Хренова («современный кинематограф в системе культуры»), В.В. Иванова («двоичность основных кодов человеческой культуры и теория диалога»), Ю. Лотмана («образ человека на экране как знак или цепь знаков, несущих сложную систему дополнительных смыслов»), В.И. Ионесова («культура как преодоление в метафорах перехода и символах спасения: от фрагмента к целому»), Ю. Кристевой («культу-

ра как способ означивания и самопознания человека»), очень важна для кинокультурологии.

«Свои и чужие» как художественная проекция и опыт переживания

Чтобы перейти к рассмотрению антагонистов в культурологии, уместно сказать, что концепт «свои и чужие» принадлежит двоичному коду культуры. Об этом подробно размышлял В.В. Иванов: «Если следы старых двоичных различий можно видеть не только в структуре племен с дуальной организацией, то и в древних системах социальных рангов, и в двойственности царских должностей, то для истории культуры и науки тем больший интерес может представить сохранение почти в «чистом виде» этих же различий и в учениях, предшествующих ранней науке. Из самых ярких примеров стоит привести учение пифагорейцев, у которых все строилось на таких противоположностях, как «нечетное» – «четное», соотношенных (совсем как в древних мифологиях) с такими двоичными парами, как «мужское» – «женское» [6, с. 101]. В.В. Иванов вслед за Ван дер Варденом считал, что четное и нечетное заключает в себе «основные начала всех вещей природы». Действительно, если рассматривать мир как текст, то «свои и чужие» в культурной реальности – это способ описания мира. Бинарная оппозиция в своём противостоянии является объединяющим началом. Ничто не может быть упущенным в описании культурной реальности, если в их основе лежит концепт «свои и чужие». Культуре будет противопоставлена природа. Этническое многообразие культур мира разделяют языковые, идеологические, религиозные, духовные, социологические, национальные отличия. «Свои и чужие» показывают, что «во всяком утверждении заключено отрицание» [6, с. 41].

Как в правиле о математических знаках: плюс и минус в определённой позиции могут менять свой знак на противоположный, так и «свои и чужие» проникают в корневую систему культуры, формируют котёл её смыслов и оставляют за собой право перекодировки. Культура пытается освоить мир, сделать его «своим»: узнаваемым, полезным, безопасным. «Свои и чужие» высвечивают самые главные оппозиции, влияющие на корневую систему культуры. И даже проникая в ядро культуры, они не меняют его, а укрепляют новыми «отвоёванными», «освоенными» пространствами. Полем битвы, по-прежнему, остаётся человек, его сердце. Культура решает задачи, как проникнуть в него и сделать «своим» единомышленником.

Сегодня «свои и чужие» в кинематографе не столько категория, разделённая разными границами государств и народов, сколько самопогружение личности, исследование себя, стремление осознать собственное «Я» и понять, чего в тебе больше «своего» или «чужого», и на

какие поступки ты способен.

Когда не хватает рационального, научного знания, культура может рассчитывать на искусство. Соединение языка науки с языком искусства рождает метаязык культуры, ценный как для науки, так и для искусства. В.В. Иванов утверждал: «Самый принцип двоичности остается в силе вплоть до науки нашего времени, но наука постоянно возражает против эмоционального восприятия двоичных оппозиций» [6, с. 103]. При этом, именно противостояние науки и искусства даёт движение вперёд. Во времена застоя, когда научная мысль статична, на помощь приходит искусство с новыми, неожиданными ракурсами и догадками в области знаний, что даёт толчок к созданию новых научных идей, выдвижения гипотез, развитию науки. В.В. Иванов считает, что такое прозрение неоченимо, поскольку «наиболее одаренные люди искусства нередко были сторонниками проникновенного и строгого научного его исследования, требующего не меньше изобретательности и бесстрашия, чем создание самого искусства» [7, с. 185]. То есть мир искусства является платформой для научных изысканий. Основываясь на работах Гегеля и Шеллинга, эту же мысль развивает Н.А. Хренов: «Но этот же вопрос о возможности изучения искусства с помощью науки и, в частности, философии впервые задан Гегелем в его «Эстетике». Естественно, что ответ на этот вопрос был положительным. «Хотя создания искусства представляют собой не мысль и понятие, а развитие понятия из самого себя, его переход в чуждую ему чувственную сферу – пишет Гегель – все же сила мыслящего духа заключается в том, что он постигает самого себя не только в собственно своей форме, в мышлении, но узнает себя и в своем внешнем и отчужденном состоянии, в чувстве и чувственности, постигает себя в своем инобытии, превращая отчужденное в мысли и тем возвращаясь к себе» [3, с. 19]. Таким образом, следуя В.В. Иванову, можно считать, что С. Эйзенштейн явился продолжателем тех идей, что впервые были высказаны Гегелем, Шеллингом и другими основателями эстетической науки» [16, с. 643]. И так, культурология очень внимательна к концепту «свои и чужие». Только в работе «Чет и нечет» В.В. Иванова указано несколько систем с двоичным кодом культуры, не дублирующих друг друга: идеальное – реальное, чувствительность – рассудок, бытие – стремление, правое – левое, «охотник – добыча» (североамериканский ритуал) [6, с. 98], «маленький – большой, нижний – верхний, западный – восточный, южный – северный, вода – земля, волнистые волосы – прямые волосы, дающий жён – берущий жён (система австралийского племени аранта)» [6, с. 99].

Среди авторских систем представлены Система Роберта Фладда: «левый глаз – правый глаз – неподвижность – движение; мать – отец – сжатие – расширение; луна – солнце – сгущение – разжижение; тьма – свет – слизь – кровь; тепло – холод – matka – сердце» [6, с. 102].

Система Нормана Мейлера: «негр – белый; ночь – день; кривая – прямая; убийство – самоубийство; марихуана – алкоголь; хип (hip) – скуа (square)» [6, с. 103]. Бытие заполнено противопоставлениями. Двоичные знаки культуры зависят от того, где живёт человек, когда он живёт, каким традициям следует, кем себя осознаёт и как выражает своё понимание мира в ритуале и искусстве.

Если наука и искусство находятся в таких взаимоотношениях, то можно представить науку в виде пирамиды, концепт «свои и чужие» будет её основанием. Движение вверх, «стремящееся к точке» (по теории Д. Кампера), как к истине, будет состоять из знаковых пластов. С одной стороны, они разъединены, с другой стороны, один пласт поддерживает другой, является его основой. Изъятие любого пласта разрушит фигуру, сделает её зыбкой, неустойчивой. Искусство способно проникать в самые глубины науки и служить объединяющим началом. «И так частное всегда ведет нас к общему, общее – к частному Оба взаимодействуют при любом рассмотрении, при любом изложении. Здесь следует предпослать некоторые общие положения. Двойственность явления как противоположность» [6, с. 9].

Воображаемое, абстрактное, виртуальное при взаимодействии сталкиваются с категориями «тела и языка», «тела и образа», «тела и времени». Открытость и конечность, неопределенность и предопределение характеризуют двойственную натуру человека, разделяют его на «своих и чужих». Взгляд Д. Кампера на происхождение и структуру абстрактного мира, который в настоящее время, как воображаемый двойник реального мира, расширяется до бесконечности в медиатрансляции, помогает понять боль тела, его извечные шрамы, похожие на татуировки со складками информации о предопределённости судьбы.

Наука расчленяет мир. Искусство собирает мир. Оно способно охватить пирамиду в кольцо, стать его сферой. Объединение двух языков: языка науки и искусства образует метаязык. Кинокультурология, при исследовании слова, опирается на нравственный континуум с его категориями непрерывности и прерывности. По мнению М.М. Бахтина, предмет нравственной философии в центр исследования должен поставить «*поступок на основе своей единственной причастности бытию*». Рассуждая о «*конкретно-индивидуальных, неповторимых мирах*», а значит антогонистических, следовательно, оппозиция «свои и чужие» принадлежит им, он приходит к мысли об архитектонике. Он считает: «*Эту архитектонику действительного мира поступка и должна описать нравственная философия, не отвлечённую схему, а конкретный план мира единого и единственного поступка, основные конкретные моменты его построения и их взаимное расположение. Эти моменты: я-для-себя, другой-для-меня и я-для другого; все ценности действительной*

жизни и культуры расположены вокруг этих основных архитектурных точек действительного мира поступка: научные ценности. Эстетические, политические (включая и этические, и социальные) и наконец, религиозные» [2, с. 49]. Мысль М.М. Бахтина интересна тем, что рядом с «Я» появляется предлог для. «Свои и чужие» в нашей интерпретации, так же соединены союзом и, который помогает воспринимать антонимы как однородные члены предложения. В философии оппозиция «свои – чужие» обычно употребляется через тире, подчёркивая их непримиримую противоположность. Континуум различных аспектов «своих и чужих» исследует Х. Плеснер, выделяя «*зримую периферию и зримый центр*».

Рефлексируя по поводу современного отечественного кинематографа, мы пытаемся осознать, как концепт «свои и чужие» помогает его исследованию, как слово способно изменить вектор интерпретации. Поль Рикёр, рассуждая о герменевтике, говорит: «*Задача герменевтики – показать, что существование достигает слова, смысла, рефлексии лишь путем непрерывной интерпретации всех значений, рождающихся в мире культуры, существование становится самим собой – человечески зрелым существованием, – лишь присваивая себе тот смысл, который пребывает сначала «вовне», в произведениях, институтах, памятниках культуры, где объективируется жизнь духа*» [13, с. 55]. Мы можем лишь добавить, что она объективируется и в современном отечественном кинематографе.

Исследуя современный кинематограф с точки зрения философии, в том числе концепт «свои и чужие», необходимо выделить работу М. Ямпольского. Антитеза «свои и чужие» активно разрабатывается в современной культурологии. М. Ямпольский в работе «Муратова. Опыт киноантропологии» исследует «*странности муратовского мира*». Концепт «свои и чужие» для него является одним из кодовых ключей, благодаря которому снимается проблема понимания кинотекста. М. Ямпольский считает, что режиссёр Муратова является настоящим философом, мыслителем последней трети XX в. в единственном числе и доказывает это, интерпретируя её фильмы.

«Свои и чужие» становятся ключевым кодом при постижении образных систем в современном кинематографе, не только в творчестве К. Муратовой, поскольку входили в группы основных двоичных противоположностей, определявших строение обрядов и мифов, что характеризует культурные традиции, которым следуют современные режиссёры. Сближение культур современного отечественного кинематографа можно рассматривать через искусство итальянского (Роберто Бенини «Жизнь прекрасна»), японского (Сёхей Имамура «Легенда о Нараяме»; Йодзира Такита «Ушедшие»), американского (Милош Форман «Пролетая над гнездом кукушки», Барри Левинсон «Человек дождя», Терри Гиллиам «Король»

рыбак»; Мел Гибсон «Апокалипсис») нидерландского, британского, французского (Питер Гринуэй «Повар, вор, его жена и её любовник») кино. В каждом из перечисленных фильмов есть общечеловеческие ценности, которые объединяют народы всех национальностей. «Чужие» культурные ценности (другого народа) становятся понятными, «своими». Благодаря языку кинематографа, «свои и чужие» способны объединять и разъединять точно так, как это происходит в науке, «приручившей» атом. Ю. Арабов так говорит о силе слова, сказанного в кинотексте: «И нам, кинематографистам, придется лишний раз задуматься над тем, что в наших руках оказалось средство, не уступающее по могуществу цепной реакции. Важно использовать его в «мирных целях». И такими целями могут быть лишь традиционные культурные ценности, с помощью которых человечество выживает последние две тысячи лет» [1, с. 67].

Заключение

Перекодировка «своих и чужих» в кинематографе – явление обычное. Очень часто оно связано с нравственным выбором героя. Этот выбор сделать бывает не просто. Вот что говорит М. Эпштейн: «У искусства – своя власть, которая обладает каждой своей легитимностью и силой воздействия. Власть языка над сознанием граждан не уступает по силе власти государства. У каждой области человеческих свершений есть своя власть, свои средства подчинения людей и достижения нужных целей. У интеллекта есть своя власть, действующая логикой убеждения, сцепкой причинно-следственных связей, наглядностью аналогий и емкостью обобщений. Есть своя власть у нравственных чувств и императивов, таких как совесть и честь, ради которых люди идут на тяжелейшие испытания, на страдание и смерть» [8, с. 141].

По определению Гегеля, мы сначала осознаем предмет исследования «в форме чувств, созерцания, представления», это необходимо, чтобы последовательно прийти к «форме мысли», в данном случае о современном отечественном кино [4, с. 4]. Концепт «свои и чужие» выстраивает отношения между двумя противоположностями в своём неповторимом единстве. Эти взаимоотношения подчеркнуты в этимологии понятий, их функциональных морфологических и синтаксических нормах. Сближение и расхождение «своих и чужих» зафиксировано в паремиях и фразеологических оборотах, что подчеркивает внимательное отношение к бигруппе на разных уровнях, связанных с логосом в лингвокультурологии. Чтобы понять истинную ценность кинотекста, необходимо его многократное повторение. Принципу «фасцинативного притяжения» следует и антонимический концепт. Многогранность исследования его в разных гуманитарных областях знаний приводит «своих и

чужих» к семиотическому знаку. Бигруппа входит в систему знаков, поскольку требует постоянной интерпретации, ведь она постоянно соотносится с напряжёнными драматическими процессами жизни. В связи с этим, мы выделяем пять типов оппозиции, отражающихся в современном отечественном кинематографе, которые пристально исследуются в культурологии. Это мифологический, религиозный, социальный, исторический, философский типы оппозиции. Наука и искусство (в нашем случае искусство кино) борются за первенство в постижении концепта. Расчленение и собирание «своих и чужих» рождает метаязык, который помогает интерпретации концепта. Итак, концепт «свои и чужие» является ключевым при интерпретации современного отечественного кинематографа и отражает взаимодействие между протагонистом и антагонистом, двумя образами, конфликт между которыми помогает создать киносценарий. Он является фундаментом даже в бесконфликтных ситуациях, поскольку конфликт может быть не только внешним, но и внутренним. Внимательное отношение к логосу, помогает рассмотреть в «своих и чужих» бипару, способную к взаимной замене, то есть перекодировке образов. Метаязык – маятник между двумя полюсами, который не хочет оказывать предпочтение одному из оппонентов. Он способен примирить всех. Наука и искусство кино, взаимодействуя, отражают мир, отражают реакцию на мир, реакцию на кино, в котором наука культурология может черпать глубочайшие смыслы, осваивать их и сохранять как ценность для будущего. Пристальное изучение логоса в киноповествовании мы предлагаем поручить кинокультурологии, чтобы подчеркнуть ценность этого материала для науки.

«Свои и чужие» как художественная проекция и опыт переживания в кинематографе всегда будет принадлежать двоичному коду культуры. При этом, они ближе всего по своей природе к нравственным категориям. Современный кинематограф с архетипическими кодами отцов и детей, жизни и смерти, бедных и богатых, верующих и атеистов, героев и предателей, продолжает исследовать концепт «свои и чужие», чтобы понять нравственные ценности нашего времени, которые составляют ядро нашей культуры. Жиль Делёз в книге «Кино» говорит: «Великие кинорежиссеры, на наш взгляд, сравнимы не только с живописцами, архитекторами и музыкантами, но еще и с мыслителями» [5, с. 40]. Таким образом, язык кинематографа в силу специфичности своих текстов никогда не должен игнорировать логос и относиться к нему пренебрежительно. Слово помогает создавать подтекст в художественном произведении на равных с другими элементами киноповествования. Поле исследования для науки огромно, оно требует от нас работы над словом, с целью сохранения в искусстве и культуре самого ценного, что даёт нам кинематограф.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арабов, Ю.Н. Кинематограф и теория восприятия. Учебное пособие / Ю.Н. Арабов. – Москва : ВГИК, 2003. – 106с.
2. Бахтин, М.М. Собрание сочинений в семи томах. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. К философии поступка / М.М. Бахтин. – Москва, 2003. – С. 49.
3. Гегель, Г.В.Ф. Эстетика В 4 т. Т. 1. / Г.В.Ф. Гегель. – Москва: Искусство, 1968. – 320 с. – С. 19.
4. Гегель, Г.В.Ф. Логика / Г.В.Ф. Гегель. Пер. с нем. Н. Дебольского. – Москва: Изд-во Аст, 2021. – 448 с.
5. Делёз, Ж. Кино / Ж. Делёз; Пер. с фр. Б. Скуратов. – Москва : Ад Маргинем Пресс, 2016. – 560 с.
6. Иванов, В.В. Чет и нечет: Асимметрия мозга и знаковых систем / В.В. Иванов. – Москва: Советское радио, 1978. – 184 с.
7. Иванов, В.В. Эстетика Эйзенштейна. Избранные труды по семиотике и истории культуры, т. 1. // В.В. Иванов. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1998. – 638 с. – С. 185.
8. Ионесов, В.И. М. Эпштейн – Человек словотворящий. 16 вопросов Михаилу Эпштейну о культуре, о времени и о себе // Сфера культуры. – Самара: СГИК, № 1 2020. – С. 135-150.
9. Ионесов, В.И. Культура как преодоление: о метафорах перехода и символах спасения // В сборнике: Национальное культурное наследие России: региональный аспект VI Всероссийская научно-практическая конференция в рамках VII Всероссийского конкурса-фестиваля исполнителей и балетмейстеров народного танца имени Геннадия Власенко. 2018. – С. 17-25.
10. Ионесов, В.И. Культура на переходе: императивы трансформации и возможности развития: монография. – Самара: 000 «Изд-во ВЕК # 21», 2011. 537 с.
11. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепт, дискурс: Монография / В.А. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
12. Лотман, Ю. Семиотика кино и проблемы киноэстетики / Ю. Лотман. – Таллин: Изд-во Ээсти Раамат, 1973. – 135 с.
13. Рикёр, Поль Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Поль Рикёр. – Москва, 2002. – С. 55.
14. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. – Санкт-Петербург: Терра – Азбука, 1996.
15. Фразеологический словарь Русского языка / Сост. Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Фёдоров; Под ред. А.И. Молоткова. – Москва: Русский язык, 1978. – 543 с.
16. Хренов, Н.А. Проект семиотики кино спустя несколько десятилетий: интерпретация теоретического наследия С.М. Эйзенштейна Вяч.Вс. Ивановым // Культура и искусство 6 (24), 2014. – С. 634-652.
17. Шанский, Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский. – Москва: Просвещение, 1971. – 542 с.

© Орищенко Светлана Серафимовна (orichtchenko63_6@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

О ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ В ОБЩЕСТВЕ

ABOUT TRANSFORMATION PROCESSES
IN SOCIETYI. Petrov
S. Petrova

Summary: The article is devoted to the analysis of various concepts of the transformation of society, in which «social changes» are defined primarily as changes occurring in social systems, a certain continuum of time and space. An individual comes into contact with them both during his biological growth, and in an effort to rationalize his life difficulties or organize a social career. And although each of these moments is different from the others, they are united by a quantitative and qualitative paradigm: «occurrence, increase, decrease, repetition, development.» The transition to a more developed type of society occurs with the formation of market relations and the separation of the legal system from the religious one. Hence, some trends in the transformation processes taking place in the social system today are largely an attempt to solve modern problems. These changes manifest themselves in the following forms: formation, emergence, growth, decline, disappearance, transitional periods, transformation, etc. The direction of changes in social systems is also interpreted in different ways: cyclical, linear, etc.

Keywords: transformation, social changes, society, social system, variability.

Петров Игорь ФедоровичАкадемия маркетинга и социально-информационных технологий, г. Краснодар
IgorPetroff@yandex.ru**Петрова Софья Игоревна**Академия маркетинга и социально-информационных технологий, г. Краснодар
Sofya8888@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу различных концепций трансформации социума, в которых «социальные изменения» определяются, прежде всего, как изменения, происходящие в социальных системах, определенном континууме времени и пространстве. Индивид соприкасается с ними как во время своего биологического роста, так и в стремлении рационализировать свои жизненные трудности или организовать социальную карьеру. И хотя каждый из этих моментов отличается от других, их объединяет количественная и качественная парадигма: «возникновение, увеличение, уменьшение, повторение, развитие». Переход к более развитому типу социума происходит с формированием рыночных отношений и отделением правовой системы от религиозной. Отсюда некоторые тенденции процессов трансформации, происходящие сегодня в общественной системе, в значительной степени являются попыткой решить современные проблемы. Эти изменения проявляются в следующих формах: формирование, возникновение, рост, упадок, исчезновение, переходные периоды, преобразование и др. Направление изменений в социальных системах также интерпретируется по-разному: цикличность, линейность и т.д.

Ключевые слова: трансформация, социальные изменения, социум, социальная система, изменчивость.

Если в простых недифференцированных обществах трансформационные процессы происходят отдельно в границах определенных областей, не затрагивая другие сферы, то в сложных обществах они протекают по-другому. Здесь модификации, происходящие в определенной сфере, всегда оказывают влияние на другие сферы общества. Общее содержание этих преобразований обычно переплетается в создаваемых социальных мифах, символах, выдуманных традициях, благодаря чему сохраняется лояльность общества по отношению к преобразованиям в социуме инициированным, так называемым творческим меньшинством. Это значит, что происходящие изменения, связаны, в большей степени, с изменениями в культуре (система ценностей, идеология) и в меньшей в социальной сфере (статусы, роли, цели, группы, элиты их интересы). Подобные изменения, происходящие в этих сферах (обусловленные и предполагаемые друг другом), называют «социокультурными». Именно благодаря этим изменениям становится возможным в полной мере общественное воспроизводство на всех уровнях. Поэтому изучение проблемы социальных изменений является весьма актуальной. Человек сталкивается с ними как во время своего биологическо-

го роста, так и в стремлении рационализировать свои жизненные трудности или организовать социальную карьеру. И хотя каждый из этих моментов отличается от других, их объединяет количественная и качественная парадигма: «возникновение, увеличение, уменьшение, повторение, развитие».

Первоначально объяснение и понимание этих изменений были основаны на естественных или космических факторах. Доверие к ним имело давние традиции в истории человеческого развития и легло в основу религиозных и мифологических концепций, объясняющих изменения, которым подвергается человеческое общество. Этот принцип понимания проблемы зиждился на признании соответствия социальных изменений природным и космическим факторам. Таким образом, человек стремился убедиться, что нормы и руководящие принципы его поведения основаны на выдвинутых ими правилах надсоциального порядка. Хотя в данном случае чаще всего это определялось объективной реальностью, однако основные положения объяснения происходящих изменений несли на себе отпечаток внесоциального (часто религиозного). И как следствие, на первый план на-

чинает выходить предопределение имеющихся условий жизни людей и их неспособность изменить эти условия в соответствии со своими желаниями. Таким образом, казалось, что изменения в рамках социальной жизни должны осуществляться в пределах данных конструкций, которые нередко тормозили изменения настоящей жизни. Отсюда «стремление изменения обстоятельств общественной жизни» уступает позиции «стремлениям человека к изменению себя» в соответствии с идеалом совершенного человека, разработанным обществом для реализации божественных институтов на земле. При таком отношении источник изменений в социальных структурах определялся не в этих самых структурах, а во внесоциальных факторах. Такая ориентация была присуща многим философским концепциям понимания проблемы социальных перемен. В них изменения в социуме, рассматривались в основном с точки зрения возможной идеальной реорганизации. Только с появлением эволюционной теории и заимствовании определенных положений мира природы и экстраполяция их на человеческое общество, стали появляться теории, с уклоном на «организм и прогрессизм». Несмотря на различия в подходах к рассматриваемой проблеме, эти теории имели общие черты - теперь определение факторов изменений человеческого общества, проводилось в более широком аспекте. В них перемены стали одним из основных факторов бытия социума, что означало кардинально иную формулировку вопроса по сравнению с предыдущими эпохами. Одним из примеров воплощений социологической концепции такого взгляда на проблему социальных изменений стал марксизм с известным тезисом «Философы до сих пор по-разному объясняли мир, теперь задача заключается в том, чтобы его изменить» [5, с.1-4] и позитивизм О. Конта и Г. Спенсера. Согласно позиции марксизма, основой перемен в общественной жизни является изменение способов производства материальных благ. Социальные отношения тесно связаны с производительными силами. Приобретая новые производительные силы, человек меняют свой способ производства, а с изменением способа производства, изменяются и общественные отношения. Эта социологическая теория объяснения социальных изменений не утратила своей ценности в понимании содержания отдельных параметров преобразований, происходящих в современных государствах [8]. Однако следует отметить, что учение о генезисе социальных изменений, марксизма, не всегда могло объяснить некоторые проблемы, стоящие перед человечеством в XX веке. «Современное развитие общества с особой наглядностью выявило ограниченность традиционных представлений марксизма относительно многих коренных проблем человечества. Недооценка роли человеческого потенциала, сведение основных целей развития общества к материально-производственной сфере привели к крупным ошибкам в стратегической линии поведения левых партий как в странах

Востока, так и Запада. Это выразилось, как известно, в том, что в странах Востока было предпринято форсированное строительство так называемого коммунизма, хотя там для этого не существовало ни объективных, ни субъективных предпосылок» [2, с. 5].

Что касается позитивизма то и в нем социальные изменения рассматривались в плоскости их зависимости от объективных обстоятельств, а не от воли и желания индивида. Согласно учению О. Конта, условия для изменения социальных структур подчиняются аналогичным законам природы. Изменение общества происходит в результате прогресса человеческого разума, и поэтому он отождествляет законы меняющихся состояний социального развития с законами состояний человеческого знания. Другим сторонником эволюционно-органической парадигмы является Г. Спенсер пытался трактовать социальные изменения с точки зрения психологии: «Мир управляется и изменяется через чувства, для которых идеи служат только руководителями. Социальный мир покоится, в конце концов, не на мнениях, но почти всецело на характерах» [3, с. 29].

Еще одна концепция понимания социальных перемен была предложена представителями структурного функционализма. В теории социальных изменений, созданной функционалистами, было проведено различие между обществами, в которых изменения повсеместны, и обществами, в которых они отсутствуют. Ранние общества были причислены к группе, в которой социальные изменения оказались незначительны или вообще отсутствовали. В. Малиновский [6, с. 683] и А.Р. Рэдклифф-Браун [9] отстаивали взгляд на целостный и функциональный характер всех общественных изменений. По их словам, первобытные общества начинали меняться вследствие установления культурного контакта с более развитыми, по сравнению с ними, обществами. Таким образом, изменения, вызванные культурным контактом, постепенно приобретают универсальный характер и служат основанием для перехода этих обществ в иное качественное состояние по сравнению с тем, что было раньше. Представители функционализма стремились найти концептуализацию этой теории в фактах, которые они получили, изучая процесс изменения африканских культур через их взаимодействие с европейскими культурами. Однако ранний функционализм в своей концепции социальных изменений не смог ответить на многие вопросы об особенностях изменений, обнаруженных в примитивных обществах. В наиболее системной форме продолжил развития функциональной теории социальных изменений Т. Парсонс, который также отдавал главный приоритет равновесию в системах, а не их изменению. Т. Парсонс видел основную причину изменений социальных систем в растущей дифференциации, специализации и автономии культурной системы. Он представлял эту систему как набор стабильных и изме-

нящихся свойств, отводя основное место в ней ценностям и нормам, составляющим интегрирующие части: «...Ценностный стандарт системы, лежащий в ее основе, в ходе дифференциации остается неизменным. Однако отсюда не следует, что ценности не претерпевают никаких изменений... Если мы говорим, что произошла дифференциация, то это значит, что ценности новой системы, включающей в себе как новые, так и резидуальные единицы, отличаются от ценностей первоначальной единицы, хотя их характеристика в терминах стандартной переменной может оставаться неизменной...» [7, с. 492]. На наш взгляд, заслуживает внимания осуществленный им анализ процесса дифференциации, переживаемого традиционными обществами на пути к современности. В этом случае происходит отождествление традиционных с недифференцированными функциями элементов системы. Переход к более развитому типу социума происходит с формированием рыночных отношений и отделением правовой системы от религиозной. Отсюда некоторые тенденции процессов трансформации, происходящие сегодня в общественной системе, в значительной степени являются попыткой решить современные проблемы. Члены общества интерпретируют возникающую современность по-разному, часто противоречиво, и эти интерпретации довольно трудно интегрировать друг с другом. Это в значительной степени основано на том факте, что институты, возникающие в современном обществе, по причине отсутствия обратной связи, часто не могут оперативно и гибко реагировать на накопившиеся социально-экономические и политические проблемы.

П. Сорокин предпринял попытку объяснить тенденции социальных изменений, наиболее отчетливо проявляющихся в изменениях социального расслоения. Он считал, что стабильность социальной жизни является результатом соблюдения пропорций социального расслоения, при нарушении которой она перестает существовать. П. Сорокин находит тенденцию к расслоению на всех этапах развития человечества, хотя она отличается по форме и пропорциям в каждом отдельном обществе. Снижение уровня социальной стратификации в процессе исторического развития обществ указывает на достижение прогресса в формах их социальной организации. В тех обществах, где статусные позиции меняются редко и часто с учетом номинальных характеристик людей, социальная стратификация важнее, чем в обществах с открытой социальной структурой: социальное расслоение одинаковой высоты, а также одного и того же профиля может иметь различную внутреннюю структуру, вызванную различиями в интенсивности и универсальности горизонтальной и вертикальной мобильности. «Теоретически может существовать стратифицированное общество, в котором вертикальная мобильность равна нулю... Теоретически противоположный тип внутрен-

ней структуры стратификации одной и той же высоты, а также одного и того же профиля - тот, в котором вертикальная мобильность чрезвычайно интенсивна и носит всеобщий характер... Поэтому, хотя социальное здание также стратифицировано, как и социальное здание неподвижного типа, жильцы различных слоев постоянно меняются...» [10, с. 376]. Изменения в системе стратификации по П. Сорокину, являются результатом ответа социальной системы на изменения трех типов культуры: идеологической, чувственной и идеалистической. Эта точка зрения помогает понять суть других концепций, посвященных социально-философскому анализу социокультурных процессов в развитии человеческих обществ в целом. Это касается концепций социальных изменений О. Шпенглера и А. Тойнби, которые пытались охарактеризовать этот процесс, опираясь на нематериальные и неосозаемые символические общественные ресурсы. Так, А. Тойнби объясняет их, используя систему «вызов – ответ», при которой происходящие социальные изменения являются ответом на внешние и внутренние вызовы, где вызовы детерминированы природными и социальными факторами: условиями окружающей среды, экономической ситуацией, внешней агрессией. Ответы на них, как правило, исходят от «творческого меньшинства», пока оно не стало «доминирующим меньшинством», что означает смерть общества. «Рост достигается в том случае, когда индивидум, меньшинство или все общество в целом отвечает на вызов и при этом не просто отвечает, но одновременно порождает другой вызов, который в свою очередь требует нового ответа. Процесс роста не прекращается до тех пор, пока это повторяющееся движение утраты равновесия, восстановления его, перегрузки и нового нарушения сохраняет свою силу. И хотя процесс роста единообразен, опыт, переживаемый вовлеченными в этот процесс сторонами, весьма различен» [12, с. 288]. Концепция О. Шпенглера объяснения изменений также строится в контексте культурных и исторических процессов, где каждый тип цивилизации обречен на общую судьбу (рост, развитие и разрушение) [1].

В отличие от эволюционных теорий социальных изменений, иные концепции исходят из того факта, что руководящие принципы изменения социальных структур определяются человеческими отношениями, связями и характеристиками. Особое место здесь принадлежит таким инновационным идеям, как социальные общности Ф.Тенниса, потоки подражания Г. Тарда, трудовая этика М. Вебера и «коллективное представление» Э. Дюркгейма. Хотя в концепции социальных изменений Г. Тард не одобряет, свойственного для позитивизма, сравнения общества с организмом, а концентрирует свое внимание на аналогиях и метафорах. Он сравнивает его с мозгом, клетки которого образуются в результате взаимодействия отдельных человеческих особей. Так же, как мозг

человека обеспечивает жизнь тела, так и общество приспособливает свои потребности к человеческим открытиям и инновациям, для обеспечения воспроизведения социальной жизни, на основе подражания, другими поколениями. До сих пор мы тщательно искали связь и закон исторических событий, - отмечает Г. Тард, - причины, вызвавшие странный порядок их последовательности, в котором мы во что бы то ни стало хотели увидеть какое-то развитие. На самом деле события происходят друг за другом, при этом они не только похожи, «...но и не вызывают или, по крайней мере, не обуславливают необходимости друг друга; они сталкиваются между собой в гораздо большей степени, нежели объясняют друг друга, и каждое из них связывается истинно логической связью не с предыдущим и не с последующим, а с целым рядом или даже скорее с несколькими рядами правильных жизненных или социальных повторений, верхней точкой пересечения которых является данное событие. Они накладываются одно на другое подобно последовательным состояниям сознания в индивидуальном уме... Что же удивительного после того, что появление ощущений и внушений, воспоминаний и привычек или появление открытий и изобретений из хранилищ Традиции и Обычая оказывается случайным и беспорядочным» [11, с. 146]. Из этого следует, что объясняя трансформацию общественной жизни Г. Тард отводит особое место подражанию, в ходе которого формируются человеческие отношения.

Ф. Теннис, в отличие от Г. Тарда, полагал, что тенденции социальных изменений проистекают из изменения воли людей жить вместе, основы которой основаны на определенных формах социальных связей и отношений. Основываясь на формах связи, преобладающих в социальной жизни людей, он различает две формы социальности: «общество» и «общинность». В зависимости от изменения социальных отношений между людьми происходит также изменение этих форм. Связи и отношения в «общине» основаны, прежде всего, на эмоциях, потому что здесь доверие играет более важную роль, а не на рациональных, избирательных и прагматических интересах. Но выход человека из общины, заставляет его переориентировать свои отношения, координируя их с обществом, окружающим социальным пространством. Теперь рациональный обмен услугами и прагматические интересы начинают преобладать в его отношениях с другими. «Развитие общества и государства и борьба внутри общества за политическую власть наполняют собой историю европейских наций, особенно историю последних четырех столетий. Внизу, на нижних ступенях общества и государства протекает жизнь собственно «народа», громадной массы, которая постоянно занята производительным трудом, - сельскохозяйственным или промышленным. Отношение народа к правящему классу, который именно потому является правящим, что он

правит народом, можно охватить и выразить словами: народ кормит и питает своих господ ради определенных, полезных для него (народа) и даже необходимых функций, как то: предводительство на войне, суд, управление, просвещение, отправление культа, духовное руководство» [11, с. 169].

По Э. Дюркгейму социальные изменения проявляются в «результате исторического перехода обществ от одной формы солидарности к другой» через эволюцию форм трудовых отношений: «...Наиболее поразительное следствие разделения труда состоит не в том, что оно увеличивает производительность разделенных функций, но и в том, что оно делает их солидарными...» [4, с. 67]. Основными формами солидарности являются материально воспроизводимые законом и правом, которые также претерпевают изменения при изменении форм солидарности, что ясно проявляется в санкциях, которые вводятся для контроля за поведением людей (репрессивные и восстановительные). В зависимости от частоты контактов между людьми формируются виды солидарности. Так, для несложных обществ свойственна механическая солидарность. В обществах современного типа, где человек постоянно устанавливает и отвергает формальные связи с другими членами социума, так как его поведение требует полагаться на другие измерения солидарности, чем на те, где эти связи были редкими и не вышли за пределы группы. Дюркгейм называет эту форму солидарности органичной. Таким образом, эволюция социальных отношений воплощает в жизнь другие формы солидарности, соответствующие им. «Механическая солидарность, существующая вначале одна или почти одна, постепенно утрачивает почву; мало-помалу берет верх органическая солидарность; таков исторический закон. Но если изменяется способ, которым люди солидаризируются, структура общества не может не измениться. Форма тела непременно изменяется, когда молекулярные свойства уже не те, что прежде...» [4, с. 182].

Подводя итог сказанному отметим, что в приведенных концепциях «социальные изменения» определяются, прежде всего, как изменения, происходящие в социальных системах, определенном континууме времени и пространстве. Эти изменения проявляются в следующих формах: формирование, возникновение, рост, упадок, исчезновение, переходные периоды, преобразование и др. Направление изменений в социальных системах также интерпретируется по-разному: цикличность, линейность и т.д. Если говорить о существующей традиции типологии социальных изменений в науке, то обычно выделяют следующие виды: революции, реформы, модернизация, трансформация, движения и некоторые другие. Следует отметить, что понятие «социальные изменения», как правило, считается общим и включает в себя ряд конкретных понятий, таких, например, как «трансформация».

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С.С. «Морфология культуры» Освальда Шпенглера // Новые идеи в философии. Ежегодник Философского общества СССР. 1991. Культура и религия. М.: Наука. С. 183 - 203.
2. Березовская Л.Н., Ковалев А.Н. Россия на пороге XXI века: философско-социологическое исследование. М.: МГУ. 2008. 304 с.
3. Громов И., Мицкевич А., Семенов В. Западная социология. СПб. 1997. 372 с.
4. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон. 1996. 430 с.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Тезисы о Фейербахе // Полн. собр. соч. М.: Политическая литература. 1955. Т. 3. С. 1-4.
6. Малиновский Б. Функциональный анализ. Антология исследований культуры, Т. 1: Интерпретации культуры. СПб: Университетская книга. 1997. С.683. 728 с.
7. Парсонс Т. Функциональная теория изменения /Американская социологическая мысль: тексты. М.: Международный ун-т Бизнеса и Управления. 1996. 560 с.
8. Петров Л.И. Потребность как предмет социокультурной рефлексии // Омский научный вестник. 2012. № 3 (109). С. 238-242.
9. Рэдклифф-Браун А.Р. Структура и функции в примитивном обществе. Очерки и лекции. М.: Восточная литература РАН. 2001. 304 с.
10. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат. 1992. 543 с.
11. Тард Г. Социальная логика // Западноевропейская социология XIX - начала XX веков. М: Межд. универ. Бизнеса и Управления. 1996. 520 с.
12. Тойнби А. Постижение истории М.: Прогресс. 1991. 736 с.

© Петров Игорь Федорович (IgorPetroff@yandex.ru), Петрова Софья Игоревна (Sofya8888@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РОЛЬ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ И ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ДЕЛЕ СОВМЕСТНОГО ВОСПИТАНИЯ КАДРОВ¹

Чжан Мэн

Доцент, Хэйхэский университет (Хэйхэ, КНР)

83445025@qq.com

THE ROLE OF UNIVERSITY AND URBAN CULTURE IN JOINT EDUCATION OF STAFF

Zhang Meng

Summary: The article considers urban and university culture as mutually directed and mutually influencing phenomena. The facets of the historical interaction between the city and the university are revealed, the specifics of their mutual influence are described. It is emphasized that the formation of a holistic cultural environment based on university and urban culture can have a significant impact on students: form them as literate and humanitarian-oriented citizens with free thinking and high intellectual potential, develop their social skills, develop their ability to perceive cultural and national differences, to educate students as citizens, ready to carry out their general cultural and professional functions in their future activities.

Keywords: university culture, urban culture, social space, interpenetration, humanistic, education.

Аннотация: В статье рассмотрены городская и университетская культура как взаимно направленные и влияющие друг на друга феномены. Выявлены грани исторического взаимодействия города и университета, описана специфика их взаимовлияния. Подчеркивается, что формирование целостной культурной среды на основе университетской и городской культуры способно оказывать на студентов значительное воздействие: формировать их как грамотных и гуманитарно ориентированных граждан со свободным мышлением и высоким интеллектуальным потенциалом, развивать их социальные навыки, вырабатывать у них умение воспринимать культурные и национальные различия, воспитывать студентов как граждан, готовых к осуществлению своих общекультурных и профессиональных функций в дальнейшей деятельности.

Ключевые слова: университетская культура, городская культура, социальное пространство, взаимопроникновение, гуманистический, воспитание.

В современном мире университетское образование приобретает всё большую значимость. Для представителей современного социокультурного пространства очевидно, что университеты создают наилучшие условия не только для получения студентами знаний, умений и навыков, формирования у них универсальных и профессиональных компетенций, но и для развития у них культуры, формирования их как личностей, способных полноценно осуществлять свою деятельность в обществе будущего. В период модернизации образования актуализируется вопрос об интеграции университетской и городской культуры, способной усилить тот культурный эффект, который оказывает на студентов высшее образование. Современных исследователей привлекают взаимодействие университетской и городской среды как фактор «взаимной идентификации города и университета» [7, с. 80], «социокультурная миссия [университетов – Ч.М.] по увеличению притока населения в регион» [3, с. 400], формирование в вузе гуманитарного пространства, влияющего на город [2, с. 229], генерирование университетами новых традиций [5], значимая роль университета в социокультурном про-

странстве города [6], в формировании урбанистической реальности [1] и другие аспекты взаимодействия города и университета. Считаем необходимым более глубоко раскрыть вопрос о культурном взаимовлиянии города и университета.

Цель статьи – рассмотреть университетскую и городскую культуру как элементы, которые взаимодействуют в пространстве города и оказывают влияние на воспитание студентов университета, на формирование свободно мыслящих, грамотных кадров.

Университетская и городская культура находятся в отношениях взаимовлияния, воздействуя друг на друга в течение десятилетий и столетий в различных направлениях. Отметим сначала, на какие компоненты городской культуры влияет университетская.

Во-первых, нельзя отрицать, что университеты являются очагами мысли, в которых осмысливаются все события (социальные, культурные, политические, технические и др.), происходящие в городе. Для учёного со-

¹ Данная статья является результатом научно-исследовательского проекта 2020 г. провинциальных вузов Хэйлуцзяна «Исследование механизма интеграции и развития местных университетов и культурного строительства территориальных городов». Номер проекта: 2020-KYYWF-0878

общества характерен критический взгляд на происходящее, и оно распространяет этот взгляд среди городских жителей. Университет, таким образом, делает мышление горожан более критическим, развивает у них способность в результате напряжённой мыслительной деятельности установить истину.

Во-вторых, университеты, воплощающие «интеллектуальный мир» [3, с. 402], влияют на интеллектуальный статус университетских городов. Города наполняются образованными, много знающими людьми, популяризирующими науку и умственный труд, пропагандирующими самим своим существованием занятия интеллектуальной деятельностью. Профессорско-преподавательский состав университетов начинает выполнять роль «креативного класса, от деятельности которого зависит будущее города» [6, с. 500]. Многие из выпускников университета остаются в структуре городского пространства, усиливают кадровую базу города, обеспечивая его дальнейшее продуктивное развитие. Университет выполняет в городе культурно-образовательную миссию, создаёт особую интеллектуальную атмосферу, наполняет сознание горожан культом знания, уважением к учёному миру.

В-третьих, университетская культура обладает такой важной составляющей, как гуманистическая. Университетское образование пропагандирует внимание к человеку как носителю культуры и знания, как к отправной точке мышления и критерию оценки тех или иных явлений. Человек понимается не как винтик в механизме развития общества, а как самодостаточное и ценное существо, мнение которого важно. Благодаря университетскому образованию, создающему «гуманитарное пространство» [2, с. 229], гуманистический университетский дух неизбежно переходит в городское культурное поле.

Кроме того, важной частью культуры является грамотность, поскольку «речевую культуру называют зеркалом духовной культуры человека, важнейшим средством облагораживания его чувств и мыслей» [4, с. 6]. Нет никаких сомнений, что деятельность университета (учебная, социальная, культурная), а также «язык и словесность как важнейшие институты университетской среды» [2, с. 229] повышают общий уровень грамотности жителей города. Об этом пишет и О.Ф. Филимонова: «Грамотность всегда являлась маркером горожанина, а университеты, вне зависимости от своего местоположения в городе малом либо большом, всегда были пространством для подготовки квалифицированных кадров» [7, с. 84]. Благодаря университету, город пополняется как людьми, получающими образование (студентами), так и людьми, его дающими (преподавателями), которые, взаимодействуя с горожанами в своей бытовой жизни, оказывают на них культурно облагораживающее влияние, в том числе повышают грамотность их устной и письменной речи, культуру речи и культуру общения.

Городская культура также оказывает воздействие на университетскую. В период образования университета и в ходе его развития город обладает некой собственной идентичностью, культурой, историей, традициями. Отметим, как данные явления влияют на университетскую культуру.

Во-первых, попадая в общественное пространство города, студент постепенно овладевает искусством социального взаимодействия с самыми разными людьми, которое очень поможет ему в будущем. Социальная компетентность студента проявляется не только в академических условиях, но и в самых разных городских пространствах, где студент учится понимать людей, презентовать себя, проникаться чувствами и мыслями других, выражать свои чувства и мысли.

Во-вторых, городское пространство (особенно это касается больших городов) обладает открытостью, оно готово принимать в себя любых людей, по-разному оценивая их оригинальность, но не отталкивая тех, которые обладают значительными отличиями. Городская культура – очень разноплановое и разноуровневое образование, и студент привыкает взаимодействовать с её компонентами на разных уровнях, находя себя и одновременно принимая других. Городская культура учит критически относиться к ксенофобии и неприятию чужого, иного, не похожего на других.

В-третьих, городское культурное пространство обеспечивает студентам комплексное воспитательное воздействие, в результате которого они обретают способность глубже понимать современную общественную жизнь, осознают важность её культурной и духовной составляющих, проникаются идеей культурной наполненности. Город с его сформированными культурными центрами (театрами, музеями, галереями, религиозными организациями) играет важную роль в воспитании студента, помогает ему сформировать и не утратить понимание истинных ценностей в сложное время становления его личности.

Каждая из отмеченных выше особенностей, касаясь влияния университетской культуры на городскую или городской – на университетскую, одновременно имеет противоположную направленность. К примеру, идея свободомыслия, исходящая из университета, подкрепляется идеей плюрализма национального и культурного состава, транслируемой различными сегментами городского пространства. А идея воздействия культурного пространства города на обучающихся в университете укрепляется за счёт влияния на городскую культуру университетской – студенческих музеев, союзов, клубов, студий и театров. Об этом с уверенностью заявляют исследователи: «Одной из типичных институциональных форм, определявших... становление и укрепление гу-

манитарной атмосферы, были университетские музеи» [1, с. 231]. Город начинает воспринимать генерируемые университетом [5, с. 228] традиции как свои собственные и с удовольствием включается в культуру университетских организаций, студенческих календарных событий, праздников и т.п.

В современном мире содружество университета и города – реальность, позволяющая достичь многого: сохранить связь между прошлым и будущим, поскольку университетская история сливается с городской и в таком виде обретает бо льшую стабильность; пропагандировать у молодёжи популярность культурного развития вообще и получения высшего образования, в частности; глубже раскрыть личностный и общественный потенциал студентов и преподавателей; создать благоприятную среду для обучения и воспитания студентов. Культурное развитие университета становится основой городской культурной динамики, а городское культурное пространство, в свою очередь, оказывает воздействие на университетское культурное поле.

Основной и наиболее важный на данном этапе развития университетской среды результат такого сложного, многоуровневого взаимодействия – это повышение уровня выпускаемых университетами специалистов, причём уровень в данном случае понимается нами не только в профессиональном плане, но и в интеллектуальном, культурном, социальном, духовном.

В современных условиях для укрепления культурного взаимодействия университета и города необходима

«позиция открытости университета городу и города университету» [1, с. 268]. Городские и университетские власти должны быть ориентированы на взаимодействие, открыты ко всем видам сотрудничества, которое в любом случае будет взаимовыгодным, перспективным, направленным на будущее, на развитие как университета, так и города.

Итак, современная городская культура тесно слита с культурой тех университетов, которые расположены в городском пространстве и являются частью городской идентичности. С одной стороны, города делают университеты престижными, с другой стороны, университеты укрепляют экономику городов и развивают их культуру, влияют на мышление и грамотность горожан. Попадая в университетское культурное пространство, студент оказывается и частью городского культурного пространства. От того, каким образом налажено взаимодействие этих двух культурных полей, во многом зависит и престижность университета, и качество образования студентов, и успешность города, перспективы его развития.

Синергия городской и университетской культуры способна в настоящий момент создать условия для воспитания в университетах кадров, обладающих свободным мышлением; непредвзятым взглядом на политические, экономические, культурные процессы, который позволит им развиваться в дальнейшем; грамотностью, культурой речи и общения; готовностью к инновациям; открытостью и умением налаживать социальное взаимодействие со всеми членами общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесов С.С. Университет и формирование урбанистической реальности // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2019. № 3 (21). С. 268-276.
2. Бурлина Е.Я., Гранкина Е.А., Наумова О.С. Гуманитарное пространство университета: язык, хронотоп, институты // Бюллетень науки и практики. 2017. № 1 (14). С. 229-233.
3. Касаткина С.С. Университет как институциональный феномен городской идентичности // Визуальная антропология – 2019. Город-университет: жизненное пространство и визуальная среда. Мат. III Междунар. научн. конф. В. Новгород: НГУ, 2020. С. 400-410.
4. Крылова М.Н. Речь педагога: учебно-методическое пособие. М.: Директ-Медиа, 2014. 260 с.
5. Оплаканская Р.В. Роль университетов в генерации традиций в социокультурном пространстве города // Коммуникативная культура: история и современность: Мат. IX Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: ННИГУ, 2019. С. 228-233.
6. Смирнова О.В. Роль университета в социокультурном пространстве города // Визуальная антропология – 2019. Город-университет: жизненное пространство и визуальная среда. Мат. III Междунар. научн. конф. В. Новгород: НГУ, 2020. С. С. 500-508.
7. Филимонова О.Ф. Городская идентичность: пространственные и ментальные измерения // Визуальная антропология – 2019. Город-университет: жизненное пространство и визуальная среда: Мат. III Междунар. научн. конф. В. Новгород: НГУ, 2020. С. 80-90.

© Чжан Мэн (83445025@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОЦЕНКА НАПРАВЛЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ НА ОСНОВЕ АВТОМАТИЗИРОВАННОГО КОНТЕНТ-АНАЛИЗА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

ASSESSMENT OF THE PERSONALITY ORIENTATION OF YOUNG PROFESSIONALS BASED ON AUTOMATED CONTENT ANALYSIS: FORMULATION OF THE RESEARCH PROBLEM

**A. Velikanova
K. Polschikov
E. Shakina**

Summary: The purpose of the article is to analyze domestic and foreign psychological literature from the point of view of the available approaches to solving the problem of diagnosing the professional orientation of a person, substantiate its relevance and develop the author's theoretical and methodological position of the study. It is shown that at the moment there is no generally accepted definition and typology of personality orientation, the question of identifying a single system of criteria for its classification remains open, there is no holistic psychological concept of the specialist's personality orientation at different stages of professionalization as a unity of theoretical positions and methods of its diagnosis and development. The diagnostic methods that are used for recruitment purposes are mostly based on the self-report of respondents about their orientation and do not allow to differentiate between the known and the actual orientation, and therefore, to sufficiently predict the effectiveness of professional activity and the level of psychological well-being of the individual. To identify the type of orientation of the personality of young professionals, it is proposed to develop a methodology for automated content analysis as an effective tool that allows you to obtain an objective formalized assessment of the social orientation of a professional.

Keywords: activity approach, value-semantic self-determination, personality orientation, internal and external motives of professional activity, content analysis.

Великанова Александра Сергеевна

*К.псих.н., доцент, ФГАОУ ВО «Белгородский
государственный национальный исследовательский
университет»
agerasimova@bsu.edu.ru*

Польщиков Константин Александрович

*Д.т.н., профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский
государственный национальный исследовательский
университет»
polschikov@bsu.edu.ru*

Шакина Елена Николаевна

*аспирант, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет»
shalena29@gmail.com*

Аннотация: Цель статьи - провести анализ отечественной и зарубежной психологической литературы с точки зрения имеющихся подходов к решению проблемы диагностики профессиональной направленности личности, обосновать её актуальность и выработать авторскую теоретико-методологическую позицию исследования. Показано, что в настоящий момент не существует общепринятой дефиниции и типологии направленности личности, остаётся открытым вопрос о выделении единой системы критериев для её классификации, отсутствует целостная психологическая концепция направленности личности специалиста на разных этапах профессионализации как единство теоретических положений и методов её диагностики и развития. Методы диагностики, которые используются в целях подбора кадров, основаны по большей части на самоотчете респондентов о своей направленности и не позволяют дифференцировать знаемую и реально действующую направленность, а значит, в достаточной степени прогнозировать результативность профессиональной деятельности и уровень психологического благополучия личности. Для выявления типа направленности личности молодых специалистов предлагается разработать методику автоматизированного контент-анализа как эффективного инструмента, позволяющего получить объективную формализованную оценку социальной направленности профессионала.

Ключевые слова: деятельностный подход, ценностно-смысловое самоопределение, направленность личности, внутренние и внешние мотивы профессиональной деятельности, контент-анализ.

Практическая значимость проблемы исследования

Вопрос духовно-нравственного воспитания молодежи как условия стабильного общественного развития и безопасности находится в центре внимания не только руководителей государственных учреждений,

работодателей коммерческих организаций, но и является общегосударственной задачей [1, 2].

Президент РФ в Указе «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» ставит цель обеспечить «приоритет традиционных российских духовно-нравственных цен-

ностей и соблюдение основанных на этих ценностях норм поведения при использовании информационных и коммуникационных технологий» [2].

Результаты исследований отечественных и зарубежных учёных также показали, что наличие нравственно-деловой направленности профессионала является личностным ресурсом его психологического благополучия и профессиональной успешности (Т.И. Дзюба, Л.В. Буря, И.А. Зайцева, Н.Ю. Квашенко, И.А. Кох, Л.А. Алексеева, А.У. Кулов, В.А. Федотова, Е.В. Андреевский, В.А. Губин и др.).

Вместе с тем, те же исследователи констатируют факт, что количество молодых специалистов, профессионалов с социально желательной направленностью личности значимо меньше (в среднем менее 25% респондентов), чем с эгоистически-престижной направленностью. Другими словами, наблюдается противоречие между общественным запросом на высококвалифицированных специалистов, ориентированных на общественное служение, с одной стороны, и недостатком таких специалистов – с другой.

Кроме того, решение задачи подбора кадров, их профессиональной переподготовки и развития личностных приоритетов невозможно без использования валидных диагностических методов, их автоматизации с целью нивелирования субъективного фактора и охвата большого количества претендентов, что особенно важно в условиях дистанционной формы организации разных видов деятельности.

Таким образом, проблема оценки ценностно-смысловых ориентиров молодых специалистов и профессионалов на основе автоматизированного контент-анализа, несомненно, актуальна с практической точки зрения.

Научная значимость проблемы исследования

Проблема диагностики направленности личности, в том числе молодых специалистов, всегда находилась в центре внимания отечественных и зарубежных исследователей, которые указывали на её особую значимость для становления личности, успешности деятельности и межличностных отношений. Дело в том, что, будучи обусловлена ценностями личности, направленность представляет собой систему эталонов, которые определяют отношение к действительности, побуждают личность к выбору и устойчивой реализации соответствующих стратегий взаимодействия с миром (Ф.Е. Василюк, Б.Ф. Поршнев, В.А. Ядов и др.).

В научных публикациях активно обсуждаются вопросы, связанные с содержанием понятия «направленность личности», её психологической функцией, классифика-

цией, методами диагностики, а также намечаются пути развития социально желательных видов направленности личности профессионала. При этом данной проблеме придается не только особое значение, но и подчёркивается сложность операционализации данного конструкта. «Она связана, во-первых, с тем, что речь идет о проекции на поток сознания и поведения латентных (скрытых от внешнего наблюдения) факторов (мотивов, потребностей); во-вторых, с неопределенностью критериев для различения устойчивых и ситуативных факторов (устойчивость личностной мотивации не означает ее единственности, ее монополии на детерминацию поведения и переживаний); в-третьих, с тем, что личность непосредственно не осознает своей направленности (скрытость от «внутреннего» наблюдения)» [26, с. 1318].

Отечественная психологическая школа рассматривает направленность личности как «устойчивую (трансситуативную) устремленность», т.е. ориентированность мыслей, чувств, желаний, фантазий, поступков человека, которая является следствием доминирования определенных ведущих мотивов (Л.И. Божович, А.В. Петровский, С.Л. Рубинштейн), установок (Д.Н. Узнадзе), ценностей (М.Е. Каневская), системы целостных переживаний личности (Б.И. Додонов) [7; 8, 20].

С.Л. Рубинштейн определяет направленность личности как «комплекс ценностно-избирательных и эмоционально-волевых отношений личности к тому или иному виду профессионального труда» [19, с. 98]. А.Н. Леонтьев говорит о том, что направленность является «ядром личности, представляющим собой систему относительно устойчивых мотивов как основных побудителей профессиональной деятельности» [16, с. 21]. Представитель системного подхода В.Д. Шадриков считает, что направленность личности обладает свойствами структурности и выступает системообразующим фактором профессиональной деятельности [11]. В полисубъектном подходе (К.А. Абульханова-Славская, С.Л. Рубинштейн, Л.М. Митина) субъект понимается как личность, которую отличает высокая степень активности, автономности, независимости, критичности и креативности в осознании и реализации своей направленности [10].

Таким образом, разные авторы, на наш взгляд, характеризуют направленность личности через её отдельные компоненты: 1) ценностно-смысловой; 2) мотивационный; 3) когнитивный и 4) поведенческий.

Какие виды и уровни направленности личности и по каким критериям выделяются в отечественной и зарубежной психологии?

В зависимости от сфер жизнедеятельности, в которых проявляется направленность личности, принято

выделять учебную, учебно-профессиональную, профессиональную, социально-психологическую (Б.Г. Ананьев, Э.В. Зеер, В.Д. Шадриков, К.А. Абульханова-Славская, С.Л. Рубинштейн, Л.М. Митина, О.Ф. Потемкина и др.). Специалисты также обсуждают вопрос о смысло-жизненной (надситуативной) направленности, пронизывающей все сферы жизнедеятельности (В. Франкл, Д.А. Леонтьев, М.О. Калашников, О.Э. Калашникова и др.). Исследователи также говорят о разделении любого из этих типов направленности на осознаваемую личностью и эмоциональную направленность как некую зависимость от переживания эмоциональных состояний и неосознаваемое стремление к ситуациям, в которых они возникают (Б.И. Додонов, А.В. Гришина, М.В. Косцова).

Л.И. Божович и М.С. Неймарк разделили подростков на следующие группы: 1) с коллективистической направленностью; 2) с деловой направленностью; 3) с личной направленностью; 4) со смешанной направленностью (или без явной направленности) [17, с. 5]. Отметим, что деление направленности на «личную» и «деловую» предложил Ф. Кюнкель в начале прошлого века (F. Kunkel, 1934).

Одной из самых распространённых является классификация Б. Басса, который выделяет направленности личности по основным видам социальной активности человека: (1) направленность на себя, характеризующаяся ориентацией на прямое вознаграждение и удовлетворение собственных потребностей, властность, агрессивность в достижении статуса, склонность к соперничеству, интровертированность; (2) направленность на общение, для которой значима ориентация на совместную деятельность и социальное одобрение, стремление поддерживать отношения с людьми, зависимость от группы, потребность в привязанности и эмоциональных отношениях с другими людьми; (3) направленность на дело – ориентация на деловое сотрудничество, заинтересованность в выполнении работы как можно лучше, решении деловых проблем [21, с. 41].

Среди современных классификаций хотелось бы выделить типологию А.В. Капцова и Л.В. Карпушиной [13, 14], где направленность личности рассматривается через призму преобладания тех или иных жизненных ценностей. Они выделили *нравственно-деловую* (стремление к саморазвитию, духовной удовлетворенности, креативности и социальным контактам), *эгоистически-престижную* (стремление к престижу, достижениям, материальному положению, сохранению индивидуальности), *противоречивую* (высокий уровень стремления к нравственно-деловым и эгоистически-престижным ценностям) и *неопределённую направленности личности* (низкий уровень стремления к нравственно-деловым и эгоистически-престижным ценностям).

Подчеркнем, что для нашего исследования особый интерес представляет «смешанный» тип направленности, по Л.И. Божович и М.С. Неймарк, или противоречивая направленность, по классификации А.В. Капцова и Л.В. Карпушиной, как «переходный этап» ценностно-смыслового самоопределения личности.

В целом ряде работ отечественных и зарубежных исследователей выделяется *просоциальная направленность*, которая представляет собой действия, предназначенные приносить пользу людям и одобряемые обществом (К. Бэтсон, Г. Карло, М. Греди, С. Харди, Л. Берковитц, Р. Чалдини, Э. Аронсон, В.В. Абраменкова, Т.П. Гаврилова, Ю.В. Ковалева, А.Л. Свенцицкий, Т.В. Казанцева, И.М. Юсупова, Л.В. Смольникова, Ю.О. Мазур, Н.В. Кухтова, О.Е. Игнацкая, Е. И. Скрипачева).

По мнению О.Е. Игнацкой, под просоциальной направленностью следует понимать «устойчивую доминирующую ценностно-мотивационную систему, которая передаёт глубинные, неявные смысловые структуры личности, включая мировоззрение человека и такое его отношение к действительности как ориентированность на благо других людей без ожидания получения какого-либо внешнего вознаграждения» [12, с. 7]. К. Муздыбаев считает, что просоциальная направленность – это «позитивное и согласованное представление о себе, связанное со способностью к солидарности, сочувствию и в целом с гуманистическим отношением к миру» [15, с. 13].

Наиболее изученным видом направленности личности выступает профессиональная направленность. В зарубежной психологической науке она рассматривается с позиции получения значимых результатов, соответствующих конкретной должности (Г. Гантт, Д. МакГрегор и др.); через представление о желании сотрудничать с другими субъектами трудовых отношений (Р. Блейк, Э. Мэйо и др.); как сумма знаний, профессиональных и личностных компетенций, умений и навыков, лидерских качеств, необходимых для эффективной трудовой деятельности (К. Левин, Р. Уайт и др.); в качестве сознательного и целенаправленного поведения, мотивированного на достижение успеха (М. Альберт, Дж. Аткинсон и др.).

Проблеме профессиональной направленности, ее сущности и структуре уделяли большое внимание и отечественные исследователи (Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Е.А. Климов, Э.В. Зеер, В.Д. Шадриков и др.). Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн и др. рассматривают профессиональную направленность как совокупность мотивов (интересов, потребностей, склонностей, стремлений), связанных с профессиональной деятельностью человека и влияющих, в частности, на выбор профессии [9, 21]. Э.Ф. Зеер считает формирование профессиональной направленности ве-

дущим аспектом развития человека как субъекта труда. Ученый отмечает, что профессиональная направленность представляет собой «интегративное качество личности, которое определяет отношение человека к профессии, придающее всей деятельности обучающихся глубокий личностный смысл, резко повышая тем самым качество усвоения профессиональных знаний, умений, навыков» [11, с. 54]. Согласно концепции Б.И. Додонова соответствие эмоциональной направленности специалиста требованиям профессии дает ему возможность реализовать в профессиональной деятельности свои ценностные ориентации и, связанными с ними, субъективно значимые эмоциональные переживания [7; 8].

Таким образом, приходится констатировать, что в настоящий момент не существует общепринятой дефиниции и типологии направленности личности, остаётся открытым вопрос о выделении единой системы критериев для её классификации.

Рассмотрим теперь основные методы диагностики, наиболее часто используемые для оценки направленности личности, в том числе для выявления профессиональной направленности молодых специалистов.

Основным методом остаётся опросный метод, который строится на самоотчёте самих респондентов. Примерами таких методик служат: методика диагностики социально-психологических установок О.Ф. Потемкиной, методика Смекала – Кучера и др.

Дальнейшие исследования показали, что большей прогностической валидностью обладают:

1. метод шкалирования (к примеру, опросник Шварца или методика оценки основных ценностей жизнедеятельности М.Г. Рогова),
2. методы ранжирования и парных сравнений (шкала терминальных и инструментальных ценностей М. Рокича, методика «Уровень соотношения “ценности” и “доступности” в различных жизненных сферах» Е.Б. Фанталовой и К.В. Харского),
3. проективный метод (например, методика оценки субъективной значимости афористических высказываний А.Ю. Фомина).

Тем не менее, все вышеперечисленные способы диагностики не позволяют выявить уровень развития профессиональной направленности: являются ли доминирующие мотивы личности только известными или оказывают влияние на поведение, выполняют регулируемую и даже смыслообразующую функцию [10].

Указанные выше ограничения успешно преодолеваются при использовании экспериментального ценностно-нормативного метода, активно разрабатываемого последователями научной школы Г.Е. Залесского [6]. Он

предполагает моделирование типовой профессиональной ситуации, её последовательное усложнение (за счет введения сбивающих факторов). Это позволяет получить и сопоставить данные об устойчивости позиции респондента относительно своей мотивационной направленности с данными о направленности поведения в реальных ситуациях деятельности и сделать вывод о степени их согласованности. Другими словами, эксперимент помогает «развести» известную и реально действующую направленность личности.

Однако, в условиях цифровизации и перехода на дистанционные формы профессионального взаимодействия, этот метод требует дальнейшего усовершенствования с использованием средств дополненной и виртуальной реальности. Кроме того, существенным ограничением эксперимента является необходимость индивидуальной, точечной работы с каждым респондентом.

В этой связи одним из наиболее перспективных методов исследования профессиональной направленности личности выступает контент-анализ, возможности которого, на наш взгляд, были недостаточно востребованы в практике профессионального отбора кадров.

«Контент-анализ» (от англ. content — содержание) – метод выявления и оценки специфических характеристик текстов и других носителей информации (видео-записей, теле- и радиопередач, интервью, ответов на открытые вопросы и т.д.), в которых в соответствии с целями исследования выделяются определенные смысловые единицы содержания и формы информации. Применение метода предполагает систематический замер частоты и объема упоминаний этих единиц в определенной совокупности текстов или другой информации [18].

В психологии он служит для выявления социально-психологических характеристик отдельных компонентов процесса общения и самого общения, для исследования самых различных социально-психологических феноменов, процессов групповой активности [23, 12], а также как эффективный метод исследования различных характеристик личности (её направленности, черт характера, отношения к общественным феноменам) [3, 4, 5, 22].

В исследованиях контент-анализ может применяться, и как самостоятельный метод, и в комплексе с другими методами, и как вспомогательный метод обработки массива данных, полученных другими методами. Так, Н.Ю. Синягина успешно использовала контент-анализ для оценки социальной направленности государственных служащих и составления их психологического портрета. Она также подтвердила эффективность применения метода для анализа видеопрезентаций, в которых

испытуемых просили без подготовки рассказать о себе, своей работе, достижениях [22].

В исследованиях Н.А. Алмаева, О.В. Мурашевой и др. [4, 5] показана специфика контент-анализа проективных рассказов и его преимущества по сравнению с опросными тестами. В отличие от опросного теста, в котором человеку предлагаются более или менее соответствующие его представлениям о себе утверждения, в свободной речи человек сам подбирает слова, которые должны обеспечить наибольшее соответствие тому, что он переживает. Свободная речь более валидна для анализа, чем ответы на тест, но и предъявляет большие требования к теоретической готовности психологов интерпретировать полученные результаты.

В интересном исследовании Н.А. Алмаева и Г.Ю. Малковой [3] рассматриваются вопросы совместного применения личностных опросниковых тестов и контент-анализа автобиографических рассказов. Респонденты разных социальных групп (студенты гуманитарных и технических специальностей, сотрудники МЧС) составляли рассказы на две, предложенные психологом, темы: о наиболее запомнившемся событии взрослой жизни и первом событии, которое они помнят из раннего детства. Особенностью методики явилась разработка шкал контент-анализа, максимально приближенных по своему содержанию к шкалам опросникового теста (ТСИ) Клонинджера. В результате исследования был сделан вывод о необходимости реформирования практики разработки опросниковых тестов, включения в нее новых «шкал-провокаций» и «шкал-ловушек».

Таким образом, контент-анализ представляется одним из эффективных инструментов, позволяющих получить объективные, формализованные оценки, отражающие социальную направленность человека. Однако, при «ручной обработке» данных и здесь приходится сталкиваться с зависимостью результатов от особенностей личности психолога [22].

Выводы

1. Теоретический анализ источников показал, что отсутствует целостная психологическая концепция направленности личности специалиста на разных этапах профессионализации как единство теоретических положений и методов её диагностики и развития.
2. Методы диагностики, которые используются в целях подбора кадров, основаны по большей части на самоотчете респондентов о своей направленности и не позволяют дифференцировать знаемую и реально действующую направленность, а значит, в достаточной степени прогнозировать результативность профессиональной деятель-

ности и уровень психологического благополучия личности. Полностью отсутствует автоматизация этапа интерпретации полученных данных.

3. Комплексный подход к диагностике направленности личности профессионала не снимает имеющихся ограничений, но ставит новую и достаточно сложную задачу сопоставления результатов исследования, полученных с помощью разных диагностических методик, и выведения итоговой оценки ценностно-смысловых ориентиров личности.
4. Контент-анализ представляется одним из эффективных инструментов, позволяющих получить объективные формализованные оценки, отражающие социальную направленность человека. Вместе с тем, при «ручной» обработке данных и здесь приходится сталкиваться с зависимостью результатов от особенностей личности психолога [22].
5. Не уменьшая значимости разработанных диагностических методик и обобщая результаты сравнительного анализа преимуществ и ограничений каждой методики, можно говорить о необходимости дальнейших исследований и совершенствования метода психодиагностики направленности личности специалистов, осуществляющих профессиональную деятельность в современных условиях. Кроме того, вопрос оценки духовно-нравственной направленности молодых специалистов как предиктора их профессиональной эффективности путём автоматизации контент-анализа не служил предметом специального исследования.
6. В нашем исследовании мы будем придерживаться методологии системно-деятельностного подхода и рассматривать направленность личности как систему устойчиво доминирующих мотивов, которые определяют как целостную структуру личности, так и «системогенез» профессиональной деятельности, ее эффективность (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Л.И. Божович, Б.Г. Ананьев, В.Д. Шадриков и др.).

Опираясь на классификации А.В. Капцова, Л.В. Карпушиной, А.С. Великановой (Герасимовой) [12] мы будем выделять следующие типы направленности личности молодых специалистов:

- Духовно-нравственная (внутренняя по отношению к процессу и результату деятельности) направленность как устойчивое доминирование социально значимых мотивов общественного служения и индивидуально значимых мотивов профессионального самопознания, саморазвития, самореализации;

- Эгостически-престижная (внешняя по отношению к процессу и результату деятельности) направленность как устойчивое доминирование внешних положительных мотивов материального и социального благополучия и/или внешних отрицательных мотивов избегания разного рода материальных санкций и общественных взысканий;
- Двухвершинная (двойственная) направленность как устойчивое доминирование одновременно и внешних, и внутренних профессиональных мотивов личности. Такой вид направленности является противоречивым, так как способен вызывать внутренние конфликты в ценностно-проблемных

ситуациях деятельности;

- Ситуативная (неопределенная) направленность характеризуется неустойчивым доминированием тех или иных мотивов в зависимости от ситуации. Она может быть обусловлена либо недостаточной осознанностью своих профессиональных мотивов, либо непониманием самих себя, внутренней неопределенностью, растерянностью.

Для выявления типа направленности личности молодых специалистов (духовно-нравственной, эгостически престижной, двойственной или противоречивой, ситуативной или неопределенной) планируется разработать методику автоматизированного контент-анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 мая 2015 г. N 996-р г. Москва «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2015/06/08/vospitanie-dok.html> (дата обращения 19.12.2021)
2. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения 19.12.2021)
3. Алмаев Н.А. Обобщенные шкалы контент-анализа проективных рассказов теста социальной мотивации (ТСМ). Описание и критериальная валидность. Часть 1 [Электронный ресурс]/ Н.А. Алмаев, О.В. Мурашева, Ю.В. Бессонова, Н.И. Киселева// Экспериментальная психология. 2016. Т. 9. No. 4. С. 90–104. URL: doi:10.17759/exppsy.2016090408
4. Алмаев Н.А. Обобщенные шкалы теста социальной мотивации/ Н.А. Алмаев, О.В. Мурашева// Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 6/ Под ред. А.А. Обознова, А.Л. Журавлева. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2014. – С. 360–377.
5. Алмаев Н.А. Применение контент-анализа в исследованиях личности: методические вопросы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. – 180 с.
6. Герасимова А.С. Нормативная профессиональная направленность будущих специалистов служебной деятельности / А.С. Герасимова, А.А. Обознов, Ю.В. Бессонова // Научные ведомости НИУ «БелГУ». Гуманитарные науки №7 (256), вып. 33. март 2017.
7. Додонов Б.И. Эмоция как ценность / М.: Политиздат, 1977. 272 с.
8. Додонов Б.И. Тест-анкета «Эмоциональная направленность» / Диагностика эмоционально-нравственного развития. Ред. и сост. И.Б. Дерманова. СПб., 2002. С. 132-134.
9. Дубовицкая Т.Д. Диагностика уровня профессиональной направленности студентов / Т.Д. Дубовицкая // Психологическая наука и образование. – 2004. – No2. – С. 82-86.
10. Залесский Г.Е. Психология мировоззрения и убеждений личности. / Г.Е. Залесский – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. 144 с. - С.64
11. Зеер Э.Ф. Психология профессионального образования: учебн. пособие. / 2-е изд., перераб. – М: Издательство Московского психолого-социального института; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2003. – 480 с. (Серия «Библиотека психолога».).
12. Игнацкая О.Е. Просоциальная направленность личности и методы ее изучения: монография – Минск: А.Н. Вараксин, 2015. – 119 с.
13. Капцов А.В. Диагностика индивидуальной структуры личностных ценностей // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Психология» – 2007. – № 2. – С. 82-94.
14. Карпушина Л.В. Структура личностных ценностей / Л.В. Карпушина, А.В. Капцов // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Психология». – 2007. – № 1. – С. 61-67.
15. Кухтова Н.В. Просоциальное поведение специалистов, ориентированных на оказание помощи: теоретические основы и методики изучения. / Н.В. Кухтова, Н.В. Доморацкая / Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2011. – 49 с.
16. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность; 2-е изд. – М., 1977.
17. Неймарк М.С. Направленность личности: взгляд из 2012 года / М.С. Неймарк, Н.Н. Толстых // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика, 2013. – No 1. – С. 5-13
18. Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – 2-е изд. М., 1990.
19. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. Серия: Мастера психологии. – Издательство: Питер, 2002. – 720 с.
20. Рубинштейн С.Л. Самосознание личности и ее жизненный путь // Психология личности: Тексты / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузыря. – М.: ИС РАН, 2012. – 45 с.
21. Сейтешев А.П. Профессиональная направленность личности: теория и практика воспитания. – М.: Лада, 2010. – 333 с.
22. Снягина Н.Ю. Контент-анализ в оценке социальной направленности государственных служащих. [Электронный ресурс] // Н.Ю. Снягина, Е.В. Снягина / Образование личности. – 2019. – № 2. – С. 30-39. URL: <http://www.ol-journal.ru/sites/default/files/ol-02-19.pdf>

23. Сиягин Ю.В. Личностно-ориентированный подход в управлении: мировой опыт / Ю.В. Сиягин, Н.Ю. Сиягина, Ю.К. Алдошина // Образование личности. — 2017. — No 1. — С. 47–56.
24. Федотенко И.Л. Развитие субъектных характеристик личности в контексте особенностей современного студента // Становление субъективности студентов педагогического вуза как критерий качества современного образования: Монография/ Под ред. К.С. Шалагиновой. – Warsaw: iScienceSp. zo.o., 2019. – 192 с.
25. Шадриков В.Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. // М.: Наука, 1982. – 185 с.
26. Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК. – 2003. – 2672 с. – (Проект «Психологическая энциклопедия»).
27. Sinyagin Y.V. The components of managerial alacrity of government Executives // European Research Studies journal. – 2018. – T.21. – No. 1. – Pp. 295-308.

© Великанова Александра Сергеевна (agerasimova@bsu.edu.ru), Польщиков Константин Александрович (polschikov@bsu.edu.ru), Шакина Елена Николаевна (shalena29@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

АНТРОПОПРАКТИКИ КАК УСЛОВИЕ ГУМАНИТАРИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ANTHROPOPRACTICS AS A CONDITION HUMANITARIZATION OF MODERN EDUCATION

L. Vyaznikova
E. Tkach

Summary: The article deals with the problem of strengthening the cultural functions of education as a sphere of humanitarian practice, which is associated with a rethinking of the content of the concept of «education», its anthropological essence. The defectiveness of the substitution of the content of education by the content of education is shown, as a result of which the subjective reality of the student is most often left out of the educational process. The productivity of anthropopractices, which contribute to the cultivation of subjectivity and self-determination in the development of the personality of students, is substantiated. The authors especially emphasize the idea that for humanitarian technologies the synergistic idea of non-linear development and the analysis of what happens at the bifurcation point (at the moment of the birth of a new quality) is of the greatest importance. At the same time, it is important to understand that humanitarian technologies are not only energy-consuming (compared, for example, with reproductive methods), but also do not guarantee the final result. There is no predestination when using them. If a person always acts predictably, then he is manageable, it is easy to manipulate him.

Keywords: humanitarianism, subjectivity, anthropological practices, culture of utility, culture of dignity, subjective reality, space of choice, self-determination.

Вязникова Любовь Федоровна

Д.псих.н., профессор, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский
государственный университет»
elenat3004@mail.ru

Ткач Елена Николаевна

К.псих.н., ФГБОУ ВО «Тихоокеанский
государственный университет»

Аннотация: В статье рассматривается проблема усиления культурных функций образования как сферы гуманитарной практики, что связано с переосмыслением содержания понятия «образование», его антропологической сущности. Показана дефектность подмены содержания образования содержанием обучения, вследствие чего субъективная реальность учащегося чаще всего остаётся за скобками образовательного процесса. Обоснована продуктивность антропопрактик, которые способствуют культивированию субъектности и самодетерминации в развитии личности учащихся. Авторы особо подчеркивают идею о том, что для гуманитарных технологий наибольшее значение имеет синергетическая идея нелинейности развития и анализ того, что происходит в точке бифуркации (в момент рождения нового качества). При этом важно понимать, что гуманитарные технологии не только энергозатратны (по сравнению, например, с репродуктивными методами), но и не гарантируют конечный результат. При их использовании нет предопределённости. Если человек действует всегда предсказуемо, значит он управляем, им легко манипулировать.

Ключевые слова: гуманитарность, субъектность, антропопрактики, культура полезности, культура достоинства, субъективная реальность, пространство выбора, самодетерминация.

Социокультурный контекст изменений, происходящих в обществе, определяет ход теоретической мысли в отношении проблем современного образования. Сегодня во весь рост встала проблема образования человека в пространстве-времени его существования. Социокультурная среда меняется быстрее ментальности, что создаёт критические разрывы у педагога (разрыв между реальностью и её осознанием). Поэтому усиление культурных функций образования – условие его продуктивного развития как сферы гуманитарной культуротворческой практики, обеспечивающей качество общественного и личностного самосознания.

Новое понимание целей и задач непрерывного образования человека – результат сложных социокультурных условий его существования в настоящем и возможном будущем. Глубина этого понимания, на наш взгляд, связана с переосмыслением содержания понятия «об-

разование».

Образование важно рассматривать как форму жизни человека, форму антропопрактики. Гуманитарность – широкая сфера проявлений человеческого духа, потому педагогическая деятельность (в любом образовательном учреждении!) по сути своей должна быть гуманитарной. В противном случае – это всего лишь информационная деятельность, а учитель, преподаватель в лучшем случае – культуртрегер. Духовно-нравственные основы – главный фильтр при выборе необходимых средств нашей гуманитарной деятельности, определяющей уровень развития сознания учащихся.

Признаки снижения уровня сознания (в виде усиления потребительства, равнодушия, жестокости и т.д.) могут происходить неприметно, общество может их «не замечать», впадая в «апокалипсис мелкого греха» (св.

Иоанн Сан-Францисский), возводя грех в ранг нормальной обыденности. В свете этого повышенного внимания заслуживают исследования социальных стереотипов, формируемых СМИ, а также ценностных ориентаций подростков, свидетелей и участников разного рода травмирующих ситуаций, доказывающие, что в современном российском обществе возникают стереотипы восприятия проявлений жестокости, ксенофобии, этнофобии, мигрантофобии как *социальной нормы*.

У нас уже появилась своеобразная «усталость сознания» от интенсивно декларируемых идей гуманизации и гуманитаризации образования при отсутствии ощутимых изменений в реальном образовательном пространстве на любых уровнях этой системы. В такой ситуации, как метко заметил А.Г. Асмолов, можно на уроке рассуждать о проблемах абстрактного гуманизма, а на перемене бить конкретную морду.

Зуд практического реформаторства, давно охвативший систему образования, к сожалению, не дал пока существенных позитивных результатов. Многие усматривают причину в содержании стандартов, в их недобротности. Но стандарты, несмотря на их относительную значимость, – вторичны. Главное – это отношения в системе «учитель-ученик», готовность рассматривать ученика не в измерении заполняемого «пустого места», «сосуда» для знаний, а в плане его человеческой целостности, самобытности. Если знание лично не мотивировано, оно по определению будет мёртвым. Как-то, выступая на конференции, посвящённой проблеме парадоксов в образовании, доктор философских наук, профессор В.А. Сакутин подчеркнул, что реформы в образовании оборачиваются топтанием на месте, «поскольку учителю крайне дискомфортно выходить из «Божьей позы», откуда так приятно и главное – просто, вещать о разумном, добром и вечном. Но весть не доходит». Знания неизбежно оказываются мёртвыми, если они лично не мотивированы. Абсолютно прав Хайдеггер, который утверждал, что «подлинное образование захватывает и изменяет саму душу».

Культура образования как гуманитарной сферы – это прежде всего культура диалога с опорой на ценностные компоненты в содержании любого учебного предмета, на возвращение человеческого в человеке. Важно, чтобы у педагога была установка на формирование мировоззрения ученика и на мотивацию к обучению в качестве ведущей мотивации развития личности.

Гуманитарность связана с возможностью влиять на *интегральные* характеристики человека: смыслы, ценности, мотивы, установки, определяющие динамику развития личности в целом, в то время как технократические варианты педагогической деятельности узко направлены, служат локальному преобразованию отдель-

ных структурных компонентов личности (память, воля, речь, конкретные навыки и др.), затрагивая лишь часть (иногда сугубо периферийную) человеческой целостности [3]. Реально субъективная реальность учащегося чаще всего остаётся за скобками образовательного процесса, поскольку ориентация на «модель выпускника» как результат «успешной социализации» предполагает принципиальную необходимость типологизации, игнорирующей самобытность человека. При этом чаще всего забывают о том, что «модель» человека может быть только глубоко метафоричной.

К сожалению, как показали наши опросы, представления многих учителей об идеальном выпускнике современной школы соотносимы с неким *нормативным* образцом личности, который определяется культурно-историческими условиями её социализации и успешностью сдачи ЕГЭ. Социальные последствия трансляции такого «нормативного типа личности» могут иметь самые непредсказуемые результаты. В условиях многомерности, многогранности развития современного мира всё более многообразными становятся и траектории жизненного пути людей. Игнорирование синергетической природы развития гуманитарных систем, стремление достичь запрограммированного результата может обернуться катастрофой в человеческой судьбе.

В современных условиях развитие человеческого потенциала средствами образования может быть продуктивным, если эти средства ориентированы на человеческую реальность во всей её полноте, на культивирование базовых, родовых способностей человека, позволяющих ему «становиться и быть субъектом (автором, хозяином, распорядителем) собственной жизни» [5, с. 26]. Решение этой задачи требует выработки новых категориальных средств, развивающих гуманитарных технологий, конструктивно-созидательных антропопрактик.

Вся система образования обладает безграничными возможностями «демонстрации» отношения к людям и отношений между людьми. В этом заключается эффект образования как индикатора, проявляющего ценности государственной системы. И даже разочарования в образовании тоже свидетельство его антропологической сущности, точнее, – её отсутствия, ибо нельзя ставить задачу развития человека, одновременно подавляя в нем человеческое средствами обучения, не приближающими к пониманию его индивидуальности, субъективности.

Подмена содержания *образования* содержанием *обучения* (что происходит в реальности), на наш взгляд, является дефектной формой развития образования. Эта дефектность нашла своё проявление в исключении из рассмотрения всего субъективного и духовного, не редуцируемого к физиологическим проявлениям (Нали-

мов), в игнорировании гуманитарных технологий.

В.И. Слободчиков, выступая на симпозиуме «Христианская психология и гуманитарные практики», дал, на наш взгляд, очень точное определение гуманитарных практик: «Всякая практика может считаться гуманитарной, если она является практикой становления именно человеческого в человеке, и наоборот, любая практика не гуманитарна, если она этого не делает, в какие бы человекообразные формы она ни рядилась» [4]. Действительно, есть очень много форм и методов работы с человеком, но они могут быть вовсе не гуманитарны или даже антигуманитарны. Не случайно мы видим проявления технократизма даже в гуманитарных науках.

Научные знания классической психологии о глубинных психических явлениях и состояниях, психологических механизмах стали средством вторжения в сознание человека, средством манипулирования и управления им. (Мы не затрагиваем в этом контексте социотехнические средства и, собственно, социопрактики, которые реализуются в пространстве общественной и политической жизни). Возрастание значения человеческого фактора в них очевидно, но нас интересует современное образование.

Сегодня психология и педагогика должны перестать быть пособием о способах духовного кодирования и техниках социальной дрессуры и манипуляции. Они должны становиться в подлинном смысле антропными, человекоориентированными науками, способными целенаправленно строить практики выращивания того, что мы называем собственно человеческим в человеке [4].

К сожалению, некоторые авторы говорят об отсутствии непреодолимой грани между гуманитарными и негуманитарными технологиями. Нельзя согласиться с П.В. Клячковым, который считает, что гуманитарные технологии следует определять как вид социальных технологий, основанный на преимущественном использовании «мягких» методов – убеждения и *психологического манипулирования* [2]. Такая позиция, на наш взгляд, дискредитирует сущность гуманитарности.

Сущностной характеристикой гуманитарных технологий является их направленность на развитие универсального антропологического свойства человека – *субъектности*. Субъектность – измерение онтогенетического развития личности, ориентированной на *культуру достоинства*, на рефлексивное отношение к жизни, на саморазвитие, что само по себе исключает принятие психологического манипулирования как *гуманитарной* технологии. Манипулирование – это всегда использование другого человека как средства для реализации своих целей. Задача *формирования* личности

человека познающего, столь понятная и естественная в логике *культуры полезности*, абсолютно неприемлема в культуре достоинства, ориентированной на личностное и профессиональное самоопределение, *самодетерминацию*. Тезис А.Г. Асмолова о культуре полезности и культуре достоинства ныне приобрёл глобальный смысл [1].

Гуманитарные практики как антропопрактики должны опираться на предельные категории психологической антропологии: *субъективную реальность и бытийную общность*, должны быть направлены на понимание. Традиционные ориентиры на сумму знаний есть ориентация на объективную реальность: их (знания) можно проверить, «мониторить», оценить. Понимание же связано с субъективной реальностью человека, *смыслопорождением*, живыми знаниями, без чего невозможно авторство собственных осмысленных действий и, следовательно, – обретение человечности. Кто-то из учителей точно сформулировал эту мысль: «Человек – это прыжок. От животного к *духовному* существу». Такой «прыжок» обусловлен *неразделимостью интеллекта и экзистенции как сущности* человека. Если ЗУНЫ (знания, умения, навыки) не обеспечены механизмами самоуправления (рефлексией, потребностью, мотивацией, интуицией), то эти мёртвые знания не работают на духовность. Важно находить отзвук во внутреннем мире учащегося, что может послужить катализатором для его развития.

Истинные гуманитарные практики способствуют культивированию субъектности и самодетерминации, саморазвития и самоопределения, «рефлексивного мышления». Цель таких практик – «создание условий, чтобы с человеком что-то происходило» (В.И. Слободчиков). Разумеется, с его сознанием, миропониманием и т.д. Особо следует подчеркнуть: для гуманитарных технологий наибольшее значение имеет синергетическая идея нелинейности развития и анализ того, что происходит в точке бифуркации (в момент рождения нового качества). Важно понимать, что гуманитарные технологии не только энергозатратны (по сравнению, например, с репродуктивными методами), но и не гарантируют конечный результат. При их использовании нет предопределённости. Если человек действует всегда предсказуемо, значит он управляем (вспомним известную формулу ортодоксального бихевиоризма: «стимул – реакция»).

Сама по себе предсказуемость в жизни человека – вещь неплохая и даже полезная для прогнозирования его действий в каких-либо ситуациях (например, профессиональных действий), для прогнозирования возможных деформаций в развитии, которые могут быть спровоцированы определёнными условиями и т.д. Однако даже самый предсказуемый человек в сложной ситуации может повести себя совершенно непредсказуемо, сделать неожиданный (даже для себя!) выбор, кото-

рый повлияет на его жизнь, на его личность. Безусловно, прав Д.А. Леонтьев, считающий, что выбор меняет личность. Фактически речь идёт о самоопределении человека, его готовности принять на себя риск неопределённости и ответственности за выбор и целеполагание.

Поэтому *принятие решений как пронизывающая квалификация* (П.Г. Щедровицкий) должно быть предметом особого внимания в процессе образования. Именно гуманитарные технологии позволяют расширить пространство выбора на любом уроке, занятии для возвращения у учащихся такого опыта. Саморегуляция обеспе-

чивает готовность человека к неожиданностям. Чтобы противостоять внешнему давлению, надо «держаться усилие» (М.К. Мамардашвили). Когда у человека есть способность выбирать, то он никогда не будет чувствовать себя жертвой внешних обстоятельств. Вспомним, как точно это сформулировал А.С. Пушкин: «Самостоянье человека – залог величия его». Эти строки обладают поразительно глубоким смыслом. Чего же нам не хватает для того, чтобы понять и принять ученика в плане его человеческой целостности и самобытности: методических средств, желания или ума?

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмолов А.Г. Оптика просвещения: социокультурные перспективы. – М.: Изд-во «Просвещение», 2012. – 447 с.
2. Клачков П.В., Подъяпольский С.А. Гуманитарные технологии и целостность государства. М.: Изд-во URSS, 2018. – 528 с.
3. Колесникова И.А. Драма неклассической педагогики // Школьные технологии. – 2009. – №1. С.13 – 17.
4. Слободчиков В.И. Выступление на симпозиуме «Христианская психология и гуманитарные практики» – Режим доступа: <https://www.xpa-spb.ru/libr/Slobodchikov/vystuplenie.html>
5. Слободчиков В.И. Исаев Е.И. Введение в антропологию образования. – Биробиджан: Изд-во ПГУ им Шолом-Алейхема, 2012. – 214с.

© Вязникова Любовь Федоровна (elenat3004@mail.ru), Ткач Елена Николаевна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Тихоокеанский государственный университет

СЕМЬЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19 (ОБЗОР АКТУАЛЬНЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)¹

Гуткевич Елена Владимировна

Д.м.н., в.н.с., ФГБУ «Томский национальный исследовательский медицинский центр

Российской академии наук» Научно-исследовательский институт психического здоровья (ФГБНУ ТНИМЦ РАН НИИ психического здоровья); профессор, ФГАОУ ВО «Томский государственный университет» (НИ ТГУ) gutkevichelena@gmail.com

FAMILY IN THE CONTEXT OF THE COVID-19 PANDEMIC (REVIEW OF CURRENT PSYCHOLOGICAL RESEARCH)²

E. Gutkevich

Summary: The article presents a review and analysis of the main scientific studies of the psychological features of family functioning during the COVID-19 pandemic in 2020-2021. The problems of psychological well-being, quality of life, value systems, loneliness experiences, coping strategies in a stressful situation of people of different ages, depending on family, socio-demographic factors, determine the relevance of a comprehensive systematic approach to the psychological diagnosis of personality functioning in a family, home environment in an extreme situation of the coronavirus pandemic. Objective: to systematize and present the main results of the psychological features of the functioning of the family, persons from risk groups in the context of the coronavirus pandemic based on research published in scientific journals, proceedings and abstracts of conferences and other scientific publications. Results. The normal functioning of families was disrupted by the emergency situation, the introduction of exceptional quarantine measures, isolation of family centers and self-isolation of persons from risk groups. Changes in the main psychological characteristics of both families as a whole and family members of different ages were revealed. Studies of women, marital relations, and psychological states of the elderly during the period of self-isolation are highlighted separately. The provisions on the transformation of forms of psychological assistance to families in the conditions of the ongoing pandemic situation are presented.

Keywords: family, COVID-19, self-isolation, risk groups, psychological factors, fears, anxiety, well-being, coping strategies, pregnant women, youth, mature persons, spouses, elderly, online counseling.

Аннотация: В статье представлены обзор и анализ основных научных исследований психологических особенностей функционирования семьи в период пандемии COVID-19 за 2020-2021 годы. Проблемы психологического благополучия, качества жизни, системы ценностей, переживания одиночества, копинг-стратегий в стрессовой ситуации лиц разного возраста в зависимости от семейных, социально-демографических факторов определяют актуальность комплексного системного подхода к психологической диагностике функционирования личности в семейной, домашней среде в экстремальной ситуации пандемии коронавируса. Цель: по материалам исследований, опубликованных в научных журналах, сборниках трудов и тезисов конференций и других научных изданий систематизировать и представить основные результаты психологических особенностей функционирования семьи, лиц из групп риска в контексте пандемии коронавирусной инфекции. Результаты. Нормальное функционирование семей было нарушено чрезвычайной ситуацией, введением исключительных карантинных мер, изоляции семейных очагов и самоизоляции лиц из групп риска. Выявлены изменения основных психологических характеристик как семей в целом, так и членов семей разного возраста. Отдельно выделены исследования женщин, супружеских отношений, психологических состояний пожилых лиц в период самоизоляции. Представлены положения о трансформации форм оказания психологической помощи семьям в условиях продолжающейся ситуации пандемии.

Ключевые слова: семья, COVID-19, самоизоляция, группы риска, психологические факторы, страхи, тревожность, благополучие, копинг-стратегии, беременные, молодежь, лица зрелого возраста, супруги, пожилые, он-лайн консультирование.

Особенности функционирования семьи прежде всего обусловлены экстремальной ситуацией мировой пандемии коронавируса, нарушившей нормальную жизнедеятельность личности и семьи, воздействуя непосредственно на человека и на его жизненное и домашнее пространство. Востребованность се-

мейно-ориентированных мероприятий стала очевидной в 2020-2021 годах, когда уже на ранних стадиях пандемии COVID-19 Всемирная организация здравоохранения предупреждала, что в условиях карантинных мер для предотвращения кризиса общественного психического здоровья необходимы значительные инвестиции и от-

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания № 075-01184-22-00, комплексной темы НИР НИИ психического здоровья «Биопсихосоциальные механизмы патогенеза и клинического полиморфизма, адаптационный потенциал и предикторы эффективности терапии у больных с психическими и поведенческими расстройствами в регионе Сибири».

² The work was carried out within the framework of state task No. 075-01184-22-00, a complex topic of the Research Institute of Mental Health «Biopsychosocial mechanisms of pathogenesis and clinical polymorphism, adaptive potential and predictors of therapy effectiveness in patients with mental and behavioral disorders in the Siberian region».

ветственные мероприятия системы охраны психического здоровья. Пандемия COVID-19 привела к катастрофическим сбоям в работе государственных служб охраны психического здоровья. Временное закрытие клиник, нехватка персонала и перераспределение средств на другие цели приводили к тому, что люди, наиболее нуждавшиеся в услугах психологической и психиатрической помощи, не имели возможности получить эти услуги [1, с. 83-84, 2, 3, 4]

В период пандемии в обществе, начальной структурной единицей которого до сих пор является семья, актуализировалась проблематика взаимодействий между членами семьи в режиме самоизоляции и карантинных мероприятий в ограниченном пространстве места проживания, обострились хронические заболевания на фоне распространения тревожности в связи с непредсказуемостью последствий эпидемии, произошло изменение режима и формы труда и обучения. Необходимо отметить, что к началу 2022 года число смертей от COVID-19 превысило цифру в 5,5 млн человек, в России на конец января 2022 года – более 321 тыс. летальных исходов. В большинстве случаев это были пожилые и взрослые люди, но у погибших остались дети и внуки, которым пришлось пережить смерть близких – и это чревато последствиями для их психики и благосостояния [5]. Эпидемия COVID-19 привела к тому, что более 1,5 млн детей, в том числе и в России, потеряли одного или обоих родителей, бабушек и дедушек, других значимых близких людей, что авторами признается как «Скрытая пандемия сиротства» [6]. Кроме того, пандемия COVID-19 представляет собой серьезную угрозу благополучию детей и семей из-за проблем, связанных с экономическими последствиями эпидемии (например, финансовая незащищенность некоторых групп населения) и изменениями привычного уклада жизни (нахождение большого количества людей длительное время в замкнутом пространстве, ощущение рутины в ежедневной жизни, изменения распорядка жизни). Дети и подростки, женщины и лица пожилого возраста, люди с хроническими соматическими заболеваниями и лица с психическими расстройствами попали в особые группы риска [7, 8, 9].

По мнению исследователей сложившаяся эпидемическая ситуация привела к воздействию различных стрессовых факторов для беременных женщин – страха инфицирования в отношении себя и своих близких, страха тератогенного воздействия на плод, сокращения числа запланированных дородовых посещений специалистов, сопровождающих беременность, закрытия некоторых роддомов, в связи с чем могут нарушиться планы где и с кем рожать, вынужденной самоизоляции с ограничением или отсутствием физической активности [10, с. 37-41]. При самооценке выраженности общего уровня стресса в связи с пандемией каждая четвертая беременная женщина отмечала значительный или сильный стресс, 37% –

умеренный стресс, 38% легкую степень стресса. По результатам Шкалы реактивной тревоги Спилбергера-Ханина высокую ситуативную тревогу демонстрировали 21,6% женщин, умеренную тревогу – 28%. При этом 31% исследуемых беременных беспокоятся за здоровье своих близких, 16,8% за состояние здоровья своего ребенка и наименьшее количество высказывает беспокойство по поводу собственного здоровья – 12%. Описывается качество жизни матерей в семьях, когда у работающих дистанционно матерей показатели физического благополучия ниже, чем у матерей, работающих с выездом из дома в условиях социальной изоляции. При высоких значениях жизнестойкости повышались отдельные параметры качества жизни и снижались показатели субъективного благополучия. На психологические аспекты качества жизни матерей также влияла форма работы супруга: очная и дистанционная [11, с. 118-119]

На уровне супружеских взаимоотношений в условиях самоизоляции и увеличения плотности семьи создается особая ситуация: факторы, подготавливающие почву к острому побуждению совершить агрессивные действия, усиливаются, тогда как сдерживающие факторы, попытки противостоять этому побуждению, ослабевают [12, 13, с. 273-275]. Хотя речь идет о насилии в отношении женщин, в группе риска находятся и мужчины. Однако согласно статистическим данным МВД РФ за 2020 год зафиксировано снижение числа преступлений на семейно-бытовой почве на 9,5% (на 15,8% – фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, на 13,5% – вреда средней тяжести, на 10% – легкого вреда здоровью). Следствием перехода государств в режим карантина и самоизоляции стало увеличение количества разводов в мире. Причем в некоторых странах, например, Китае, наблюдается весьма существенный рост – около 50% по сравнению с аналогичным периодом 2019 года. В других государствах, на территорию которых COVID-19 проник позднее, прогнозируется значительное увеличение количества разводов после ослабления предпринятых властями карантинных мер. В России число зарегистрированных разводов по данным за январь-сентябрь 2021 года составила 483,6 тысяч, что больше на 22,2% к соответствующему периоду 2020 года [14].

Изучение взаимосвязи тревожности, особенностей копинг-стратегий и социально-демографических факторов у пожилых людей в условиях пандемии коронавируса показало, что выраженность всех копинг-стратегий находится в умеренном диапазоне, наиболее выраженными стратегиями являются самоконтроль, поиск социальной поддержки и планирование решения проблемы, наименее – принятие ответственности и положительная переоценка; выявлен повышенный уровень личностной тревожности, уровень ситуативной тревоги находится в пределах нормы. Выраженность астенического компонента по обеим шкалам, указывает, что в структуре

тревоги у пожилых людей значительное место занимают различные аспекты их физического самочувствия. Астенические переживания сильнее проявляются у людей, проживающих в одиночестве, чем у тех, кто живет с семьей [15, с. 357-358].

Показано, что в целом, у пациентов, перенесших COVID-19-ассоциированную пневмонию, состоящих в браке, определены более высокие показатели качества жизни по шкале физического функционирования. Положительно на качество жизни влияют наличие супруга и регулярной трудовой деятельности. Наличие супруга рассматривается как фактор социальной поддержки [16, с. 67-68]. Т.С. Пилишвили, Е.В. Гноринская (2021) в период пандемии выявили достоверное повышение показателей психологического благополучия, в частности по шкале управления средой, и особенности стресс-преодолевающего поведения (копинг-стратегия «принятие ответственности») у мужчин по сравнению с женщинами в возрасте от 30 до 45 лет. При этом 72% женщин были замужем и только 50% мужчин женаты. Негативные последствия, особенно для женщин, объясняются автарами, в том числе и вероятным наличием детей у исследуемых лиц [17]. При проведении интернет-опроса 908 респондентов О.М. Бойко, Т.И. Медведева, С.Н. Ениколопов и др. (2021) отмечали значимые корреляции между уровнем ощущения безнадежности будущего и уровнем стресса. Динамика отношения к будущему различается у мужчин и женщин: у мужчин снятие ограничений сопровождается снижением ощущения безнадежности будущего, а у женщин – усугублением переживания будущего как безнадежного. Различия в уровне и динамике ощущения безнадежности, по мнению авторов, могут объясняться гендерными различиями в мышлении, которое связано с реакцией на стресс и с гендерной спецификой социальной ситуации [18]. Во время самоизоляции у молодежи и для «старшей», более 45 лет, возрастной группы наиболее значимыми становятся ценности: укрупненные ценности – «безопасность» и «благожелательность», в том числе «личная безопасность» и «благожелательность – долг», связанные с близкими людьми, родственниками, а наименее значимыми – укрупненная ценность – «власть» [19, с. 59-62].

В целом, исследователи изучали влияние самоизоляции на персонализацию среды и личностное пространство в семейном взаимодействии [20, с. 52-55, 21, 22]; активизацию у людей лиминальных (пороговых) переживаний, связанных с переходом от одного фрагмента жизни к другому, «до карантина» и «в карантине», при этом в семьях с изначально дисфункциональными отношениями ещё до ситуации распространения коронавируса, усиливались взаимный контроль и конфликтность, а наиболее уязвимые члены семьи стали испытывать острое чувство одиночества и неподтвержденности в среде [23]. Исследования системы вызовов, угроз и по-

терь семьи показали, что трудности, которые ассоциируются с пандемией были одинаково выражены независимо от семейного контекста и связаны с базовыми чувствами и потребностями [24, с. 145-148]. При этом, в качестве вызова люди, имеющие собственную семью, обозначали не только финансовые трудности, критические ситуации в целом, но и более конкретизированные и связанные с их семейным статусом: трудности у родственников, болезнь, утрата семьи и семейных ценностей, цифровизация. В этой группе нашла отображение пандемия в качестве вызова семье, но с достаточно низкой частотой (2 %). А вот самоизоляция (8 %) как вызов доминировала у людей, не состоящих в браке, что, возможно, связано с одиночеством, которое усиливалось на фоне самоизоляции. Так, Ю.В. Ковальчук, Е.А. Кузнецовой (2020) установлено при исследовании 449 человек в возрасте от 18 до 82 лет, что переживания одиночества более выражены в группе 18-35 лет, и менее выражены в старших возрастных группах, что может быть связано с более высокой потребностью в общении и более активным, подвижным образом жизни в молодом возрасте; люди с выраженными переживаниями общего одиночества демонстрировали более высокий уровень эмоционального неблагополучия, отмечали, что их отношения с близкими ухудшились во время самоизоляции, им сложнее находиться дома, а также они демонстрировали более высокий уровень зависимости от общения [25]. Ю.Л. Проект, Е.В. Рохина, А.Н. Кошелева, В.В. Хороших, В.Ф. Луговая (2021) с помощью контент-анализа описания проблемных переживаний личности (871 русскоязычный пользователей интернета в возрасте от 15 до 78 лет) в условиях вынужденной самоизоляции показали наличие нарушений привычного обмена информацией между членами семьи, вызывающее тревогу за близких, как одних из основных в структуре четырех уровней проблемных переживаний [26].

Успешность психологической адаптации заключается не только в приспособлении к изменяющимся общественным требованиям, но и в способности пережить стрессовую ситуацию перехода к непривычным моделям поведения [27]. Поэтому происходит трансформация форм оказания психологической помощи семьям. Так, Бойко О.М., Медведева Т.И., Ениколопов С.Н., Воронцова О.Ю., Казьмина О.Ю. (2020) показали, что на сегодняшний день, наиболее востребованными могут являться методы и средства оказания психологической помощи, благодаря которым возникающая ситуация неопределённости будет способствовать избавлению от ограничивающих, не актуальных для субъекта на данный момент, жизненных паттернов. Переживания, связанные с предвкушением новизны, начала («чистого листа») будут являться показателем активизации внутренних эмоционально-когнитивных ресурсов личности [23]. Пандемия коронавируса ассоциируется в большей степени с широким спектром психологических и материальных труд-

ностей, но при этом фактически не входит в когнитивную, семантическую карту субъектов в качестве вызова, требующего активного сопротивления. Лишь эпидемия в целом воспринимается в качестве угрозы, требующей внимания, но преимущественно у людей, не имеющих собственной семьи как точки опоры [24, с. 145-148]. Показано, что люди с высоким уровнем переживания одиночества отмечали, что никак не могут повлиять на распространение коронавирусной инфекции, в то время как люди с низким уровнем гораздо чаще отмечали, что могут оказать влияние на ситуацию своими действиями, т.е. ощущение себя как субъекта сложившейся ситуации, способного повлиять на происходящее, является ресурсом, который помогает справиться с ощущением одиночества [25, с. 339-340]. Токийский центр психического здоровья предлагает такие меры по минимизации психологических последствий пандемии, как общение с семьей, друзьями и другими людьми, которые могут оказать социальную поддержку, и профессионалами в области психического здоровья, используя электронные устройства; альтруизм, сочувствие, просоциальное поведение не только о тех, кто важен, но и о тех, кто находится в трудном положении [28].

За 2020-2021 годы нами при консультировании семей были предложены возможности он-лайн консультирова-

ния [29, с. 335-338, 30], такие как разговор по телефону, классический письменный чат – электронная почта, видео-встречи, по семейно-генетическим вопросам: информирование о возможном влиянии применения психотропных препаратов на состояние репродуктивной системы пациентов и риски рождения ребенка с пороками развития; планирование рождения детей в семье с матерью, находящейся на стационарном лечении в психиатрической клинике; разъяснение семье ребенка с наследственным заболеванием смысла проведенных молекулярно-генетических исследований с составлением «маршрута» дальнейшего прохождения обследования и плана реабилитации и другие. При этом составлен пакет файлов с бланками Информированного согласия, тестов и опросников для семейной диагностики.

В настоящее время имеются неопровержимые доказательства разрушительного воздействия пандемии COVID-19 на индивидуальное, семейное и общественное психическое здоровье. Исходя из особенностей функционирования семейных систем, можно предположить, что последствия этих трудностей будут длительными [31, 32], что требует проведения дальнейших научно-практических исследований и внедрение их результатов для улучшения качества жизни всех поколений населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Resnick S.G., Roe D., Salyers M.P. Psychiatric Rehabilitation in the era of COVID-19 // *Psychiatric Rehabilitation Journal*. 2020. 43(2). P. 83-84. <http://dx.doi.org/10.1037/prj0000434>
2. Rudnick A. (2020). Social, Psychological, and Philosophical Reflections on Pandemics and Beyond. *Societies*, 10(2), 42. DOI: 10.3390/soc10020042.
3. Steinert S. Corona and value change. The role of social media and emotional contagion. *Ethics Inf Technol*. 2020. <https://doi.org/10.1007/s10676-020-09545-z>.
4. WHO. COVID-19 Strategic Preparedness and Response Plan. Operational Planning Guidelines To Support Country Preparedness And Response, 2020. <https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/covid-19-sprp-unct-guidelines.pdf>
5. Kokou-Kpolou C.K., Fernández-Alcántara M., Cénat J.M. Prolonged grief related to COVID-19 deaths: Do we have to fear a steep rise in traumatic and disenfranchised griefs? // *Psychological Trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*. – 2020. – Vol. 12, № S1. – P. S94–S95. doi: 10.1037/tra0000798
6. Susan D. Hills, H. Juliette Unwin T., Yu Chen, Lucie Cluver, Lorraine Sherr. Global minimum estimates of children affected by COVID-19-associated orphanhood and deaths of caregivers: a modelling study 2021). *Lancet*. VOLUME 398, ISSUE 10298, P391-402, JULY 31, 2021 DOI: [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(21\)01253-8](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(21)01253-8).
7. ВОЗ. Рекомендации по поддержанию психического здоровья и психосоциального состояния во время вспышки COVID-19, 2020. WHO-2019-nCoV-Mental Health-2020.1-rus.pdf
8. Ениколопов С.Н., Медведева Т.И., Воронцова О.Ю., Бойко О.М., Жабина Д.В. Психопатологическая симптоматика у девушек с депрессией, перенесших COVID-19 // Конференция, посвященная 90-летию со дня рождения Б.Д. Карвасарского: «Альянс психологии, психотерапии и фармакотерапии. Наука и реальный мир в лечении психических расстройств», 29 октября 2021 года, Санкт-Петербург [Электронный ресурс <https://psychiatr.ru/events/1013>]: тезисы / под общей редакцией Н.Г. Незванова. — СПб.: НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева, 2021. С. 76-78.
9. UNICEF. Preventing a lost decade: Urgent action to reverse the devastating impact of COVID-19 on children and young people. <https://www.unicef.org/reports/unicef-75-preventing-a-lost-decade>.
10. Блох М.Е., Аникина В.О., Савеньшева С.С. Стресс и беременность в условиях пандемии COVID-19 // Зейгарниковские чтения. Диагностика и психологическая помощь в современной клинической психологии: проблема научных и этических оснований: Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 18–19 ноября 2020 г. / Под ред. Холмогоровой А.Б., Пуговкиной О.Д., Зверевой Н.В., Рошиной И.Ф., Рычковой О.В., Сирота Н.А. – М. ФГБОУ ВО МГППУ, 2020. С. 37-41.
11. Панкова Д.П. Психологические аспекты качества жизни матерей, находящихся в условиях социальной изоляции // Зейгарниковские чтения. Диагностика и психологическая помощь в современной клинической психологии: проблема научных и этических оснований: Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 18–19 ноября 2020 г. / Под ред. Холмогоровой А.Б., Пуговкиной О.Д., Зверевой Н.В., Рошиной И.Ф., Рычковой О.В.,

- Сирота Н.А. — М. ФГБОУ ВО МГППУ, 2020/ С. 118-119.
12. ВОЗ: «COVID-19 и насилие в отношении женщин». <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/331699/WHO-SRH-20.04-rus.pdf> WHO. COVID-19 and violence against women. — Available at: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/331699/WHO-SRH-20.04-eng.pdf>
 13. Иванов Д.И. Смыслообразующее пространство отношений в семье // Зейгарниковские чтения. Диагностика и психологическая помощь в современной клинической психологии: проблема научных и этических оснований: Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 18–19 ноября 2020 г. / Под ред. Холмогоровой А.Б., Пуговкиной О.Д., Зверевой Н.В., Рожиной И.Ф., Рычковой О.В., Сирота Н.А. — М. ФГБОУ ВО МГППУ, 2020. С. 273-275.
 14. Росстат. Число зарегистрированных разводов. <https://rosstat.gov.ru/folder/70843/document/141657>
 15. Пудикова К.В. Санкт-Петербург, СПбГУ Хрусталева Н.С. Санкт-Петербург, СПбГУ Взаимосвязь тревожности, особенностей копинг-стратегий и социально-демографических факторов у пожилых людей в условиях пандемии коронавируса (На примере русскоязычных мигрантов в Германии) // Ананьевские чтения — 2020. Психология служебной деятельности: достижения и перспективы развития (в честь 75-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.): материалы международной научной конференции, 8-11 декабря 2020 года / Под общей редакцией А.В. Шаболтас, Е.Л. Солдатовой. Отв. ред. А.К. Кулиева. — СПб.: Скифия-принт, 2020. С. 357-358.
 16. Гуськова О.А., Ярославская Е.И., Приленский Б.Ю., Петелина Т.И. Клинико-психологические, социально-демографические факторы и качество жизни пациентов, перенесших COVID-19-ассоциированную пневмонию // Конференция, посвященная 90-летию со дня рождения Б.Д. Карвасарского: «Альянс психологии, психотерапии и фармакотерапии. Наука и реальный мир в лечении психических расстройств», 29 октября 2021 года, Санкт-Петербург [Электронный ресурс <https://psychiatr.ru/events/1013>]: тезисы / под общей редакцией Н.Г. Незнанова. — СПб.: НМИЦ ПН им. В.М. Бехтерева, 2021. С. 67-68.
 17. Пилишвили Т.С., Гноринская Е.В. Особенности копинг-стратегий мужчин и женщин зрелого возраста в период пандемии COVID-19 и мишени психологической работы // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2021. Т. 10. № 4А. С. 52-58. DOI: 10.34670/AR.2021.92.96.005
 18. Восприятие будущего во время пандемии COVID-19 — гендерный аспект / О.М. Бойко, Т.И. Медведева, С.Н. Ениколопов [и др.] // Медицинская психология в России. — 2021. — Т. 13, № 4. — С. 1. doi: 10.24412/2219-8245-2021-4-1
 19. Первичко Е.И., Чижова А.Р., Степанова О.Б., Митина О.В., Конюховская Ю.Е. Динамика системы ценностей молодых жителей России в условиях пандемии COVID-19 // Диагностика в медицинской (клинической) психологии: традиции и перспективы (к 110-летию С.Я. Рубинштейн). Научное издание. Сборник материалов Третьей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием 25-26 ноября 2021 г. / под ред. Н.В. Зверевой, И.Ф. Рожиной. — М.: 2021. С. 59-62.
 20. Губина С.Т. Влияние самоизоляции в пандемию COVID-19 на персонализацию среды и личностное пространство в семейном взаимодействии // Зейгарниковские чтения. Диагностика и психологическая помощь в современной клинической психологии: проблема научных и этических оснований: Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 18–19 ноября 2020 г. / Под ред. Холмогоровой А.Б., Пуговкиной О.Д., Зверевой Н.В., Рожиной И.Ф., Рычковой О.В., Сирота Н.А. — М. ФГБОУ ВО МГППУ, 2020. С. 52-55.
 21. Гуткевич Е.В. Домашняя среда как фактор сохранения психического здоровья личности // Ананьевские чтения — 2020. Психология служебной деятельности: достижения и перспективы развития (в честь 75-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.): материалы международной научной конференции, 8-11 декабря 2020 года / Под общей редакцией А.В. Шаболтас, Е.Л. Солдатовой. Отв. ред. А.К. Кулиева. — СПб.: Скифия-принт, 2020. С. 633-634.
 22. Caroline Brandbury-Jones R.N., Louise Isham. The pandemic paradox: The consequences of COVID-19 on domestic violence. *Journal of Clinical Nursing*. Volume29, Issue13-14. July 2020. P. 2047-2049. <https://doi.org/10.1111/jocn.15296>
 23. Бойко О.М., Медведева Т.И., Ениколопов С.Н., Воронцова О.Ю., Казьмина О.Ю. Психологическое состояние людей в период пандемии COVID-19 и мишени психологической работы // Психологические исследования. 2020. Т. 13. № 70. С. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2020v13n70/1731-boyko70.html>
 24. Тихомирова Е.В. Конструирование системы вызовов, угроз и потерь современной семьи в контексте пандемии // Зейгарниковские чтения. Диагностика и психологическая помощь в современной клинической психологии: проблема научных и этических оснований: Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 18–19 ноября 2020 г. / Под ред. Холмогоровой А.Б., Пуговкиной О.Д., Зверевой Н.В., Рожиной И.Ф., Рычковой О.В., Сирота Н.А. — М. ФГБОУ ВО МГППУ, 2020. С. 145-148.
 25. Ковальчук Ю.В., Кузнецова Е.А. К слову об актуализации переживания одиночества в условиях пандемии Ананьевские чтения — 2020. Психология служебной деятельности: достижения и перспективы развития (в честь 75-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.): материалы международной научной конференции, 8–11 декабря 2020 года / Под общей редакцией А.В. Шаболтас, Е.Л. Солдатовой. Отв. ред. А.К. Кулиева. — СПб.: Скифия-принт, 2020. С. 339-340
 26. Проект Ю.Л., Рохина Е.В., Кошелева А.Н., Хороших В.В., Луговая В.Ф. Социально-демографические и психологические факторы проблемных переживаний личности в условиях вынужденной самоизоляции // Психологическое сопровождение пандемии COVID-19 / под ред. Ю.П. Зинченко. — Москва : Издательство Московского университета, 2021. (Электронное издание сетевого распространения). С. 345-359.
 27. Рассказова Е.И., Леонтьев Д.А., Лебедева А.А. Пандемия как вызов субъективному благополучию: тревога и совладание // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Том 28. № 2. С. 90–108. doi:10.17759/cpp.2020280205
 28. Быховец Ю.В., Дан М.В., Никитина Д.А. Международный опыт исследований и практических рекомендаций населению в период пандемии коронавируса/ Институт психологии Российской академии наук, 2020 // www.ipras.ru/cntnt/rus/institut_p/covid-19/kommentarii-eksp/bih.html
 29. Казачкова А.Ю., Бурина Е.А. Интерпретация невербального поведения как необходимый навык консультанта при Интернет-консультировании в условиях ЧС. Ананьевские чтения — 2020. Психология служебной деятельности: достижения и перспективы развития (в честь 75-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.): материалы международной научной конференции, 8–11 декабря 2020 года / Под общей редакцией А.В. Шаболтас, Е.Л. Солдатовой. Отв. ред. А.К. Кулиева. — СПб.: Скифия-принт, 2020. С. 335-338.

30. Beeching N. J., Fletcher T. E., Fowler R. COVID-19. *BMJ Best Practices*. BMJ Publishing Group; June 19, 2020; 171 p.
31. Гуткевич Е.В., Шатунова А.И. Межпоколенная передача психической травмы, психогенеалогия и психическое здоровье в семье (феноменологическое исследование). *Сибирский вестник психиатрии и наркологии*. 2019; 3 (104); 21-32. doi.org/10.26617/1810-3111-2019-3(104)-21-32.
32. Prime H., Wade M., Browne D. T. Risk and resilience in family well-being during the COVID-19 pandemic // *The American Psychologist*. 2020. <https://doi.org/10.1037/amp0000660>

© Гуткевич Елена Владимировна (gutkevichelena@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Томский национальный исследовательский медицинский центр
Российской академии наук

СТАНДАРТИЗАЦИЯ ОПРОСНИКА «НАПРАВЛЕННОСТЬ ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ»

Зекерьяев Руслан Ильвисович

*К.псих.н., преподаватель, ГБОУ ВО Республики Крым
«Крымский инженерно-педагогический университет»
(г. Симферополь)
ruslan51291@mail.ru*

STANDARDIZATION OF THE QUESTIONNAIRE "ORIENTATION OF PERSONALITY BEHAVIOR IN THE INTERNET SPACE"

R. Zekeryaev

Summary: In this article analyzed the psychological literature about antisocial behavior in the virtual space. Described such Internet phenomena as trolling, spam and cyberbullying. Determined that these forms of interaction are destructive and harm its participants. Noted the lack of complex diagnostic tools for determining the propensity of a person to engage in antisocial activities on the Internet. Proposed an author's research questionnaire that determines the direction of a person's behavior in the virtual space. Statistically substantiated and described the validity and reliability of this questionnaire. Described and mathematically derived the levels of asocial behavior of a person in the Internet space.

Keywords: Internet space, cyberbullying, spam, trolling, behavior orientation, questionnaire, level of antisocial behavior.

Аннотация: В статье проведен анализ психологической литературы по теме асоциального поведения в виртуальном пространстве. Описаны такие феномены сети Интернет как троллинг, спам и кибербуллинг. Определено, что данные формы взаимодействия являются деструктивными и наносят вред его участникам. Отмечено отсутствие комплексного диагностического инструментария для определения склонности личности к ведению асоциальной деятельности в сети Интернет. Предложен авторский исследовательский опросник, определяющий направленность поведения личности в виртуальном пространстве. Статистически обоснованы и описаны валидность и надежность данного опросника. Математически выведены и описаны уровни асоциального поведения личности в интернет-пространстве.

Ключевые слова: интернет-пространство, кибербуллинг, спам, троллинг, направленность поведения, опросник, уровень асоциального поведения.

Актуальность

Современный этап развития компьютерных технологий характеризуется все большим распространением сети Интернет, которая выступает в роли института социализации и дополнительным расширением жизненного пространства личности в целом. Как и в реальной жизни, в виртуальном пространстве люди создают и поддерживают социальные контакты, интегрируются в социальные группы, находясь в непрерывном интерактивном взаимодействии. Важным является то, что при переходе из реальной жизни в сеть Интернет человек может создавать для себя новую личность, которая, благодаря возможной анонимности, бестелесности, сокрытию личной информации, для которой практически отсутствуют коммуникативные преграды. Конструируя новый образ, личность в виртуальном пространстве может осуществлять не только социальную, но и асоциальную и антисоциальную деятельность. В связи с этим в сети наблюдается большое количество случаев деструктивного социального взаимодействия, принимающие виды троллинга, кибербуллинга, спамерства, хакинга и т.д. Несмотря на большое количество современных исследований, посвященных изучению данных проблем, на данном этапе не существует комплексной методики по диагностике склонности личности к асоциальному

поведению в интернет-пространстве.

Целью статьи является представление результатов разработки и стандартизации авторского исследовательского опросника «Направленность поведения личности в интернет-пространстве».

Основное изложение материала

На данном этапе развития научной мысли существует множество работ, посвященных асоциальному поведению личности в интернет-пространстве.

Г.И. Могилевская в своих исследованиях кибербуллинга отмечала, что этот феномен можно трактовать как агрессивное преследование личности в виртуальной социальной среде. По мнению ученой, он может иметь разные формы, от написания оскорбительных сообщений до публикации компрометирующих материалов и шантажа. Г.И. Могилевская также отмечала, что особую опасность кибербуллинг приобретает в связи с тем, что его акты совершаются публично, а количество наблюдателей может быть очень большим, благодаря возможности распространения информации в Сети. Вместе с этим исследовательница отмечала круглосуточность кибербуллинга, так как возможности доступа в виртуальное

пространство, как агрессора, так и жертвы практически безграничны [6]

Ученые отмечали, что кибербуллинг может оказывать негативное влияние на жертву, а именно снижать уровень самооценки, повышать вероятность развития депрессивного состояния, вызывать ощущение беспомощности. По результатам их исследований было выявлено, что у жертв данного интернет-феномена наблюдались разочарование, ощущение социальной изоляции, высокая тревожность, обида, желание совершения актов суицида и т.д. При этом, по мнению ученых, основными детерминантами становления участниками кибербуллинга становятся рискованное поведение в виртуальном пространстве, склонность к интернет-зависимости, несоблюдение «информационной гигиены» [1; 8]

А.Ю. Мельникова отмечала, что формой асоциального поведения в интернет-пространстве может выступать троллинг. Условиями его возникновения, по мнению исследовательницы, являются сложность личностной идентификации, возможность сокрытия личной информации, конфликтные ситуации в виртуальном социуме. А.Ю. Мельникова отмечала, что троллям присуща так называемая перманентная эмоциональная диссоциация, позволяющая сохранять им избегать чувств тревоги, страха, агрессии, эмоциональной включенности и т.д. Ученая отмечала, что особое внимание тролли уделяют актуальным социальным проблемам общества. Они склонны обращать внимание окружающих на те ситуации, в которых понятия нормы и морали отличаются диффузностью либо имеют противоречивые позиции. При этом сам троллинг может быть как относительно безвредным и провоцирующим конструктивное обсуждение, так и агрессивным, вызывающим конфликты и киберпреследование [5]

Ряд исследователей в ходе изучения троллинга, определяли, что это вид социальной манипуляции, побуждающий жертву к определенным действиям. Результатом троллинга становится также воздействие на эмоциональную сферу личности, а также провокация определенных эмоциональных реакций и действий, выгодных для агрессора. По мнению исследователей, в современном мире данный феномен разворачивается благодаря виртуальному пространству сети Интернет, в котором свидетелями манипулятивных провокаций может становиться большое количество людей. Также необходимо отметить, что троллинг может быть направлен не только против одного человека, но и в целом против малых и больших групп, с целью провокации конфликтов на основе столкновения ценностей, социальной стратификации и т.д. [2; 7]

А.Д. Еляков в своих исследованиях отмечал особую опасность спама, как феномена, присущего интернет-

пространству и представляющего собой процесс массового распространения незапрашиваемых электронных писем. По мнению исследователя подобное пресыщение нежелательной информацией и неспособность управлять ее потоками может приводить к устойчивым разрушениям нервной системы, конфликтам. А.Д. Еляков также уделял особое внимание так называемому синдрому эмоциональной усталости, который определяется как психическое состояние личности, искажающее способность оценивания ситуаций, нарушающее мыслительный процесс умозаключения, провоцирующее ведение ошибочных суждений и принятие неверных решений. При этом, по мнению ученого, у личности по мере увеличения плотности информационного потока возрастает также эмоциональная напряженность, проявляются симптомы стресса. При затяжном пребывании в состоянии эмоциональной усталости у человека также могут проявляться рассеянность, ухудшение внимания, приступы раздражительности и психосоматические явления [3].

Исследование асоциального поведения личности в интернет-пространстве определило проблему отсутствия опросников и методик, с помощью которых можно оценить поведенческие особенности, присущие процессу жизнедеятельности в системе гиперреальности. Наиболее близким диагностическим инструментом для определения особенностей поведения в виртуальном пространстве является опросник «Личность в виртуальном пространстве» А.И. Лучинкиной. Однако необходимо отметить, что свойство «Направленность», выделенное исследовательницей определяется как социальное, асоциальное или антисоциальное поведение, направленное на сохранение или нарушение действующих правил сетевого этикета и действующего законодательства в целом, и не рассматривает по отдельности частные формы асоциального поведения и в интернет-пространстве. [4]

Данный факт привел к возникновению необходимости в двухэтапном создании соответствующего авторского исследовательского опросника «Направленность поведения личности в интернет-пространстве».

На первом этапе в ходе изучения научно-исследовательской литературы по теме поведения личности в интернет-пространстве был выделен ряд его вариантов: склонность к кибербуллингу, склонность к троллингу, склонность к спамерству, склонность к использованию нелегального контента.

Опросник включает в себя 20 утверждений, объединенных в 4 блока: склонность к кибербуллингу, склонность к троллингу, склонность к спамерству, склонность к использованию нелегального контента (рис. 1).

№ п.п.	Шкала	№ вопросов
1	Склонность к кибербуллингу	1, 2, 3, 4, 5
2	Склонность к троллингу	6, 7, 8, 9, 10
3	Склонность к спамерству	11, 12, 13, 14, 15
4	Склонность к использованию нелегального контента	16, 17, 18, 19, 20

Рис. 1. Распределение вопросов согласно заданным шкалам

Степень согласия или несогласия с утверждениями опросника предлагалось выразить с использованием шкалы: (0 баллов – я никогда так не делаю, 1 балл – я так делаю от случая к случаю, 2 балла – я часто так делаю).

Наличие тенденции к склонности к определенному виду поведения по указанным группам вычисляется сложением количества утверждений, с которыми респондент выразил согласие или несогласие, в соответствии с рис. 1.

К участию в экспертизе авторского исследовательского опросника приглашались практикующие психологи со стажем работы по специальности не менее 5 лет. После экспертного анализа авторского исследовательского опросника в блок «Склонность к использованию нелегального контента» был добавлен ряд вопросов, таких как «Я могу пользоваться ресурсами, на которых распространяются нелегальные фильмы, музыка и т.д.», «Я могу пользоваться пиратским или взломанным программным обеспечением». Также по результатам экспертной оценки был расширен блок «Склонность к троллингу» вопросом: «Я могу в сетевых сообществах писать провокационные комментарии или записи с целью разжечь конфликт».

Инструкция к опроснику может быть представлена следующим образом:

Оцените каждое утверждение баллами от 0 до 2 по следующему принципу: 2 балла – я часто так делаю; 1 балл – я так делаю от случая к случаю, 0 баллов – я никогда так не делаю

Блок «Склонность к кибербуллингу»

1. Я могу участвовать в коллективном игнорировании одного или нескольких человек в интернет-сообществах.
2. Я могу систематически рассылать в Интернете оскорбительные или угрожающие сообщения другим людям.
3. Я могу размещать в Интернете личную информацию (фотографии, переписки и т.д.) других людей без их ведома и согласия.
4. Я могу в сети Интернет создать страницу другого человека и от якобы его имени вести деятель-

ность, которая испортит его репутацию.

5. Я могу в Интернете следить за человеком в различных социальных сетях, чтобы не упустить возможность причинить вред ему или его репутации, написав негативные комментарии.

Блок «Склонность к троллингу»

6. Я могу спровоцировать в Интернете конфликт в комментариях просто потому, что мне так захотелось.
7. Я могу проверять, насколько хорошо работают модераторы, публикуя сообщения, запрещенные правилами сетевого сообщества.
8. Я могу в ситуации конфликта высказывать свое мнение в нецензурной или грубой форме.
9. Я могу в сетевых сообществах писать провокационные комментарии или записи с целью разжечь конфликт.
10. Я могу вывести из себя человека своими комментариями или сообщениями, если чувствую, что его легко задеть.

Блок «Склонность к спамерству»

11. Я могу заниматься рассылкой цепных писем «Разошли это 10 своим друзьям...».
12. Я могу писать к постам комментарии, которые никак не касаются предмета обсуждения.
13. Я могу в сетевых сообществах писать в обсуждениях сообщения, которые не содержат никакого смысла
14. Я могу рассылать в комментарии рекламу посторонних ресурсов и сайтов, даже если это запрещено правилами сетевого сообщества.
15. Я могу рассылать в Интернете сообщения, содержащие вирусы или фишинговые ссылки.

Блок «Склонность к использованию нелегального контента»

16. Я могу посещать торрент-трекеры и файловые хранилища с нелегальным контентом.
17. Я могу заходить на сайты, отмечаемые на законодательном уровне как нежелательные.
18. Я могу пользоваться ресурсами, на которых распространяются нелегальные фильмы, музыка и т.д.
19. Я могу пользоваться пиратским или взломанным программным обеспечением.
20. Я могу посещать сайты с порнографическим содержанием.

Далее выполнялись расчеты количества набранных баллов по шкалам:

1. Склонность к кибербуллингу: сумма баллов в вопросах 1-5.
2. Склонность к троллингу: сумма баллов в вопросах: 6-10

3. Склонность к спамерству: сумма баллов в вопросах 11-15
4. Склонность к использованию нелицензионного контента: сумма баллов в вопросах 16-20.
5. Асоциальное поведение в интернет-пространстве: сумма баллов по всем вопросам.

Стандартизация авторского исследовательского опросника осуществлялась в два этапа.

На первом этапе была обоснована надежность опросника с использованием ряда аналитических инструментов. Для проверки стабильности опросника было проведено ретестовое исследование с интервалом в 1 месяц. Для обоснования константности при ретестовом исследовании также была произведена замена экспериментатора при относительном сохранении прочих условий эксперимента. Для обоснования инструментальной надежности был использован метод половинного расщепления Гуттмана.

На втором этапе была обоснована валидность опросника. Для определения содержательной валидности был использован метод экспертных оценок, в ходе которого были изменены и дополнены вопросами блоки «Склонность к троллингу» и «Склонность к использо-

ванию нелицензионного контента». Экспертами выступили практические психологи, исследующие процесс интернет-социализации личности. Для определения конструктивной валидности был использован метод конвергентной и дискриминантной валидации. В качестве критериев для конвергентной валидации для всех шкал был выбран показатель шкалы «Направленность» методики «Личность в виртуальном пространстве» А.И. Лучинкиной. В ходе корреляционного анализа было подтверждено наличие высокого уровня связи между шкалами, что подтверждает валидность авторского исследовательского опросника. В качестве критерия для дискриминантной валидации была выбрана шкала «Вовлеченность» методики «Личность в виртуальном пространстве» А.И. Лучинкиной. В ходе корреляционного анализа было подтверждено отсутствие связи между данной шкалой и шкалами авторского опросника, что так же подтверждает валидность авторского исследовательского опросника.

На следующем этапе с использованием факторного анализа было обосновано снижение размерности опросника и выделение шкалы «Асоциальное поведение в интернет-пространстве», вычисляемой путем сложения всех баллов по основным шкалам.

Шкала	Валидность		Надежность		
	Конвергентная	Дискриминантная	Инструментальность	Константность	Стабильность
Склонность к кибербуллингу	0,712	0,116	0,812	0,825	0,812
Склонность к троллингу	0,713	-0,081	0,822	0,831	0,822
Склонность к спамерству	0,716	0,057	0,817	0,817	0,817
Склонность к использованию нелицензионного контента	0,711	-0,106	0,814	0,821	0,814
Асоциальное поведение в интернет-пространстве	0,713	-0,119	0,816	0,822	0,816

Рис. 2. Показатели валидности и надежности опросника «Асоциальное поведение в интернет-пространстве»

Шкала	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Склонность к кибербуллингу	0-1 балл	2-3 балла	4-10 баллов
Склонность к троллингу	0-1 балл	2-3 балла	4-10 баллов
Склонность к спамерству	0-1 балл	2-3 балла	4-10 баллов
Склонность к использованию нелицензионного контента	0-1 балл	2-3 балла	4-10 баллов
Асоциальное поведение в интернет-пространстве	0-4 балла	4-12 баллов	13-40 баллов

Рис. 3. Уровневые показатели по шкале уровень асоциального поведения в интернет-пространстве

Результаты, полученные в ходе исследования валидности и надежности авторского исследовательского опросника представлены на рис. 2.

Для изучения направленности поведения личности в интернет-пространстве была обоснована нормальность распределения данных по шкале «Асоциальное поведение в интернет-пространстве». Для этого был использован непараметрический критерий Колмогорова-Смирнова, который после применения на экспериментальной выборке в 100 человек позволил выявить, что распределение является близким к нормальному.

Также с использованием полученных описательных статистик параметров нормального распределения, таких как средние значения и среднеквадратичные отклонения, были высчитаны уровни нормы для асоциального поведения в Сети (рис. 3).

Низкий уровень асоциального поведения в Сети заключается в стремлении личности постоянно соблюдать нормы сетевых сообществ, не допуская случаев пренебрежения ими. В ситуации конфликта она старается не вступать в него и не допускать его эскалации.

Средний уровень асоциального поведения в Сети заключается в стремлении личности в целом соблюдать нормы и правила сетевых сообществ, в которых они функционируют. При этом случаи их нарушения возникают редко и носят ситуативный характер, не превращаясь в устойчивое поведение.

Высокий уровень асоциального поведения в Сети заключается в устойчивой тенденции к нарушению правил и норм сетевых сообществ, осуществлению асоциальной деятельности, такой как спам, флуд, троллинг и т.д. При этом существует пренебрежение и обесценивание правил сетевого этикета, нарушения которого обладают систематическим характером.

Выводы

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на данном этапе развития социума и расширения его жизненного пространства за счет социокультурной среды сети Интернет все более актуальной становится проблема киберагрессии. Асоциальное поведение в интернет-пространстве может приобретать разные формы: спам, троллинг, кибербуллинг и т.д., каждая из которых наносит вред психическому здоровью участников взаимодействия. Несмотря на большое количество исследований, посвященных данной проблеме, можно отметить отсутствие комплексного инструментария, предназначенного для диагностики склонности личности к совершению актов виртуальной агрессии.

Предлагаемый авторский исследовательский опросник «Направленность личности в интернет-пространстве» призван выявить склонность личности к ведению асоциальной деятельности в интернет-пространстве. В ходе исследования с помощью математических методов было определено, что он соответствует требованиям валидности и надежности, вследствие чего может быть использован в ходе психодиагностической работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бородина В.Н. Кибербуллинг среди подростков в образовательной среде как предмет исследования / В.Н. Бородина, А.И. Петимко // Мир науки, культуры, образования. – 2021. – № 6 (91). – С. 154-157.
2. Евдокимов В.А. Троллинг в медиасфере / В.А. Евдокимов // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2019. – № 4 (38). – С. 41-47.
3. Еляков А.Д. Дефицит и избыток информации в современном социуме / А.Д. Еляков // Социологические исследования. – 2010. – № 12 (130). – С. 107-114.
4. Лучинкина А.И. Информационно-психологическая безопасность личности в интернет-пространстве / А.И. Лучинкина, Т.В. Юдеева, В.Р. Ушакова. – Симферополь: ДИАЙПИ, 2015. – 151 с.
5. Мельникова А.Ю. Троллинг как новая форма острашения в молодежной культуре / А.Ю. Мельникова // Человек. Культура. Образование. – 2018. – № 1 (27). – С. 49-59.
6. Могилевская Г.И. Кибербуллинг как форма онлайн-агрессии в современном обществе / Г.И. Могилевская, А.М. Бабаева, В.Е. Чумаков // Аллея науки. – 2018. – Т. 2. – № 10 (26). – С. 468-473.
7. Тумский С.В. Троллинг как форма провокации в интернет-пространстве / С.В. Тумский // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2020. – № 5 (125). – С. 213-218.
8. Шейнов В.П. Кибербуллинг в молодежной среде: истоки и последствия / В.П. Шейнов // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. – 2019. – № 2. – С. 588-594.

© Зекерьяев Руслан Ильвисович (ruslan51291@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ КИНЕЗИОЛОГИИ В РЕШЕНИИ ПРИКЛАДНЫХ ПРОБЛЕМ КОРРЕКЦИОННОЙ ПСИХОЛОГИИ

MODERN POSSIBILITIES OF KINESIOLOGY IN SOLVING APPLIED PROBLEMS OF CORRECTION PSYCHOLOGY

**B. Kogan
D. Zhakov**

Summary: The analytical review examines those aspects of kinesiology that can be useful in correcting various types of child development disorders. The definition of kinesiology as a scientific discipline is given, the areas of special knowledge in kinesiology that can be used in the development of methods and techniques for correcting motor disorders based on the modified formation of physiologically correct movement patterns are highlighted.

The authors pay special attention to the specific activities of a kinesiologist, including the impact on motor development, sensorimotor and behavioral foundations of disorders of the emotional-volitional sphere, as well as the formation of intellectual activity, focusing on the «intersections» both in the field of theory and practice of kinesiology with correctional psychology and neuropsychology, based on universal concepts for these disciplines about the complex structure of the defect and ideas about the internal relationship between the sensory (cognitive) and motor (motor) sides of development.

Analyzing theoretical and experimental research presented in the works of domestic and foreign authors on the relationship between normal and deviant motor development on the one hand and emotional-volitional and intellectual aspects of development on the other, the authors conclude that the available literature data is sufficient only for the formulation of preliminary, search hypotheses.

Few studies on the relationship of motor and cognitive development (adults and children) presented in the analytical review, emphasize the direct correlation between emotional-behavioral disorders individual aspects of development and various disabilities in mastering motor skills, as well as ascertain the need for further research on the role of special methods in remedial programs aimed at normalizing psychological and behavioral disorders in children with different variants of dysontogenesis.

Keywords: kinesiology, special psychology, neuropsychology, dysontogenesis, motor development, unified functional system, systems approach.

Коган Борис Михайлович

*Д.б.н., профессор, Московский городской педагогический университет, Москва
KoganBM@mgpu.ru*

Жаков Дмитрий Андреевич

*Аспирант, Московский городской педагогический университет, Москва
zhakovdima2009@rambler.ru*

Аннотация: Статья представляет собой аналитический обзор аспектов кинезиологии применительно к коррекции различных типов нарушений детского развития. Дано определение кинезиологии как научной дисциплины, выделены области специальных знаний в кинезиологии, которые могут использоваться в разработке методов и техник коррекции двигательных нарушений, базирующихся на измененном формировании физиологически правильных паттернов движения.

Особое внимание уделяется рассмотрению специфической деятельности специалиста-кинезиолога, включающей в себя влияние на моторное развитие, сенсомоторные и поведенческие основы нарушений эмоционально-волевой сферы, а также формирование интеллектуальной деятельности, делая акцент на «пересечениях» как в области теорий, так и практики кинезиологии с коррекционной психологией и нейропсихологией, базирующийся на универсальных для этих дисциплин представлениях о сложной структуре дефекта и идеях о внутренней взаимосвязи между сенсорной (когнитивной) и моторной (двигательной) сторонами развития, образующих единую функциональную систему.

Анализируя теоретические и экспериментальные исследования, представленные в трудах отечественных и зарубежных авторов, посвященных взаимосвязи нормального и отклоняющегося двигательного (моторного) развития с одной стороны и эмоционально-волевой и интеллектуальной сторон развития – с другой, авторы приходят к выводу, что имеющиеся в доступной литературе данные достаточны лишь для формулирования предварительных, поисковых гипотез. Немногочисленные исследования, посвященные взаимосвязи моторной и когнитивной сфер развития (как взрослых, так и детей), представленные в аналитическом обзоре, подчеркивают наличие прямой корреляции между эмоционально-поведенческими расстройствами, нарушениями отдельных сторон развития и различными отклонениями в овладении двигательными навыками, а также констатируют необходимость дальнейшего исследования роли кинезиологических методов в коррекционных программах, направленных на нормализацию психологических и поведенческих расстройств у детей с различными вариантами дизонтогенеза.

Ключевые слова: кинезиология, специальная психология, нейропсихология, дизонтогенез, моторное развитие, единая функциональная система, системный подход.

Введение

Кинезиология, как научная дисциплина, представляет собой систему понятий, описывающих принципы, законы и закономерности формирования

анатомически правильных паттернов движения [6]. Наряду с разработкой собственных понятий, таких как «мануально-мышечное тестирование» (ММТ), «мышечно-фасциальные цепи» (МФЦ), «нейрососудистый» и «нейролимфатический» рефлекс, кинезиология заим-

ствуется множество понятий из смежных дисциплин, таких как биомеханика, патобиомеханика, нейрофизиология и многих других [5; 6; 7]. Используя понятия из других наук и практических дисциплин, кинезиология дополняет и развивает основные содержания этих понятий, встраивая их в иную систему гипотез. Попадая в поле деятельности кинезиолога, теоретические конструкты приобретают более опраксиматезированный характер [6; 13; 47].

Практическое применение кинезиологии, с другой стороны, состоит в разработке методов диагностики и коррекции функций скелетно-мышечной системы, и способов оценки эффективности коррекционного воздействия. Понятия и теоретические конструкты, разрабатываемые в рамках кинезиологии тесно взаимосвязаны с практической областью их применения [19; 45; 40].

В аналитическом обзоре представлены основные идеи Н.А. Бернштейна, М.Р. Могендовича, С. Годдарда, которые являются фундаментальными для кинезиологии, как самостоятельной области знания, и находят непосредственное применение в практике коррекционной психологии. Кроме того, работы именно этих авторов обобщают обширный материал, полученный в ходе разработки частных проблем кинезиологии [6].

Истоки и современность теоретических и экспериментальных основ научного знания о движении человека

Начало фундаментальных исследований основ функциональной анатомии, высшей нервной деятельности человека, заложенное научными трудами и выдающимися исследователями конца XIX - начала XX столетия, послужило базисом для стремительного развития в 1970-х годах кинезиологии, воплотившей идею о роли движения человека для его психического и физического развития не только в теории, но главным образом в практике. На современном этапе развития, кинезиология рассматривает функциональное состояние организма с позиции взаимосвязи и взаимозависимости всех его систем, целостно реагирующих на воздействие внешней среды [6; 45]. Рефлекторная деятельность нервной системы используется как инструмент диагностики нарушений в организме на любом уровне их развития и метод оценки эффективности предполагаемой коррекции [43]. Таким образом, двигательная функция, являясь результатом совместной деятельности разных отделов ЦНС, регулируется определенными звеньями сложной функциональной системы. Выпадение или дисфункция любого из них приводит к нарушению функционирования системы в целом [3; 20; 47].

Основными теоретическими конструктами теории Н.А. Бернштейна являются принцип сенсорной коррекции (обратная связь), рефлекторное кольцо, представ-

ление об уровнях организации построения движений [4; 11]. Движение определяется им как комплекс психофизиологических функций, реализуемых динамическим аппаратом человека. Теория Н.А. Бернштейна соответствует представлениям отечественной психологии, перекликаясь с теорией деятельности А.Н. Леонтьева, таким образом, что понятие движения по Н.А. Бернштейну частично соответствует понятиям «операция» и «действие» используемыми в теории деятельности [4; 11; 17; 18].

В отличие от И.П. Павлова, Н.А. Бернштейн, основывая свою теорию на принципе целостности, полагал, что рефлекс – это не элемент действия, а элементарное завершённое действие. Классическому принципу реактивности, лежащему в основе ранних работ по физиологии движений, автор противопоставлял принцип активности: «в организме все моторы осенсорены, а сенсоры омоторены» [4].

В работе «Очерки по физиологии движения и физиологической активности», был сформулирован принцип сенсорных коррекций, состоящий в том, что моторные импульсы в процессе движения подвергаются изменению на основе сенсорной информации [4; 11].

Под понятием «уровень построения движения» Бернштейн подразумевал «морфологические слои» центральной нервной системы (ЦНС). Сигналы обратной связи попадают в чувствительные центры головного мозга и переключаются на моторные пути разных уровней ЦНС в зависимости от поступающей информации. Смысл движения детерминирует ведущий уровень построения движения, при этом цель действия детерминирует физиологию движения [4; 11]. Таким образом Н.А. Бернштейн вводит понятие целевой детерминации поведения в качестве альтернативы реактивной модели поведения [11; 19; 43].

Говоря о связи кинезиологии и нейропсихологии, необходимо подчеркнуть, что основные результаты исследований кинезиологов созвучны, а иногда тождественны с теми экспериментальными и клиническими данными, которые получает нейропсихология в результате изучения головного мозга: это касается, в первую очередь, роли движения в развитии ребенка и взаимосвязи моторной и сенсорной сфер [1; 5; 25; 26; 28; 29; 33; 34]. Тождество выводов, а также разделяемое представителями обоих направлений представление о «нейронной организации» двигательной активности позволяет утверждать, что эти дисциплины дополняют друг друга. Если нейропсихологию преимущественно интересует развитие «высших корковых функций», то кинезиологию – «мозговые механизмы» построения движения [10; 13; 20; 23; 45].

Роль двигательных упражнений в восстановлении когнитивных функций показана в многочисленных физиотерапевтических работах, выполненных на взрослых пациентах, а их основная цель определяется восстановлением утраченных функций, а не их развитием, что ограничивает возможность экстраполяции результатов данных исследований на область исследований коррекционной психологии. О том, какие различия существуют между нарушением функции у взрослого и недоразвитием ее у ребенка и, соответственно, о различиях в способах ее восстановления писали многие авторы, в том числе Л.С. Выготский и А.Р. Лурия. С другой стороны, картина, возникающая при органических поражениях мозга и способы восстановления нарушенных функций, резюмируемые нейропсихологией, были механически перенесены и на детей [20; 43].

Опыт применения методов кинезиологии в решении практических задач коррекционной психологии

На данный момент основные задачи, выполняемые кинезиологией, выглядят следующим образом: оценка оптимальности выполнения движения; изучение механизмов формирования движения (нейрофизиологических, рефлекторных и механических); разработка методов и техник коррекции нарушений движений, и связанных с этими расстройств работы органов и систем [5; 6]. Именно в этом разделе исследования кинезиологов примыкают к практической области коррекционной психологии. Общими теоретическими конструктами здесь выступают представление о взаимосвязи сенсорной и моторной систем, теории построения движений, единстве когнитивной, эмоциональной и поведенческой сфер и представление о «сложной структуре дефекта», разработанной Л.С. Выготским, где первичный дефект – органический [4; 6; 8; 10; 24; 27]. Кроме того, немало важно упомянуть, что общим для кинезиологии и коррекционной психологии является понятие «компенсация», которое имеет в обеих дисциплинах схожее наполнение [27; 47]. Представляется закономерным в соответствии со сложной структурой дефекта, что при любых вариантах дизонтогенеза наблюдаются нарушения паттернов движения, а следовательно, и познавательной активности [28; 34].

Историческое происхождение кинезиологии (как дальнейшего развития учений о рефлексах и построении движений) и использование сходных с отечественной коррекционной психологией базовых теоретических конструктов (поскольку отечественная психология тесно смыкается с физиологией, как на уровне теории, так и на уровне практики), в том числе эксплицитно или имплицитно элементов теории деятельности и нейропсихологического подхода (главным образом, привлекая данные нейропсихологии для построения объяснитель-

ных гипотез), делает элементы кинезиологических практик принципиально совместимыми с деятельностью коррекционного психолога, а практико-ориентированный характер кинезиологии позволяет сделать ее источником конкретных практических методик по работе, не только с паттернами движений, но эмоционально-волевой и когнитивной сферами [47].

Несмотря на то, что гипотеза о наличии внутренних взаимосвязей между моторным развитием и развитием высших психических функций теоретически обоснована с позиции нейропсихологии, кинезиологии и коррекционной психологии, в настоящее время, в данной области, специальных исследований, направленных на статистическую оценку эффективности влияния «двигательной коррекции» на развитие высших психических функций, не проводилось [30]. В нейропсихологической коррекции и коррекционной психологии применяются различные методы, включающие в себя набор двигательных упражнений [12; 30; 31; 32; 35], однако многие упражнения выполняются без понимания биомеханических и патобиомеханических особенностей организации движения, а, следовательно, и без учета анатомо-физиологических особенностей конкретного организма, что снижает эффективность применения упражнений. Данные нейропсихологии указывают на необходимость применения двигательных упражнений в коррекции высших психических функций [12; 16; 33].

В качестве примера можно привести исследование, посвященное поиску связи между перинатальной патологией и нарушениями в развитии высших психических функций, где двигательные нарушения выступают в качестве симптома, не имея самостоятельной значимости. Специальным исследованиям подвергалась гипотеза о влиянии двигательных упражнений на становление нейропсихологических механизмов формирования и развития высших психических функций [14].

Парадоксальным является то, что и в кинезиологии, и в нейропсихологии, и в коррекционной психологии признание наличия взаимосвязи между моторным и когнитивным развитием сочетается с отсутствием данных об эффективности применения двигательных упражнений в коррекции высших психических функций, подтвержденных методами математической статистики.

В ряде исследований было подтверждено наличие взаимосвязи между когнитивным, социальным и физическим функционированием пациентов с различными вариантами патологии, а также позитивное влияние физиотерапии на состояние когнитивных функций пациентов [37; 41; 48].

В настоящее время проблема взаимосвязи рефлексов новорожденных с дальнейшим развитием навыков у

ребенка, в том числе учебных, в частности, навыков чтения и письма, интересует как кинезиологов, так и специалистов других областей, прежде всего педагогов и психологов [1; 7; 13; 45]. Рефлекторная деятельность лежит в основе сложных моторных актов, так как рефлексы запускают работу миофасциальных цепей (МФЦ) [5; 6; 40]. Поскольку рефлексы новорожденных оказывают влияние на дальнейшее развитие ребенка, можно утверждать, вслед за С. Годдардом, что, не интегрированные (не истощенные, не угнетенные) вовремя (в соответствии с возрастными нормами) рефлексы новорожденных могут препятствовать «нормальному» развитию ребенка, то есть своевременному и успешному освоению различных навыков [13].

Исследовав более 3 000 детей в возрасте от 1 месяца до 18 лет, С. Масгутова обнаружила статистически значимую корреляцию между неправильной интеграцией рефлексов и спецификой типов задержки развития. Результаты ее исследований указывают на то, что неполная интеграция рефлекторных паттернов может быть причиной функциональных и структурных проблем в организме, таких как нарушения памяти, неправильного становления образного и словесно-логического мышления, синдрома гиперактивности с дефицитом внимания [42].

Даже у новорожденных рефлексы образуют целостную иерархически организованную систему реагирования, а проявление и развитие конкретных рефлексов и их преобразования в более сложные двигательные акты происходит в онтогенезе последовательно. Развитие нервной системы определяет, в каком возрасте возникает конкретный рефлекс, и к какому времени он истощается или угасает [13; 45; 38]. Рефлексы новорожденных произвольны, стереотипны и носят характер «автоматических ответов» на раздражения окружающей среды – осуществление автоматических произвольных действий может быть условно «локализовано» в стволовых структурах головного мозга [13; 20]. Рефлексы новорожденных – «фундамент», на котором строится освоение «постуральных» и «установочных» рефлексов, сопровождающееся интеграцией рефлексов (или их истощением) в более сложные двигательные акты – чему соответствует рост кортикального контроля над двигательной активностью [13; 15; 33].

Имеются данные о том, что кроме характерных затруднений в овладении учебными навыками, развитии крупной и мелкой моторики, когнитивных способностей в целом, при неинтегрированности конкретного рефлекса или целого «ансамбля рефлексов» наблюдаются также характерные «эмоциональные проблемы», которые В.В. Лебединский описывает как «эмоционально поведенческие» [10; 13; 27]. Тем самым подтверждается неразрывная связь поведенческой (моторной), эмоциональной и когнитивной сфер развития ребенка и подчеркивается

роль раннего постнатального этапа развития.

Более того, существуют реципрокные отношения между эмоциональными проявлениями и функциональной активностью организма, включая внутренние органы и скелетно-мышечную систему в том числе его моторную сферу [7; 23; 24; 42; 43], что предполагает возможности коррекции эмоциональных нарушений при выполнении специальных двигательных упражнений, подтверждая единство «телесного» и «психического» [7].

В. Войта в своей работе по коррекции двигательных нарушений у детей с детским церебральным параличом, говорит о «рефлексопомощии»: генерализованных моторных реакций, возникающих, в ответ на стимуляцию, «триггерных точек». Формальное сходство паттернов движения детей с поражениями опорно-двигательного аппарата и их сверстников без отклонений, автор обозначил термином «врожденные образцы движения». Развитие этих идей привело к созданию особого варианта терапии, в которой основной упор делается на активацию «врожденных образцов движения» в обход «функциональной блокады» через прямое физическое воздействие на «триггерные» точки [2; 9].

Одним из популярных, современных методов коррекции двигательных нарушений и косвенно, высших психических функций, является метод мозжечковой стимуляции. Основным способом реализации метода является использование балансирующей доски, который показал взаимосвязь между уровнем развития двигательной-моторной координации и успеваемости, то есть, тех психических функций, развитие которых необходимо для освоения школьной программы [39]. На данный момент существует ряд исследований, посвященных влиянию метода Balametrics на школьную успеваемость. В одном из таких исследований, проведенном В.В. Шолоховой было подтверждено наличие связи между школьной успеваемостью учащихся 1-4 классов с интеллектуальной недостаточностью. Результаты данного исследования косвенно свидетельствуют об эффективности применения двигательных упражнений для развития высших психических функций [39].

Кинезиологическая коррекция строится на использовании специально подобранных «нагрузок», которые позволяют количественно и качественно оценить не только нарушение в функционировании опорно-двигательного аппарата, но и косвенно, реакции нервной системы [6].

Движения и двигательная активность в целом имеют фундаментальное значение для физического и психического развития ребенка, поскольку движения способствуют не просто формированию автономии ребенка от действий родителя или любого иного взрослого че-

ловека, но способствуют развитию его самостоятельности, что «приводит к значительному расширению сферы деятельности, доступной и необходимой для познания ребенка» [18, 36].

Заключение

Кинезиология изучает законы организации движения и влияния нарушения двигательных паттернов на состояние организма в целом и его отдельных систем и функций, включая, роли неотторженных рефлексов новорожденных на развитие когнитивных функций [13]. Такого рода исследования, теснейшим образом примыкают к деятельности коррекционного психолога, и могут служить методологическому обогащению коррекционной психологии, поскольку разработанные в кинезиологии теоретические конструкты и конкретные методики и техники диагностики и коррекции, направленные

на восстановление правильных паттернов движения, способствуют развитию эмоциональной и когнитивной сфер ребенка [7].

Все выше изложенное о состоянии исследований связи моторного развития с когнитивным развитием, указывает на недостаточность статистических данных, позволяющих подтвердить или опровергнуть гипотезу о взаимосвязи двигательного и когнитивного направлений онтогенеза. Теоретически данная гипотеза представляется оправданной с позиции кинезиологии, нейропсихологии и коррекционной психологии. Авторы выражают уверенность в необходимости подтверждения данных предположений статистической оценкой эффективности коррекционных воздействий, так как применение методов кинезиологии на современном уровне развития коррекционной психологии, представляется чрезвычайно перспективной областью исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова О.В., Коган Б.М. Прогнозирование риска когнитивного и моторного дефицита у детей 5-ти лет на базе их диагностики в трех месячном возрасте // Практическая медицина. 2013. №1. С. 166-168.
2. Айрес Э. Дж. Ребенок и сенсорная интеграция. Понимание скрытых проблем развития. М.: Издательство «Теревинф», 2009. 272 с.
3. Анохин П.К. Очерки по физиологии функциональных систем. М.: ЕЭ Медиа, «Книга по требованию», 2015. 477 с.
4. Бернштейн Н.А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности / М.: Издательство «Медицина», 2010. 349 с.
5. Вальтер Дэвид С. Прикладная кинезиология. СПб.: Северная звезда, 2011. 644 с.
6. Васильева Л.Ф. Прикладная кинезиология. Восстановление тонуса и функций скелетных мышц. М.: Эксмо, 2019. 304 с.
7. Васильева Л.Ф. Эмоциональные нарушения в прикладной кинезиологии (надсознательное, подсознательное, бессознательное). М.: Академия Медицинской Кинезиологии и Мануальной Терапии, 2016. 92 с.
8. Васильева Л.Ф., Крашенинников В.Л. Вегетативные рефлексы (примитивные, безусловные) в педиатрии и геронтологии. М.: Академия Медицинской Кинезиологии и Мануальной Терапии, 2019. 174 с.
9. Войта В., Петерс А. Принцип Войта / 3-е изд. М.: Springer, 2015. 171 с.
10. Выготский Л.С. Основы дефектологии. СПб.: Лань, 2003. 654 с.
11. Гиппенрейтер Ю.Б. Введение в общую психологию. Курс лекций. М.: ЧеРо, «Юрайт», 2008. 336 с.
12. Глозман Ж.М., Потанина А.Ю., Соболева А.Е. Нейропсихологическая диагностика в дошкольном возрасте. СПб.: Питер, 2006. 80 с.
13. Годдард С. Методы оценки и коррекции когнитивных способностей ребенка. О взаимосвязи между рефлексами новорожденных и расстройствами развития учебных и поведенческих навыков. М.: Академия Медицинской Кинезиологии и Мануальной Терапии, 2019. 89 с.
14. Горячева Т.Г., Мисоченко М.С. Промежуточные результаты нейропсихологического анализа развития детей, имеющих риски перинатальной патологии // Клиническая психология. Том VI. 2015. №4. С. 90-96.
15. Дубровинская Н.В., Фарбер Д.А., Безруких М.М. Психофизиология ребенка: Психофизиологические основы детской валеологии: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. 144 с.
16. Корсакова Н.К., Микадзе Ю. В., Балашова Е.Ю. Неудачающие дети: нейропсихологическая диагностика трудностей в обучении младших школьников. М.: Педагогическое объединение России, 2002. 136 с.
17. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения - в 2-х т. М.: ЕЭ Медиа, Книга По Требованию, 2014. Т.2. 320 с.
18. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2005. 352 с.
19. Лиф Д. Прикладная кинезиология в руководствах и таблицах. СПб.: Фолиант, 2014. 280 с.
20. Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека. СПб.: Питер, 2019. 768 с.
21. Могендович М.Р. Рефлекторное взаимодействие локомоторной и висцеральной систем. М.: Медицина, 2003. 427 с.
22. Могендович М.Р. Чувствительность внутренних органов (интероцепция) и хронаксия скелетной мускулатуры. М.: Медицина, 2001. 160 с.
23. Мясищев В.Н., Карвасарский Б.Д., Либих С.С. Основы общей и медицинской психологии. М.: Медицина 2000. 216 с.
24. Нельсон-Джоунс Р. Теория и практика консультирования. СПб.: Питер, 2000. 464 с.
25. Ньюкиктьен Ч. Детская поведенческая неврология. Том I. М.: «Теревинф», 2019. 288 с.
26. Ньюкиктьен Ч. Детская поведенческая неврология. Том II. М.: «Теревинф», 2019. 336 с.

27. Психология детей с нарушениями и отклонениями психического развития / сост. и общ. ред. В.М. Остапова, Ю.В. Микадзе. СПб.: Питер, 2001. 384 с.
28. Ратнер А. Ю. Неврология новорожденных. М.: Лаборатория знаний, 2020. 368 с.
29. Ратнер А.Ю. Родовые повреждения спинного мозга у детей. Казань: Издательство Казанского университета, 1978. 216 с.
30. Семенович А.В. Метод замещающего онтогенеза. Сборник нейропсихологических программ. Таланты детского мозга. Казань: Центр социально-гуманитарного образования, 2016. 182 с.
31. Семенович А.В. Метод замещающего онтогенеза. Сборник нейропсихологических программ. Эффективное общение. Казань: Центр социально-гуманитарного образования, 2016. 143 с.
32. Семенович А.В. Метод замещающего онтогенеза. Сборник нейропсихологических программ. Познавательная активность. Казань: Центр социально-гуманитарного образования, 2016. 143 с.
33. Семенович А.В. Нейропсихологическая коррекция в детском возрасте. Метод замещающего онтогенеза: учебное пособие. М.: Генезис, 2018. 474 с.
34. Смолянинов А.Г. Нейрокинезитерапия. РУКА – МОЗГ: Практическое руководство. Киев: Пресс-КИТ, 2011. 52 с.
35. Фарбер Д. А., Безруких М.М. Развитие мозга и формирование познавательной деятельности. М.: МПСИ, 2009. 432 с.
36. Эльконин Д.Б. Детская психология. М.: Академия, 2011. 384 с.
37. Bernhardsson S., Samsson K.S., Johansson K. A preference for dialogue: exploring the influence of patient preferences on clinical decision making and treatment in primary care physiotherapy // *European Journal of Physiotherapy*. 2019. Vol. 21. P. 107 – 114. DOI: 10.1080/21679169.2018.1496474
38. Blythe S. The physicality of learning // *Early Years Educator*. 2012. Vol. 14. P. 14-16. DOI: 10.12968/eyed.2012.14.1.14
39. Frank A. Belgau Learning breakthrough program. Port Angeles: Balametrics, inc, 2002. 74 p.
40. Gieysztor E., A.M. Choinska A.M., Paprocka-Borowicz M. Persistence of primitive reflexes and associated motor problems in healthy preschool children // *Archives of Medical Science*. 2018. Vol. 14. P. 167-173. DOI: 10.5114/aoms.2016.60503
41. Ihle-Hansen H., Langhammer B., Lydersen S. A physical activity intervention to prevent cognitive decline after stroke: secondary results from the Life After Stroke study, an 18-month randomized controlled trail // *Journal of rehabilitation medicine*. 2019. Vol. 51. P. 646 – 651. DOI: 10.2340/16501977-2588
42. Integration of Dynamic and Postural Reflexes into the Whole Body Movement System // Svetlana Masgutova and International Neurokinesiology Institute. Warsaw, 2004.
43. Lewit K., Vasilyewa L. Diagnosis of muscular dysfunction by inspection. // *In rehabilitation of the spine*, 2nd Edit. USA: Williams and Wilkins, 2002. P. 113-142.
44. Pallesen H., Lund L.B., Jensen M. The body participating: a qualitative study of early rehabilitation participation for patients with severe brain injury and low level of consciousness // *European Journal of Physiotherapy*. 2018. Vol. 20. P. 2-11. DOI: 10.1080/21679169.2017.1347706
45. Shaffer J. Applied kinesiology // *Modul 1,3,7*. 3rd Edit. London: Edinburg, 2001. 120 p.
46. Sulltane B., Aranit G., Fatlinda S. Measuring Primitive Reflexes in Children with Learning Disorders // *European Journal of Multidisciplinary Studies Articles*, European Center for Science Education and Research. 2017. Vol. 2, EJMS May. P. 285-298. DOI: 10.26417/ejms.v5i1.p285-298
47. Walter D. Applied kinesiology. 2nd Edit. USA: Systems DS, 2001. 571 p.
48. Zago M., Condoluci C., Pau M. Sex differences in the gait kinematics of patients with Down syndrome: A preliminary report // *Journal of rehabilitation medicine*. 2019. Vol. 51. P. 144 – 146. DOI: 10.2340/16501977-2507

© Коган Борис Михайлович (KoganBM@mgpu.ru), Жаков Дмитрий Андреевич (zhakovdima2009@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МОДЕЛИРОВАНИЕ КОНТЕКСТА «ИНФОРМАЦИЯ» В КОНЦЕПТЕ «ПИРАМИДА РАЗВИТИЯ» П.М. ПИСКАРЁВА

Крупская Надежда Николаевна

*Институт психологии творчества, г. Санкт-Петербург
coachknn@gmail.com*

MODELING OF THE CONTEXT "INFORMATION" IN THE CONCEPT "PYRAMID OF DEVELOPMENT" BY P.M. PISKAREV

N. Krupskaja

Summary: The article presents the results of a study of the concept of "information" from the point of view of an integration, anthropocentric, humanistic approach. The modeling of the context "Information" was carried out in accordance with the methodology of the concept "Pyramid of Development" by P.M. Piskaryov. The concept of "information" is presented through a seven-level system of concepts: "carrier", "perception", "language", "transformation", "meaning", "purpose", "field", the choice is substantiated and the main meanings of these concepts in a given context are described. The result of the work is the disclosure of the concept of "information" as a multi-level semantic structure, as well as the expansion of the "Pyramid of Development" model by P.M. Piskarev as a tool for psychological counseling and coaching.

Keywords: information, information model, integration model, information structure, development pyramid.

Аннотация: В статье представлены результаты исследования понятия «информация» с точки зрения интеграционного, антропоцентрированного, гуманистического подхода. Проведено моделирование контекста «Информация» в соответствии с методологией концепта «Пирамида развития» П.М. Пискарёва. Понятие «информация» представлено через семиуровневую систему понятий: «носитель», «восприятие», «язык», «преобразование», «смысл», «цель», «поле», обоснован выбор и описаны основные значения данных понятий в заданном контексте. Результатом работы является раскрытие понятия «информация» как многоуровневой семантической структуры, а также расширение модели «Пирамида развития» П.М. Пискарёва как инструмента психологического консультирования и коучинга.

Ключевые слова: информация, модель информации, интеграционная модель, структура информации, Пирамида развития.

Введение

Несмотря на широкое распространение и использование термина «информация», это понятие является одним из самых дискуссионных в науке и используется в разных предметных областях и областях человеческой деятельности в различных смыслах.

В научном и общественном дискурсе фигурирует большое число вариаций определений информации. Как правило, выделяются несколько аспектов: информация – это некоторые сведения, данные, сообщение о положении дел; знания, познания; сведения об окружающем мире, протекающих в нем процессах; сообщение, передача данных, сведений, фактов [3, 4, 9, 10, 18].

Существуют разные подходы к определению понятия «информация» в зависимости от науки, оперирующей данным термином, ее объекта, предмета, методов и других аспектов. Наиболее разработано понятие информации в естественно-научной и технической сфере, однако там информация рассматривается в только узко определенном аспекте (математическая теория связи К. Шеннона – с точки зрения передачи данных в процессе коммуникации; кибернетика – теория управления в си-

стемах Н. Виннера – с точки зрения управления в технических и биологических системах; теория информации Л. Бриллюэна – с точки зрения термодинамики через определение отрицательной взаимосвязи информации и энтропии, и т.д.). Определение информации в современной квантовой информатике (квантовая информация эквивалентна энтропии) принципиально контринтуитивно как с точки зрения обыденного сознания, так и социальных и гуманитарных наук.

Основными теоретическими подходами к определению информации в философии являются атрибутивная и функциональная концепции [9]. Атрибутивные теории рассматривают информацию как неотъемлемое свойство любого материального объекта и отражают статический аспект информации, функциональные – с точки зрения управления в системах, они отражают динамический аспект информации. Оба этих подхода к описанию информации целесообразно рассматривать в единстве, поскольку они не противоречат, а дополняют друг друга. Выделяют относительный и абсолютный характер информации: относительный характер информации выражается в том, что «какой-либо объект является источником информации всегда лишь в отношении к дру-

гому, строго определенному и взаимодействующему с ним объекту, который способен в данных конкретных условиях воспринять (извлечь) и использовать в своих целях эту И» [3, с. 481], абсолютный характер выражается в тотальности присутствия информации любому материальному объекту, то есть «в том, что нет таких материальных образований (объектов), которые не обладали бы таким свойством, как информация» [3, с. 481]. Рассматривают также технические, семантические и прагматические аспекты информации, связанные соответственно с проблемами точности передачи данных, сообщений, сигналов, проблемами передачи смысла и проблемами ценности и полезности сообщения, информации.

«Информация», «информационный» становятся общеупотребительными понятиями в самых широких контекстах. О современной социокультурной и экономической среде говорится как об информационном обществе. Привычными стали термины «информационная среда», «информационное пространство» [11, 12]. Т.Д. Марцинковской [7, 8] и Н.А. Голубевой [2] введена концепция «информационной социализации», описывающая психологические процессы социализации подростков в информационном пространстве [12]. Описан теоретический конструкт «информационная личность» [1]. В той или иной форме понятием «информация» оперируют социология, психология, социальная психология, когнитивная психология, психолингвистика, психосемантика, психология коммуникаций, нейронауки и другие дисциплины. Поэтому создание и описание модели информации в общегуманитарном смысле является актуальной задачей.

Многозначность, многоаспектность понятия «информация» позволяет сделать обоснованное предположение о наличии структуры информации, о возможности описания информации через конечную систему понятий. В данной работе мы разрабатываем интеграционную, антропоцентрированную, гуманистическую структурную модель информации, представляющую информацию с точки зрения человека и его психических, познавательных и коммуникативных функций, способностей и процессов.

Материалы и методы

Основой для создания представленной ниже модели информации является концепт «Пирамида развития» П.М. Пискарёва [5, 6, 13, 14, 15, 16, 17]. В контексте данной работы «Пирамида развития» выступает в роли своеобразной модели мира, модели жизненного пространства человека [5], психосемантического пространства, системы значений, описывающей человеческую реальность, а также как методология, позволяющая непротиворечиво расширять и обогащать данную модель.

«Пирамида развития» состоит из семи восьмиуровневых граней, каждая из которых представляет некоторый контекст через систему ключевых понятий, этот контекст характеризующих. Основными принципами «Пирамиды развития» являются принципы подобия, иерархии, амплификации, дифференциации, интеграции, индивидуации. Понятия, описывающие определенный контекст, организованы иерархически, что визуально отражается в вертикальном расположении слов на соответствующей грани. Принцип дифференциации (аналитический принцип) заключается в том, что контекст представляется через систему понятий. Принцип подобия означает наличие некоторого качественного сходства понятия, расположенных на одном уровне разных граней (контекстов). «Одноуровневые понятия различных смысловых полей не синонимичны, но взаимосвязаны и в определенном смысле совпадают по базовому качеству (свойству)» [5, с. 193]

Одним из методологических приемов, которым мы пользуемся, является способ описания и структуризации подобным образом любого контекста, поскольку «Пирамида развития» позволяет сопоставлять между собой смыслы, значения, понятия не только по принципу иерархии, соподчинения (вертикаль), но и по принципу подобия (горизонталь), амплифицируя смыслы. Мы предлагаем рассматривать информацию через методологию «Пирамида развития», применяя к ее описанию те же кратко изложенные выше принципы.

Таким образом, модель информации – грань «Информация» может быть описана через семь ключевых понятий, семь уровней модели «Пирамида развития», объединяющих различные аспекты информации. В данной работе мы рассматриваем информацию в общегуманитарном смысле, для описания пользуемся простым, в некотором смысле, обыденным языком, в силу важности не только теоретического, но и практического аспекта концепта «Пирамида развития» – применения ее как модели, инструмента, техники психологического консультирования и коучинга.

Представленное описание понятий, входящих в состав модели, не является исчерпывающим, объем статьи не позволяет раскрыть все необходимые нюансы с точки зрения множества социологических, психологических, технических дисциплин и теорий, оперирующих явно или косвенно термином «информация», параллели с известными понятиями других научных и практических дисциплин, областей культурологического знания приводятся для иллюстрации не только собственно представленной модели «Информации», но и использованной при ее разработке методологии «Пирамиды развития».

Рис. 1. Грань «Информация»

1 уровень. «Носитель».

Несмотря на нематериальную природу информации, у нее всегда есть некоторый носитель в виде некоторой материи в широком смысле. На этом основании носитель является составляющей информации первого уровня (физический уровень).

С точки зрения атрибутивного подхода к трактовке информации любой материальный объект содержит в себе некоторую информацию, т.е. является носителем информации. Например, неотъемлемым атрибутом любого вещества является информация о его физических и химических свойствах и качествах, определяемых и отражаемых в его химическом составе, молекулярной форме, форме кристаллической решетки и других признаках.

В функциональном подходе, который более широко применяется в гуманитарном социо-культурном контексте, предполагается, что информация как некие сведения представлена и зафиксирована в определенной закодированной форме (в заданной системе знаков, на определенном языке) специальным способом на специальном, обычно – материальном, объекте.

Очевидными примерами таких носителей информации являются книги, холсты, бумага, глиняные таблички, стены древних сооружений и т.п., несущие изображения, картины, тексты на определенном языке, и другие объекты материального мира и материальной культуры; пластинки, аудио-записи для звуковых волн (например, вокал, устная речь). Носителем информации может быть среда, например, для информации в форме звуков (уст-

ной речи) носителем является воздух – колебания воздуха соответствующей частоты и амплитуды.

Носители информации в электронном виде (форме), называемые иногда электронными носителями (что не совсем корректно), также материальны – это накопители, диски, карты памяти и т.п. – вполне осязаемые вещи, объекты физического мира. Информация хранится в закодированном виде, например, в форме фрагментов на магнитной поверхности диска, несущих различный уровень остаточной магнитной индукции. Отличие заключается в том, что информация, хранящаяся на таких носителях, не может быть считана, получена, воспринята человеком непосредственно, требуется специальное устройство, которое переводит информацию в соответствующую форму представления, которую способен воспринимать человек.

В информатике информацию первого уровня принято называть данными, поскольку в таком виде еще нет человеческого осознания, информация не распакована. На первом уровне можно говорить о некотором информационном потенциале, который раскрывается на следующих уровнях.

Понятие «носитель» также тесно связано с понятием «канал» (канал связи, канал передачи данных, канал передачи информации). Понятие «канал» преимущественно используется в динамическом аспекте, связанным с распространением информации, в теориях коммуникации, а также в теории информации (математической теории связи), кибернетике и других теориях, относящихся к техническим информационным системам, системам управления или системам связи. Понятие «носитель» в большей степени ассоциируется со статическим аспектом рассмотрения информации, например, как объект, который хранит (сохраняет, несет) информацию.

2 уровень. «Восприятие».

С точки зрения человека все многообразие носителей и способов представления (а также «кодирования») информации (от формы бензольного кольца, структуры молекулы ДНК, уровня напряжения магнитного поля земли и т.п. до древних египетских иероглифов) должно быть приведено к небольшому числу форм, соответствующих доступным человеку способам восприятия реальности.

Поэтому второй уровень информации связан с возможностью человека воспринимать данные через органы чувств. Вся информация воспринимается одним или несколькими способами: визуально, аудиально, кинестетически, моторно (двигательно) или тактильно, или через ощущения, а также через обоняние или вкус. При этом форма представления информации на данном уровне вторична: человек может воспринимать текст и

визуально, если он написан на бумаге или отображается на мониторе компьютера, и аудиально, если кто-то читает его вслух, и тактильно, если это книга набрана шрифтом Брайля, а человек обучен его воспринимать. При этом информация и способ ее кодирования – текст – идентичны во всех этих случаях.

Если форма представления информации не приспособлена к восприятию человеком, то эта информация не может быть принята и осознана. Например, человек не способен слышать напрямую, без специальных устройств, информацию, переносимую радиоволнами, или видеть изображения, сохраненные на флэш-накопителе, или структуру и форму клеток. Такую информацию необходимо перевести в соответствующую форму с помощью специализированных инструментов, подходящих устройств (декодировать в звуки, трансформировать в световое излучение с экрана монитора или увеличить с помощью микроскопа изображение в диапазоне восприятия человека). Поэтому данный уровень также связан с понятием «инструмент». В когнитивной психологии данный уровень можно соотнести с метафорой первичных фильтров восприятия человека, которые расширяются в том числе и инструментальным подходом.

В информатике и теории связи информацию второго уровня принято называть сигналом. Интерпретация сигналов, то есть собственно извлечение информации происходит на более высоких уровнях и связана с определенными правилами, соглашениями или фокусом внимания человека.

3 уровень. «Язык».

Данный уровень информации также тесно связан с понятием «форма». Слово «форма» присутствует на втором уровне грани «Творчество» Экзистенциальной пирамиды модели «Пирамида Развития». Но наше предложение использовать слово «язык» связано в большей степени с тем, что из самого определения информации следует, что форма – неотъемлемая часть, «хранилище» информации (информация – in forma – «в форме») и присуща всем ее составляющим: на любом из 7 уровней информации есть некоторая форма. Следовательно, не совсем корректно выделять ее в обособленный компонент только какого-то одного уровня иерархии.

В данном контексте мы говорим о форме информации не столько как о способе восприятия информации человеком (эта составляющая отнесена к 2 уровню иерархии), сколько как о внутреннем способе организации информации. Сюда включается и структура, и геометрическая форма, и материальные свойства и качества, и, собственно, язык.

Информация может быть представлена в форме не-

которого сообщения на некотором языке – в некоторой системе кодирования. В качестве такой системы кодирования в общем смысле может выступать структура (например, если рассматривать информацию с точки зрения атрибутивного подхода – структура молекулы или кристаллической решетки несет информацию о свойствах и качествах вещества; ярким примером являются алмаз и графит: один и тот же химический элемент – углерод – благодаря различной структуре приобретает различные свойства).

В функциональном подходе под языком понимается некоторая система кодирования, представляющая собой набор допустимых символов (алфавит), лексем, фонем, слов, а также грамматику, морфологию, синтаксис, семантику и так далее, то есть правила организации элементов языка в связный текст. Примерами являются естественные человеческие языки, например, русский, английский, китайский, искусственные языки, например, эсперанто. Известны также специализированные языки, например, формальные языки программирования, которые подразделяются на низкоуровневые, предназначенные для создания программ, взаимодействующих с командами операционной системы и непосредственно с аппаратным обеспечением, и высокоуровневые, на которых преимущественно разрабатывается программное обеспечение прикладного уровня.

В технической сфере чаще в качестве синонима понятию «Язык» используются термины «Системы кодирования», «Кодировка» и тому подобные. Написание непосредственного текста программ для ЭВМ также называется кодированием. К системам кодировки можно отнести двоичный, восьмеричный, шестнадцатеричный коды, используемые в информационных системах, системах связи, сетевые протоколы – соглашения о правилах обмена информацией и допустимых форматах ее представления, а также специализированные кодировки, переводящие информацию в другую (как правило, цифровую) форму, например, кодировки национальных алфавитов (ASCII, Win-1251, UTF-8, UTF-16 и другие), кодировки цвета (RGB, CMYK и тому подобные). Примером биологической системы кодировки может служить структура ДНК, где управляющая информация о развитии и жизнедеятельности организма – программа жизни – кодируется последовательностями 4 нуклеотидов: аденин, тимин, гуанин и цитозин.

Кодировки обладают некоторыми признаками языка, например, набором допустимых символов (алфавитом), синтаксисом, семантикой (правилами интерпретации и извлечения смысла), некоторым множеством специальных (управляющих) символов/сигналов или последовательностей символов/сигналов (слов), однако искусственные кодировки значительно более упрощенные и формализованные, чем человеческий язык. Кроме того, некоторые системы кодировки являются своеобразной

надстройкой над другими языками. Примером может служить азбука Морзе, или код Морзе, где кодируются как буквы латинского алфавита (международный код Морзе), так и национальные алфавиты. Даже при условии знания кодов, но незнания языка кодируемого сообщения, из него невозможно извлечь информацию.

Уровень языка располагается выше уровня восприятия, поскольку только восприятия недостаточно для получения информации и обеспечения коммуникации. Просто увидеть изображение, например, текст или знак дорожного движения, недостаточно, чтобы понять содержание и смысл сообщения; необходимо владеть системой обозначений, правилами ее интерпретации и извлечения смысла (об этом также говорят понятия грани «Информация» более высокого уровня). Например, если человек не знает китайского языка, то набор иероглифов – текст – не будет нести для этого человека никакой информации. Или даже если человек прекрасно видит жесты собеседника, говорящего на каком-либо жестовом языке, но не понимает этого языка, обмена информацией не произойдет, коммуникация не состоится. То есть для извлечения информации необходимо владеть языком, которым информация закодирована и представлена.

4 уровень. «Преобразование».

Преобразование – процесс трансформации информации для достижения какой-либо цели. Такими целями могут быть более удобное представление информации для работы с ней, формирования знаний, понимания, поиск решения, открытие новой информации, например, о некоторых закономерностях, которые неочевидны в исходном сообщении или тексте, но становятся легко доступными после преобразований. Здесь под сообщением или текстом без ограничения общности мы понимаем любую порцию данных в произвольном виде.

Преобразование информации, как правило, включает проведение операций с информацией для лучшего представления, понимания и более легкого доступа к информации. Простейшими примерами преобразования являются различные способы визуализации, иллюстрации, создание схем, графиков, диаграмм и т.п. Однако преобразование информации не сводится только к ее изменению для лучшего восприятия. Основной целью обработки информации в общем смысле является эффективный поиск решения (новой информации).

Преобразование может включать как математические, логические, ментальные операции (упорядочивание, ранжирование, классификация, анализ, синтез и другие), так и процессы кодирования-декодирования (перевод с языка на язык). Без этапа преобразования (кодирования-декодирования) не обходится ни одна коммуникация с помощью технических средств связи,

таких как телефон (как традиционный проводной, так и мобильный – беспроводной), радио, телевидение, интернет и т.п.

Менее очевидным может показаться процесс кодирования-декодирования в непосредственной коммуникации двух людей, например, когда они говорят на одном и том же родном для обоих языке. Однако этот процесс присутствует всегда, поскольку люди не могут транслировать свою внутреннюю психическую реальность непосредственно. Когда один человек выражает свою внутреннюю психическую реальность в форме речевого сообщения (то есть кодирует информацию определенным способом), то другой человек, воспринимая речевое сообщение, переводит его из вербальной формы в элементы собственной психической реальности, то есть декодирует. То, что получил другой человек, по определению отличается от того, что первый человек пытался выразить, степень искажения информации, обусловленная ограниченными возможностями языка и субъективностью обоих участников коммуникации, определяет достаточный (или недостаточный) уровень понимания и результативность коммуникации. При этом происходит обработка не только вербальной, но и невербальной составляющей, кроме того, многие информационные аспекты люди воспринимают бессознательно.

Другим примером может служить класс математических задач, аналитическое решение которых затруднено в декартовых координатах, но элементарно в полярных координатах. Перевод данных из системы декартовых координат в систему полярных координат является преобразованием информации, способствующим быстрому и легкому решению задачи.

В информационных системах преобразование информации называется также обработкой. Она может включать также операции очистки, сжатия данных, группировку, агрегирование, поиск нетипичных значений (выбросов) и ряд других специфических операций, подготовку информации для принятия решений (человеком или искусственным интеллектом). В целом человеческий процесс обработки информации, хотя и менее формализован, включает те же этапы.

Преобразования осуществляются согласно правилам, определяемым семантикой обрабатываемой информации (пятый уровень). Например, при решении физической задачи могут быть применены корректные с точки зрения абстрактной математики трансформации, но не имеющие физического смысла, следовательно, некорректные в процессе поиска решения данной задачи.

5 уровень. «Смысл»

Одно из психологических определений смысла гласит, что смысл – это сущность феномена в широком кон-

тексте реальности, неисчерпанная совокупность (в отличие от значения, которое исчерпаемо) всех психических (сознательных) когнитивных процессов, связанных со словом. Смыслы доминируют над значением. (В.В. Петухов. Курс лекций по общей психологии). С точки зрения Пирамиды Развития мы приходим к смыслу только на данном уровне, поскольку тут собственно происходит извлечение смысла, получение новой информации из имеющихся носителей, соотнесение информации в соответствии с некоторыми критериями или целями. В этом смысле данный уровень тесно связан с шестым – «Цель».

Прагматический аспект смысла означает ценность, полезность информации для человека. Извлечение смысла связано с процессом познания, осознания, осмысления, получением нового знания. В отличие от предыдущих уровней, где мы приводили примеры из научно-технической сферы, сферы информационных технологий, информацией на уровне смысла может оперировать только человек. Несмотря на значительные успехи в последние десятилетия в области разработки искусственного интеллекта, каких-либо признаков способностей к осмыслению полученной информации в подобных системах все еще не наблюдается. Даже системы на основе нейронных сетей, имитирующих работу головного мозга человека (именно на базе этого подхода в основном создаются современные системы искусственного интеллекта) не в состоянии осмыслить те решения, которые они, системы, формируют. Несмотря на их значительное превосходство в решении узконаправленных проблем (например, они обыграли людей в шахматы, в Го, не говоря уже о решении специфических алгоритмизированных вычислительных задач), они все еще являются «поставщиками» информации для осознания человеком, либо для дальнейшего автоматического применения в строго формализованных, алгоритмизированных системах (например, DDD – Data-Driven Design – подход, основанный на данных). Пятый уровень – уровень смыслов – в этом аспекте самый «человечный».

Один и тот же объект может служить источником различных смыслов в зависимости от целей и задач человека, что приводит нас к следующему уровню.

6 уровень. «Цель»

Определяет нижестоящие уровни: какую именно информацию мы ищем и зачем, какие источники информации используем, как преобразовываем информацию, какие смыслы из нее извлекаем. Цель позволяет человеку работать с информацией избирательно: обращать внимание только на то, что для него целесообразно, и использовать информацию тем способом, который предположительно приведет к достижению цели.

Цель определяет критерии оценки информации, например, ее полезности и полноты.

В технических, информационных системах достижение оптимального значения целевой функции с заданным уровнем точности определяет качество найденного решения, собственно, поиск решения при заданных условиях и ограничениях заключается в оптимизации (максимизации или минимизации) значения целевой функции.

С точки зрения человека цель как составляющая информации может быть описана как фильтр высокого уровня. При прочих равных условиях в зависимости от цели с одного и того же носителя будет извлечена разная информация. Например, читая книгу по психологии, один человек просто удовлетворит любопытство, другой может изучать описанные в ней модели, приемы, техники, чтобы применить их в профессиональной практике или лично для себя, для третьего материал книги может быть предметом научного анализа. Каждый из них извлечет собственный смысл из одной и той же книги, который будет соответствовать цели конкретного человека.

7 уровень. «Поле»

Бэкграунд, контекст, культурный код. Дополнительные, часто неосознаваемые фильтры в виде образования, системы знаний, личного и социального опыта, культуры, социальных норм, общественного устройства, эпохи и т.д., накладывающие определенные ограничения на все нижележащие уровни, формирующие смыслы, цели, восприятие и другие. Поле или бэкграунд фактически определяет, что может быть информацией, а что – нет, несет ли конкретный объект информацию для конкретного человека или нет.

Поле (бэкграунд, контекст) также определяет способ трактовки, интерпретации информации. Фактически этот аспект отражен в устройстве Пирамиды Развития, когда в Пирамиде Развития располагаются определенные понятия в определенных местах, и это расположение не случайно. Для точной интерпретации значения слова всегда учитывается два вопроса: «Что?» и «Где?». Невозможно определить смысл без контекста. С этой точки зрения грань Пирамиды Развития, контекст, является полем, семантическим пространством, определяющее смыслы содержащихся понятий.

В качестве примера работы поля (в смысле личного профессионального бэкграунда) можно привести экспертность человека как совокупность знаний, навыков и опыта в какой-либо области, что позволяет ему при прочих равных условиях извлекать и оперировать большим объемом информации. Достаточно ярко это проявляется в экспертной криминалистике, где из ничего не значащих (не несущих никакой информации) для большинства людей объектов может быть извлечена информация, служащая доказательствами каких-либо фактов

В практическом плане ценность данной работы заключается в расширении семантического пространства модели «Пирамида развития» как инструмента коучинга, благодаря чему расширяются возможности амплифика-

ции при работе в психологическом консультировании и коучинге, повышается потенциальное количество точек входа, появляется дополнительная возможность описать и познать реальность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гагарин А.В., Раицкая Л.К. Развитие информационной личности в деятельности: инвайронментальная составляющая // Вестник РУДН. Сер. Психология и педагогика. 2013. № 3. С. 5-13.
2. Голубева Н.А. Информационная социализация: психологические условия и факторы: автореф. дис. . . . канд. психол. наук. М., 2012.
3. Грицанов А.А. Новейший философский словарь – [Электронный источник]. – Режим доступа: https://royallib.com/book/gritsanov_aa/noveyshiy_filosofskiy_slovar.html
4. Кравченко С.А. Социологический энциклопедический русско-английский словарь: Более 10000 единиц/С.А. Кравченко. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. – 511, [1] с.
5. Крупская Н.Н. Концепция «Пирамида развития» П.М. Пискарёва как модель жизненного пространства (топоса) человека // Вестник интегративной психологии. – 2020. – №21. – С. 192–195
6. Крупская Н.Н. «Пирамида развития» П.М. Пискарёва как инструмент коучинга // Обмен знаниями в образовательном процессе: сборник научных трудов. Казань – 2021. – С. 206–213
7. Марцинковская Т.Д. Информационная социализация в изменяющемся информационном пространстве // Психологические исследования. 2012. Т. 5, № 26. С. 7.
8. Марцинковская Т.Д., Голубева Н.А. Информационная социализация: психологический подход // Психологические исследования. 2011. Т. 6, № 20. С. 2.
9. Новейший философский словарь – [Электронный источник]. – Режим доступа: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/fil_dict/297.php
10. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – Издательство «Азъ», 1992.
11. Панов В.И. Информационная среда в контексте экопсихологического подхода к развитию психики: концептуальные предпосылки // Психология личностно-профессионального развития: современные вызовы и риски. Материалы XII Международной научно-практической конференции 06-08 июля 2016 г. М.: Перо, 2016. С. 23-27.
12. Панюкова Ю.Г. Психосемантический анализ пространственных и темпоральных характеристик разных видов информационной среды // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2017. Т. 27. № 3. С. 339-347.
13. Пирамида Развития – инструмент Аналитического коучинга. Введение в концепт модели «Пирамида Развития». Структура. Области применения – [Электронный источник]. – Режим доступа: <https://www.ipyramid.ru/piramida-razvitiya-instrumen-ak-1>
14. Пирамида Развития – инструмент Аналитического коучинга. Научно-методологические основания структуры Пирамиды Развития – [Электронный источник]. – Режим доступа: <https://www.ipyramid.ru/piramida-razvitiya-instrumen-ak-4>
15. Пирамида Развития – инструмент Аналитического коучинга. Структура и основные элементы Пирамиды Развития – [Электронный источник]. – Режим доступа: <https://www.ipyramid.ru/piramidarazvitiya-instrumen-ak-3>
16. Пискарёв П.М. Восхождение Героя – [Электронный источник]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=AhlEfnJcfQ>
17. Пискарёв П.М. Метамодерн и интегративная теория гуманитарного знания. – Дисс. на соискание ученой степени доктора психологических наук по специальности 19.00.01. («Общая психология»). – Ярославль, 2019. – 461 с.
18. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Республика, 2001. – 719 с

© Крупская Надежда Николаевна (coachknn@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАРУШЕНИЕ ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ, КАК ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА XXI ВЕКА

Левада Анна Васильевна

Южный университет (Институт Управления,
Бизнеса и Права)
babasay@rambler.ru

EATING DISORDERS AS A HUMAN PROBLEM OF THE XXI CENTURY

A. Levada

Summary: The purpose of this article is to analyze eating disorders and conclude that with disorders of this type, the help of not only narrow-profile doctors, such as a nutritionist, endocrinologist, and so on, is needed, but also an important, and maybe the main assistant in this problem, is a clinical psychologist.

Keywords: psychology, eating disorder, human problem, compulsive overeating, bulimia, anorexia, scientific research, proper nutrition, psychological plan.

Аннотация: Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы проанализировать нарушение пищевого поведения и дать заключение, что при расстройствах данного вида, необходима помощь не только узкопрофильных врачей, таких как диетолог, эндокринолог и так далее, но и немаловажным и основным помощником в этой проблеме, выступает клинический психолог.

Ключевые слова: психология, нарушение пищевого поведения, проблема человека, компульсивное переедание, булимия, анорексия, научные исследования, правильное питание, психологический план.

В современном мире человек испытывает огромное воздействие различных факторов со стороны, многие из которых влияют негативно на жизнедеятельность и приводят к ухудшению качества психики и поведения в целом. В следствии такого воздействия и появляется нарушение пищевого поведения, которое препятствуют продуктивному и совершенному развитию личности на всех этапах возрастного развития. Человек, страдающий нарушением пищевого поведения становится обладателем таких качеств и общих характеристик, как: усталость, слабость, быстрая утомляемость, лень, нервозность, чувствительность к холоду, нарушение эрекции, снижение либидо, потеря или набор веса, задержка роста (у подростков). Расстройство пищевого поведения - это глобальная проблема мирового масштаба и огромное значение имеет исследования и разработки современных методов диагностики и психологического сопровождения клиентов.

Так же, у людей с нарушением пищевого поведения возникает значительное количество факторов риска не только физического, но и психологического порядка: низкая самооценка, негативное самоотношение, самокритичность, зависимость к чему либо, снижение трудоспособности, неуверенность в себе и собственной социальной привлекательности, неудовлетворенность личной и семейной жизнью. Человек постоянно себя критикует, ругает, он себе не то, что не нравится, он себя ненавидит и занимается самоедством и самобичеванием.

В связи с тем, что в мире с каждым днем проблема становится глобальной и большая часть населения в XXI

веке все больше себя связывает с вышеуказанным расстройством, то возникает огромная необходимость в научно - психологических исследованиях, что позволяет улучшить качество жизни людей с расстройствами пищевого поведения, а самое главное для человека изменить отношение к себе.

Цель психологического консультирования – помочь клиентам понять происходящее в их жизненном пространстве и осмысленно достичь поставленной цели на основе осознанного выбора при разрешении проблем эмоционального и межличностного характера [2]. Расстройство пищевого поведения влечет за собой ряд проблем, что в итоге приводит к нарушению гармоничного и эффективного развития личности. Исследования и разработки современных методов диагностики и психологического сопровождения клиентов с расстройствами пищевого поведения призваны остановить и уменьшить распространенность этих заболеваний. Нарушение пищевого поведения – это подчинение еде или зависимость от еды, именно поэтому психологическое консультирование лиц с нарушениями пищевого поведения – неотъемлемая часть помощи им.

Если рассмотреть различные типы расстройства пищевого поведения в деталях, то становится совершенно понятным, что мы имеем дело с зависимостью. Каждый человек испытывает «нормальную» зависимость от различных жизненно важных объектов и сущностей, например, привязанность к родителям и друзьям, зависимость от чувства долга, зависимость от доминирующего общественного мнения. Это – норма. Но в определенных случаях наблюдаются нарушения нормальных отношений

зависимости. Люди сами уже не способны управлять своей жизнью. В сущности, они живут и действуют под управлением уже своей собственной зависимости (или зависимостей) [3]. Зависимость – это особое состояние человека, при котором наблюдается непреодолимое желание употребить определенное вещество или заниматься определенной деятельностью.

Для оценки и отнесения человека к зависимому типу специалисты описывают несколько признаков: неспособность человека принимать решения без советов других и готовность позволять другим принимать их за него, то есть полное отсутствие выбора и отказ от ответственности; отсутствие самостоятельности; готовность добровольно выполнять неприятные виды работ с целью приобретения поддержки и любви окружающих; плохая переносимость одиночества; ощущение опустошенности или беспомощности; легкая ранимость, податливость малейшей критике или неодобрению со стороны, стрессовое состояние, усталость, утрата контроля над какими-то действиями, чувство вины, страха, стыда, злости и даже само разрушительное поведение [6]. Если обнаружено пять из перечисленных признаков, то этого достаточно, чтобы начать проводить диагностику клинической зависимости и соответственно коррекцию. При выявлении данных признаков, специалист оказывать помощь людям с этими нарушениями более эффективно. Структура нарушения пищевого поведения включает в себя ряд факторов таких как: повседневные привычки человека, поведение и «ритуалы» с потреблением еды, эмоции. Пищевое поведение может быть гармоничным или девиантным, что зависит от различных факторов, в частности от того, какое место занимает процесс питания в иерархии ценностей индивида, а также от количественных и качественных показателей питания. К расстройствам пищевого поведения относят: нервную анорексию, нервную булимия, мышечную дисморфию, пикацизм, мерицизм, избегание приема пищи и компульсивное переедание. Так же существуют редкие формы расстройства пищевого поведения, симптомы которых не укладываются в определенный диагноз к ним относятся: нервная орторексия, диабулимия, дранкорексия, дисморфофобия. Помочь избежать или скорректировать поведение данной зависимости, возможно при создании комплексных мероприятий: медицинского (обращение за помощью к врачу – эндокринологу-диетологу), социального (формирование образа красивого тела в массовом сознании) и психологического плана [6]. Данные методы помогут пройти путь к правильному питанию, но главным источником исцеления является специалист – клинический психолог или психотерапевт, который поможет клиенту увидеть и разрешить ключевые проблемы. Ведь проблемы заедания или отторжения еды это совершенно психологический случай.

В ходе курса психологического консультирования

специалист слушает клиента, задавая уточняющие вопросы, что помогает достичь четкого и конкретного понимания проблемы и ее причины. В ходе сеанса специалист также предупреждает клиента о механизмах психологической защиты, подсознательных мотивах. У клиента с расстройством пищевого поведения возникает огромное количество психологических проблем. Для того чтобы начать работу по коррекции нарушений пищевого поведения необходимо, прежде всего, выявить и проанализировать психологические особенности этого типа клиентов. К ним относят: непереносимость бытовых, повседневных и прочих жизненных трудностей; скрытый комплекс неполноценности, который сочетается с внешне проявляемым превосходством; внешней общительностью, в переклест со страхом к выступлениям перед аудиторией или с человеком сильнее эмоционально; стремление говорить неправду и обвинять невиновных; стремление уходить от ответственности в принятии решений; стереотипность, повторяемость поведения; зависимость; тревожность.

Пищевое поведение — это значимое отношение к пище и ее приёму, привычкам питания дома, на работе, в обществе, а так же в условиях стресса и других эмоциональных потрясениях. Так же значимо, как человек ориентируется на собственный образ, на свое тело и что он делает для его формирования. Точные причины развития расстройства пищевого поведения на сегодняшний день остаются не ясными, но принято считать, что большое влияние на пищевое поведение имеют факторы риска: традиции семьи и общества, в котором находится человек, личностные особенности, религиозные соображения, жизненный опыт, пережитое насилие, в том числе сексуальное, жесткое обращение в детском возрасте, давление со стороны сверстников, стресс дома или на работе, хроническая усталость, пережитые травмы, операции, наличие фобий, социальная изоляция, деструктивное воспитание - дефицит внимания, насилие в семье, неадекватная нагрузка на ребенка, ссоры в семье, склонность к чрезмерной самокритике, эмоциональная нестабильность, повышенная тревожность, низкая самооценка, перфекционизм, наследственная предрасположенность к психическим нарушениям, особенности когнитивной сферы индивида, повестка моды или культурная идеализация худобы [9].

В заключении, хотелось бы обратить внимание, что данная проблема – это проблема человечества XXI века. В суете нашего быстрого времени человек может не замечать свои иррациональные установки и жить с этим, продолжая накапливать багаж нарушений в питании. Главное вовремя это увидеть, понять, принять и обратиться к специалистам, которые помогут не просто отнять еду у клиента или накормить его, а разобраться с психологическими его проблемами. Наивно полагать, что с расстройством пищевого поведения можно легко и

непринужденно справиться самостоятельно или просто пропив, антидепрессанты. Лечение нарушений пищевого поведения — это длительный и трудоемкий процесс, в который обычно вовлечен не один, а несколько специ-

алистов. Это комплексное расстройство, которое затрагивает метаболический, соматический, психологический и эмоциональный уровни организма человека — работать с ними необходимо комплексно [9].

ЛИТЕРАТУРА

1. Скугаревский О.А. «Нарушение пищевого поведения: монография» Минск: БГМУ -2007г.
2. Кочюкас Р., «Основы психологического консультирования» М: Академический проект 1999г.
3. Олехнович И.Б., Олехнович Б.Е., Самыгин С.И., Олехнович Б.Б. «Зависимая личность и национальная безопасность. Монография» М:2016г.
4. Хирш М. «Это мое тело . . . и я могу делать с ним, что хочу» Когито-Центр Библиотека психоанализа 2018г.
5. Кибитов А.О, Мазо Г.Э. https://psychiatr.ru/files/magazines/2016_12_scp_991.pdf
6. Орлова О.В. г. Москва Расстройства пищевого поведения как интегративная научная проблема <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-aspekty-rasstroystva-pischevogo-povedeniya/viewer>
7. Сычева Т.Ю., Султанва А.Н., Сугин А.В., Кустова Е.А. г. Новосибирск <https://cyberleninka.ru/article/n/kliniko-psihologicheskie-osobennosti-lits-s-parusheniyami-pischevogo-povedeniya/viewer>
8. Тихомирова О.А. г. Ростов-на-Дону. Вина и стыд http://5.167.52.157:34568/moodle/pluginfile.php/655/mod_data/content/9036/%D0%A2%D0%B8%D1%85%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0.pdf
9. Сайт Fishki.net Расстройство пищевого поведения <https://fishki.net/3476475-rasstrojstvo-pivevogo-povedeniya.html>

© Левада Анна Васильевна (babasay@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОГНИТИВНЫЕ ОШИБКИ У ЖЕНЩИН, ИМЕЮЩИХ НАРУШЕНИЯ ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ

Малкина Светлана Александровна

Соискатель, ФГБУН «Институт Психологии
Российской Академии Наук»
hatiha@bk.ru

COGNITIVE ERRORS IN WOMEN WITH EATING DISORDERS

S. Malkina

Summary: The article is devoted to the study of the errors of thinking of women with eating disorders. Despite the fact that this problem is widely researched and discussed, there are some poorly understood aspects of this condition.

The study revealed certain cognitive errors inherent in women with eating disorders. When comparing the severity of cognitive errors in women suffering from eating disorders and women who do not have similar problems, a statistically significant predominance of thinking errors in women with NPP was revealed. It is shown that some cognitive errors of women with eating disorders are factors that aggravate their dependence on nutrition, weight and body image issues.

The results of the study can be used in therapeutic practice to work with eating disorders through helping patients in awareness and correction of thinking errors.

Keywords: eating disorders, bulimia, compulsive overeating, cognitive errors, thinking errors.

Аннотация: Статья посвящена исследованию ошибок мышления женщин с нарушениями пищевого поведения. Несмотря на то, что данная проблема широко исследуется и обсуждается, остаются некоторые малоизученные аспекты этого состояния.

В результате исследования выявлены определенные когнитивные ошибки, присущие женщинам с нарушениями пищевого поведения. При сравнении показателей выраженности когнитивных ошибок у женщин, страдающих нарушениями пищевого поведения и женщин, не имеющих подобных проблем, было выявлено статистически значимое преобладание ошибок мышления у женщин с НПП. Показано, что некоторые когнитивные ошибки женщин с нарушениями пищевого поведения являются факторами, усугубляющими их зависимость от вопросов питания, веса и образа тела.

Результаты исследования могут быть использованы в терапевтической практике для работы с нарушениями пищевого поведения через помощь больным в осознании и коррекции ошибок мышления.

Ключевые слова: нарушения пищевого поведения, расстройства пищевого поведения, булимия, компульсивное переедание, когнитивные ошибки, ошибки мышления.

Введение

Во многих развитых странах мира наблюдается тенденция роста числа больных нарушениями пищевого поведения [Каменецкая, Ребеко, 2014]. Россия не является исключением. По данным Минздрава России за последние двадцать лет показатели по заболеваемости населения различными расстройствами питания постоянно растут. Так, в 2019 году количество заново заболевших увеличилось на 72% по сравнению с 2000 годом. Проблема роста заболеваемости особенно актуальна сейчас, когда в связи с пандемией многие оказались заперты дома, а многие лишились работы и стабильности. И «отношения» с едой стали способом проживания внутренних конфликтов и негативных чувств, связанных в том числе и с ситуацией, происходящей в обществе (страх заражения, страх потери близких, тревога за будущее и др.).

Данные роста заболеваемости также говорят о недостатке специалистов, способных оказать необходимую психологическую поддержку и помочь справиться с пищевой зависимостью. Е.С. Кащенко отмечает, что проблема НПП, несмотря на распространенность, остается одной из самых тяжелых в плане лечения [Кащенко,

2020]. Поэтому мы считаем необходимым проведение подобных исследований, с целью нахождения способов коррективы и облегчения данного состояния.

Цель исследования: установить взаимосвязь между нарушениями пищевого поведения и наличием когнитивных ошибок.

Объект исследования: нарушения пищевого поведения

Предмет исследования: когнитивные ошибки у женщин, имеющих нарушения пищевого поведения.

Гипотезы исследования:

1. Женщины с нарушениями пищевого поведения имеют определенные когнитивные ошибки
2. Когнитивные ошибки у лиц, имеющих нарушения пищевого поведения, отличаются от когнитивных ошибок лиц, не страдающих нарушениями пищевого поведения.

Методы исследования. Для определения степени озабоченности проблемами питания, лишнего веса и образа тела мы использовали опросник «Мысли и пат-

терны поведения» в адаптации А.В. Аныкиной [Аныкина, Ребеко, 2009], для выявления когнитивных ошибок – «Опросник когнитивных ошибок» А. Фримена в адаптации А.Е. Боброва [Бобров, Файзрахманова, 2017].

Участники исследования: 68 женщин. Из них 34 женщины в возрасте от 33 до 50 лет, направленные на курс психотерапии из медицинского центра с диагнозом «нарушение пищевого поведения», (10 с булимией, 24 с компульсивным перееданием). Эти женщины вошли в состав «Основной группы». Также в исследовании участвовали 34 женщины в возрасте 35-48 лет, по результатам собеседования и тестирования не показавшие проблем с питанием или весом. Они составили «Контрольную группу» (группу для сравнения). Участницы обеих групп имеют высшее образование.

Для сравнения групп респондентов мы использовали t-критерий Стьюдента.

Обзор литературы

Под пищевым поведением понимается отношение к пище или к отдельным продуктам, стереотип питания, а также отношение к образу своего тела и стремление корректировать его с помощью питания. Также в понятие пищевого поведения входят все привычки и эмоции, связанные с едой [Каменецкая, Ребеко, 2014]. Многие авторы рассматривают НПП как реакцию на внешние и внутренние факторы, и отмечают, что пищевое поведение является способом выразить различные внутренние аффекты, чаще всего такие, как ярость, протест, стыд, любовь. Также отмечается, что пищевое поведение является способом совладания с межличностными и внутриличностными конфликтами [Менделевич, 2018], [Freeman, DeWolf, 1993], [Легкостаева, 2018]. Нарушения пищевого поведения могут проявляться через ограничение себя в пище, чрезмерное переедание, очищение организма от пищи, диеты, отказ от некоторых продуктов, патологический голод.

Когнитивные ошибки впервые были выделены А. Бекком [Бек, Фримен, 2019], который рассматривал их, как факторы, вызывающие депрессию. Когнитивный терапевт А. Фримен [Freeman, DeWolf, 1993] указывал, что когнитивные ошибки создают проблемы в жизни и ведут к эмоциональным страданиям. E. Darvish и соавторы [Darvishi, Golestan, Demehri, 2019] указывают, что когнитивные ошибки усиливают тревогу и могут стать причиной появления различных расстройств. Используемый нами «Опросник когнитивных ошибок» исследует наличие девяти когнитивных ошибок. Коротко рассмотрим каждую из них.

Гипернормативность помогает осуществлять контроль над процессом или ситуацией и подразумевает

наличие большого количества долженствований. Человек, имеющий такую когнитивную ошибку, несет ответственность за выполнение этих долженствований и тем самым лично контролирует происходящее. Исполнение долженствований и принятие на себя ответственности помогает реализовать личные моральные ценности и тем самым поддерживает самооценку.

Катастрофизация, по определению А.Е. Боброва [Бобров, Файзрахманова, 2017] – это склонность преувеличивать произошедшее, «делать из мухи слона», испытывать негативные эмоции при малейшем отклонении от ожидаемого развития событий.

Преувеличение опасности, в отличие от катастрофизации, направлено в будущее. А.Е. Бобров характеризует эту ошибку мышления, как осторожность, избегание и пассивность. Это мышление, которое рисует образы негативного исхода предстоящих событий или обстоятельств.

Чтение мыслей проявляется, как склонность к оценкам, суждениям и выводам с опорой только на свое мнение. Человек, имеющий такую ошибку мышления, «все знает», даже то, что касается других людей. Эта ошибка помогает оставаться в понятном и предсказуемом мире, в так называемой «зоне комфорта». Чтение мыслей тесно связано с морализацией.

Морализация – это стремление вписать все происходящее в определенные рамки и правила, которые подчиняются определенным моральным законам. Человек, имеющий такую когнитивную ошибку, опирается на эти правила и законы и осуществляет контроль за собой и окружающими по соблюдению этих правил. Морализация помогает поддерживать самооценку и справляться с чувством беспомощности.

Многие когнитивные ошибки, такие как Чтение мыслей, Морализация, Преувеличение опасности не оставляют шанса гибкости, спонтанности и исключают выход за принятые личностью правила. И они же являются способом защиты от жизни во всех ее проявлениях, в том числе неожиданных, непредсказуемых и не всегда приятных, требующих от человека внутренней силы и готовности двигаться вперед, преодолевать сложности.

Выученная беспомощность – отсутствие веры в себя, свои силы и возможности, в умение самостоятельно справляться с жизненными вызовами. Человек, имеющий такую ошибку мышления, не видит возможных вариантов своего влияния на действительность, или не верит в свою способность что-то изменить. И, как следствие, живет, не принимая на себя ответственность за свою жизнь и то, что в ней происходит.

Когнитивные ошибки являются способом адаптации к реальности, способом оправдания своей пассивности, а также спасением от того, чтобы брать на себя ответственность.

А. Бек [Бек, Фримен, 2019] пишет, что у пациентов с расстройствами личности (в том числе с зависимым расстройством) есть страх даже собственных изменений, страх «нового Я». И пациенты могут выбирать различные варианты, чтобы избежать неприятной реальности, которая может вызвать изменение своих паттернов мышления или поведения.

Результаты исследования

По результатам собеседования и тестирования с помощью опросника «Мысли и паттерны поведения» нами были выделены Основная и Контрольная группы. В основную группу вошли 34 женщины с нарушениями пищевого поведения, показавшие по результатам опросника высокую степень озабоченности проблемами лишнего веса, питания и образа своего тела. В контрольную группу вошли 34 женщины, не показавшие по результатам опросника наличия проблем с весом или питанием.

Сравнительный анализ когнитивных ошибок основной и контрольной групп показал, что у респондентов из основной группы когнитивные ошибки в целом встречаются намного чаще ($t=4,7$, $p<0.001$). Исключениями являются когнитивная ошибка Максимализм, которая присутствует у всех респондентов обеих групп, и когнитивная ошибка Чтение мыслей, которая показала высокий процент присутствия в обеих группах.

Статистически значимые различия наблюдаются по когнитивным ошибкам: Персонализация ($t=4,62$, $p<0.001$), Выученная беспомощность ($t=3,34$, $p<0.01$), Морализация ($t=2,1$, $p<0.05$), Гипернормативность ($t=1,99$, $p<0.05$) и Катастрофизация ($t=1,99$, $p<0.05$).

По когнитивным ошибкам Преувеличение опасности и Упрямство не было выявлено значимых различий у респондентов основной и контрольной групп.

Обсуждение и заключение

Наша первая гипотеза подтвердилась: лица, страдающие нарушениями пищевого поведения, имеют ошибки мышления. В то же время, оказалось, что некоторые когнитивные ошибки свойственны также и тем, кто не имеет проблем с пищей и весом. Вторая гипотеза также подтвердилась: ошибки мышления женщин с расстройствами пищевого поведения отличаются от когнитивных ошибок женщин, не имеющих такой проблематики.

Все респонденты основной группы имеют когнитив-

ную ошибку Максимализм. Возможно, именно максимализм заставляет этих женщин стремиться к идеалу, задавать высокие стандарты для своей внешности, не принимать отклонения в образе своего тела от выбранного ими стандарта.

Также 100% респондентов основной группы показали ошибку Чтение мыслей. Можно предположить, что, в том числе и вследствие наличия этой ошибки, такие женщины прогнозируют негативную оценку себя и своего тела со стороны окружающих. Им кажется, что они знают, что именно о них подумают, и как именно отреагируют на их образ другие люди. Это доставляет им негативные эмоции и заставляет избегать разного рода проявлений себя в социуме.

Похожее действие имеет и когнитивная ошибка Преувеличение опасности. Она тоже направлена в будущее и заставляет оставаться в зоне комфорта. В мышлении человека, имеющего такую ошибку, окружающий мир ожидаемо окажется агрессивным, непринимаящим, равнодушным или опасным. А когнитивная ошибка Выученная беспомощность, на наш взгляд, помогает пациентам с НПП оправдывать свое нежелание проявлять активность или инициативу, отказываться от шансов или возможностей, заранее думая, что ничего не получится. Подобные выводы мы можем видеть и у других авторов. Например, И.Г. Малкина-Пых констатирует у больных НПП эмоциональную незрелость и ранимость, а значит, неспособность брать на себя ответственность за свое эмоциональное состояние, за свои отношения с окружающими [Малкина-Пых, 2005]. А О.А. Спицына отмечает, что нарушения пищевого поведения часто сопровождаются «синдромом жертвы», т.е. не способностью взять ответственность за свою жизнь [Спицына, Иовлева, 2020].

Гипернормативность подразумевает следование нормам, правилам, стандартам, в том числе и в вопросах внешнего вида. И это, на наш взгляд, не может не отражаться на принятии своего веса и образа тела.

Высокий процент присутствия у женщин основной группы показала и когнитивная ошибка Морализация. Она может быть не связана напрямую с вопросами питания или веса, но, вероятно, она выступает сильнейшим фактором, вызывающим негативные эмоции относительно себя и других людей. Морализирующий человек, даже немного отошедший от каких-либо принципов, будет испытывать негативные эмоции, критику и осуждение в свой адрес. Следование нормам и стандартам также ожидается и от других людей. И если они поступают вразрез с его моральными стандартами, то это тоже вызывает негативные эмоции. Подобная реакция на поступки окружающих является еще одним следствием когнитивных ошибок Чтение мыслей и Гипернормативность. От других людей ожидается, что они прочитают

мысли и без слов догадываются, что от них ждут, и что они так же будут следовать долженствованиям и легко брать на себя ответственность, в том числе чужую. Так как не все окружающие имеют такие ошибки мышления, то наши респонденты обречены на частое разочарование, которое может сопровождаться агрессией, чувством ненужности, страхом, и нередко приводит к депрессии. В частности, В.Е. Медведев и соавторы отмечают, что депрессия – довольно частый диагноз среди больных с нарушениями пищевого поведения [Медведев и др., 2020]. А А.С. Вереина выделяет в качестве одного из факторов, усиливающих зависимость от еды - отсутствие навыков совладания «с трудными эмоциями и чувствами» [Вереина, Лукина, 2018]

Катастрофизация может проявляться, как склонность преувеличивать важность образа своего тела, преувеличивать значение каких-либо своих действий или слов. Она тоже сильно влияет на эмоциональный фон и, как следствие, заставляет искать способы урегулирования поднявшихся негативных эмоций.

Персонализация используется людьми с НПП для того, чтобы подтвердить свои негативные ожидания относительно себя. Они легко принимают на свой счет замечания, критику. Их мышление искажает реальность, заставляя видеть вокруг негативную оценку и непринятие со стороны окружающих.

Заключение

Практически все перечисленные когнитивные ошибки связаны с негативным образом мышления. И практически все они становятся причиной негативных чувств, для совладания с которыми у лиц с РПП нет эффективных инструментов.

Мы считаем важным и необходимым при работе с лицами, имеющими РПП, информировать их о наличии когнитивных ошибок и об их влиянии на развитие болезни. А также обучать их способам, которые помогут им вправиться с негативным эмоциональным фоном. Это согласуется с выводами других авторов, отмечающих необходимость коррекции, в первую очередь, психологической сферы больных НПП. Обучать их контакту со своими эмоциями, умению выражать чувства, вербализовывать свое состояние, а также обучать умению подвергать сомнению автоматические выводы, которые предлагает им их способ мышления [Вереина, Лукина, 2018], [Малкина-Пых, 2005], [Менделевич, 2018].

Результаты, полученные в данном исследовании, можно использовать для дальнейшего исследования этой темы, а также для коррекции состояния зависимости от еды через осознание и коррекцию ошибок мышления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аныкина А.В., Ребеко Т.А. Адаптация русскоязычной версии опросника «Мысли и паттерны поведения» для лиц, страдающих ожирением // Психологический журнал // 2009. Т. 30. № 1. С. 106–118.
2. Бек А., Фримен А. Когнитивная психотерапия расстройств личности. СПб: Питер, 2019. 448 с.
3. Бобров А.Е., Файзрахманова Е.В. Опросник когнитивных ошибок как инструмент оценки компонентов патологической тревоги // Неврология Психиатрия // 2017. № 8 (137). С. 59–65.
4. Вереина А.С., Лукина К.В. Основные этапы психологической коррекции избыточной массы тела // Амурский научный вестник // 2018. № 1. С. 10–18.
5. Каменецкая Е.В., Ребеко Т.А. Телесный образ Я у лиц с нарушениями пищевого поведения // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова // 2014. Т. 20. С. 58–64.
6. Кашенко Е.С. Пищевое поведение как предмет психологического исследования // Modern Science // 2020. № 5–1. С. 433–437.
7. Легкостаева Е.С. Когнитивные ошибки у лиц, страдающих тяжелыми соматическими заболеваниями // Современные проблемы науки и образования (научный журнал) // 2018. № 5.
8. Малкина-Пых И.Г. Психосоматика: справочник практического психолога. Москва: Эксмо, 2005. 992 с.
9. Медведев В.Е. и др. Депрессии с расстройствами пищевого поведения: клинические проявления и терапия // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика // 2020. Т. 4. № 12. С. 49–56.
10. Менделевич В.Д. Антиципационные механизмы неврогенеза. Москва: Городец, 2018. 448 с.
11. Спицына О.А., Иовлева М.Н. Анорексия, анализ состояния проблемы // Проблемы современного педагогического образования // 2020. № 69–4. С. 325–329.
12. Darvishi E., Golestan S., Demehri F.A Cross-Sectional Study on Cognitive Errors and Obsessive-Compulsive Disorders among Young People During the Outbreak of Coronavirus Disease // *Activitas Nervosa Superior* // 2019. № 62. С. 137–142.
13. Freeman A., DeWolf R. The 10 dumbest mistakes smart people make and how avoid them. NY, USA: William Morrow and company, 1993. 320 с.

© Малкина Светлана Александровна (hatiha@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ РАБОЧЕЙ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СРЕДОЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ БЛАГОПОЛУЧИЕМ СОТРУДНИКОВ

RELATIONSHIP BETWEEN WORKPLACE ENVIRONMENT AND PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF EMPLOYEES

*Ju. Panukova
A. Reva*

Summary: In this article, the authors consider scientific works devoted to the study of problems related to both the negative and positive impact of the working environment on the psychological well-being of employees. In authors' opinion, studies on this topic can be characterized as follows. Firstly, those that are of a general descriptive nature and indicate aspects of the psychological workplace environment that are important for the well-being of workers. Secondly, those that try to explain the relationship between a certain set of characteristics of the workplace environment and well-being, as well as to better understand how the workplace environment affects the creation of a psychological surrounding, including an explanation of emotional reactions and the characteristics of people's relationships in the place of work. We believe that increased attention to specific health state, taking into account more careful study of the influence of the working environment and consideration of both beneficial and harmful effects, is likely to lead to a greater understanding of this problem.

Keywords: workplace environment, working conditions, people's health, psychological well-being.

Панюкова Юлия Геннадьевна

*Д.псих.н., профессор, ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева» (г. Москва); Психологический институт, Российской академии образования (г. Москва)
apanukov@mail.ru*

Рева Алина Рустамовна

*Аспирант, ФГБОУ ВО «Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева» (г. Москва)
zar.86@mail.ru*

Аннотация: В данной статье авторами рассматриваются научные труды, посвященные изучению проблем, связанных как с отрицательным, так и положительным воздействием рабочей среды на психологическое благополучие сотрудников. По мнению авторов, исследования в этом направлении можно охарактеризовать как, во-первых, имеющие общий описательный характер и указывающие на важные для благополучия работников аспекты психологической рабочей среды, и во-вторых, те, которые направлены на анализ взаимосвязи между определенным набором характеристик рабочей пространственной среды и благополучием, а также лучше понять, как рабочая пространственная среда влияет на эмоции и особенности взаимоотношений людей в условиях трудовой деятельности. Считаем, что усиленное внимание к проблемам психологического благополучия с учетом более тщательного изучения влияния рабочей пространственной среды приведет к более глубокому анализу и пониманию этого феномена.

Ключевые слова: пространственная среда офиса (рабочего помещения), пространственные условия трудовой деятельности, психологическое здоровье, психологическое благополучие сотрудников.

В современной психологической науке к наиболее актуальным относятся исследования, посвященные выявлению взаимосвязи внутреннего пространства офиса (рабочего помещения), физического и психологического здоровья людей, их социального благополучия, а также их взаимоотношения в условиях профессиональной деятельности. В данной статье проводится аналитический обзор литературы отечественных и зарубежных авторов, которые на основе эмпирических данных характеризуют офисные помещения в рамках таких параметров, как планировка, освещение, оснащение, озеленение, а также особенности управления и поведения персонала, изученных в связи с их влиянием на здоровье сотрудников. Данный подход положен в основу последовательности обзора научных работ в нашей статье. Кроме того, целью данной статьи является выявление факторов, направленных не только на предотвращение проблем со здоровьем, но и на его

укрепление, а также формированию здоровых взаимоотношений сотрудников.

О проблемах психического здоровья и благополучия современного общества в условиях трудовой деятельности

Следует отметить, что в последнее время к первоочередным задачам в области общественного здравоохранения мировых государств входит укрепление психического здоровья, о чем свидетельствует реализация множества международных программ и документов, таких, как: Commission's Green Paper on Improving Mental Health (2005); EU Health Programme (2014-2020); European Framework for Action on Mental Health and Well-being, (2016) и др. [18; 25]

Необходимость принятия соответствующих мер в

мировом сообществе объясняется доказательством роста проблем психического здоровья, которые наносят тяжелый ущерб отдельным лицам, обществу и экономике. В Европейской программе, например, отмечается, что, позитивное психическое здоровье и благополучие приводят к социальной сплоченности, экономическому прогрессу, устойчивому развитию государств. Психическое здоровье человека и интеллектуальный капитал являются ключевым ресурсом для успеха общества, основанного на знаниях, возможности реализовывать стратегические цели социальной и экономической политики, а также поощрять и защищать благосостояние населения [25]

Считаем необходимым уточнить понятие психического здоровья. Вероятно, наиболее известным определением психического здоровья является определение Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), которое определяет психическое здоровье как состояние благополучия, при котором каждый человек реализует свой собственный потенциал, может справляться с обычными жизненными стрессами, может продуктивно и плодотворно работать и способен вносить вклад в общество. Согласно ВОЗ (1948), здоровье - это состояние полного физического, психического и социального благополучия, а не просто отсутствие болезней. Определение психического здоровья как отсутствие психического расстройства является более консервативным [59;60]. Проблемы психического здоровья также могут быть определены в соответствии с общепризнанными классификациями, такими как Diagnostic and Statistical Manual of Mental Diseases или International Classification of Disease [21;30].

Изучение научных работ, посвященных исследованиям психического здоровья, показало, что особое внимание уделяется не только отсутствию проблем с психическим здоровьем, но и положительному состоянию психологического благополучия на работе, которое определяется как способность людей продуктивно и творчески работать, вступать в прочные и позитивные отношения, достигать личных и социальных целей, вносить вклад в общество. Таким образом, «здоровая рабочая среда», «здоровый офис» можно охарактеризовать как рабочее место, которое, по крайней мере, не вредит благополучию сотрудников, а в идеале активно поддерживает его.

В ходе изучения более 60 научных трудов по исследуемой проблеме нами выявлены различные подходы и мнения, определяющие влияние рабочей среды и трудовой деятельности на здоровье и благополучие людей. Следует согласиться с мнением, что трудовая занятость способствует личной самореализации, финансовому и социальному процветанию [54]. Существуют экономические, социальные и моральные аргументы в пользу

того, что для тех, кто способен работать, «работа - лучшая форма благосостояния» и является наиболее эффективным способом повышения благосостояния людей, их семей [54]. Более того, для людей, у которых было плохое психическое здоровье, сохранение или возвращение на работу также может быть жизненно важным элементом в процесс восстановления, способствующий повышению самооценки, уверенности в себе и социальной интеграции [41]. Улучшение условий труда может помочь повысить уровень занятости людей, у которых развиваются проблемы с психическим здоровьем. Невыполнение этого требования влечет за собой дополнительные расходы для правительств, которые должны оказывать социальную поддержку людям. Также становится очевидным тот факт, что длительная нетрудоспособность оказывает негативное влияние на физическое и психическое здоровье человека. Однако также выявлено, что «хорошая работа», как правило, положительно влияет на здоровье и благополучие [37;51].

По данным ВОЗ хорошие условия работы, очевидно, всегда способствуют улучшению состояния здоровья и достижению экономического и социального успеха. Однако, плохие условия работы могут оказывать более негативное, а иногда губительное влияние, нежели отсутствие трудовой занятости. Отмечается, что в настоящее время имеются фактические данные, связанные с риском в трудовой деятельности, которые могут негативно сказаться как на психическом, так и на физическом здоровье с сопутствующим негативным воздействием на эффективность бизнеса и общество (ВОЗ, 2008). Кроме того, риски в физической рабочей среде влекут за собой возникновение рисков в психосоциальной среде, что также оказывает негативное воздействие стресса на психическое здоровье. [62;63]. В результате в большинстве европейских стран наблюдается рост психических заболеваний, связанных с условиями работы [25].

В соответствии с официальными данными проблемы с психическим здоровьем различаются в зависимости от пола: у женщин более высокий уровень депрессии и тревожности (называемые интернализирующими расстройствами), а у мужчин выше показатели злоупотребления психоактивными веществами и антисоциальных расстройств (называемых экстернализирующими расстройствами) [26].

О влиянии предметно-пространственной рабочей среды на состояние здоровья и благополучие сотрудников

Как уже упоминалось, нами поставлена задача последовательно провести обзор научных исследований с целью выявления в типичной рабочей среде взаимосвязь между такими важными компонентами, как физические и поведенческие составляющие, т.е. изучить влияние

физических факторов пространственной рабочей среды (офиса, производственного помещения и др.) и поведенческих факторов на здоровье сотрудников, их производительность труда, социальное благополучие. По мнению исследователей, физической средой, влияющей на поведение сотрудников, следует считать элементы, которые связаны со способностями сотрудника физически взаимодействовать с офисной средой. Следовательно, качество рабочей среды играет важную роль в определении уровня мотивации сотрудников, продуктивности и производительности [45]. Кроме того, уровень мотивации, инновационное поведение, взаимодействие с другими сотрудниками, производительность труда в настоящее время представляет наибольший интерес, и во многом зависят от условий труда и может играть положительную или отрицательную роль в зависимости от преобладающих физических условий в рабочей среде [40].

Следует отметить, что в развивающихся странах большая часть условий на рабочих местах в отраслях промышленности является небезопасной и вредной. Безусловно, здоровая и безопасная рабочая среда играет ключевую роль в повышении производительности; к сожалению, большинство работодателей рассматривают это как дополнительные расходы и не тратят много средств на поддержание комфортных условий труда [49].

В анализируемых нами работах также отмечается, что дизайн мебели, вентиляция, шумоизоляция, освещение, поддержка руководителя, рабочее пространство, взаимоотношения, меры пожарной безопасности влияют на производительность труда сотрудников [16]. Нами выявлены различные характеристики здорового офиса, к которым, например, относится оснащённость эргономичной мебелью, поскольку продолжительная работа за компьютером вызывает заболевания опорно-двигательного аппарата, боли в области шеи, плеч, рук, позвоночника [31;32].

Кроме удобного рабочего места дизайн внутреннего пространства офисного помещения включает в себя использование элементов освещения, отделки поверхностей, различных аксессуаров для достижения функционального и визуального качества. Например, проемы в стенах обеспечивают свободный проход людей, света, тепла, звука; особая обработка окон смягчает солнечный свет, а высота и качество поверхности потолка влияют на акустику и освещение. Необходимо периодически изменять элементы внутреннего пространства офиса, так как это способствует улучшению рабочей среды [17].

Особое значение для здоровья людей в оформлении офисного пространства имеет озеленение или фитодизайн. Изучению влияния интерьера офиса на состояние

здоровья людей посвящены научные труды, в которых исследователи определяют подходы к созданию производственного интерьера, включающего в себя общую пространственную и цветовую композиции, освещение, озеленение, форменную одежду и др., призванных соответствовать функциональным, психологическим, социально-культурным потребностям [65]. Следует отметить, что фитодизайн как научное направление возникло в 80-х годах XX века, а понятие фитодизайна было предложено А.М. Гродзинским в 1981 году и определено как «использование растений для улучшения среды обитания в искусственных системах» [1].

К важнейшим достижениям следует отнести открытие научного направления – медицинский фитодизайн, призванного изучать вопросы профилактики и лечения инфекционных заболеваний благодаря использованию фиторекреаций, поскольку биологические летучие вещества фитонциды, выделяемые определенными видами растений, способствуют укреплению иммунитета и оздоровлению окружающей человека среды. На наш взгляд, особое значение для оздоровления офисной среды имеют рекомендации специалистов, связанных как с выбором на основе анализа растений, обладающих лечебным свойством, так и современных подходов к оформлению различных зон помещения цветочно-декоративными композициями [65].

Среди современных работ особый интерес представляет исследование Павловой М.Д., Нартовой-Бочавер С.К., в котором авторами определяется «рутинная техника самопомощи» применительно к организационной среде, изучаются содержания этих техник и различий в их использовании в зависимости от пола работников и временных условий решения профессиональных задач. Ценность данного исследования состоит в том, что впервые разработан алгоритм, направленный на создание здоровой офисной среды, с учётом адаптивного поведения работников. Авторы на примере мастерской архитекторов и их профессиональной деятельности сопоставляют типичные рутинные техники самопомощи и необходимые для их реализации пространственные зоны офиса. Кроме того, исследователями определено, что независимо от пола работников продолжительность рабочего времени, проводимого в мастерской, в период сдачи проекта удваивается по сравнению с будними днями. Выявлено, что мужчины и женщины используют различные техники самопомощи. Авторами определено, что средовые приемы используются работниками для восстановления, а ментальные техники — для мобилизации. На основе полученных результатов авторы заключают, что архитекторы «действительно используют стихийно открытые ими приёмы восстановления и мобилизации сил, заданные пространством мастерской» Считаем необходимым отметить высокую научную значимость предложенного авторами понятия «рутинные

техники самопомощи», реализация которого позволит конструктивно проводить экспертизу «восстановительного потенциала различных сред и научного обоснования дизайна дружественного к работникам разных специальностей офиса». Авторы справедливо утверждают, что разработка техник бытия с учетом специфики каждой профессии позволит создать оптимальную офисную среду для сохранения здоровья и эффективного функционирования личности [9].

Исследования, нацеленные на выявление влияния благоприятной рабочей среды, включая характеристики шума, цвета, температуры, дизайна рабочего места, озеленения, освещения на позитивные результаты труда, проводились в различных профессиональных сферах деятельности [35]. Результаты исследований позволяют утверждать, что рабочую среду, которая побуждает людей работать эффективно, можно определить как *attractive environment or supportive environment* и это помогает производить набор персонала [12].

Особое значение благоприятной рабочей атмосферы и окружающей среды имеет, например, в системе здравоохранения. Это способствует созданию условий для эффективной реализации сотрудниками своих навыков, компетенций и знаний. Исследователи справедливо утверждают, что организациям следует больше инвестировать в предоставление качественных услуг клиентам [39]. На основе изученных исследований можно отметить, что сохранению психического здоровья работников и улучшению их «рабочего состояния» способствует также внедрение технологий управления состоянием человека, психологической саморегуляции [3;4].

В современных исследованиях также рассматриваются особенности эффективного использования работниками повседневных техник самопомощи для поддержания адекватного функционального состояния и работоспособности [2]. С позиции экпсихологического подхода к человеку особый акцент делается на понятии «психическая реальность» как важнейшей составляющей взаимодействия работника и окружающей его среды [10].

Психологическая репрезентация пространственно-предметной среды обыденной жизнедеятельности человека рассмотрена с позиции системно-структурной организации, возрастных и индивидуально-типологических особенностей и определяется как целостная психологическая система, обладающая свойствами многомерности и иерархичности, развивающаяся по принципу дифференциации и формирующаяся при обязательной активности субъекта [11].

Изучение исследований, посвященных современным офисам, также показало, что психологическое бла-

гополучие и здоровье сотрудников не всегда относится к первостепенным задачам по сравнению с теми, которые нацелены на эффективность работы команды и повышение производительности [35;43;50]. В некоторых производственных сферах необходимо соблюдение определенных требований. Как отмечают исследователи, рабочие места оснащены техникой, электроникой, различного типа машинами. Эксперты считают, что создание благоприятной физической среды необходимо в соответствии с производственными требованиями организации. Кроме того, в некоторых случаях требуется обеспечение конфиденциальности, соблюдение дисциплины, правил общения. Как правило, повышение производительности в отдельных случаях имеет первостепенное значение для организации [29].

Кроме того, в исследованиях отмечается, что плохое качество воздуха в помещениях из-за токсинов, загрязнения или недостаточной вентиляции может привести к различным жалобам на физическое здоровье. Однако, существуют и другие побочные эффекты, связанные с психическим здоровьем, стресс и переутомление, которые стали главной профессиональной болезнью офисных работников [52].

О влиянии психологической рабочей среды на здоровье работника

Изучение научных работ показало, что в конце XX века эмпирические исследования и теория, касающиеся рабочей среды и психологического благополучия, как правило, фокусировались почти исключительно на негативном воздействии, как правило, стресса на здоровье в условиях работы. Однако, всеобщим мнением можно считать, что быть занятым в какой-либо сфере деятельности, как правило, менее вредно, чем быть безработным. В последнее время все более проявляется интерес исследователей к полезным аспектам рабочей среды и ее положительного воздействию на психологическое состояние работников.

Как уже отмечалось выше, рабочая среда рассматривается, в основном, как широкая категория, которая охватывает физические условия (например, интерьер, освещение, оборудование и др.), характеристики самой работы (например, рабочая нагрузка, сложность задачи), более широкие организационные особенности (например, общение, культура, история) и даже экстраорганизационные условия (например, условия местного рынка труда, сектор промышленности, отношения между работой и домом). Однако не все аспекты рабочей среды одинаково важны и актуальны для создания психологического благополучия работников.

Аналитический обзор научных трудов показал, что на создание благоприятной психологической среды

могут оказать положительное влияние те особенности, которые имеют отношение к поведению работников, включающее в себя три взаимосвязанных типа психологических явлений: *аффект* (например, эмоции, настроение, психологические симптомы, аффективные расстройства), *когнитивные способности* (например, отношение, восприятие, принятие решений), *стимул к действиям* (например, эффективность, мотивация). Следовательно, психологическая рабочая среда рассматривается как совокупность тех характеристик рабочей среды, которые влияют на чувства, мысли, эмоции, поведение работника.

Как показывают результаты исследований невозможно с уверенностью утверждать о том, что те или иные аспекты рабочей среды оказывают определенное влияние на психологическое здоровье, поскольку это в решающей степени зависит от отношения работника к конкретным условиям. Кроме того, для психологического благополучия часто важную роль играет именно совокупность/сочетание ряда ключевых условий работы. Рассматривая на основе исследований взаимосвязь физических условий рабочей среды и психологического состояния можно отметить, что: 1) шум, плохое освещение, температурные параметры (жара, холод) могут ухудшить когнитивные способности при выполнении определенных видов задач; 2) дизайн офисов с открытой планировкой, создание зон для отдыха и др. могут влиять на характер социального взаимодействия сотрудников, их общение; 3) организация физической среды может обеспечивать большую или меньшую физическую безопасность, профилактику несчастных случаев или травм, что также оказывает влияние на психологическое благополучие.

Изучение взаимосвязи психологического благополучия и таких характеристик работы как организация рабочих мест, качественная и количественная рабочая нагрузка, развитие технологий, контроль, отношение работников к выполняемым задачам и др. показало, что их взаимозависимость взаимообусловлена: более приемлемые и благоприятные характеристики работы способствуют сохранению и улучшению здоровья. Влияние на психологическое благополучие сотрудников может осуществляться благодаря воздействию таких факторов, как 1) структура организации, включая иерархию уровней, способ распределения работников на команды, а также координацию между различными подразделениями организации и 2) организационная культура, которая относится к нормам поведения и общения, включая социальную поддержку.

Кроме вышеперечисленных на психологическое благополучие работников могут влиять так называемые экстраорганизационные факторы к которым можно отнести следующие ситуации: 1) трудности, с которыми работник

сталкивается вне рабочего пространства, например, в семье, сложные ситуации жизни и др.; 2) локальные проблемы общества такие, как безработица, нехватка рабочих мест, транспортная доступность, жилье, медицинское обслуживание; 3) ситуации кризиса, в которой, например, промышленный сектор находится под особой угрозой и может усилить чувство незащищенности. Таким образом, существует множество способов, с помощью которых рабочая среда создает и поддерживает психологическую среду, оказывающих существенное влияние на психологическое благополучие работников.

Следует отметить, что взаимосвязь рабочей среды и психологического благополучия рассматривалась комплексно с позиции различных теоретических подходов. Первым появился в конце XX века подход (General stress models), связанный с влиянием стресса и напряжений рабочей нагрузки на здоровье работника. Исследователи отмечают, что влияние стресса можно смягчить благодаря социальной поддержке, индивидуальному подходу, вознаграждениям, поощрениям и др. Наиболее известная и наиболее широко протестированная модель стресса была разработана Р. Карасеком [36]. Следует отметить подход, предполагающий выявление взаимосвязи благосостояния работника и требованиями к работе, рабочей нагрузки, уровня контроля, свободы принятия самостоятельных решений о выполнении задач и др. Исследователи указывают на взаимообусловленность этих факторов: негативное влияние на здоровье оказывают высокие требования, усиленный контроль, жесткие принципы и др.

Особый подход к рассмотрению влияния любой среды на психологическое благополучие людей, в том числе и безработных отмечается в теории П. Уорра (Warr's 'Vitamin' Model), разработанной по аналогии на взаимосвязи между витаминами и физическим здоровьем. Исследователь сравнивает необходимость некоторых витаминов: например А и D полезны для здоровья в ограниченном количестве и вредны в больших количествах; такие витамины, как С и Е также необходимы для здоровья, но не имеют каких-либо вредных последствий. Итак, П. Уорр описывает психологические особенности окружающей среды в терминах витаминов таким образом, что присутствие каждого из них в окружающей среде важно для психологического благополучия, но их влияние на здоровье будет меняться по мере увеличения их уровня. Ценность работы П. Уорра состоит в том, что исследователь предлагает характеристики девяти определенных аспектов рабочей среды и их влияния на здоровье работника. Однако, предложенные показатели не всегда можно рассматривать как устойчивые факторы, направленные на формирование психологического благополучия [57].

К одному из интереснейших и обсуждаемых подхо-

дов относится теория эффективных событий, которая, в отличие от общих характеристик рабочей среды, рассматривает конкретные события на работе, вызывающие определенные эмоциональные и поведенческие реакции. Этот теоретический подход согласуется с растущим интересом к эмоциональному состоянию работников.

Считаем необходимым отметить подход, в котором рассматриваются ситуации, связанные с нарушением условий контракта. Исследования показывают, что случаи нарушения работодателем своих обязательств, например, вознаграждений за дополнительные виды работ, вызывают сильные негативные эмоции, которые могут иметь долгосрочные последствия для психологического состояния. И наоборот, справедливое исполнение условий договора приводят к психологическому благополучию.

В заключении считаем необходимым отметить, что проблемы взаимосвязи между пространственной средой, психологической средой и психологическим благополучием относятся к актуальным, имеют важнейшее

значение и требуют всестороннего глубокого изучения с учетом специфики отрасли (производства) и особенностей профессиональной деятельности. Кроме того, для понимания взаимосвязи рабочей среды и психологического благополучия и выявления способов положительного влияния на состояние здоровья работника представляется важным: 1) определить на основе диагностики специфические для конкретной профессиональной деятельности параметры психологического благополучия путем их выявления по таким характеристикам, как психическое здоровье (депрессия, аффект и др.), состояние настроения (усталость, утомляемость и др.), специфические эмоции (гнев, негодование, радость и др.); 2) определить влияние различных обстоятельств на взаимоотношения между работой и психологическим благополучием (токсичные взаимоотношения, абьюзивные отношения, уважительные отношения и др.); 3) выявить индивидуальные и личностные качества работника, необходимые и характерные для выполнения той или иной профессиональной деятельности, позволяющие выполнять функциональные обязанности.

ЛИТЕРАТУРА

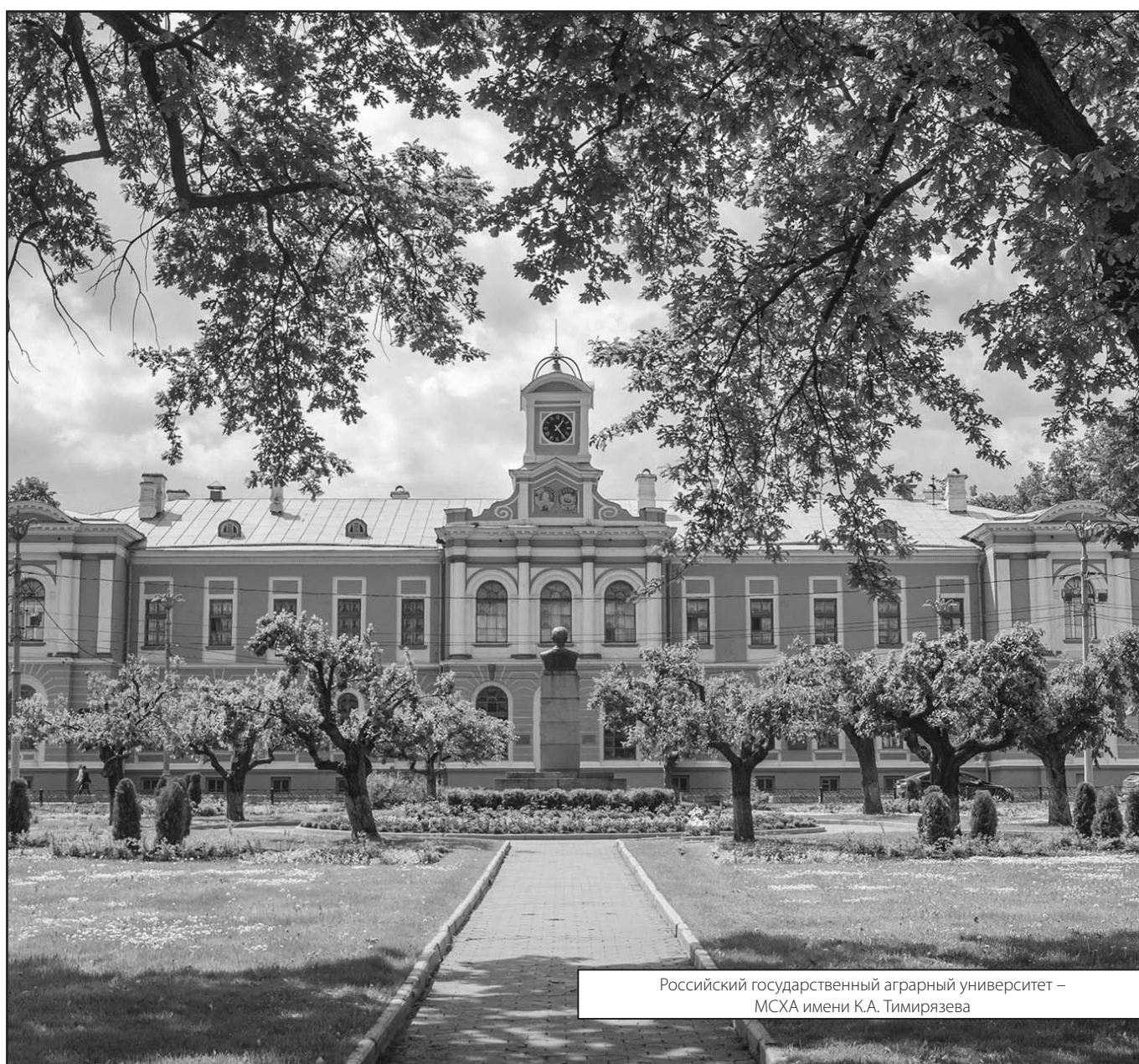
1. Гродзинский А.М. Фитодизайн и фитонциды. Киев: Наукова думка, 1973
2. Кузнецова, А.С., Филина, Н.М., Теленова, О. Ю. (2009). Саморегуляция функционального состояния налоговых служащих: субъективная интерпретация факторов профессионального стресса и психологические способы оптимизации состояния. Прикладная юридическая психология, 2, 73–79.
3. Леонова, А.Б., Кузнецова, А.С. (2007). Психологические технологии управления состоянием человека. М.: Смысл
4. Леонова, А.Б., Кузнецова, А.С. (2019). Структурно-интегративный подход к анализу функциональных состояний: история создания и перспективы развития. Вестник Московского Университета, Серия 14, Психология, 1, 13–33. doi: 10.11621/vsp.2019.01.13
5. Летучие биологически активные соединения биогенного происхождения. Отв. редакторы М.М. Телитченко и А.Х. Тамбиев. М.: Изд-во МГУ, 1971
6. Макаручук М.Н. Фитонциды в медицине. Киев: Науково думка, 1990
7. Мельникова С.В. Растения – санитары воздушной среды // Биология, 2001 № 7.
8. Снежко В.В., Кривенко В.В., Макаручук Н.М., Сгибнев А.К. Фитонцидные растения в интерьерах. // Сб.: Аллелопатия в естественных и в искусственных фитоценозах. – 1982.
9. Павлова М.В., Нартова-Бочавер С.К. Рутинные (обыденные) техники самопомощи в офисе: на примере мастерской архитекторов // Организационная психология, Т.10 №3, М. 2020.- с.164-184
10. Панов, В.В. (2014). Экопсихология: Парадигмальный поиск. М., СПб.: Психологический институт РАО; Нестор-История.
11. Панюкова Ю.Г. Психологическая репрезентация пространственно-предметной среды: Системно-структурная организация, возрастные и индивидуальные особенности : автореферат дис. ... доктора психологических наук : 19.00.01 / Психол. ин-т Рос. акад. образования. - Москва, 2004. - 43 с.
12. Awan, A.G., & Tahir, M.T. (2015). Impact of working environment on employee's productivity: A case study of banks and insurance companies in Pakistan. European Journal of Business and Management, 7(1), 329-345.
13. Banbury S, Berry DC. Disruption of office-related tasks by speech and office noise. BrJPsychol 1998; 89: 499-517.
14. Briner RB, Reynolds S. Bad theory and bad practice in occupational stress. The Occupational Psychologist 1993; 19: 8-13.
15. Briner RB. The neglect and importance of emotion at work. EurJ Work Organizational Psychol 1996; 8: 323-346.
16. Cecilia Eberendu, A., Okon Peter Akpan, E., C. Ubani, E., & Ahaiwe, J. (2018). A Methodology for the categorisation of software projects in Nigeria based on performance. Asian Journal of Research in Computer Science, 1(4), 1-9. <https://doi.org/10.9734/ajrcos/2018/v1i424758>
17. Ching, F.D.K., & Binggeli, C. (2004). Interior design illustrated (2nd ed.). Hoboken, NJ: Wiley & Sons.
18. Commission's Green Paper on Improving Mental Health (2005);
19. Cooper C. Theories of Organizational Stress. Oxford: Oxford University Press, 1998. 10. Spector PE. Job Satisfaction Application, Assessment, Cause, and Consequence. Thousand Oaks: Sage, 1997
20. Cooper CL, eds. Handbook of Work and Health Psychology. Chichester: John Wiley, 1996; 33-50.
21. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Diseases

22. Edwards JR, Caplan RD, Van Harrison R. Personenvironment fit theory: conceptual foundations, empirical evidence and directions for future research. In: Cooper CL, ed. *Theories of Organizational Stress*. Oxford: Oxford University Press, 1998; 28-67.
23. EU Health Programme (2014-2020);
24. Eulberg JR, Weekley JR, Bhagat RS. Models of stress in organizational research: A metatheoretical perspective. *Human Relations* 1988; 41: 331-350.
25. European Framework for Action on Mental Health and Well-being, (2016)
26. European Parliament report (2016)
27. Fineman S. *Emotion in Organizations*. London: Sage, 1993.
28. Ganster DC, Schaubroeck J. Work stress and employee health. *J Management* 1991; 17: 235-271.
29. Iqbal, A. (2008). Organizational climate and employees' commitment: a study of the Pakistani knitwear industry. In *Estableciendo puentes en una economía global* (p. 32). Escuela Superior de Gestión Comercial y Marketing, ESIC.
30. International Classification of Disease and Related Health Problems (ICD).
31. Ijmker, S., Huysmans, M.A., Blatter, B.M., Van der Beek, A.J., Van Mechelen, W., & Bongers, P.M. (2007). Should office workers spend fewer hours at their computer? A systematic review of the literature. *Occupational and Environmental Medicine*, 64(4), 211-222. doi:10.1136/oem.2006.026468
32. Janwantanakul, P., Pensri, P., Jiamjarasrangri, V., & Sinsongsook, T. (2008). Prevalence of self-reported musculoskeletal symptoms among office workers. *Occupational Medicine*, 58(6), 436-438. doi:10.1093/occmed/kqn072
33. Jones F, Fletcher BC. Job control and health. In: Shabracq MJ, Winnubst JAM, VanderDoef M, Maes S. *The job demand - control - support model and psychological well-being: a review of 20 years*
34. Kahn RL, Byosiere P. Stress in organizations. In: Dunnette M, ed. *Handbook of Industrial and Organizational Psychology*. Chicago: Rand-McNally, 1991.
35. Kamarulzaman, N., Saleh, A., Hashim, S., Hashim, H., & Abdul-Ghani, A. (2011). An overview of the influence of physical office environments towards employee. *Procedia Engineering*, 20, 262-268. <https://doi.org/10.1016/j.proeng.2011.11.164>
36. Karasek RA. Job demands, job decision latitude and mental strain: Implications for job redesign. *Administrative Science Quarterly* 1979; 24: 285-307
37. Langenhan, M.K., Leka, S., & Jain, A. (2013). Psychosocial risks: Is risk management strategic enough in business and policy making? *Safety & Health at Work*, 4, 87-94.
38. Lenderink, A., Brand, T. (2018). *Beroepsziekten in cijfers 2018 [Occupational diseases 2018]*. Amsterdam: Nederlands centrum voor beroepsziekten. Retrieved from <https://www.occupationaldiseases.nl/>
39. Mbembati, N.A., Mwangu, M., Muhondwa, E., & Leshabari, M.M. (2008). Performance indicators for quality in surgical and laboratory services at Muhimbili national hospital (MNH) in Tanzania. *East African Journal of Public Health*, 5(1), 13-16. <https://doi.org/10.4314/eajph.v5i1.38971>
40. Mwendwa, P., McAuliffe, E., Uduma, O., Masanja, H., & Mollel, H. (2017). The impact of supportive supervision on the implementation of HRM processes; a mixed-methods study in Tanzania. *Health Systems and Policy Research*, 4(1), 1-9
41. Perkins, R., Farmer, P., & Litchfield, P. (2009). *Realising ambitions: Better employment support for people with a mental health condition*. London: Department of Work and Pensions.
42. Rousseau D. *Psychological Contracts in Organizations: Understanding Written and Unwritten Agreements*. Thousand Oaks: Sage, 1995.
43. Saaria, A., Tissarib, T., Valkamac, E., Seppänen, O. (2006). The effect of a redesigned floor plan, occupant density and the quality of indoor climate on the cost of space, productivity and sick leave in an office building — A case study. *Building and Environment*, 41, 1961-1972
44. Sauter SL, Murphy LR. *Organizational Risk Factors for Job Stress*. Washington, DC: American Psychological Association, 1995
45. Sharma, J., Dhar, R. L., & Tyagi, A. (2016). Stress as a mediator between work-family conflict and psychological health among the nursing staff: Moderating role of emotional intelligence. *Applied Nursing Research*, 30, 268-275. <https://doi.org/10.1016/j.apnr.2015.01.010>
46. Siegrist J. Adverse effects of the effort - reward imbalance at work: theory, empirical support, and implications for prevention. In: Cooper CL, ed. *Theories of Organizational Stress*. Oxford: Oxford University Press, 1998; 190-204.
47. Sundstrom E. *Work Places: The Psychology of the Physical Environment in Offices and Factories*. CUP Archive, 1986.
48. *The Psychology of the Physical Environment in Offices and Factories*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
49. Thobaben, M., & Woodward, W. (1996). Workplace security for home health care employees. *Journal of Home Health Care Practice*, 8(6), 58-65. <https://doi.org/10.1177/108482239600800611>
50. Vischer, J.C. (2007). The Concept of Workplace Performance and Its Value to Managers. *California Management Review* 49(2), 62-79.
51. Waddell, G., & Burton, A.K. (2006). *Is work good for your health and well-being?* London: The Stationary Office
52. Van der Molen, H., Kuijper, P., De Groene, G., Bakker, J., Sorgdrager, B., Lenderink, A., Brand, T. (2018). *Beroepsziekten in cijfers 2018 [Occupational diseases 2018]*. Amsterdam: Nederlands centrum voor beroepsziekten. Retrieved from <https://www.occupationaldiseases.nl/>
53. Kahn RL, Byosiere P. Stress in organizations. In: Dunnette M, ed. *Handbook of Industrial and Organizational Psychology*. Chicago: Rand-McNally, 1991.
54. Waddell, G., Burton, A.K. (2006). *Is work good for your health and well-being?* London: The Stationary Office
55. Wall TD, Parker SK. *Job and Work Design*. Thousand Oaks: Sage, 1998 See special issue of *Journal of Occupational Health Psychology* 1999; 4: 301-393.
56. Wall TD, Jackson PR, Mullarkey S, Parker SK. The demands - control model of job strain: a more specific test. *J Occup Organizational Psychol* 1996; 69: 153-16
57. WarrPB. *Work, Unemployment, and Mental Health*. Oxford: Oxford University Press, 1987
58. Weiss HM, Cropanzano R. Affective events theory: a theoretical discussion of the structure, causes and consequences of affective experiences at work. *Research in Organizational Behavior* 1999; 18: 1-74.
59. WHO Constitution of the World Health Organization (1948).
60. WHO - World Health Organization (2003) *The World Oral Health Report 2003*. Continuous improvement of oral health in the 21st century – the approach of the

- WHO Global Oral Health Programme.
61. Work Organization and Stress. Protecting workers' health series, no. 3. Geneva: World Health Organization. Available at: http://www.who.int/occupational_health/publications/stress/en/index.html
 62. WHO - World Health Organization (2008). PRIMA-EF: Guidance on the European Framework for Psychosocial Risk Management: A Resource for Employers and Worker Representatives. Protecting workers' health series, no. 9. Geneva: World Health Organization. Available at: http://www.who.int/occupational_health/publications/Protecting_Workers_Health_Series_No_9/en/index.html
 63. WHO - World Health Organization (2010). Health impact of psychosocial hazards at work: An overview. Geneva: World Health Organization. Available at: http://www.who.int/occupational_health/publications/hazardpsychosocial/en/index.html WHO - World Health Organization (2017). Depression and other common mental disorders: Global health estimates. Geneva: World Health Organization. Available at: http://www.who.int/mental_health/management/depression/prevalence_global_health_estimates/en/
 64. https://ec.europa.eu/health/sites/default/files/mental_health/docs/compass_2017workplace_en.pdf
 65. <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-prostranstvennoy-sredy-fitodizayn-v-biblioteke/viewer>

© Панюкова Юлия Геннадьевна (apanukov@mail.ru), Рева Алина Рустамовна (zar.86@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский государственный аграрный университет –
МСХА имени К.А. Тимирязева

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ УСПЕШНОСТИ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ПСИХОЛОГОВ

Рыжова Дарья Сергеевна

Ленинградский государственный университет
им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург
dashulya_1998m@bk.ru

PSYCHOLOGICAL DETERMINANTS OF THE SUCCESS OF TEACHING PSYCHOLOGY STUDENTS

D. Ryzhova

Summary: The article presents an empirical study of the types of professional motivation as the main factor of the success of educational activities of psychology students. Knowledge of the type of motivation characteristic of successful psychology students has practical significance: it will allow for purposeful work aimed at forming and maintaining the motivation necessary for successful learning, which has a positive effect on the quality of education.

Keywords: learning success, students, psychological determinants, motivation, internal motivation, host type of motivation.

Аннотация: В статье представлено эмпирическое исследование типов профессиональной мотивации как основного фактора успешности учебной деятельности студентов – психологов. Знание типа мотивации, свойственного успешным студентам – психологам, имеет практическую значимость: позволит проводить целенаправленную работу, направленную на формирование и поддержание мотивации, необходимой для успешного обучения, что положительно сказывается на качестве образования.

Ключевые слова: успешность обучения, студенты, психологические детерминанты, мотивация, внутренняя мотивация, хозяйский тип мотивации.

Введение

Проблема успешности студентов имеет актуальность, поскольку именно успешность обучения является прогностическим критерием качества высшего образования.

В современной психолого-педагогической литературе выделяется целый ряд факторов успешности обучения, которые можно классифицировать как внешние и внутренние [6], а так же как социальные, психофизические, психологические[3].

Большую роль в успешности обучения играют психологические факторы. Знание психологических детерминант успешности обучения позволит способствовать решению задачи научить студентов учиться самостоятельно, которая важна в контексте актуальности непрерывного образования. Именно знание своих психологических особенностей, позволяющих успешно обучаться, даст возможность студентам учиться самостоятельно.

Закономерно предположить, что в профессии психолог именно мотивация профессиональной деятельности будет ведущей психологической детерминантой успешности обучения, поскольку

Актуальность исследования обусловлена противоречием между потребностью в поддержании и повышении качества высшего профессионального образования и тем, что не разработана единая прогностическая модель

психологических детерминант учебной успешности.

Целью данного исследования является рассмотрение типов профессиональной мотивации как психологической детерминанты успешности обучения студентов-психологов.

Задачи исследования: провести сравнительный анализ типов профессиональной мотивации успешных и неуспешных студентов-психологов.

Гипотеза исследования: успешные студенты-психологи характеризуются внутренней мотивацией хозяйского типа.

Обзор литературы

Введение в научный обиход понятия учебной успешности принадлежит Б.Г. Ананьеву [1]. Автор понимал учебную успешность как определенные характеристики учебной деятельности: ее темп, напряженность, стиль, объём прилагаемых усилий, которые обеспечивают учебные достижения. Учебная успешность так же означает достижение учебных успехов при минимальных затратах. Учебная успешность, согласно А.Д. Ишкову, может быть рассмотрена субъективно – как личный прогресс учащихся, так и объективно, будучи приравненной к академической успешности [10].

В научной литературе среди психологических детерминант успешности обучения рассматривались самые

разные процессы и качества. Г.Х. Баева [4] и ЕВ. Желтова[8] относят к числу психологических детерминант, влияющих на успешность деятельности студентов, содержание их ценностно-смысловой сферы личности. Е.В. Желтова конкретизирует важные компоненты ценностно-смысловой сферы и делает акцент на смысло-жизненных ориентациях личности [8].

Рассмотрена интернальность как детерминанты успешности учебной деятельности в работах Г.Х. А.А. Корниловой, А.Ю. Маленовой и других авторов.

В исследованиях И.С. Клециной [11], М.А. Титовой [17], В.И. Моросановой [14] и других авторов как детерминанты успешности учебной деятельности интегрального плана рассматривается саморегуляция в сочетании с рефлексивностью.

Доказано, что высокий уровень сформированности системы саморегуляции способствует успешной учебной деятельности.

В современных исследованиях среди психологических детерминант успешности обучения рассматривается влияние эмоционального интеллекта на успешность учебной деятельности (Д.В. Фурсова[18]), а так же влияние уровня рефлексивности (А.К. Самойличенко [16]).

В зарубежной психологии установлена роль эмоций достижения, которые обеспечивают стремление к результативности (Р. Пекрун, Э. Эллиот и М. Майер) [22-23] Является популярной теория социальной принадлежности, согласно которой актуальная в юношеском возрасте потребность быть частью группы значимых людей будет способствовать высокой учебной мотивации, если группа – образец обладает характеристиками успешности [Р. Баумайстер, М. Лири, Г. Уолтон, Г. Коэна [24].

Обзор литературы показывает, что среди психологических детерминант успешности обучения рассматривалась мотивация [5,6]. Мотивация подразумевает комплекс причин психологического плана, которые детерминируют деятельность человека, обуславливают направленность и активность деятельности человека.

В работах Л.А. Афанасьевой [2], А.Б. Давтян [13], Е.В. Марковой [13] изучено влияние мотивации достижения на успешность учебной деятельности в высшем учебном заведении. Автор подчеркивает, что высокая мотивация достижения будет способствовать успешной учебе при наличии развитых волевых способностей личности. Поскольку проблема мотивации остается одной из фундаментальных проблем психологической науки и практики, ввиду ее влияния на все виды деятельности, представляет интерес расширение и углубление темы мотивации как детерминанты учебной успешности.

В зарубежной психологической литературе учебная мотивация изучена в ряде теорий. Применительно к студенчеству представляет интерес теория возможных Я Д. Ойзерман. На этом возрастном этапе присутствуют множество возможных Я, по разному определяющих успешность обучения.

Материалы и методы

Выборка исследования: 80 студентов – психологов 2-4 курсов (40 студентов, академически успешно обучающихся, и 40 студентов, академически обучающихся не успешно)

Программа эмпирического исследования включает в себя первичное тестирование профессиональной мотивации студентов – 1 этап, сравнение уровня профессиональной мотивации у успешных и неуспешных студентов– 2 этап, и анализ результатов – 3 этап.

В исследовании были использованы методики:

1. Тест «Мотивация профессиональной деятельности» К. Замфир в модификации А. Реана.

Цель: диагностика мотивации профессиональной деятельности. Выявляет тип три типа мотивации: внутреннюю, внешнюю положительную и внешнюю отрицательную.

2. Тест оценки мотивации Герчикова

Цель: выявление типа мотивации по теории Герчикова: инструментальный, профессиональный, патриотический, хозяйский, люмпенизированный.

Исследование по данным методикам проводятся в групповой форме.

Для анализа данных, полученных в исследовании, применялись методы первичных описательных статистик, сравнительный анализ. Для обработки данных использовался статистический пакет SPSS Statistica 10.

Результаты

В начале, на первом этапе программы исследования, был выявлен уровень профессиональной мотивации в исследуемой группе с помощью двух методик.

В ходе данного первичного тестирования на выявление профессиональной мотивации по методике «Мотивация профессиональной деятельности» К. Замфир в модификации А. Реана выявлено, что около половины студентов имеют внешнюю положительную мотивацию (56% -45 чел) и у 44% студентов – внутренний тип мотивации.

Наглядно результаты представлены на диаграмме 1.

Рис. 1. Диаграмма типов профессионально мотивации по методике «Мотивация профессиональной деятельности» К. Замфир в модификации А. Реана

По методике оценки мотивации Гечикова выявлено, что у 50% (30 чел) преобладает люмпенизированный тип мотивации, у 20% (12 чел) – профессиональный, у 13% (8 чел) – хозяйский, у 17% (10 чел) – инструментальный.

Наглядно результаты представлены на рисунке 2.

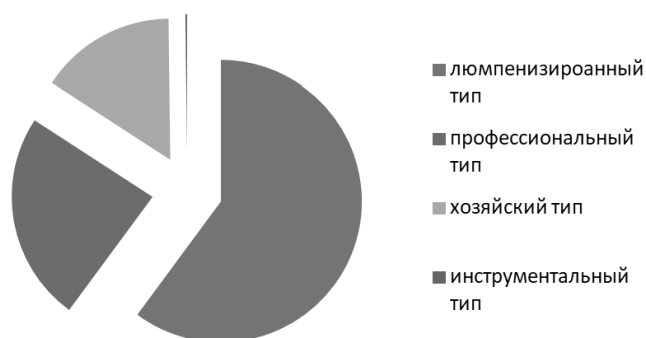

Рис. 2. Диаграмма типов профессионально мотивации по методике оценки мотивации Герчикова

На втором этапе исследования факторов профессиональной мотивации были сформированы группы студентов с различным уровнем успешности обучения.

Согласно методике «Мотивации профессиональной деятельности К. Замфир в модификации А. Реана» испытуемые показали следующие результаты (таблица 1):

Таблица 1.

Результаты «Мотивации профессиональной деятельности К. Замфир в модификации А. Реана»

	Среднее значение		T
	Неуспешные студенты	Успешные студенты	
VM	12,2	24,5	-15,453***
ВПМ	12,2	10,2	3,416***
ВОМ	19,1	6,5	12,408***

Прим. Различия значимы на уровне $p \leq 0,001$

Из таблицы 1 видно, что у неуспешных студентов преобладает внешняя отрицательная мотивация, по мнению автора методики, это наихудший мотивационный комплекс личности.

В группе успешных студентов преобладает внутренняя мотивация, их мотивационный комплекс оптимален.

Для того, чтобы утверждать различия между группами успешных и неуспешных студентов, был проведен статистический анализ по критерию Стьюдента.

Выявлено, что успешные и неуспешные студенты различаются по всем типам мотивации: внутренняя мотивация ($T=-15,453$ $p \leq 0,001$), внешняя положительная мотивация ($T=3,416$ $p \leq 0,001$), внешняя отрицательная мотивация ($T=12,408$ $p \leq 0,001$)

Таким образом, у неуспешных студентов действительно преобладает внешняя отрицательная мотивация, что указывает на преобладание не имеющих отношения к самой деятельности мотивов, мотивов избегания негативной оценки и т.п.

У успешных студентов преобладает внутренняя мотивация, что означает, что деятельность важна для них сама по себе.

Графически результаты представлены на рисунке 3.

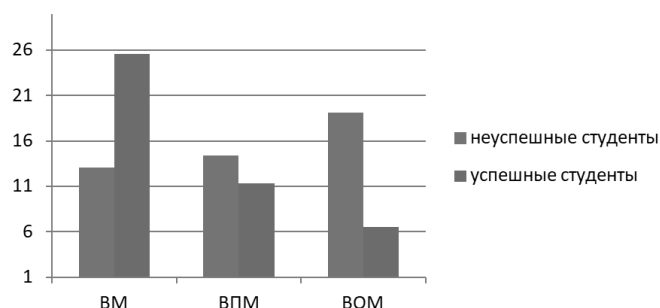

Рис. 3. Диаграмма, отражающая мотивационный комплекс успешных и неуспешных студентов

Рассмотрим результаты по методике оценки мотивации Герчикова, представленные в таблице 2.

Из таблицы 2 следует преобладание у неуспешных студентов инструментального типа мотивации и профессионального типа мотивации.

В группе успешных студентов преобладает хозяйский тип.

Для того, чтобы утверждать различия между группами студентов по типам мотивации, был проведен статистический анализ по критерию Стьюдента.

Между группами успешных и неуспешных студентов

Таблица 2.

Результаты по методике оценки мотивации Герчикова

Тип мотивации	Средние значения		T
	Неуспешные студенты	Успешные студенты	
инструментальный	18,1	8,5	13,569***
профессиональный	16,8	15,9	1,256
патриотический	10,2	15,3	-5,600***
хозяйский	14,4	18,2	4,811***
люмпенизированный	8,1	8,6	1,315

Прим. Различия значимы на уровне $p \leq 0,001$

выявлены достоверные различия по инструментальному типу мотивации ($T=13,569$ $p < 0,001$), патриотическому ($T=-5,600$ $p < 0,001$), хозяйскому типам мотивации ($T=4,811$ $p < 0,001$).

Таким образом, на основании статистического анализа можно сказать, что неуспешным студентам свойственен инструментальный тип мотивации, что характеризует их как интересующихся оплатой труда даже больше, чем его содержанием, ценностью самостоятельного самообеспечения в материальном плане.

Успешные студенты обладают выраженной хозяйской мотивацией: добровольно принимают на себя ответственность, имеют потребность в свободе действий, не терпят контроля.

Графически результаты представлены на рисунке 4.

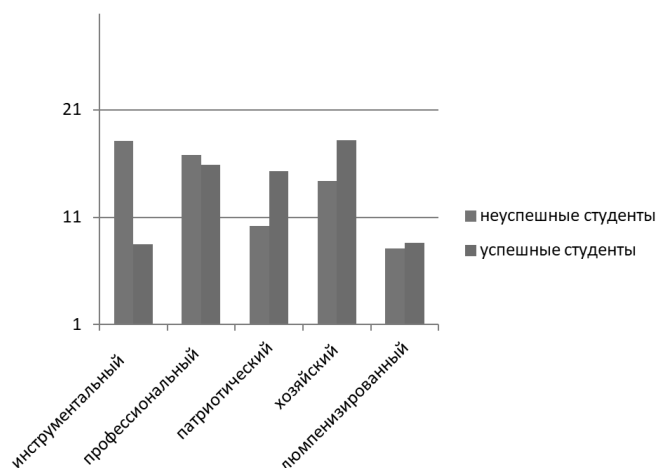

Рис. 4. Диаграмма, отражающая тип мотивации успешных и неуспешных студентов – психологов

Обсуждение и выводы

Обобщая результаты эмпирического исследования, можно прийти к следующим выводам:

1. У неуспешных студентов преобладает внешняя отрицательная мотивация, что указывает на преобла-

дание не имеющих отношения к самой деятельности мотивов, мотивов избегания негативной оценки и т.п. У успешных студентов преобладает внутренняя мотивация, что означает, что деятельность важна для них сама по себе.

2. Тип мотивации различен у успешных и неуспешных студентов. Неуспешным студентам свойственен инструментальный тип мотивации, успешным студентам – хозяйский тип мотивации.

3. Мотивационная сфера является стержневым образованием личности, которое детерминирует личностные и социально-психологические качества, среди которых направленность, ценностные ориентации, социальные ожидания, притязания, волевые качества.

Мотивация детерминирует деятельность человека, обуславливают направленность и активность деятельности человека. Мотивация является системообразующим образованием, которое обеспечивает организованность и устойчивость деятельности, ее целостность и направленность на единую цель. В данном случае такой деятельностью является учебная деятельность, направленная на профессиональное становление и развитие.

Мотивация – многоплановая переменная, которая находится под влиянием различных других переменных, отследить которые довольно трудно.

Поставленная в исследовании гипотеза, в которой говорится, что уровень мотивации успешных и неуспешных студентов различен, полностью подтвердилась.

Полученные результаты дают возможность повысить профессиональную мотивацию студентов – психологов. Это возможно путем поддержания инструментального типа мотивации, путем материального стимулирования, а так же оценки достижений учебной деятельности. Важно формировать внутреннюю мотивацию путем поощрения и формирования интереса к профессиональной деятельности.

Поддержать мотивацию успешных студентов можно

путем создания условий для самовыражения и самореализации, поскольку у них преобладает внутренняя мотивация. Так же важно поддерживать хозяйский тип мотивации. Данные рекомендации могут найти реализацию в том, чтобы прислушиваться к мнению успешных сту-

дентов в различных организационных вопросах, давать возможность высказывать собственное мнение, давать возможность проявлять творчество не в регламентированном труде, а в вопросах планирования мероприятий факультета и вуза.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьев, Б.Г. О проблемах современного человекознания / Б.Г. Ананьев. – 2 изд. – СПб.: Питер, 2001. – 272 с.
2. Антипова Л.А. Мотивация к достижению успеха как ведущий фактор успешности учебной деятельности//Europeanresearch, 2017
3. Афанасьева А.И. Индивидуально-психологические факторы успешности обучения современных студентов//Студенческий научный форум - 2020 <https://scienceforum.ru/2020/article/2018021485>
4. Баева Г.Х. Ценностные ориентации в системе акмеологических факторов развития успешности учебной деятельности студентов: Автореф. дис. ... канд. психол. наук / Северо-Западная акад. гос. службы. – СПб., 2012. – 27 с.
5. Гридяева Л.Н. Учебно-профессиональная успешность как показатель эффективности подготовки будущих психологов образования / Л.Н. Гридяева, Ю.П. Панарина // Педагогика и психология: перспективы развития : материалы II Междунар. науч.–практ. конф. (Чебоксары, 29 окт. 2017 г.) / редкол.: О.Н. Широков [и др.] – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2017. – С. 45–48.
6. Губин В.А. Учебные мотивы и успешность обучения студентов университета: сущность, содержание и динамика взаимообусловленности//Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России, 2018
7. Давтян А.Б. Взаимосвязь мотивации и успешности в обучении студентов медицинского университета : монография / А.Б. Давтян. — Москва : РУСАЙНС, 2017. — 120 с
8. Желтова Е.В. Психологические детерминанты успешности обучения студентов вузов. автореф. дисс. канд. психол. наук, Ростов-на-Дону, 2008.- 254 с.
9. Зюнова Е.В. Профессиональная мотивация как фактор успешности обучения в вузе//Международный журнал гуманитарных и естественных наук, 2016 <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnaya-motivatsiya-kak-faktor-uspeshnosti-obucheniya-v-vuze>
10. Ишков А.Д., Учебная деятельность студента, Психологические факторы успешности, М. Изд-во «ФЛИНТА», 2019. – 224 с.
11. Клецина И.С. Структура личностной саморегуляции как фактор успешности учебной деятельности студентов: дисс. канд. психол. наук. СПб, 1992. – 256 с. <http://nauka-pedagogika.com/psihologiya-19-00-07/dissertaciya-struktura-lichnostnoy-samoregulyatsii-kak-faktor-uspeshnosti-uchebnoy-deyatelnosti-studentov#ixzz7A7itPrc4>
12. Корнилова А.А. Интернальность как фактор успешности учебной деятельности // Психология, социология и педагогика. 2012. № 5 [Электронный ресурс]. URL: <https://psychology.snauka.ru/2012/05/632> (дата обращения: 03.10.2021).
13. Маркова Е.В. Мотивационно-волевые особенности личности как фактор успешности деятельности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук / Гос. ун-т им. А.А. Жданова. – Л., 1984. – 16 с.
14. Моросанова В.И. Самосознание и саморегуляция поведения/ В.И. Моросанова, А.Е. Аронова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – 213 с.
15. Расковалова О.С. Эволюция понятия «успешность в обучении» //Педагогика и психология: современный взгляд СЕКЦИЯ №1. ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА. 2016
16. Самойличенко А.К. Рефлексивность как ресурс успешного обучения студентов. 2017
17. Титова М.А. Эффективность психологической саморегуляции функционального состояния как фактор профессиональной успешности: дис. канд. Наук: 19.00.03 / Титова Мария Александровна. – М. – 2016. – 241 с.
18. Фурсова Д.В. Психолого-педагогические аспекты учебной и профессиональной успешности студента// Инновационные аспекты развития науки и техники, 2020
19. Baumeister R.F., Leary M.R. The need to belong: Desire for interpersonal attachments as a fundamental human motivation [Elektronnyy resurs]. Psychological Bulletin, 2004, vol. 8 no. 3, pp. 497—529. Available at: http://www.communicationcache.com/uploads/1/0/8/8/10887248/the_need_to_belong-_desire_for_interpersonal_attachments_as_a_fundamental_human_motivation.pdf (Accessed 25.10.2021).
20. Oyserman D., James L. Possible selves: From content to process // The Handbook of Imagination and Mental Stimulation / Klein Markman, J.A. Suhr (Eds.). Psychology Press, 2014. P. 345—374.
21. Oyserman D., Markus H.R. Possible selves and delinquency // Journal of Personality and Social Psychology. 2019. Vol. 59. № 1. P. 112—125. doi:10.1037/0022-3514.59.1.112
22. Pekrun R. Emotions and Learning [Электронный ресурс] // Educational Practices. 2014. № 24. P. 6—29. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.691.9950&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 25.10.2021).
23. Pekrun R., Elliot A.J., Maier M.A. Achievement Goals and Achievement Emotions: Testing a Model of Their Joint Relations With Academic Performance // Journal of Educational Psychology. 2019. Vol. 109. №1. P. 114—145. 10.1037/a4679099
24. Walton G.M., Cohen G.L. A brief social-belonging intervention improves academic and health outcomes of minority students. Science, 2018, vol. 331, no. 6023, pp. 1437—1461. doi:9.1126/science.237533

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ ЮРИДИЧЕСКИХ ПРАКТИК

Филиппова Ольга Владимировна

*К.ю.н., доцент, УрФУ им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина; Нотариус г. Екатеринбурга, г. Екатеринбург
ovz24@ya.ru*

PSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF THE FEATURES OF LEGAL PRACTICES

O. Filippova

Summary: Legal activity as a subject of scientific research, being a systemic entity, in addition to its operational and technical component, requires analysis of both the objective conditions for its implementation and the psychological structural and content features of the subject of legal labor. The objective conditions of legal activity are the legal regulation of professional behavior and decisions; imperious, obligatory nature of the professional powers of law enforcement officials; the extreme nature of the law enforcement activities of many lawyers; non-standard, creative nature of the work of a lawyer; procedural independence, personal responsibility of lawyers working in law enforcement agencies, state-legal structures.

Keywords: psychological analysis, legal practice, legal psychology, law, professional activity.

Аннотация: Юридическая деятельность как предмет научного исследования, являясь системным образованием, помимо ее операционально-технической составляющей, требует анализа, как объективных условий ее выполнения, так и психологических структурно-содержательных особенностей субъекта юридического труда. Объективными условиями юридической деятельности являются правовая регламентация профессионального поведения и принимаемых решений; властный, обязательный характер профессиональных полномочий должностных лиц правоохранительных органов; экстремальный характер правоохранительной деятельности многих юристов; нестандартный, творческий характер труда юриста; процессуальная самостоятельность, персональная ответственность юристов, работающих в правоохранительных органах, государственно-правовых структурах.

Ключевые слова: психологический анализ, юридическая практика, юридическая психология, право, профессиональная деятельность.

Психологические особенности профессиональной деятельности юристов отражаются в ее напряженном, ответственном характере, обусловленном выполнением большого объема сложной, многообразной работы в условиях острого дефицита информации и времени, активного противодействия заинтересованных лиц, нередко игнорирующих правовые нормы [30]. Профессиональное общение юристов зачастую связано с «лицами, подозреваемыми в совершении преступлений, недобросовестными потерпевшими и свидетелями»; для юридической деятельности характерны «дефицит времени, ложная корпоративность, частое возникновение остроконфликтных ситуаций» [18].

Наряду с термином «юридическая деятельность», в научной литературе используется понятие «юридическая практика», научное осмысление которого, по мнению В.И. Леушина, «позволит захватить для анализа более глубокий, сущностный пласт правовой действительности» [21]. Анализируя взгляды ученых на соотношение данных понятий, отметим разные точки зрения. Так, по мнению советских ученых, юридическая практика отождествляется с понятием юридическая деятельность (И.Я. Дюрягин [9], В.П. Казимирчук [14] и др.). Как результативный показатель юридической деятельности трактуют юридическую практику С.С. Алексеев [1], С.И. Вильнянский [6] и др. Наиболее продуктивной является точка зрения, согласно которой юридическая практика представляет собой единство юридической деятельно-

сти и ее результата, изложенная в работах В.И. Леушина, В.Н. Карташова, Е.Н. Палагиной [29].

Юридическая деятельность, таким образом, предполагает, с одной стороны, анализ объективных условий реализации юридических практик, с другой – анализ психологических качеств и свойств личности юриста, которые отвечают требованиям профессиональной юридической деятельности, профессиональной пригодности юриста к выполнению профессиональных задач и должностных обязанностей, обеспечивая результативность юридической деятельности.

Личность юриста как субъекта юридической деятельности является системообразующим фактором осуществления юридических практик в различных сферах юридической деятельности, что актуализирует проблему исследования психологических качеств и свойств личности юриста, которые отвечают требованиям профессиональной юридической деятельности, профессиональной пригодности юриста к выполнению профессиональных задач и должностных обязанностей. В научных работах В.Л. Васильева, А.Э. Жалинского, М.И. Еникеева, В.Н. Карташова, В.И. Майорова, Т.В. Мальцева, В.В. Романова, Н.Я. Соколова, И.Н. Сорокотягина, А.М. Столяренко и др. изложены профессиональные требования к представителям различных областей юридической деятельности – к профессионально-значимым качествам личности адвоката, прокурора, судьи, судебного эксперта,

следователя, нотариуса и других представителей юридических профессий, описаны профессиограммы и психограммы, определены условия и факторы формирования профессионально-важных качеств личности юристов.

Становление личности юриста в процессе профессионального обучения и профессиональной деятельности опосредовано профессиональными целями, ценностями и нормами профессии и профессиональной группы. Правовая обусловленность профессии юриста актуализирует значимость правовых ценностей, базирующихся на системе правовых знаний, взглядов и правовых установок личности, которые выступают в качестве ценностно-нормативных регулятором профессионального поведения и отношений в профессионально-юридических группах различных специализаций. С этой точки зрения повышается значимость формирования в процессе профессионально-личностного становления юриста правовой идентичности, которая, по мнению Н.В. Исаевой, обеспечивает «отношение к праву как ценности, способной изменить и внутренний мир человека, и его правовое поведение»[13].

Существование профессионально-юридической группы основано на таких важнейших признаках социальной группы, как общность целей, ценностей, интересов и единство действий, которые формируют связи и отношения, как в профессионально-юридической общности в целом, так и в составляющих ее специализированных профессиональных группах юридических работников. Поэтому как об относительно самостоятельных профессиональных группах можно говорить о профессиональных группах следователей, прокуроров, судей, адвокатов, нотариусов, юрисконсультов, судебных приставов, работников полиции, сотрудников уголовно-исполнительных учреждений, субъекты которых обладают специфическим набором профессионально-важных качеств, отвечающих требованиям профессиональной юридической специализации.

Психологические особенности юридических практик, прежде всего, отражаются в анализе профессиональных требований, которые предъявляет юридическая деятельность к психофизиологическим и индивидуальным психофизиологическим качествам и свойствам личности юриста. Данные психофизиологические и индивидуально-психологические качества и свойства образуют содержание психограммы личности юриста с выделением четких критериев его профессиональной пригодности либо непригодности к профессиональной деятельности в правоохранительных органах, в различных государственно-правовых и других структурах. В настоящее время в научной литературе изложены различные по содержанию качества юриста, принадлежащего к той или иной специализированной профессионально-юридической группе. В соответствии с государственным образовательным стандартом высшего профессионального

образования (ГОС ВПО) к профессиональным качествам юриста относятся общие качества юриста, отражающие нравственно-правовые и морально-волевые качества; профессиональные умения; квалификационные умения и навыки[7]. Существенным недостатком описанных в ГОС ВПО общих качеств юриста, по мнению В.А. Леванского, Н.Я. Соколова[20], является их некорректное смешение, размытость, недостаточно четкое и дифференцированное определение общих качеств, необходимых профессиональному юристу.

В юридической психологии представлены различные модели, описывающие психологические свойства и качества субъектов юридической деятельности, которые, по мнению авторов, отвечают требованиям профессиональной пригодности специалиста. Широкое распространение к оценке личности субъекта профессиональной деятельности, в том числе профессиональной юридической деятельности, получил коллекционный подход, в основе которого лежит выявление профессионально-важных качеств (далее ПВК) личности специалиста. В работах Э.Ф. Зеера, Е.П. Ильина, А.В. Карпова, Е.А. Климова, В.Д. Шадриков и др. показано, что наличие ПВК, определяющих соответствие специалиста профессиональной деятельности, определяет высокую профессиональную пригодность. ПВК юриста с точки зрения качества и результативности юридической деятельности можно описать, опираясь на модель ПВК специалиста, предложенную А.В. Карповым. Абсолютные ПВК специалиста образуют свойства, необходимые для выполнения деятельности на нормативно заданном уровне. В отличие от них, относительные ПВК определяют возможность достижения высоких «наднормативных» количественных и качественных показателей деятельности; мотивационные ПВК, высокий уровень которых может существенно компенсировать недостаточный уровень развития многих иных ПВК; анти-ПВК включают свойства личности, противоречащие тому или иному виду профессиональной деятельности[6].

Раскроем некоторые модели профессионально-важных качеств юриста, которые, по мнению авторов, отвечают требованиям профессиональной пригодности к профессиональной юридической деятельности и обеспечивают ее успешность. Согласно В.И. Майорову, в структуре личности юриста выделяются следующие группы свойств: 1) мировоззренческие (отношения к социальным ценностям, правовое сознание, этические и моральные нормативы); 2) интеллектуально-мыслительные (общие профессиональные знания, способность решения мыслительных задач как типовых, так и нестандартных и др.); 3) психологические (волевые качества, эмпатия, коммуникативность, самооценка, мужество и др.); 4) физические свойства (возраст, состояние здоровья, утомляемость и др.) [23].

Профессиографический анализ юридической де-

тельности прокурорско-следственных работников, проведенный В.В. Романовым, позволил описать пять основных факторов профессиональной пригодности юриста данной сферы профессиональной деятельности, включающих соответствующие им комплексы профессионально важных психологических качеств (ПВК). Выделенные ученым факторы, по его мнению, отражают универсальный комплекс ПВК, характерный для юристов различных юридических специализаций:

1 фактор – высокий уровень социальной (профессиональной) адаптации, который связан с нормативностью поведения юриста в любых, в том числе в экстремальных условиях профессиональной деятельности; ПВК юриста: высокий уровень правосознания, честность, гражданское мужество, совестливость, принципиальность, обязательность, добросовестность, исполнительность, дисциплинированность являются качествами личности юриста, определяющими его профессиональную пригодность по данному фактору;

2 фактор – нервно-психическая (эмоциональная) устойчивость личности юриста; ПВК юриста: устойчивость к стрессу, высокий уровень самоконтроля и работоспособность в критических ситуациях и др.;

3 фактор – высокий уровень интеллектуального развития, познавательная активность; ПВК юриста: развитый интеллект, широкий кругозор, эрудиция, творческое мышление, умственная работоспособность, прогностические способности, рефлексия и др.;

4 фактор – коммуникативная компетентность; ПВК юриста: способность устанавливать эмоциональные контакты с различными участниками общения, пронизательность, доброжелательность, свободное владение вербальными и невербальными средствами общения, конфликтологическая компетентность, развитый самоконтроль, чувство юмора и др.;

5 фактор – организаторские способности; ПВК юриста: активность, распорядительность, смелость, решительность, настойчивость, целеустремленность, умение выделять главное, прогнозировать последствия принимаемых решений, самостоятельность, ответственность [30].

Признавая ценность коллекционного подхода к оценке психологических качеств субъекта профессиональной юридической деятельности с позиции выявления перечня ПВК, которые отвечают требованиям профессиональной пригодности специалиста, необходимо отметить и его ограничения. Проблемой является трудности в выделении системообразующих свойств личности профессионала, составляющих комплекс ПВК специалиста, поскольку при анализе качеств и свойств специалиста, обеспечивающих успешность професси-

ональной деятельности имеют место разные по содержанию точки зрения. Так, в качестве психологических условий успешного выполнения профессиональной деятельности, по мнению ученых, выступают: устойчивая профессиональная направленность и мотивация (К.М. Гуревич [8], Е.П. Ильин [12], А.Т. Ростунов [31], В.Д. Шадриков [35]); система индивидуально-психологических особенностей, функциональная готовность в сочетании с положительной профессиональной мотивацией (В.А. Бодров [4], К.М. Гуревич [8]); сочетание индивидуальных и личностных свойств (Б.Г. Ананьев [2], В.С. Мерлин [25], В.Д. Небылицын [27], Б.М. Теплов [33]); саморегуляция и стрессоустойчивость в напряженных условиях профессиональной деятельности (В.И. Моросанова [26], М.А. Титова [34]); профессиональное самосознание, самоотношение (К.В. Карпинский, А.М. Колышко [15]).

Многообразие и неоднозначность трактовок психологических условий успешного выполнения профессиональной деятельности вызывает некоторые затруднения в выделении комплекса ПВК у представителей конкретных областей труда, в частности юристов различных профессиональных специализаций. Проблемой является разработка оптимальных критериев разграничения ПВК юристов. В частности, в качестве оптимального критерия выделения ПВК юристов, В.А. Леванским, Н.Я. Соколовым [20] предлагается конструктивное понятие профессиональной правовой культуры юристов как совокупность количественно-качественных оценок сфер направленности, опыта и мотивации профессионального сознания, сопряженных с характеристиками реальной деятельности и поведения в сфере права. С другой стороны, согласно В.И. Майорову, создание единой «идеальной модели» юриста-профессионала затруднено в связи с изменением структуры общества, системы общественных отношений, ценностей и норм, которые ведут к трансформации роли юриста и профессиональных требований к юристу как субъекту профессиональной деятельности, что влечет за собой и изменение структуры ПВК специалиста. Другой проблемой является разнообразие специализаций в юридической профессии, что затрудняет создание «универсальной» модели юриста, включающей совокупность знаний, навыков, способностей и качеств представителей различных профессиональных групп – судей, прокуроров, адвокатов, нотариусов, юрисконсульты и др. [23]

Психологические особенности различных юридических практик возможно описать, используя компетентностно-ориентированные модели специалистов как субъектов юридической деятельности, широкое развитие которых обусловлено переходом на компетентностно-ориентированную модель высшего профессионального образования. В связи с этим предметом научного внимания современных отечественных исследователей стала профессиональная компетентность юристов. Однако, большинство научных исследований

посвящено профессиональной компетентности юриста и отдельным компетенциям в ее структуре, условиям их формирования на этапе профессионального обучения в высшей школе (И.А. Жукова [11], О.М. Косянова [17], К.Э. Маркарова [24], Э.Н. Нигматуллина [28], С.А. Ситников [32] и др.). Признавая положение о том, что юридический труд представляет собой сложный вид социальной деятельности, который изначально имеет противоречивый характер, при котором субъекты профессиональной юридической деятельности находятся в условиях профессиональной конфликтологической среды, ученые обращают внимание на необходимость формирования в процессе профессиональной подготовки коммуникативной и конфликтологической компетентности будущих юристов (О.М. Косянова, К.Э. Маркарова, А.А. Таова, А.Б. Храмцова и др.).

В основе компетентностной модели современного специалиста лежат понятия «компетентность/компетенция», которые имеют множество трактовок, обусловленных особенностями структуры деятельности специалистов разных профессиональных областей. В науке имеет место существование различных теоретических подходов к определениям компетентности / компетенции – личностно-деятельностный (Э.Ф. Зеер, А.В. Хуторской, А.К. Маркова и др.), акмеологический (А.А. Деркач, А.П. Назаретян, И.И. Дроздов и др.), определение компетентности / компетенции как результатов образования (Ю.Г. Татур, В.И. Байденко и др.). Компетентность/компетенция специалиста – сложные, многокомпонентные понятия, которые трактуются как характеристика личности (свойство, качество личности, ее компонент); как целостное системное образование в структуре личности; как система свойств и регуляции личности; зачастую отождествляясь со знаниями, умениями, навыками, опытом и способностями. Ряд ученых связывают компетентность и компетенции с успешностью выполнения профессиональной деятельности: «компетентность имеет интегративный, деятельностный, личностный характер и выступает как единство знаний и опыта, направленных на успешную деятельность» (О.Л. Жук [10]); «компетенция» и «компетентность» являются характеристиками одних и тех же профессионально-личностных качеств выпускника вуза, определяющих успех его профессиональной деятельности; их различие состоит в том, что «компетенция» – потенциальная, а «компетентность» – проявленная в ситуации реальной деятельности характеристика личности» (А.А. Вербицкий, М.Д. Ильязова [5]); компетенции – это требования успешной деятельности, сформулированные в терминах интегральных качеств индивидуального или коллективного субъекта...эти качества, как правило, сочетают в себе знания, профессиональные навыки и индивидуально-типологические или организационно-культурные характеристики, необходимые для успешной работы (в определенной профессии, на определенной должности) (Т.Ю. Базаров [3]).

Раскроем некоторые компетентностно-ориентированные модели субъекта профессиональной юридической деятельности. Базовая модель компетентности юриста представлена В.И. Майоровым, Н.И. Иоголевич. Субъект профессиональной юридической деятельности, по мнению ученых, должен обладать когнитивной компетентностью, отражающей профессиональные знания; функциональной компетентностью, позволяющей осуществлять эффективные стратегии работы с коллегами и с клиентами, применять полученные знания на практике, получать и применять знания о новых технологиях; личностной компетентностью, которая представляет устойчивые особенности психической деятельности, отвечающей профессии; этической компетентностью, отражающей мотивационно-ценностные особенности личности юриста.

Модель ключевых компетенций юриста С.А. Ситникова основана на типичных свойствах профессиональной юридической деятельности, к которым относятся ее обусловленность феноменом права, высокая социальная ответственность, специфика коммуникативной и информационной составляющих юридического труда. Ключевыми компетенциями юриста выступают методологическая компетенция, связанная с системным рассмотрением юридических явлений в контексте категории права; этическая компетенция, предполагающая устойчивые нравственные приоритеты юриста; коммуникативная компетенция как форма социальной практики разрешения правовых и социальных конфликтов; информационная компетенция, связанная с использованием информационных ресурсов с применением современных технологий для удовлетворения информационно-правовых потребностей государственных и общественных структур [32].

Профессиональная компетентность юриста в исследовании Э.Н. Нигматуллиной трактуется как интегративная характеристика

личности, которая включает совокупность взаимосвязанных специально-правовых, информационных, социально-коммуникативных, рефлексивных, управленческих компетенций и профессиональную креативность [28]. Компетентностная модель юриста как качественная характеристика личности юриста, обладающая целостной системой общих и профессиональных компетентностей, направленных на достижение эффективных результатов в юридической деятельности, представлена в исследовании Н.В. Львовой [22]. В структуре профессиональной компетентности юриста автором выделены мотивационно-ценностный компонент, который отражает ценностное отношение к правовой деятельности; когнитивный компонент, включающий совокупность юридических знаний; конструктивно-деятельностный компонент, отражающий владение основными приемами работы и умение проектировать правовую де-

тельность; рефлексивно-оценочный компонент, позволяющий соотнести собственные индивидуальные особенности с требованиями к профессии.

Итак, анализ научной литературы по проблеме исследования, показал, что юридическая деятельность является сложным феноменом, который проявляется, с одной стороны в закономерностях развития ее условий, форм, средств, методов, технологий и техник, с другой – в закономерностях профессионального развития личности юриста как субъекта профессиональной деятельности. Эти закономерности имеют свою специфику у представителей различных профессиональных юридических специализаций, которые осуществляют про-

фессиональную деятельность в разных сферах юридической деятельности. В настоящее время в исследовании психологических особенностей субъекта профессиональной юридической деятельности наблюдается переход от описательных моделей личности специалиста к интегральным моделям, в качестве которых выступают компетентностные модели личности юриста. Возникает необходимость разработки и экспериментальной апробации компетентностных моделей субъектов профессиональной юридической деятельности различных специализаций, в частности компетентностно-ориентированных моделей субъекта нотариальной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев, С.С. Собрание сочинений. В 10 т. + Справочный том. Т. 3: Проблемы теории права: Курс лекций / С.С. Алексеев. - М.: Статут, 2010. - 781 с.
2. Ананьев, Б.Г. Личность, субъект деятельности, индивидуальность / Б.Г. Ананьев. - М.: Директ-Медиа, 2008. - 209 с.
3. Базаров Т.Ю. Технология центров оценки персонала: процессы и результаты: практическое пособие / Т.Ю. Базаров. - М.: КНОРУС, 2011. - С. 53.
4. Бодров, В.А. Психология и надежность: Человек в системах управления техникой; под ред. В.А. Бодрова, В.Я. Орлова / В.А. Бодров. - М.: ИП РАН, 1998. - 285 с.
5. Вербицкий, А.А., Ильязова, М.Д. Инварианты профессионализма: проблемы формирования: монография / А.А. Вербицкий, М.Д. Ильязова. - М.: Логос, 2011. - С. 82.
6. Вильнянский, С.И. Значение судебной практики в гражданском праве / С.И. Вильнянский // Ученые труды. Ученые труды ВИЮН. - М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947, Вып. 9. - С. 239-290.
7. Государственный образовательный стандарт подготовки юристов: проблемы реализации // Юридическое образование и наука. - 2002. - № 1. - С. 18.
8. Гуревич, К.М. Профессиональная пригодность и основные свойства нервной системы / К.М. Гуревич. - М.: Наука, 1970. - 272 с.
9. Дюрягин, И.Я. Применение норм советского права: Теорет. вопросы / И.Я. Дюрягин / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. Свердлов. юрид. ин-т. - Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1973. - 247 с.
10. Жук, О.Л. Педагогическая подготовка студентов: компетентностный подход / О.Л. Жук. - Минск: РИВШ, 2009. - С. 88.
11. Жукова, И.А. Контекстное обучение как средство формирования профессиональной компетентности будущих юристов : диссертация ... кандидата педагогических наук : 13.00.08 / Жукова Ирина Александровна. - Москва, 2011. - 252 с.
12. Ильин, Е.П. Успешность деятельности, компенсации и компенсаторные отношения / Е.П. Ильин // Вопросы психологии. - 1983. - № 5. - С. 95-99.
13. Исаева, Н.В. Подготовка юристов в контексте правовой идентичности / Н.В. Исаева // Lex Russica. - М.: Изд-во МГЮА, 2015. - № 1. - С. 112.
14. Казимирчук, В.П. Право и методы его изучения / В.П. Казимирчук. - М.: Юрид. лит., 1965. - 204 с.
15. Карпинский, К.В. Профессиональное самоотношение личности и методика его психологической диагностики: монография / К.В. Карпинский, А.М. Коышко. - Гродно: ГрГУ, 2010. - 140 с.
16. Карпов, А.В. Психологический анализ деятельности: учебное пособие / А.В. Карпов, И.Г. Савин; М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное агентство по образованию, Ярославский гос. ун-т им. П.Г. Демидова. - Ярославль: Ярославский гос. ун-т, 2005. - 144 с.
17. Косянова, О.М. Интегративный подход к формированию профессиональной коммуникативной компетентности студентов правовых специальностей: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.02 / Косянова Ольга Михайловна. - М., 2008. - 517 с.
18. Курлаева, Е.И. Юридическое образование и формирование профессионального сознания юристов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Курлаева, Екатерина Ивановна. - М., 2005. - С. 18-19.
19. Леванский В.А., Соколов Н.Я. Опыт конкретно-социологического исследования и моделирования профессиональной культуры юристов / В.А. Леванский, Н.Я. Соколов // Lex Russica (Научные труды МГЮА). - 2006. - № 2. - С. 230-269.
20. Леванский, В.А. Типология юристов / В.А. Леванский, Н.Я. Соколов // Государство и право. - 2010. - № 11. - С. 15-25.
21. Леушин, В.И. Юридическая практика в системе социалистических общественных отношений / В. И. Леушин. - Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1987. - С. 21.
22. Львова, Н.В. Производственная практика как средство формирования профессиональной компетентности будущего юриста: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Львова Наталия Викторовна. - Волгоград, 2009. - 242 с.
23. Майоров, В.И. Введение в юридическую специальность: Учебное пособие / В.И. Майоров. - Челябинск, 2005 - С. 55-56.
24. Маркарова, К.Э. Формирование конфликтологической компетентности будущих юристов в процессе профессиональной подготовки в вузе: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Маркарова Кристина Эдуардовна. - Ставрополь, 2009. - 207 с.
25. Мерлин, В.С. Психология индивидуальности / В.С. Мерлин. - М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2005. - 544 с.

26. Моросанова, В.И. Саморегуляция и индивидуальность человека / В.И. Моросанова. – М.: Наука, 2012. – 519 с.
27. Небылицын, В.Д. Основные свойства нервной системы человека / В.Д. Небылицын. – М.: Просвещение, 1966. – 382 с.
28. Нигматуллина, Э.Н. Педагогические условия формирования профессиональной компетентности юриста по направлению подготовки «Международные отношения»: автореферат дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Нигматуллина Эльмира Наилевна. – Йошкар-Ола, 2014. – 27 с.
29. Палагина, Е.Н. Функции юридической практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Палагина Елена Николаевна. – Саратов, 2003. – 26 с.
30. Романов, В.В. Юридическая психология: учебник для академического бакалавриата / В.В. Романов. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2017. – С. 374-378.
31. Ростунов, А.Т. Формирование профессиональной пригодности / А.Т. Ростунов. – М.: Высшая школа, 1984. – 176 с.
32. Ситников, С.А. Формирование ключевых компетенций будущих юристов: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.08 / Ситников Станислав Александрович. – Киров, 2010. – 167 с.
33. Теплов, Б.М. Проблемы индивидуальных различий / Б.М. Теплов. – М.: АПН РСФСР, 1961. – 536 с.
34. Титова, М.А. Эффективность психологической саморегуляции функционального состояния как фактор профессиональной успешности: дис. ... канд. психолог. наук: 19.00.03 / Титова Мария Александровна. – М., 2016. – 241 с.
35. Шадриков В.Д. Психология деятельности и способности человека: Учебное пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательская корпорация Логос, 1996. – 320 с

© Филиппова Ольга Владимировна (ovz24@ya.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ТИПОЛОГИЯ ФОРМ

SOCIOCULTURAL IDENTITY: A TYPOLOGY OF FORMS

G. Galmagova

Summary: The ontological aspect of sociocultural identity is revealed ontological identity as the existential basis of a particular culture, cultural epoch. There are such types of socio-cultural identity as ontological, territorial, religious, ethnic, historical, gender and «Patchwork identity». It is shown that it is sociocultural identity that is an effective and stable mode of rooting a person in a socio-cultural environment, the basis of the hierarchy of identity forms. It is the ontological identity that determines the content of gender, territorial, and all other types of identity. The relevance of the research is also determined by the need to streamline the existing variety of forms of identity.

Keywords: forms of sociocultural identity, sociocultural identity, territorial identity, ontological identity, religious identity, ethnic identity, historical identity, Patchwork identity, gender identity.

Галмагова Гезаль Мамедрасуловна

старший преподаватель, Томский государственный архитектурно-строительный университет
gmtg21@bk.ru

Аннотация: Рассматривается онтологический аспект социокультурной идентичности – онтологическая идентичность как бытийное основание той или иной культуры, культурной эпохи. Выделяются такие типы социокультурной идентичности, как онтологическая, территориальная, религиозная, этническая, историческая, гендерная и «Patchwork-идентичность». Показано, что именно социокультурная идентичность является эффективным и устойчивым модусом укоренения человека в социокультурной среде, основанием иерархии форм идентичности. Именно онтологическая идентичность определяет содержание и гендерной, и территориальной, и всех других типов идентичности. Актуальность исследования определяется также потребностью упорядочивания сложившегося многообразия форм идентичности.

Ключевые слова: формы социокультурной идентичности, социокультурная идентичность территориальная идентичность, онтологическая идентичность, религиозная идентичность, этническая идентичность, историческая идентичность, «Patchwork-идентичность», гендерная идентичность.

Актуализация концепта социокультурной идентичности, фундаментальной основой которой является онтологическая идентичность, обусловлена кризисом (крахом) практики и теории мультикультурализма. В практическом плане мультикультурализм критикуют, во-первых, за те отрицательные последствия в социальном плане, к которым может приводить последовательное осуществление данного принципа выстраивания нации-государства, во-вторых, за несоответствие объявленных целей и программ действительным итогам. Наибольшее беспокойство у критиков мультикультурализма вызывает то, что он может быть существенным препятствием на пути национальной консолидации и заставляет сомневаться в единении нации-государства. Оказалось, что всякая политика отличий (как еще именуется мультикультурализм) не разрешает вопросы слаженного сосуществования представителей разнообразной идентичности, а напротив, усиливает данные вопросы, сосредоточивая внимание на рамках, которые отделяют культуры и группы.

Перед тем как будет предпринята попытка систематизировать основные характеристики и формы социокультурной идентичности, рассмотрим анализ ряда базисных понятий. Очевидный факт, что индивид не способен осуществлять жизнедеятельность вне отождествления себя с другими. Идентификация – это субъектно-объектный, сознательно осуществляемый процесс [1]. Еще одно понятие, которое заслуживает внимания – это идентичность. Различия между понятиями «идентич-

ность» и «идентификация» носит не сущностный характер, а семантический и практический, так как они подразумевают одну и ту же феноменологическую реальность. Как правило, первое – результат, второе – процесс [2]. По мнению таких философов, как Б. Спиноза, Ф. Шеллинга, В. Соловьева основу социокультурной идентичности составляет положение о том, что всякое сущее тождественно самому себе и всякому другому сущему постольку, поскольку оно есть сущее. Онтологический аспект идентичности определяется М. Хайдеггером как характеристика всеобщности бытия [3].

Проблемное поле социокультурной идентичности позволяет сделать вывод, что основой изложенных философских рассуждений выступает системный подход, позволяющий осуществить анализ необходимых явлений и процессов, субъектов, осуществляющих деятельность и становление их социокультурной идентичности [5]. Л.Г. Ионин определяет социокультурную методологию институционального и внеинституционального поля социальной жизни [6, с. 50–89]. Х. Абельс в своих трудах представляет идентичность в качестве процесса сохранения индивидуальности личности и согласованности его с социальным порядком, сконструированного другими индивидуумами [8].

Таким образом, в соответствии с логикой вышеизложенных фактов социокультурная идентичность обладает формой институциональной структуры общества, в рамках которой каждая личность является элементом

массового институционального сознания, отождествляя себя с расой, этическими и нравственными нормами, традициями и обычаями. Однако, по мнению В. Хессле, неизбежно возникнет ситуация, при которой прошлое личности перестает иметь ценность в настоящем, а настоящее, в свою очередь, как правило, не имеет устойчивой социокультурной позиции [9]. Обращаясь к конкретизации сущности, функций, характеристик социокультурной идентичности, отметим, что между людьми, а также разными подсистемами общества возникают разнообразные связи и взаимодействия. Несмотря на это, включаясь в жизнедеятельность, осваивая нормы, образцы, ценности жизни, индивид в первую очередь осознает самого себя, свое предназначение в обществе и при этом определяет «своих», «чужих», круг лиц, близких ему по статусу, мировоззрению. Кроме этого, социокультурная идентичность изолирует человека, т. е. ему присущи культурные ценности одной культуры, но он может принадлежать и к другим культурам, однако при этом единство этих культур не достигается. Данное явление чаще всего может быть представлено в двух аспектах: личностном – связан с уникальностью проявлений человека, социальном – ориентирован на внешнюю среду [10]. Выделение онтологического аспекта социокультурной идентичности обусловлено методологией детерминации культурным контекстом каждого феномена культуры.

Концепция «культурной идентичности» вызывает постоянный интерес со стороны исследователей в области межкультурных коммуникаций и культурологии. Понимание концепта культурной идентичности происходит сквозь различные призмы, теоретические, методологические или онтологические. В каком-то смысле культурную идентичность можно понимать как опыт, принятие и согласование динамических социальных идентификаций членами группы в определенных условиях. Поскольку индивид идентифицирует или принимает желания не в одной, а в нескольких группах, люди склонны испытывать, внедрять или вести переговоры не только с одной культурной идентичностью одновременно, но одновременно с множественными культурными идентичностями. Кроме того, как один из них сталкивается с его / ее пересекающимися культурными идентичностями с другими людьми, может варьироваться от контекста к контексту в зависимости от условий, проблемы, вовлеченных людей и т. д. В конечном счете, изучение культурных идентичностей предлагает глубокое понимание, как для себя, так и для других. Поскольку мир, в котором мы живем, становится все более разнообразным, изучение культурных идентичностей будет продолжать набирать силу в межкультурной коммуникации и за ее пределами [11].

Культурфилософские исследования культурной идентичности актуализируют ее онтологический аспект.

В данном аспекте культурная идентичность может быть рассмотрена как система ментальных доминант в своей основе. Последняя является бытийным основанием культуры, культурной эпохи, поскольку воплощается во всех формах культуры, генерирует качественное своеобразие всех культурных феноменов как реализаций одной и той же системы ментальных доминант. Поэтому культурная идентичность как ментальное ядро обеспечивает жизненность как способность к саморазвитию, самосохранению при взаимодействии с другими культурно-историческими типами. Поскольку жизненность, воля к жизни, с одной стороны, направлена на сохранение самоидентичности, с другой – на взаимодействие с другими культурами, то, очевидно, что это осуществляется с целью поиска и вычленения средств, форм, обеспечивающих творческий созидательный потенциал своей культуры. Данная система задает намерение на воспроизведение собственной идентичности, поэтому пространство культурной толерантности возможно при условии осознания каждой культурой статуса ментального ядра как лимита (границы) межкультурного взаимодействия, понимания своей индивидуальности и равновеликости всех культур. М. Хайдеггер, воссоздавший ницшеанский образ воли к власти, акцентировал ее особенность, что она не терпит никакой цели за пределами самой себя. Таким образом, очевидно, что здесь имеют место онтологическое основание «вечного возвращения» к своим доминантным корням, которые постоянно присущи каждой культуре и вечное становление новых культурных форм, восстанавливают, утверждают актом своего появления собственную культурную идентичность. Тем самым в современном культурфилософском дискурсе утверждается представление о социокультурной идентичности как модусе эффективного и устойчивого укоренения человека в социокультурной среде.

Социокультурная идентичность в той или иной мере, под воздействием различных обстоятельств, может, как объединять, так и разъединять общество на том или ином этапе развития, т. е. являться границей в системе бинарных отношений «свой – чужой». Социокультурная идентичность по своей сути является сложной и многоуровневой системой, она постоянно эволюционирует и трансформируется под влиянием множества факторов и современных реалий развития социума. Противоречия, возникающие в сфере социокультурного развития общества в мире, неопределенность социальных явлений, а также вариативность способов организации социальных групп, определения многообразия социальных ролей, правил и норм, влияние культурных факторов способствуют искажению самосознания и самоопределения различных групп общества. Сравнительный анализ понятий социокультурной онтологической идентичности и ментальности культуры позволяет эксплицировать «социокультурную онтологическую идентичность» как в большей степени, чем «ментальность

культуры» воплощающую бытийность социокультурной реальности. Сформируем понятие «онтологическая идентичность» как тип внутреннего метафизическо-природного единства, человека, закреплённого в его социокультурно-биологическом геноме. На основе онтологической идентичности человек разворачивает сначала символическое пространство, в соответствии с которым, создаёт эмпирическое разнообразие социокультурных форм своего внешнего единства (сфер жизни). Онтологическая идентичность представляет собой аспект той или иной формы жизнедеятельности, проявляясь в сфере жизни, в процессе жизнедеятельности как эмпирическая идентичность.

В современном культурфилософском сообществе превалирует мнение, что история выступает в качестве единственного фактора формирования социокультурной идентичности. При этом отмечается, что социально-культурные общности (народ, нация, различные социальные группы) приобретают и утрачивают свою идентичность только в процессе исторического развития. Историческая идентичность - сущностная соотношенность социального объекта со своим прошлым, с определенной исторической традицией. Данная трактовка означает, что для социального субъекта всегда, в том числе и в ситуации кризиса идентичности, сохраняется возможность отличить свое прошлое от чужого прошлого, узнать и опознать себя в своем прошлом. Отметим, что историческая память – способность человека сохранять и удерживать в сознании события прошлого – детерминирована идентичностью, которая нуждается в сохранении своей устойчивости и целостности. Таким образом, историческая идентичность является результатом активного вхождения человека в настоящее, в котором переключает регистры памяти и тем самым сохраняет целостность своей личности, поддерживает осмысленность своего существования, уверенность в своей современности, чувство причастности к другим людям. Специфика национальной и этнической идентичности определяется фундаментальным, онтологическим уровнем идентификации каждого субъекта в социокультурном пространстве. Таким образом, этнический аспект идентичности является онтологической основой формирования социальных культурных различий. Территориальная идентичность в рамках социокультурной идентичности включает переживаемые и/или понимаемые смысловые концепции территориальных общностей, определяющие «практическое чувство» и/или понимание территориальной принадлежности каждого индивида. Она выступает итогом двух взаимосвязанных процессов: различения и объединении.

Онтологический подход определения территории предполагает утрату «пассивного» концепта территории и приобретение онтологического статуса, означающего невозможность отрыва конкретной территории от

онтологически интерпретированного дискурса. Онтологический статус территории в рамках позиции «особого мира» определяется сущностной характеристикой территориальной идентичности, которая в широком смысле сводится к осознанию человеком своей принадлежности к какому-либо региону. Эта концептуальная теория определяет территорию как специфическую пространственно ограниченную единицу. Таким образом, онтологичность территориальной идентичности связана с постоянным процессом самоидентификации, как результата многочисленных само- и иноприписываний, приписанной классификационной практики множеств людей. Следующий тип социокультурной идентичности, заслуживающий внимания, – гендерная идентичность.

Социокультурная основа гендерной идентичности определяет онтологическую идентичность. Основопологающие компоненты структуры гендерной идентичности определяются социальными стереотипами, ценностями, образцами поведения, нормами и др., выступающими культурными и социальными детерминантами мышления и поведения человека как представителя пола. Социокультурной основой гендерной идентичности выступает онтологическая идентичность. Соответственно, необходимым компонентом структуры гендерной идентичности выступают социальные стереотипы, ценности, образцы поведения, нормы и др., которые становятся культурными и социальными детерминантами мышления и поведения человека как представителя пола.

В отличие от гендерной идентичности гендерная ментальность представляет собой духовную сферу, определяет идентичность индивида и обуславливает проявление единообразных когнитивно-эмоциональных реакций индивида и общности в соответствии с его биологическими, социокультурными и духовными особенностями как представителя пола. По нашему мнению, понятие идентичность, в частности понятие гендерная идентичность более адекватно и более точно по содержанию, ее границы легче очертить. Таким образом, гендерная идентичность отражает способность самого индивида ограничивать себя рамками моделей, предложенных ему для самоидентификации, и должна пониматься не столько как результат идентификации, сколько как процесс.

Необходимо отметить, что современный человек живет в многочисленных «субсистемах» со своими свойственными кодами, интеграция которых и есть дело «лоскутной идентичности» (Patchwork-Identität) и «лоскутной религиозности». Иначе можно было бы сказать так: для современного индивида религия есть одна из вероятных «жизненных опций», притом это уже не религиозность в традиционном смысле слова, но еще и религиозные воззрения. Множественность модусов идентичности приводит к утверждению концепта

Patchwork-идентичности, что соответствует пониманию социокультурной реальности как лоскутной реальности. Это позволяет открыть новые перспективы в социокультурном познании упорядочивания фрагментов опыта человека в силу ее специфических преимуществ по сравнению, например, с ментальностью. Необходимо отметить, что среди отличительных особенностей «Patchwork-идентичности» выделяют целостность, пластичность, многоуровневость структуры. Следует отметить, что, несмотря на модернизацию понятия «Patchwork-идентичности» под влиянием различных факторов, данный тип идентичности все еще является сущностной характеристикой человека. При этом «Patchwork-идентичность» в последнее время подвергается серьезному давлению со стороны процесса глобализации.

Прежде всего, это выражается в столкновении «Patchwork-идентичности» с массовыми инокультурными (инонациональными) воздействиями, которые меняют соотношение в ней национального и приобретенного, традиционного и новационного. «Patchwork-идентичность» при этом трансформируется путем усложнения и многоуровневости. Таким образом, «Patchwork-идентичность» как тип социокультурной идентичности представляет собой как духовно-нравственную категорию, органично присутствующую во всех проявлениях национального. Х. Койп разработал проект новой идентичности и предложил назвать ее «Patchwork-идентичность» (лоскутная идентичность). Его метафора «Patchwork-идентичность» ставит в центр повседневную деятельность по выстраиванию идентичности. Идентичность рассматривается как проект, в котором человек упорядочивает для себя фрагменты опыта. Этот проект в условиях отказа от традиций как базовой формы преемственности все больше изменяется в сторону собственной активности личности. Основная характеристика данного проекта следующая: открытый проект идентичности, в котором опробуются новые жизненные формы, и развивается собственный смысл жизни. На сегодняшний день наблюдается отсутствие всеми принимаемых норм, за исключением некоторых основополагающих ценностей, повсеместные нарушения правил хорошего тона, определяющих важные жизненные положения соответствующего образа действий.

Таким образом, лоскутную идентичность следует понимать не как форму стабильного и описываемого продукта, результата развития личности, в процессе вхождения во взрослое состояние, а также не в рамках монолитного и онтологизируемого блока, а как открытый постоянный процесс, происходящий на протяжении всей жизни человека, отличительной особенностью которого является многополярность (и в целом пэчворк).

Понимание базисного характера онтологической идентичности позволяет сформировать важные прин-

ципы взаимодействия культур, территорий, принципы гендерной политики, культурной политики в целом. Но поиск альтернативы не обязательно предполагает создание какой-либо новой парадигмы, так как ее разработка и тем более внедрение займут длительное время, поэтому традиционной альтернативой выступает концепция или модель онтологической идентичности, которая является фундаментальным основанием для выстраивания других типов идентичности, в частности социокультурной идентичности и «Patchwork-идентичности» и т.д.

Онтологическая идентичность обладает свойствами более высокого порядка, чем любые другие идентичности. Именно онтологическая идентичность оказывает большое влияние на восприятие мира человеком. Все типы идентичности взаимосвязаны между собой: например, любые кризисные изменения в одной приводят к неизбежным изменениям в остальных, поэтому причины кризисных явлений в различных типах идентичности следует искать в онтологической плоскости. Таким образом, онтологическая идентичность является самым эффективным и устойчивым механизмом укоренения человека в социальной среде.

Другие существующие социальные механизмы часто не выдерживают временных изменений и многократно замещаются в процессе жизнедеятельности, поэтому не имеют такой устойчивости. При этом онтологическая идентичность в процессе трансформации все равно остается сущностной характеристикой человеческого бытия.

Процесс глобализации оказывает серьезное давление на онтологическую идентичность, проявляющееся в столкновениях идентичности с массовыми инокультурными воздействиями, меняющих соотношение в ней национальных и приобретенных, традиционных и новационных черт. При этом идентичность имеет многоуровневую систему, становясь сложнее и пластичнее. Следует отметить, что попытки уничтожить идентичность могут привести к обратным реакциям, зачастую агрессивным. Современные реакционные национальные проявления являются результатом множественных воздействий, порожденных политикой мультикультурализма. Некоторые формы идентичности могут размываться, находясь при этом в постоянном взаимодействии. Причинами такой трансформации выступают процессы глобализации и информатизации, коммуникационные процессы, способствующие расширению диапазона отбираемых и актуализируемых традиционных культурных образцов различных обществ.

Традиции и инновации сегодня образуют единое целое: они превращаются друг в друга и не могут существовать друг без друга. Вместе с тем направленность на самосохранение, присущее в большей степени, чем другим типам, онтологической идентичности остается бы-

тийным основанием для самосохранения культуры всех типов идентичности. Таким образом, онтологическая идентичность как бытийное основание социокультурной идентичности является необходимым фактором для понимания и реализации всех других типов идентично-

сти. Все вышеупомянутые формы идентичности играют важную роль в формировании гармоничной личности. Поскольку это зависит и от гармонии общества в целом, механизмы взаимодействия между компонентами идентичности во многом определяют поведение индивида.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лескова И.В. Социокультурная идентичность: теоретические и прикладные аспекты // Социальная политика и социология. – 2007. – № 3. – С. 203–213.
2. Кузнецова Е.В. Идентичность субъекта: типология видов // Омский научный вестник. – 2012. – № 4 (111). – С. 123–126.
3. Heidegger M. Identität und Differenz // Lexikon der Philosophischen Werke / Hrsg. F. Volpi, J. Nida-Rümelin. – Stuttgart: Kröner, 1988. URL: <http://www.capurro.de/heidegger.htm#XI> (дата обращения 12.02.2018).
4. Ионин Л.Г. Диффузные формы социальности (к антропологии культуры) // Социологические чтения: сборник материалов ежегодного методологического семинара. – М.: Ин-т социологии РАН, 1997. – Вып. 2. – С. 50–89.
5. Абельс Х. Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию / пер. с нем.; под общ. ред. Н.А. Головина, В.В. Козловского. URL: http://www.studmed.ru/view/abels-haync-interakciya-identichnost-prezentaciya-vvedenie-v-interpretativnyuyu-sociologiyu_fc4e0146468.html (дата обращения 12.02.18).
6. Хесле В. Кризис индивидуальной и личной идентичности // Вопросы философии. – 1994. – № 10. – С. 112–123.
7. Малыгина И.В. Этнокультурная идентичность: онтология, морфология, динамика: автореф. дис д-ра философ. наук. – М., 2005. – 41 с.
8. Кокаревич М.Н. Концептуальное моделирование в социальной философии. – Томск: Изд-во ТГАСУ, 2003. – 274 с.
9. Кокаревич М.Н., Шаповалова Т.А. К проблеме актуализации межкультурной толерантности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2015. – № 2 (30). – С. 90–96.
10. Кокаревич М.Н. К проблеме построения мультикультурного общества // Вестник Томского государственного педагогического университета – 2013. – Вып. 9 (137). – С. 207–210. URL: http://vestnik.tspu.ru/files/vestnik/PDF/articles/kokarevich_m_n_207_210_9_137_2013.pdf (дата обращения 12.02.18).
11. Разлогов К.Э. Метаморфозы идентичности // Вопросы философии. – 2015. – № 7. – С. 28–40.

© Галмагова Гезаль Мамедрасуловна (gmg21@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ОСОБЕННОСТЕЙ И ПРОБЛЕМ КОДЕКСА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ БАНКИРА

THEORETICAL ASSESSMENT OF THE FEATURES AND PROBLEMS OF THE BANKER'S CODE OF PROFESSIONAL ETHICS

**O. Devletov
T. Sazbandyan
V. Gorbunov**

Summary: Banks continue to develop tools for monitoring behavior and supervision, taking into account trends such as the development of remote communication channels with clients, the use of artificial intelligence and the robotization of consumer financial relationships. This helps improve customer focus and customer satisfaction for financial service providers.

In addition, the development of an ethics section will require special attention to ensure that consumers are free to choose service providers and that changes can be easily made if necessary. The issue of personal data protection is also of particular importance. At the same time, improving the culture and ethics of interaction between financial intermediaries and clients, with an emphasis on building long-term relationships, is central.

Consumers want key product information in a concise, simple and understandable format. In accordance with ethical and ethical guidelines, it is necessary to constantly modernize the complex of legal, organizational and outreach activities to reduce the volume of unauthorized transactions carried out by social engineering methods, create a positive client experience and ensure the trust of financial institutions in the service sector. Financial consumers.

Keywords: bank employee, moral and ethical component, code of ethics, set of measures and measures, banking activity, bank services.

Девлетов Олег Усманович

к.и.н., доцент, Институт экономики и культуры; ЗМС России, действительный член Петровской академии наук и искусств по отделению туризма, г. Москва
oleg-devletov@mail.ru

Сазбандян Тамара Валерьевна

К.ф.н., доцент, Институт экономики и культуры; член Русского географического общества, г. Москва
tamojan@mail.ru

Горбунов Виктор Викторович

К.и.н., Институт экономики и культуры, г. Москва
sok.l@mail.ru

Аннотация: Банки продолжают развивать инструменты мониторинга поведения и надзора, учитывая такие тенденции, как развитие удаленных каналов связи с клиентами, использование искусственного интеллекта и роботизация финансовых взаимоотношений потребителей. Это помогает улучшить клиентоориентированность и удовлетворенность клиентов для поставщиков финансовых услуг.

Помимо этого, разработка раздела этики потребует особого внимания для обеспечения свободы потребителей в выборе поставщиков услуг и легкости внесения изменений в случае необходимости. Особое значение имеет также вопрос защиты персональных данных. В то же время центральное значение имеет улучшение культуры и этики взаимодействия между финансовыми посредниками и клиентами с упором на построение долгосрочных отношений.

Потребителям нужна ключевая информация о продукте в кратком, простом и понятном формате. В соответствии с этическими и этическими установками необходима постоянная модернизация комплекса правовых, организационных и информационно-просветительских мероприятий для снижения объемов несанкционированных операций, осуществляемых методами социальной инженерии, формирования положительного клиентского опыта и обеспечения доверия финансовых учреждений в сфере услуг. Потребители финансовых услуг.

Ключевые слова: банковский сотрудник, морально-этическая составляющая, этический кодекс, комплекс мер и мероприятий, банковская деятельность, услуги банка.

Одним из факторов практического внедрения этических принципов, норм, правил и стандартов является разработка и внедрение этических кодексов, а также методических рекомендаций по реализации этических принципов в деятельности государственных органов Российской Федерации.

В 2022 году были внесены изменения в закон о банках и банковской деятельности. И сейчас вводятся эти изменения: они больше касаются корпоративного управления, коллективной пригодности, аудита. Часть нормативно-правовых актов НБУ будет принято уже до конца

года, и в следующем году имплементация продолжится.

Этико-философский блок исследований объединил труды Р.Г. Апресяна [3; 4], В.И. Бакштановского, Ю.В. Согомонова [6-8], А.А. Гусейнова [11], В.Н. Назарова [12], А.В. Прокофьева, А.В. Разина [13].

Объект исследования – этика банковского сотрудника как феномен культуры.

Предмет исследования – банковская этика и морально-этический кодекс банковского сотрудника.

Цель исследования комплексный этико-философский анализ банковской деятельности.

Россия начала разрабатывать и внедрять кодексы профессиональной этики в 1990-е годы. При этом меняются политические, экономические и социальные основы, увеличивается количество новых рабочих мест. Поэтому «Кодекс чести банкиров» (1992 г.), «Кодекс чести членов Российской ассоциации риелторов» (1994 г.), «Кодекс профессиональной этики членов Ассоциации оценщиков России» (1994 г.), передовой опыт для участников фондового рынка: Член профессиональных ассоциаций (1994 г.), Этические требования к брокерам, установленные Российской товарно-сырьевой биржей (1996 г.), Кодекс ассоциаций независимых предпринимателей в сфере информации и коммуникаций (1997 г.) и др. [5].

Этический кодекс представляет собой соглашение между профессионалами относительно их поведения по отношению к другим государственными органами и конкретным профессиональным сообществам (группам).

Этический кодекс направлен на устранение фактических или предполагаемых этических конфликтов в профессиональной деятельности. В нем не указываются права граждан, которые содержатся в других документах (гражданских кодексах, законах и иных нормативных правовых актах) и носят нормативно-правовой характер.

Основные функции Кодекса профессиональной этики [9]: а) регулирование репутации; б) управление; в) развитие корпоративной культуры.

Структура Кодекса профессиональной этики [10]: а) идеологическая составляющая: миссия, ценности, цели; б) раздел Кодекса – Стандарты поведения на работе.

23 декабря 2010 г. президиум Антиторрупционной комиссии при Президенте Российской Федерации утвердил «Модельный кодекс этики и служебного поведения государственных служащих и муниципальных служащих Российской Федерации» (протокол № 21) (далее именуемый «Этический кодекс»). Это свод общих принципов профессиональной служебной этики и основных правил общественного поведения, которым должны следовать государственные (городские) служащие независимо от занимаемой должности [7].

Этический кодекс банкира является основой для: установления этики и правил служебного поведения служащих, для обеспечения ценности их профессиональной деятельности и содействия укреплению их авторитета, доверия клиентов к сотрудникам банка, для регулирования норм поведения работников и для повышения эффективности выполнения сотрудниками банков своих должностных обязанностей.

Кодекс этики является основой для формирования в сознании населения надлежащей этики в сфере государственной и муниципальной службы, уважительного отношения к государственной и муниципальной службе, общественного сознания и нравственного строя работников, их самосознания, контроль.

Типовой кодекс этики включает в себя основные принципы служебного поведения государственных (муниципальных) служащих, являющиеся основой поведения граждан Российской Федерации на государственной и муниципальной службе, а также обязанности и запреты, которые они должны выполнять.

Отдельная группа содержит дополнительные требования к должностным лицам, наделенным организационно-распорядительными полномочиями по отношению к другим работникам. В отдельном разделе представлены рекомендуемые правила формальной этики поведения сотрудников.

Знание и соблюдение государственным (городским) служащим положений Типового кодекса поведения включены в стандарты качества профессионального поведения и формального поведения.

Как итог, профессиональная этика – это наука, изучающая специфическую профессиональную этику, нравственную сторону труда, с целью осмысления культурно-гуманистических целей профессии с социально-философской точки зрения. Сюда входят этические ценности, принципы и нормы, присущие конкретным сферам профессиональной деятельности.

«Кодекс профессиональной этики» является общим принципом профессиональной этики и основным принципом, которого должны придерживаться служащие независимо от занимаемой должности.

Банки и их сотрудники обязаны [1]:

- исключить любые проявления дискриминации при найме, оплате труда и продвижении по службе работников;
- принимать меры по рациональной организации и созданию условий труда, способствующих карьерному росту работников, укреплению здоровья и социального благополучия работников;
- оказывать необходимую юридическую и административную поддержку своим сотрудникам;
- повысить личную заинтересованность сотрудников в успехах банка, стимулировать их творчество и инициативу, обеспечить сотрудников соответствующими формами одежды, отвечающими утвержденным стандартам (приложение);
- уважать права сотрудников на участие в общественной деятельности.

Сотрудники банка должны [2]:

- выступать представителем корпоративной культуры;
- обращать внимание на командную работу и улучшать рабочий климат в коллективе, воспитывать чувство такта и ответственности за общее дело;
- уважать корпоративный кодекс поведения и совместное принятие решений, участвовать в командной работе, стремиться к единству, деловому сотрудничеству и эффективному взаимодействию;
- поддерживать дружеские деловые отношения с коллегами;
- не допускать действий, которые могут нанести ущерб репутации банка и деловому имиджу сотрудников;
- сохранять лучшие традиции банковской системы и сохранить, и передать профессиональный опыт, навыки и этические ценности новому поколению банкиров.

Сотрудники банка обязаны [1]:

- иметь глубокое представление о роли и статусе банковской системы в социально-экономическом развитии страны;
- твердо защищать национальные и корпоративные интересы;
- абсолютно соблюдать законы и принципы банковской деятельности;
- обладать высокой степенью самодисциплины и способностью контролировать собственные решения, поступки и действия во всех ситуациях в соответствии с высокими морально-этическими нормами;
- выступать гарантами банковской и коммерческой тайны и предотвращать распространения информации, которая может причинить вред банку или его клиентам;
- не использовать служебное положение для личной выгоды или для удовлетворения незаконных интересов других лиц;
- подавать пример честности, порядочности и добросовестности, не позволяя незаконным и неэтичным действиям использовать положение и личное поведение.

Сотрудники банка непрерывно [2]:

- следят за внешними проявлениями своей корпоративной культуры и руководствуются строгостью, позитивным настроением, вежливостью и хорошими манерами;
- проявляют корректность и доброжелательность в отношениях и совместной работе с коллегами, а в формальных отношениях соблюдают субординацию;
- по отношению к работникам других организаций и другим гражданам демонстрируют профессионализм и уравновешенность, сохраняя при этом

деловой стиль и доброжелательный тон;

- строго соблюдают правила официальных встреч;
- ценят свое время и время других. Выражают свое мнение устно или письменно четко, кратко и емко;
- имеют строгий и опрятный внешний вид, соблюдают правила дресс-кода работников коммерческих банков, установленные приложением к настоящему кодексу банковского сотрудника.

Сотрудники банка создают следующий образ [1]:

- На работе и в свободное время их поведение способствует формированию у граждан уважения к своей профессии, доверия к банковской системе и поддержанию ее высокого авторитета.
- Мониторят и фильтруют собственные круги общения, чтобы избежать контактов, наносящих ущерб репутации и репутации банковских служащих;
- Ведут здоровый образ жизни и считают недопустимым употребление алкоголя, наркотических, психотропных и токсических веществ.

Руководство и администрация банка вправе применять административные меры к работникам банковской системы за несоблюдение положений настоящего Кодекса.

Уровень ответственности за соблюдение установленных настоящим Кодексом систем контроля и персонала определяется каждым банком самостоятельно.

Услуги предоставляются в соответствии с принятыми международными нормами и правилами культуры обслуживания, а также действующими нормативными актами, регулирующими банковскую деятельность.

Соблюдать культуру обслуживания, этику общения, дресс-код и требования к внешнему виду сотрудников банка обязует не только Кодекс, но и морально-этическая доктрина, которая так же способствует проведению деятельности, основанной на честности, справедливости и равенстве. Обязательным условием является уважение и доброжелательность при общении с клиентами [2].

Выводы

Кодекс этики представляет собой основные этические принципы и правила публичного поведения, которым должны следовать руководители и сотрудники банка при исполнении своих обязанностей в банке, независимо от занимаемой должности. Кодекс призван повысить эффективность выполнения работниками банка своих обязанностей. Понимание и соблюдение положений Кодекса работниками банка является одним из критериев оценки качества профессиональной этики и формального поведения. Каждый сотрудник Банка обязан принимать все необходимые меры для соблюдения

положений Кодекса.

Сотрудники банка должны быть вежливы, доброжелательны, корректны, внимательны и великодушны в отношениях с гражданами и коллегами. Сотрудники банка должны стремиться поддерживать деловую репутацию и имидж банка и добиваться как личного, так и банковского успеха.

Внешний вид банковских служащих, ведущих служебные дела, должен соответствовать общепринятым стилям делового общения, отличающимся формальностью, сдержанностью и аккуратностью, и должен способствовать формированию у граждан уважения к банку.

Согласно Кодексу, основными принципами этики являются честность, объективность, профессиональная компетентность и должное усердие, конфиденциальность и профессиональное поведение. Так, например, принципы добросовестности подразумевают добросовестность, честность и решимость всегда поступать правильно, даже если аудиторы вынуждены действовать по-другому, или это потенциально может негативно повлиять на человека или организацию.

Принцип объективности требует, чтобы банковские сотрудники использовали профессиональное или деловое суждение, свободное от предвзятости, конфликта интересов и неправомерного влияния или зависимости от других людей, организаций, технологий и других факторов.

Применяя концептуальный подход к соблюдению этических основ, аудиторы должны полностью изучить вопрос и использовать профессиональное суждение и анализ «разумной и информированной третьей стороны».

Соблюдение требований деловой и профессиональной этики к банкам и другим организациям, их сотрудникам и их работникам при оказании услуг клиентам, в том числе субъектам малого бизнеса и индивидуальному предпринимательству, дает дополнительные гарантии, доказательства и гарантии профессионализма и надежности, соблюдения нормативных требований, общепринятые морально-этические нормы, а также деятельность с соблюдением законодательства Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева, Е. Экономическая безопасность российского банка в составе международной финансовой группы (теоретическая оценка проблемы) / Е. Андреева // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2013. – № 4. – С. 128-133.
2. Апарина, В.В. Функции коммерческих банков в условиях переходной экономики: Дис. ... канд. экон. наук. – М. 2000. – 160 с.
3. Апресян Р.Г. Вид на профессиональную этику / Р.Г. Апресян // Общепрофессиональная этика. Ведомости. Вып. 25 / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. – Тюмень: НИИ ПЭ. – 2004. – С. 166-187.
4. Апресян Р.Г. Феномен универсальности в этике: формы концептуализации / Р.Г. Апресян // Вопросы философии. – 2016. – № 8. // [Электронный ресурс] Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1455&Itemid=52.
5. Афонцев, С.А. Политика институциональных преобразований: от теории к практическим рекомендациям / С.А. Афонцев. – Москва: ИМЭМО РАН, 2013. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.imemo.ru/publications/info/approaching-institutionalchange-from-theory-to-policy-advice-moscow-imemo-ran-2013-198-p>
6. Бакштановский, В.И. Профессиональная этика / В.И. Бакштановский, Ю.В. Согомонов // Эмос среднего класса. Ведомости. Вып. 14 / Под ред. В.И. Бакштановского, Н.Н. Карнаухова. – Тюмень: НИИ ПЭ. – 1999. – С. 145-160.
7. Бакштановский, В.И. Этика профессии: миссия, кодекс, поступок / Монография / В.И. Бакштановский, Ю.В. Согомонов. – Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ. – 2005. – 378 с.
8. Бакштановский, В.И. Этика успеха: Введение в доктрину. Спецкурс. Препринт / В.И. Бакштановский, Ю.В. Согомонов, В.А. Чурилов. – Тюмень; – М.: Центр прикладной этики СО РАН. – 1996. – 86 с.
9. Банки и финансовые рынки XXI века – потенциал развития / под ред. д-ра экон. наук, проф. Ю.И. Новикова, д-ра экон. наук, проф. Н.П. Радковской. – СПб.: Издательство СПбГЭУ. – 2016. – 299 с.
10. Гартман, Н. Этика / Н. Гартман; пер. с нем. А.Б. Глаголева; под ред. Ю.С. Медведева и Д.В. Складнева; вступ. ст. Ю.В. Перова, В.Ю. Перова. – СПб.: Фонд «Университет»: Владимир: Даль. – 2002. – 707 с.
11. Гусейнов А.А. Прикладная этика / А.А. Гусейнов // Этика: Энциклопедический словарь / Под общ.ред Р.Г. Апресяна, А.А. Гусейнова. – М.: Гардарики. – 2001. – С. 389 [Электронный ресурс] Режим доступа: https://iphras.ru/enc_eth.htm
12. Назаров В.Н. Прикладная этика: Учебник / В.Н. Назаров. – М.. – 2005. – 302 с.
13. Разин, А.В. Моральные дилеммы: причины возникновения и способы разрешения [Электронный ресурс] / А.В. Разин // Дискурсы этики. Альманах. – 2013. – № 4 (5). – С. 104-116 [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://docplayer.ru/29507528-Moralnye-dilemmy-prichiny-vozniknoveniya-i-sposoby-razresheniya.html>

© Девлетов Олег Усманович (oleg-devletov@mail.ru), Сазбандян Тамара Валерьевна (tamojan@mail.ru), Горбунов Виктор Викторович (sok.l@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДУХОВНЫЙ МИР И МЕТАВСЕЛЕНСКИЕ ИЛЛЮЗИИ

SPIRITUAL WORLD AND META-UNIVERSE ILLUSIONS

S. Kolganov
P. Glukhov

Summary: The work focuses on the present period in the development of Western civilization, which is generally characterized by the turn of the vector of spiritual culture from the cult of God to the cult of man, the human mind, and even to the cult of machine mind and virtual environment. In ancient teachings, it is impossible to separate the philosophical, religious and scientific due to their interpenetration and inseparability, and historically traditional science as a form of knowledge arose much later than other forms of gnosis. However, it is worth noting that the colossal breakthroughs in technology, in intellectual progress that occurred in the 19th and 20th centuries, at the beginning of the 21st century, we owe to science. High technologies force a person to move the field of his attention and more and more activities from the real space to the virtual one. The article attempts to answer the question of what it is - the "epoch of illusions", what kind of influence fails us, and how we ended up in its power.

Keywords: religion, virtual reality, spiritual development, metauniverse, internet.

Колганов Сергей Витальевич

К.ф.н., доцент, Московский авиационный институт
(национальный исследовательский университет),
reality731@yandex.ru

Глухов Петр Сергеевич

К.ф.н., доцент, Московский авиационный институт
(национальный исследовательский университет),
gluhov.p.s@yandex.ru

Аннотация: В работе акцентировано внимание на настоящем периоде в развитии западной цивилизации, который в целом характеризуется поворотом вектора духовной культуры от культа Бога к культу человека, человеческого разума, и даже к культу машинного разума и виртуальной среды. В древних учениях невозможно отделить философское, религиозное и научное ввиду их взаимопроникновения и нераздельности, и исторически традиционная наука как форма знания возникла значительно позже других форм гнозиса. Однако стоит отметить, что колоссальных прорывов в технологиях, в интеллектуальном прогрессе, произошедших в 19 и 20 вв., в начале 21 века мы обязаны науке. Высокие технологии заставляют человека переместить поле его внимания и все больше видов деятельности из реального пространства в виртуальное. В статье осуществлена попытка ответить на вопрос, какова она - «эпоха иллюзий», какое влияние отказывает на нас, и каким образом мы оказались в её власти.

Ключевые слова: религия, виртуальная реальность, духовное развитие, метавселенная, интернет.

Все, как трансцендентное, непостижимо для разума во всех аспектах своих проявлений, следовательно, адекватное познание какого-либо явления возможно только через установление всех его связей с миром, но это нельзя осуществить, полагаясь лишь на рациональное познание. Только благодаря использованию особых духовных способностей возможен действительный прорыв в познании глубокой связи между человеком и Универсумом, который в четком делении человеческой духовной деятельности на науку, религию и философию не нуждается. И только духовный опыт, по мнению крупнейшего русского философа В.С.Соловьева, может снять всякую противоположность [5]. В первых религиозно-философских концепциях, уже в достаточно оформленных и законченных учениях, делалась попытка теоретически осмыслить сверхъестественное, открываемое через внутренний духовный опыт, а затем уже - обосновать процесс взаимодействия с ним.

Согласно Э. Кассиреру: «Человек живет отныне не только в физическом, но и в «символическом универсуме»[2]. Религия, мифология, искусство и др. – части этого Универсума. Религия признает соприкосновение человеческой души с «иными», более высокими мирами - «планами» бытия и в этом противостоит научно-по-

зитивному тезису о вечности и суверенности природного мира. Все религиозные учения свою задачу видят в том, чтобы передать каждому человеку в наиболее доступной форме мысли о необходимости постижения изначальных мировых истин, мысли об относительной объективности внешнего мира, о духовной сущности человека как мыслящего субъекта, о зависимости, возникающих в его голове образов от ритмики процессов в духовном мире.

Человек, как и любой другой организм или объект, будучи окруженным со всех сторон внешней средой, находится внутри нее и образует с ней типичные субъектно-объектные отношения. В то же время в конкретных ситуациях внешние и внутренние проявления человеческой сущности относительно и могут быть зафиксированы лишь в рамках того или иного вида мировосприятия. В России естествоиспытатели конца XIX века, основываясь на собственных исследованиях, заложили основы уникального движения в науке, несомненно, давшего небывалый импульс беспрецедентному взлету русской философии Космоса.

Русский космизм, в лице своего основоположника Н.Ф. Федорова, построен на христианской, на право-

славной ментальности, но он как бы преодолевает ее. Пессимистический взгляд на дольный мир, присущий православию, парадоксальным образом порождает небывалое устремление ввысь к тому возможному будущему, которое непосредственно зависит от поведения человека в реальной и конкретной жизни. Это формы и методы «сверхнаучного» познания, которые создают широкий тоннель в толще тайн, касающихся, прежде всего, субъективной стороны человеческой жизни, принципиально недоступных науке.

Часто отказ от научно-рационалистических методов познания объясняется тем, что традиционные научные методы не способны исследовать все грани человеческого бытия во всей его глубине, так как в стремлении к объективному знанию они рассматривают человека как наблюдателя в системе бытия. Ученые «отмахиваются» от малоисследованных и непонятных состояний психики отдельных людей, они опираются на статистическое большинство, которое не знакомо с такими душевными явлениями, а отсюда наука делает не всегда верные выводы.

Но есть формы и методы познания, которые подводят нас к раскрытию тайн, касающихся, прежде всего, субъективной стороны человеческой жизни, принципиально недоступных науке. Согласно этому подходу, наука лишь следует за духовидцами, обрабатывая познавательные результаты, добытые различными формами духовных практик. Но человек не станет отказываться от результатов научно-технического прогресса, именно ему мы обязаны всему тому многообразию идей, развитию человеческой мысли, резкому улучшению условий жизни большинства людей.

Методы, способствующие духовному развитию, во многом совпадают со стремлениями людей, начисто лишенных всяких «потусторонних» склонностей, которые также стремятся к безграничному духовному совершенству, душевной гармонии, единству с бесконечным и непостижимым миром, к бессмертию.

Крупнейшие западные философы отводили материальному миру зависимое, вторичное положение. Так, По Бергсону, материя - низшая ступень духовности, продукт ослабления творческой силы духа, а основатель американского прагматизма Чарльз Пирс утверждал, что материя — это деградировавшие или неразвитые формы психических событий [4. с. 457].

В платоновском диалоге «Софист», на который обычно ссылаются как на начало деления реальности на дух и материю, основной упор делается вовсе не на разделение по линии идеальное - материальное, а по линии чувственно воспринимаемое (проявленное) и сверхчувственное (непроявленное). Мыслям Платона о непроявленном мире «было суждено сделаться жизненным

принципом будущих веков» [1], но при этом идея сверхчувственной материи осталась в стороне от многих направлений мировой философии. Имела место, правда, идея, что материя, проявленная и непроявленная, соседствуют в равной степени, являясь объектами. Нужна только теория, которая объясняла бы разницу между ними, выражающуюся в том, что одна неуловима для органов чувств, а другая уловима.

И с этой точки надо обратить особое внимание не на техносферу, социосферу или биосферу, а на создаваемую сейчас с невероятной скоростью виртуальную реальность.

Интернет – это обширная база данных, беспорядочно структурирующая безграничные потоки информации, контролировать возможные варианты движения которых достаточно трудно.

Интернет глубоко проник в нашу повседневную жизнь. Так или иначе, большинство людей создают в сети свой мир, в котором делятся впечатлениями от того, что увидели или ощутили в мире материальном, черпают из «виртуальной реальности» интересующую их информацию. В сущности, современный человек ведет в интернете «вторую жизнь». Ответной реакцией на столь пристальное внимание к затянувшим нас технологиям стало появление массовости в культуре и упрощение смыслов произведений, сводящихся к единой цели – получению удовольствия. Провозглашаемая повсеместно открытость и свобода выбора информации являются в некотором роде мнимыми. Итак, можно назвать наш век в целом и время, в котором мы живем, «эпохой иллюзий». Однако стоит помнить, что не технологии или «виртуальная реальность» формируют нашу культуру, а мы сами создаем себя такими, какими хотим быть.

Виртуальная реальность, независимо от ее «природы» (техническая, физическая, биологическая, социальная), имеет следующие свойства:

1. Порожденность, т.е. активность внешней по отношению к ней реальности и порождает виртуальную.
2. Актуальность, т.е. пока активна порождающая реальность, актуальна и рассматриваемая виртуальная реальность.
3. Интерактивность. Интерактивность (от англ. interaction — «взаимодействие») предполагает возможность активного взаимодействия между обеими реальностями. Черты интерактивности присутствуют и в разнообразных видах искусства: литературе, музыке, кино и др.
4. Автономность. В виртуальной реальности свои законы существования, пространство и время

Определенным ограничителем для серьезных метаморфоз в образе реальности, а следовательно и в образе

жизни людей, можно считать «третий мир» объективно-го содержания мышления, описываемый Карлом Поппером, который в настоящее время катастрофически разбухает и размывается огромными потоками информации [3]. Пространство в сети на сегодняшний день становится отдельной иллюзорной культурой, виртуальным миром, в котором есть свои правила, своеобразный этикет, принципы и действующие нормы поведения. Проводя столь значительную часть своего времени, а в целом и немалую долю своей жизни, люди перенимают отсюда незримую идеологию жизни. В то же время именно те, кто посвящает интернету больше времени, и создают ту основную массу продуктов виртуальной культуры, которая впоследствии оказывает тотальное влияние на формирование поведения и отношение человека к реальному миру.

В интернете мы получаем практически безграничные возможности для развития собственного сознания, самосовершенствования, обучения и отдыха. Взглянув на влияние сети интернет под данным углом, кажется, что каждое последующее поколение должно быть более развитым и умным, чем предыдущее, ведь для этого созданы все условия. Однако наряду с полезной информационной базой существуют также материалы, негативно влияющие на наше сознание, изменяющие его помимо нашей воли. Например, появляются такие мобильные платформы как TikTok, ежемесячная аудитория которого в 2021 г. превысила 1 млрд. человек.

В таких сетях главным становится привлечение внимания слушателя, создание атмосферы массового веселья и получения удовольствия. Вследствие этого общество становится более открытым к большинству аспектов, считающихся ранее постыдными, все более поглощается массовой культурой, которая дает, как правило, приятные ощущения и легко понимается самым заурядным человеком. Теперь многим хочется провести побольше времени в «виртуальной реальности», где не нужно решать сложных задач, где все кажется легким, где можно наткнуться на самые глупые идеи, воплощенные в виде фото- или видеоконтента.

Визуально по степени доступности первые, условно говоря, «развивающие» возможности сети Интернет и «негативные» его аспекты равны. В связи с этим создается иллюзия свободного выбора, тогда как мода в целом направлена на удовлетворение заурядных запросов, а действительно ценные произведения, хотя и доступны желающим, но не столь широко освещены. Бесспорно, данные факторы формируют в нас приверженность к массовой культуре, а желание находится в центре событий способствует её распространению.

На наших глазах, с началом активного этапа конструирования метавселенных, виртуальная реальность (интернет) переходит в новое качество. Как такая метавсе-

ленная будет менять нашу жизнь?

Изменения затронут практически все сферы деятельности, начиная с бизнеса и заканчивая культурой. Области, в которых использование новых цифровых технологий приведет к наибольшим изменениям - это сферы бизнеса и развлечений. Инновации влияют на поведение людей, формируют у них новые привычки. И что в результате? Реакция людей на одни и те же явления может сильно различаться в зависимости от того, находятся они в реальном мире или же в виртуальной реальности.

Еще одно последствие развитие проектов метавселенной - изменение всей культуры, а рамках виртуального пространства культурные аспекты принимают еще более важное значение. В виртуальном мире, как и в реальном, люди будут создавать социальные связи, заводить новые знакомства, общаться с друзьями. Такие коммуникации безусловно окажут влияние на их поведение и предпочтения.

Это лишь некоторые последствия развития 3D-интернета в виде метавселенной и его влияния на жизнь общества. Такие проекты заинтересовали и россиян. Большие надежды на внесение и в метавселенные духовно-религиозной составляющей хочется возложить на наших соотечественников. Так, метавселенную создаст и, основанная в 2018 году миллиардером Михаилом Прохоровым, компания Sensorium Galaxy. Сейчас в ней разрабатываются три мира: звездный корабль Starship, мир, посвященный музыке, под названием Prism, где возможны выступления цифровых копий известных исполнителей и подводное царство для медитации Motion. Виртуальный мир Motion будет посвящен духовным практикам.

Грядущие изменения в образе жизни не заставят себя долго ждать. Повсеместный переход к цифровой картине мира (вспомним, что когда-то человечество «пострадало» от узости ее механистического варианта) заставит людей быстро адаптироваться к этим неизбежным переменам, идти в ногу со временем, отслеживая актуальные тренды и новые технологии, потенциально способные изменить мир.

И в нашем мире технологии развиваются так стремительно, что неуклонно приближают нас к моменту, когда они будут по мощи воздействия сравнимы с мгновенным преобразованием реальности духовными силами.

Все в мире меняется. В частности, и отношение современного общества к религии. Многие задаются вопросом: «А нужна ли нам вообще она сейчас, в мире прогресса и современных технологий?». Насколько сильны противоречия между религией и кардинально изменяющимся обществом?

Отметим лишь, что религия может даже больше, чем когда-либо нужна нам именно сейчас. Нам нужна та вера, которая дает все то, человеческое, чего порой нам так не хватает в мире всеобщей механизации, в мире социальных сетей и искусственного интеллекта. Религия должна способствовать подъему нравственного начала, утешать

и одаривать мудростью. И вера в нечто невидимое, светоносное, Бога с его безграничными возможностями существовала на протяжении всей человеческой истории и неизбежно будет существовать далее вне зависимости от технологического, интеллектуального, прочих трендов в развитии общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виндельбанд, В. Платон как философ. Издательский дом «Грааль». Пушкино, 2001. - 49 с.
2. Кассирер, Эрнст. Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарика, 1998. — 784 с.
3. Левин, Г.Д. Проблема «третьего мира» в современной эпистемологии /Эпистемология и философия науки. 2014. Т.XXXIX, №1. С.96-110.
4. Мельвиль, Ю.К. Чарльз Пирс и прагматизм. - М., 1968. - с. 457
5. Соловьёв, В.С. Философские начала цельного знания / В.С. Соловьёв. Сочинения в 2 Т. М.: Мысль, 1988. Т.1 - 892 с.

© Колганов Сергей Витальевич (reality731@yandex.ru), Глухов Петр Сергеевич (gluhov.p.s@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский авиационный институт

МИФ И ОБЩЕСТВО В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

MYTH AND SOCIETY IN MODERN CONDITIONS

S. Krasnikov

Summary: The concept of myths at the present stage of development of society is defined. When considering a myth from the perspective of its connection with society, conscious and unconscious myth-making is highlighted. In addition, a typification and classification of myths in modern society was carried out on a temporary basis, according to the criterion of their influence on society, according to the regimes of government and according to content in society. The positive and negative aspects of the use of myths in society are highlighted. The political myth is defined as the most represented at the present stage of society development.

Keywords: myth, society, mythology, mythological reality, myth consciousness, myths in society.

Красников Сергей Павлович

К.ф.н., доцент, Российский университет кооперации
istoric1000@yandex.ru

Аннотация: Определено понятие мифов на современном этапе развития общества. При рассмотрении мифа в ракурсе его связи с обществом выделено осознанное и неосознанное мифотворчество. Кроме того проведена типизация и классификация мифов в современном обществе по временному признаку, по критерию их влиянию на общество, по режимам правления и по содержанию в обществе. Выделены позитивные и негативные аспекты использования мифов в обществе. В качестве наиболее представленного на современном этапе развития общества определен политический миф.

Ключевые слова: миф, общество, мифология, мифологическая реальность, мифосознание, мифы в обществе.

В XX веке произошла значительная трансформация в интерпретации мифа - учеными (Дж. Фрейдер, Б. Малиновский, З. Фрейд, К. Юнг, Л. Леви-Брюль, К. Леви-Строс, Е. Кассирер, Р. Барт) были предложены научные принципы трактовки мифа. С этого периода с мифом начали связывать человеческое сознание, существование, поиск истоков культуры, усилилась связь мифа с идеологией и общественной психологией. В то же время следует отметить, что в отечественной научной среде недостаточно проведено комплексные исследования, посвященные мифам и их роли в обществе и в жизни человека, способности решать сложные вопросы бытия.

Исследователи отмечают, что в XX веке началось второе рождение мифов, а в начале XIX в. произошел возврат к мифологическому мышлению [7, с. 28]. В качестве причин данного процесса следует выделить признание мифа вечно живым началом, выполняющим практическую функцию и в современном обществе; выявление связи мифа с ритуалом; а также отождествление мифа и ритуала с идеологией, психологией и искусством.

Миф определяет роль личности в обществе, являясь своего рода семиотической моделью. Рассматривая миф в ракурсе его связи с обществом, следует выделять осознанное и неосознанное мифотворчество.

В отличие от стереотипа, в котором в упрощенной форме отображается сложный элемент действительности, миф является более сложным явлением в социально-психологической жизни обществ. Российский

философ М. Мамардашвили трактует миф как машину культуры, которая перебрасывает мостик от естественного состояния человека к цивилизации, конструирует самого человека [6].

Миф представляет собой реальность, в которую человек или общество откровенно хотят верить. Миф обеспечивает выход к рычагам управления массовым сознанием, то есть он мистифицирует (искажает) реальность, образовывая таким способом мифосознание, что позволяет упростить восприятие сложного мира, благодаря целостным и гармоничным представлениям, основанным на вере, а не на логическом знании, которое пропитано внутренними противоречиями.

Мифосознание позволяет «очеловечить» отношения в обществе, изобразить их как арену борьбы сил добра и зла, справедливости и несправедливости, и таким способом, способствовать самоидентификации личности в обществе, выбору определенных симпатий и антипатий, реакций и действий [3].

Миф таким образом позволяет упорядочить реальность в обществе, выступая средством интерпретации действительности.

Мифы в обществе можно классифицировать по временному критерию - мифы прошлого, современности и будущего. Кроме того, мифы по их влиянию на общество можно подразделять по режимам правления - мифы коммунистического общества, мифы нацизма, демокра-

тические мифы. К примеру, для мифологии демократии одним из характерных мифологем является гражданское общество, политическая свобода и личный выбор граждан и др.

Кроме того, по содержанию в современном обществе можно выделить религиозную, идеологическую и политическую мифологию. Идеологическая мифология наиболее распространена в тоталитарном государстве, где она функционирует преимущественно в скрытой или преобразованной форме (например, в рекламе).

Мифы формируют понятный (безопасный, благоприятный) образ будущего, лишая людей страхов реальности и выступая в качестве своеобразного социального наркотика для общества. Миф осознанно стимулирует творчество, формирует мораль, дает возможность верить и надеяться, что жизнь не заканчивается со смертью [1].

В случае слишком высокого уровня социальной тревожности в обществе возникает потребность в лидере, своеобразном героине-мессии. Данный постулат ярко прослеживается в современных обществах, особенно в странах постсоветского пространства, когда периоды тревожности в обществе и накалившейся до предела обстановки приводят к смене власти новыми лидерами, часто революционным путем (т.н. цветные революции: революция тюльпанов, оранжевая революция и др.), для чего практически всегда используются мифы.

Мифы могут привносить и негативный эффект в общество. Так в основе политического мифотворчества часто лежат разнообразные «теории заговоров», которые при определенных обстоятельствах способствуют на-

гнетанию общественного страха и массового психоза, – благоприятной почвы для мифологизации массового сознания.

Для современного общества наиболее представленным можно считать политический миф. Жесткая информационно-пропагандистская и психологическая борьба за электорат включает использование мифологизированной реальности для привлечения целевой аудитории избирателя. В итоге побеждает тот, кто представит более привлекательную и оригинальную «картину мира» [2].

Политические мифы разрабатываются для решения проблем власти, для господства одних социальных групп в обществе над другими [4]. В истории происходит продуцирование одних и тех же мифов, но новые по уровню энергетики и эффективности более мощнее предыдущих [5]. Обществу в борьбе за власть и лидерство навязывается жесткая мифологическая структура, в которой нет места для свободы мышления.

Таким образом, к мифологии с XX века большой интерес начали проявлять идеология и практическая политика, которые широко используют мифы и мифологические символы, в том числе религиозные, для влияния на общество. Парадокс современности заключается в том, что сакрализация социума и создаваемые им мифы также абсолютны, как в давние времена, но мифы приобретают трансформированные культурные формы. Миф в современном обществе выступает не только социокультурным феноменом, а и феноменом психологическим, и во многом зависит от культурного временного контекста в рамках средства социальной самоидентификации индивидов и общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асадуллина Г.Я. Мифологическая коммуникация в условиях глобализации // Ползуновский альманах. - 2017. - № 4. - Т. 4. - С.34-38.
2. Афанасьев Н.В. Рациональное и иррациональное в современном мифотворчестве народа: политическая мифология // Социология. - 2020. - № 6. - С. 210-215.
3. Золотарев С.П. Философский анализ мифов и традиций в условиях современности // Вестник Калмыцкого университета. - 2020. - № 3 (47). - С. 148-153.
4. Каирова И.А. Социальные мифы современного российского общества: основные направления и результаты исследования // Advanced Engineering Research. - 2011. - т. 11. - № 8 (59). - С. 1504-1512.
5. Конорев С.В. Исторический миф в современном российском обществе: происхождение и социокультурная роль // Кризисы переломных эпох в исторической памяти. -2012. - С. 325-333.
6. Мамардашвили М.К. Появление философии на фоне мифа // Необходимость себя. Лекции. Статьи. Философские заметки / Под общей редакцией Ю.П. Сенокосова. - М.: Издательство «Лабиринт». - 1996. - 432 с.
7. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа / Исследования по фольклору и мифологии Востока - М.: Наука, 1976. - 408 с.

© Красников Сергей Павлович (istoric1000@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФИЛОСОФИЯ СЕКСА В АНТИЧНОСТИ

Мартынова Надежда Дмитриевна

Казанский Федеральный Университет

martynadezhda@gmail.com

THE PHILOSOPHY OF SEX IN ANTIQUITY

N. Martynova

Summary: Humanity began to understand sex as an integral part of life and a teleonomic principle since ancient times, from the time when a person began to comprehend certain phenomena and the phenomena surrounding him. Philosophy followed. The philosophy of sex has implicitly existed since ancient times. The idea of sex, love always arose when a conversation began about the meaning of life, about human nature, death and immortality. It should be noted that the philosophy of sex of a particular historical period is, to a certain extent, the philosophy of culture. It should be noted that in modern works on the sexuality or eroticism of the ancient Greeks and Romans, the main interest of scientists focuses on homosexuality, which occupies an important role in ancient culture. But at the same time, they forget that besides this, heterosexuality also existed. Given the designated scientific gap and methodological inconsistency, within the framework of a scientific article, the basic attitudes in the philosophy of Ancient Greece on the topic of sex and sexuality are identified and explored. Repetitive chains of associations found in the works of Xenophon, Plato and Aristotle are highlighted.

Keywords: sex, sexuality, aphrodisia, M. Foucault, slavery, mind, baseness, animal, need, Antiquity, Socrates, Plato, Aristotle.

Аннотация: Секс как неотъемлемую часть жизни и телеономный принцип человечество начало понимать еще с давних времен, с того времени, как началось осмысление человеком тех или иных феноменов и окружающих его явлений. Впоследствии появилась и философия. Философия секса, имплицитно существует еще с древних времен. Идея секса, любви возникла всегда тогда, когда начинался разговор о смысле жизни, о природе человека, смерти и бессмертии. Следует отметить, что философия секса того или иного исторического периода – это в определенной степени и философия культуры. Необходимо отметить, что в современных работах о сексуальности или эротике древних греков и римлян главный интерес ученых сосредотачивается на гомосексуальности, которая не последнюю роль занимает в античной культуре. Но при этом забывают, что кроме этого существовала и гетеросексуальность. Учитывая обозначенный научный пробел и методологическую нецелостность в рамках научной статьи выявляются и исследуются базовые установки в философии Древней Греции в теме секса и сексуальности. Выделяются повторяющиеся цепочки ассоциаций, найденные в трудах Ксенофонта, Платона и Аристотеля.

Ключевые слова: секс, сексуальность, афродизия, М. Фуко, рабство, разум, низость, животное, потребность, Античность, Сократ, Платон, Аристотель.

В данной статье мы пытаемся понять, на чем базируется философия сексуальности древних греков. Что лежит в основе представлений о сексуальности в античной философии?

Сексуальность – тема, которая раскрывает многие аспекты культуры. Сексуальность находится на стыке между телесным опытом, социальными нормами, психологическими переживаниями. При этом переживания сексуальности знакомы практически всем и имеют большое влияние на культуру. Конкретно в Древней Греции представления о сексуальности отсылают к этическим нормам, к религиозным воззрениям, к эстетике, к вопросам здоровья, к гендерным отношениям и даже к политике. Примеры этого вы сможете увидеть в данной статье.

У темы сексуальности вневременная актуальность. Интеллектуальное богатство, разнообразие и способность понять культуру и историю через проблематику сексуальности продемонстрировал М. Фуко в «Истории сексуальности». На сегодняшний день ревизию истории сексуальности также проводят такие исследователи как Э. Гидденс («Трансформация интимности»), А. Собл («Секс от Платона до Паглии: Философская энциклопедия»). К теме античной сексуальности возвращалась и М.

Нуссбаум («Сон разума: Эротический опыт и Этические нормы в Древней Греции и Риме).

В данной работе, изучив древнегреческие источники, мы выделили основные базовые установки, ассоциации, нерелексируемые тезисы в философии сексуальности античности. Прежде чем перейти к описанию выводов исследования, необходимо, вслед за М. Фуко, оговориться, что в Древней Греции не было представления о сексуальности, не было слова «секс» вообще. М. Фуко использует термин «афродизия» [10], который часто встречается в греческих текстах. В данной работе сексуальность понимается контекстуально. Греки использовали множество разных метафор, чтобы описать половые отношения и сексуальность – вожделение, страсть, любовное желание, животное стремление, придаваться страстям, сходиться между собой, совокупляться, находится под влиянием Эроса и так далее.

Для исследования выбраны философы трех поколений: Сократ (Ксенофонта), Платон и Аристотель. Выбор в пользу указанных философов для данной исследовательской работы объясняется их огромным значением, их ссылками в рамках текстов на других философов, на религию, на «здравый смысл» греков. Их философские

представления и тезисы по сексуальности – как мы увидим далее, - очень схожи, что, на наш взгляд, может говорить о том, что они являются достаточно показательными представителями своей культуры.

У изучаемых философов представления о сексуальности строятся на один и тех же базовых установках, и ассоциациях. Условно мы назовем их «негативные» и «позитивно-нейтральные». Этим разделением «негативное» и «позитивно-нейтральное» мы бы хотели продемонстрировать сосуществование нормализующего представления о сексуальности с представлением о сексуальности как о чем-то негативном. Негативными установками в данном случае мы называем те представления о сексуальности, которые носят характер недоверия, неодобрения, отрицательного отношения. Все выделенные негативные установки логически связаны в философии между собой. Для исследовательских целей каждая из выделенных ассоциативных негативных цепочек будет рассмотрена по отдельности, однако важно

помнить, что в текстах они существуют в синтезе.

Негативные установки включают в себя следующие ассоциации:

- «секс – телесное – низкое – животное – рабское»;
- «секс – желание, вождление – страсть – опасность для разума – рабство»;
- «секс – противоположность разуму – рабство»;
- «секс – насилие, принуждение, злоупотребление».

Нейтральные или позитивные ассоциации:

- «секс – аппетит/желание – питание – [потребность] – выживание»;
- «секс – деторождение - воспроизводство граждан – домохозяйство – полис».

На основе проведенного анализа была сформулирована таблица с примерами (цитаты из текстов Ксенофонта, Платона и Аристотеля), описывающими, как философы видели сексуальность (См.: таблица 1).

Таблица 1.

Основные базовые установки и ассоциации в теме сексуальности в трудах Аристотеля, Платона и Сократа (Ксенофонта)

Базовая установка	Сократ (в работах Ксенофонта)	Платон	Аристотель
Секс – это низко	1 Да, клянусь Зевсом, — отвечал Сократ, — [...] я хочу доказать ему, что любовь к душе и гораздо выше любви к телу. 2. Одна ли Афродита, или две, — небесная и всенародная , — не знаю: [...]. Можно предположить, что и любовь к телу насылает всенародная, а к душе, к дружбе, к благородным подвигам — небесная.	1. И человек будет невоздержанным тогда, когда у него нарушена структура власти, архэ, дающая возможность победить, держать в подчинении нижшие силы ;	1. Благоразумие и распущенность связаны с такими удовольствиями, которые общи людям и остальным животным, а потому представляются низменными и скотскими.
Секс – это животное	1. Чем же отличается человек невоздержанный от животного самого неразумного? 2. — Не попадают ли иные в сети из-за своей похотливости, как, например, перепела и куропатки, которые стремятся на голос самки, объятые желанием и ожиданием наслаждений любви, и забывают об опасности?	1. Человек [...] испорченный, не очень стремится отсюда туда, к красоте самой по себе: он видит здесь то, что носит одинаковое с нею название, так что при взгляде на это он не испытывает благоговения, но, преданный наслаждению, пытается, как четвероногое животное, покрыть и оплодотворить	1. Поэтому человек, у которого нет добродетели, является самым нечестивым и диким существом , низменным в своих половых позовах 2. Кто стремится, чтобы властвовал закон, скорее всего жаждет, чтоб доминировали только божество и разум, а кто требует, чтобы властвовал человек, привносит в это и животное начало, ибо страсть есть нечто животное...
Секс – это рабское	1. — А какое рабство, по-твоему, самое скверное? — По-моему, рабство у самых скверных господ, — отвечал Эвтидем. — Значит, невоздержные находятся в самом скверном рабстве? — Мне думается, да, — отвечал Эвтидем. 2. О, несчастный! — сказал Сократ. — Как ты думаешь, что с тобой может быть после поцелуя красавца? Разве не станешь ты сейчас же рабом из свободного человека?	1. Тот, кто находится в невежестве и низости, оно впрягает в рабское ярмо 2. Раз отдельный человек подобен государству, то и в нем необходимо должен быть тот же порядок: душа его преисполнена рабством и низостью.	1. Душа властвует над телом, как господин, а разум над вашими стремлениями – как государственный муж.

Базовая установка	Сократ (в работах Ксенофонта)	Платон	Аристотель
Секс противоречит разуму	1. Ведь рассудительность — это, по общему признанию, умение обузды-вать свои вождения и страсти , а нет страсти, которая была бы сильнее Эрота.	1. А сказывается рассудительность главным образом в том, чтобы не только повиноваться владыкам, но и самим быть владыками удовольствий , которые нам доставляют еда, питье и любовные утех.	1. Удовольствия — это препятствия для рассудительности (το πρῶτον), причем препятствие тем большее, чем больше сами удовольствия, как, например, удовольствие от любовных утех, ведь, предаваясь им, никто, пожалуй, не способен что — нибудь понять умом
Секс — это опасность		1. Чтобы испытать душу человека, побеждаемого любовными наслаждениями, вверим ли мы ему собственных дочерей, сыновей и жен, подвергая опасности самые дорогие для нас существа, только для рассмотрения склада его души?	1. А теперь, исходя из другого принципа, надо сказать, что существует три вида такого, чего избегают в нравах: Порок, невоздержанность, зверство (какια, ακιασις, τῆριότης). Что противоположно первому и второму, ясно, ибо одно мы зовем добродетелью, а другое — воздержностью, зверству же более всего подобает противопоставить ту добродетель, что превыше нас, — как бы героическую и божественную.
Секс — биологическая потребность	1. Любовную страсть ты возбуждаешь насильственно, раньше появления потребности в ней, придумывая для этого всякие средства и употребляя мужчин как женщин; так ты воспитываешь своих друзей: ночью их бесчестишь, а днем, в самые лучшие часы, укладываешь их спать	1. — Потребность в питании , то есть в хлебе и в приправе, не является ли необходимостью для того, чтобы быть здоровым и хорошо себя чувствовать? — Думаю, что да. — А как же обстоит дело с вождением к иной, избыточной пище? Если это вождение обуздывать и отвращать от него путем воспитания, то большинство может от него избавиться. Правильно было бы назвать его лишенным необходимости. — Так же точно скажем мы о любовных и прочих подобных же вождениях	1. Так, необходимость побуждает , прежде всего, сочетаться попарно тех, кто не может существовать друг без друга, — женщину и мужчину в целях продолжении потомства ; и сочетание это обуславливается не сознательным решением, но зависит от естественного стремления, свойственного остальным живым существам и растениям, — оставить (30) после себя другое подобное себе существо
Секс — социальная потребность	1. Доказательство: в тех государствах, где распространены ранние браки, люди слабы и низкорослы. Сверх того, во время родов молодые женщины страдают сильнее и очень многие из них погибают. Оттого некоторые связывают (20) с этим данное трезенцам предсказание оракула, которое нужно отнести именно к тому, что у них много молодых женщин погибло вследствие их раннего замужества, а не к собиранию плодов	1. Из того, в чем мы были согласны, вытекает, что лучшие мужчины должны большей частью соединяться с лучшими женщинами, а худшие, напротив, с самыми худшими и что потомство лучших мужчин и женщин следует воспитывать, а потомство худших — нет, раз наше небольшое стадо должно быть самым отборным	1. Дети перзрелых родителей, так же как и слишком молодых, рождаются и в физическом и в умственном отношении несовершенновыми, а дети престарелых родителей — слабыми. Поэтому предел следует определить, сообразуясь с порой расцвета умственных сил

1. Секс — это «низкое», «унижающее», «порочное».

В культуре Древней Греции уже существовало представление об онтологической дихотомии высокого и низкого. Мы можем увидеть это на примере разделения образа богини Афродиты на всенародную и небесную. Представления о сексуальности у философов попадали в устоявшиеся культурные и языковые рамки, и сексуальность и телесность помещалась в ранг «низкого».

«Низкое» приравнялось к плохому, порочному, недостойному. «Высокое» приравнялось к божественному и противопоставлялось телу. В этой логике любовь к душе, к качествам возлюбленного, - в противовес любви к телу, воспринималась как более возвышенная. Любовь, таким образом, также разделялась на плотскую и одухотворенную.

У Сократа мы можем найти прямое рассуждение

на тему того, что «любовь к душе гораздо *выше* любви к телу» в «Пире» Ксенофонта [6]. У Платона в «Федре» мы находим религиозное представление о том, что душа по своей природе *парит в вышине*, а когда теряет крылья – получает земное тело. При этом душа продолжает стремиться к божественному, к истине, но испорченные люди – предпочитают телесные наслаждения: «Человек [...] испорченный, не испытывает благоговения, но, преданный наслаждению, пытается, как четвероногое животное, покрыть и оплодотворить...» [8]. В «Пире» Платон также находится в рамках пространственной метафоры, когда, пересказывая речь Диотимы, прибегает к метафоре лестницы. Чтобы добраться до истины, до прекрасного, до любви – нужно подниматься *вверх*: от тел к вне-телесному. Аристотель также неоднократно использует слово «низкое» для описания телесных удовольствий. Низменные люди по Аристотелю – те, кто привязан к удовольствиям. «...Таковыми становятся люди чрезвычайно *низменного [нрава]*, но многие и во многих отношениях погрешают в связи с удовольствиями...» [2].

2. Секс – это «животное».

Аристотель связывает половое удовольствие с животностью. Человек без добродетели для Аристотеля – животное.

У Платона множество «животных» метафор используется для описания и объяснения влечения, в том числе сексуального. В «Федре» влечение – это наглый, слабоуправляемый конь. В «Государстве» страстное начало души – «начало дикое, звероподобное». В «Тимее» вожделеющее начало души – «дикий зверь» на цепи. Везде этими животными кто-то управляет. «Дикий зверь» на цепи – а значит, кто-то посадил его на цепь.

И у Аристотеля («О душе», «Этика Никомаха»), и у Платона («Тимей») идея того, что такое «человек», предполагает наличие в человеке животного начала и души. Оба философа к животному началу относят в том числе сексуальные желания. Важно отметить, что «животное» или «скотское», «зверское» используется в качестве пренебрежительного термина (если речь идет о человеке). Этим словом обозначают отдельные телесные аспекты, особенно сексуальность. «Животное – хуже» или «животное – плохо» и «телесное – животное» наслаивается на «телесное – низкое». «Животное» или «скотское» в этой логике становится почти синонимом низкого. При этом человек не мыслится без животной части внутри себя. В рамках проведенного анализа у Платона и Аристотеля наблюдаются развернутые концепции о человеке, которые включают в себя наличие некой животной части, которую нужно держать под контролем с помощью разума.

3. Секс – это «рабское».

Представление о рабстве человеку перед своим телом уже существовали в античной культуре. Так, например, в «Этике Никомаха» Аристотель пишет: «И соответствующих людей потому называют рабами брюха, что они наполняют его сверх должного» [2]. В работе М. Фуко об «Истории сексуальности» тема сексуальности как рабства и воздержания как власти в античной философии обсуждается особенно подробно [10]. Опасность, которую несет в себе сексуальность («aphrodisia» в тексте Фуко) – это «рабская зависимость». Рассмотрим несколько примеров. Когда Сократ говорит о рабстве, он говорит о рабстве человека по отношению к его собственным страстям и чувствам. Он связывает рабство, невоздержанность и потерю (или отсутствие) мудрости. Свободу он связывал с воздержанием.

Представления Аристотеля о телесном, о воздержании гораздо более развернуты и проникнуты политикой. В книге «Политика» в главе «О домохозяйстве и рабстве», он разворачивает представление о теле и душе, рабах и господах в дихотомии власти и подчинения. Аристотель считает абсолютно оправданным, естественным господство и рабство, объясняя это отсутствием рассудка у подчиняемых, у рабов.

«Отсюда ясно, сколь естественно и полезно для тела быть в подчинении у души, а для подверженной аффектам части души – быть в подчинении у разума и рассудочного элемента души и, наоборот, какой всегда получается вред при равном или обратном соотношении [3].

Вторая идея – уже описанная выше, у Аристотеля, и также классическая (повторяющаяся для того времени): аффективная часть должна быть в рабстве у разумной части. Разумное в этой логике как бы обладает правами на подчинение неразумного. Продолжением этой логики о необходимости разумной части души управлять аффективной, мы находим в политических размышлениях о типах государства. В девятой книге «Государство» Платон описывает политическую философию на основании дихотомий власть-подчинение/рабство, аффекты – разум (часть души). В логике Платона государство подобно отдельному человеку. И если отдельный человек подчинен своим страстям, значит, он находится в рабстве.

Таким образом, вопрос власти был одним из ключевых вопросов в древнегреческой системе ценностей. Власть-подчинение, господин-раб такие же основополагающие, базовые категории, как и верх - низ. Властвование осуществляется высоким над низким. Эти категории накладывались на вопрос сексуальности как необходимость быть властителем низкого в себе. Все подчиненное или связанное с животным или низким ассоциировалось с рабским. Подчинение низкого в такой картине мира можно рассматривать как абсолютно естественное.

4. Секс противоречит рассудительности.

Сексуальность и телесность в рамках греческой философии противопоставляется рассудительности, мудрости, нравственности. Рассудительность и разум часто описываются через способность воздерживаться от излишних телесных удовольствий.

Платон также представляет разум и любовные вождения как противоположность. Он определяет рассудительность как способность противостоять удовольствиям. «А заключатся рассудительность в целом в том, что следует не только покоряться хозяину, но и самим быть хозяином удовольствий, которые нам доставляют любовные утехы» [8]. «Было установлено, что всего гораздо дальше стоят от разума любовные вождения. А ближе к нему вождения царственные и упорядоченные» [9].

Также и по воспоминаниям Ксенофонта Сократ в рассуждениях о силе Эроса, приравнивает рассудительность к способности сопротивляться вождению. При этом, как было указано ранее, Аристотель (например, «Политика», глава «О домохозяйстве и рабстве») и Платон (Государство, книга 5, книга 6) воспринимали разум как причину и моральное обоснование господства. Политическая власть, по мнению Аристотеля и Платона, как и власть внутри отдельного человека, должна строиться на управлении с помощью разума и подавлении животных воделеющих стремлений.

Таким образом, разумное и неразумное также можно отнести к базовым категориям, на которых строится система ценностей древней греческой философии и, возможно, культуры. Мы видим, как переплетаются представления о высоком и разумном, низком - неразумном. Животные и рабы – находящиеся в подчинении – неразумны. Разум становится и является обоснованием и объяснением власти. Сексуальная воздержанность как форма управления своими неразумными частями – воспринимается как естественная форма власти. Рабское, низкое, животное должно быть в подчинении у высокого и разумного.

5. Секс – это возможная опасность, как возможность насилия.

Сексуальность, любовная страсть подчиняет, туманит разум, превращая разум в раба тела, а человека в животное. Это внутренняя опасность сексуальности. Но также в греческой философии есть понимание, что сексуальность может вредить и людям вокруг. Эта тема менее значима в греческой философии, однако стоит на ней остановиться, чтобы дать более полную картину. Представление об опасности сексуальности мы чаще всего находим у Платона. В книге «Законы» Платон вкладывает

в уста случайного жителя Афин рассуждения о том, как люди должны узнавать, кто достойный, а кто недостойный гражданин полиса.

Или, например, в «Пире» Платон признает существование «Эроса-наильника», хотя в дальнейшем по тексту говорит, что Эроту наилье не свойственно. Также у Платона мы можем найти рассуждения об опасных вождениях в книге «Государство» [8].

Такие негативные представления о сексуальности были сбалансированы представлением о сексуальности как о потребности. При этом, представление о сексе как о потребности настолько базовое, что в отличии о предыдущих утверждениях и ассоциациях, оно не формулируется как тезис. Это отдельные цитаты, через которые мы понимаем, что секс понимался как потребность наряду с принятием пищи.

6. Секс как биологическая потребность

Сократ выступал за воздержание и считал невоздержанность пороком. Однако, по всей видимости, он считал секс потребностью. «Любовную страсть ты возбуждаешь насильственно, раньше появления потребности в ней, ...» [5]. В 7-9 книгах «Государства» Платон пытается определить, какие вождения необходимы. Необходимые он определяет, как неизбежные («от них невозможно избавиться»), либо приносящие пользу при их удовлетворении. В пример он приводит питание (хлеб) и даже специи («для здоровья и хорошего самочувствия»). Избыточное же питание – это разорительно, лишено необходимости и не развивает ни разум, ни рассудительность [7]. Поэтому Платон рекомендует воспитывать детей так, чтобы они не были склонны к избыточному питанию. Такой же логику (без пояснения) он применяет и к «любовным вождениям». У Аристотеля секс прямо называется биологической «необходимостью» в книге 1 «Политики» [4].

7. Секс – как социальная потребность: воспроизводство граждан, процветание полиса.

А в Книге 7 «Политики» Аристотеля мы можем найти рассуждения о том, как и когда вести половую жизнь. Забота о будущем потомстве и, следовательно, о сексуальной жизни граждан – это забота о будущем Полиса. Изучая возраст вступления в половые отношения, он говорит о том, что государствах, где распространены ранние браки, дети слабы и низкорослы. Описывая браки и рождение детей, он описывает их внутри общего рассуждения о том, какими должны быть граждане государства, и каким должно быть идеальное государство. В этой же книге Аристотель спорит с идеями, предложенными Платоном в «Государстве».

В «Государстве» Платон, используя фигуру Сократа,

предлагает форму идеального государства, в которой женщины и дети были бы «общими» у класса стражей. Объясняется это необходимостью укрепления связи между гражданами. Текст изобилует сравнениями мужчин и женщин с собаками (потому что класс стражей представляется у Платона в виде собак), с самцами и самками. Человеческое общество Платон даже в одном месте называет «стадом». Представление о деторождении и связях между мужчинами и женщинами причудливо связывает государственные, социальные интересы и биологический утилитарный подход. Половые отношения в идеальном государстве Платона должны быть одобрены государством, жрицами и жрицами. Когда Аристотель спорит с идеями Сократа, написанного Платоном, он также руководствуется общественным благом. Аристотель предполагает, что в государстве, где нет представления о своей семье, нет и реальной заботы друг о друге, также возможен инцест между отцом, сыном и братьями.

Вывод:

1. Для всех указанных авторов мы можем выделить повторяющиеся установки и ассоциации относительно сексуальности. Эти установки находятся также в общем греческом культурном контексте, в языке, религии и политике. Эти установки являются той мировоззренческой базой, на основании которых каждый отдельный философ строит более сложные и более вариативные (впрочем, незначительно вариативные) философские размышления. Радикализируя, можно сказать, что мы нашли основу для мышления Древних Греков в вопросе сексуальности.
2. Низкое – представляется плохим. Высокое – хорошим. Высокое связывается с чистотой, божественностью, вне-телесностью, разумом. Низкое связывается со страстями, с вожделением, с «животным». При этом наличие самой дихотомии «высокое» – «низкое» представляется естественным. В представлении греков так устроен мир, что в нем есть онтологически низкое и высокое, и на

это низкое – высокое накладываются моральные качества.

3. Правиль – хорошо, подчиняться или быть в рабстве – плохо. Сама дихотомия «господин – раб», «господство – подчинение» – считается естественной, нормальной, правильной. Так устроен мир в представлении греков. Подчиняться должны те, кто может быть подчинен, – например, дети, женщины, животные, рабы, ведь у них отсутствует или неполон разум. Разум – естественная и морально правильная причина господства одного над другим.
4. Соответственно, разум – хорошо, неразумность – плохо.
5. Разум хорошо, животное (скотское) – плохо.
6. Чувства, страсти, вожделения противоречат разуму. Страсти представляют собой опасность для разума. Чувства, страсти и вожделения связываются с телом и противопоставляются разуму. Разум более морально значим, более «хороший», чем тело. При этом, опять же, наличие тела и разума, их раздельность представляется естественной. Тело ассоциируется с животным. Внутри человека есть животное, которое необходимо и морально правильно подчинять.
7. Сексуальность – это биологическая потребность наряду с потребностью в питании.

Мы видим, как дихотомичное мышление греков расслаивает реальность, и любая идея, попадая в показанные в статье дихотомии, обязательно окрашивается моральными представлениями о хорошем и плохом. Любое рассуждение в этой культуре, в этом языке, обязательно требует основываться на этих дихотомиях и установках. При этом, наличие в мире чего-то плохого, недостойного, низкого соседствует с представлением об этом же как о естественном, нормальном. Сексуальность в философии Античности попадает в эти категории: телесное, низкое, животное, неразумное, рабское (должно быть подчинено), но при этом же воспринимается как потребность, как норма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Никомахова этика / Пер. Н.В. Брагинской // Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1975-1984. 1984. Т. 4.
2. Аристотель. О душе / Пер. П.С. Попова (1937), заново сверенный с греческим оригиналом М.И. Иткиным // Аристотель. Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1975-1984. 1975. Т. 1.
3. Аристотель. Политика / Пер. С.А. Жебелева // Соч. в 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 4.
4. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории / Аристотель; предисл. Д. Миртова. - Минск: Литература, 1998. - 1391 с. - (Серия «Классическая философская мысль»)
5. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. М.: Наука, 1993.
6. Ксенофонт Пир / Ксенофонт; Пер. с древнегреч. С.И. Соболевский // Воспоминания о Сократе. - М., 1993.
7. Платон Собрание сочинений в 4 т. Т. 4/Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи; Авт. ст. в примеч. А.Ф. Лосев; Примеч. А.А. Тахо-Годи. — М.: Мысль, 1994. — 830 с.
8. Платон. Собр. соч. в 4-х томах. Том 2. М.: «Мысль», 1993

9. Платон. Соб. соч. в 3-х тт. Т.3 (1). М., 1971

10. Фуко М. Использование удовольствий. Том 2. История сексуальности. / М. Фуко. - СПб: Академический проект, 2004. - 432 с.

© Мартынова Надежда Дмитриевна (martynadezhda@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНТЕКСТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОЛЛЕКТИВАХ

Маханева Екатерина Александровна

Аспирант, Российский экономический университет
имени Г.В. Плеханова
pretty_n_i_a_zz_j@mail.ru

ACTUAL PROBLEMS OF CONTEXTUAL ANALYSIS OF MULTICULTURAL COMMUNICATIONS IN PROFESSIONAL TEAMS

E. Makhaneva

Summary: The article is devoted to conducting a contextual analysis of multicultural communications in professional teams in order to identify current problems that arise in the workplace. The key aspect is the comparison of several cultures in order to analyze the process of information exchange between two or more people. Tips for effective management of a multicultural team are given.

Keywords: effective communication, workplace, intercultural communication, understanding, working relations.

Аннотация: Статья посвящена проведению контекстуального анализа мультикультурных коммуникаций в профессиональных коллективах, с целью выявления актуальных проблем, возникающих на рабочем месте. Ключевым аспектом является сравнение нескольких культур, чтобы проанализировать процесс обмена информацией между двумя или более людьми. Даны советы по эффективному управлению многокультурной командой.

Ключевые слова: эффективная коммуникация, рабочее место, межкультурная коммуникация, понимание, рабочие отношения.

Общение – это такая же культурная практика, как и любая другая, сформированная в значительной степени личным опытом и традициями. Каждая культура часто использует определенный язык, хотя нет однозначного соответствия.

Определения коммуникации и ее среды как мультикультурной, межкультурной или кросс-культурной касаются некоторых возможностей. Понимание этого различия важно для любого, кто собирается войти в незнакомый культурный контекст. При правильном обучении человек может научиться подходить к этим моментам с наиболее подходящим мышлением для эффективного общения.

Когда люди из разных слоев общества, с разными способами общения сосуществуют, не взаимодействуя по-настоящему глубоко, – это ситуация мультикультурного общения. Существует множество культур, но между группами не наблюдается большого пересечения или интеграции, которые в значительной степени остаются отдельными. Часто существует одна группа (или, может быть, несколько), которая имеет наибольший престиж по сравнению с другими. Должно существовать более одной культуры, чтобы такие моменты возникали в результате межкультурного или межкультурного общения. Но иногда требуются ресурсы (например, языковые услуги) или изменение отношения, чтобы выйти за рамки этой отправной точки. Когда взаимодействия между людьми

из разных культур происходят исключительно в мультикультурном контексте, они редко являются богатым опытом обучения для кого-либо из участников. [4, с. 11]

Как и мультикультурная коммуникация, межкультурная коммуникация признает сосуществование нескольких культур в едином пространстве. Тем не менее, они делают еще один шаг вперед, сосредоточив внимание на продуктивных встречах, которые постоянно происходят между культурами. Если люди могут воплощать несколько культур, то любое взаимодействие между двумя людьми потенциально может быть межкультурным. Они могут говорить на одном языке, а могут и не говорить; даже в рамках английского языка существует множество культур. Но с точки зрения перевода и устного перевода межкультурный момент, пожалуй, наиболее очевиден, когда он происходит на разных языках.

Обучение языку и культуре является важной частью адаптации к незнакомой жизненной ситуации, особенно при переезде за границу. В конце концов, дело не только в том, чтобы выучить лексику и грамматику, но и кое-что из мировоззрения и практики. Осознавая себя и думая о себе как об активном участнике множества культур, сотрудник большого коллектива обогащает свою собственную точку зрения. [7, с. 28]

Ключевым аспектом межкультурной коммуникации является сравнение двух (или более) культур. Исследо-

ватели в этой области пытаются объективно проанализировать стили общения для одних и тех же контекстов в разных культурах.

Например, как две группы по-разному справляются с деловой ситуацией, такой как собеседование при приеме на работу или заседание правления? Такая перспектива наиболее полезна для работников, которые планируют переехать за границу. [3, с. 65]

Потенциальные правопреемники должны изучить относительное отличие конкретных коммуникативных моментов от своих собственных, что может помочь избежать культурного шока. Но иногда закономерности, обнаруженные в конкретных случаях, обобщаются в личностные качества, которые применяются ко всем случаям. [2, с. 24]

В условиях глобализации все больше международных компаний сталкиваются с необходимостью уделять особое внимание формированию многокультурных команд, то есть команд, сформированных сотрудниками разных культур. Однако наличие некоторых межкультурных представлений имеет решающее значение для того, чтобы сотрудники могли эффективно работать в многокультурной команде. Потому что, хотя такое сотрудничество, как правило, очень полезно, общение между культурами также может оказаться трудным. [5, с. 16]

Работа в мультикультурной команде: сложная задача. Во-первых, языковой барьер. Безусловно, самым популярным языком в мультикультурных командах является английский, который является международным языком бизнеса, но даже если сотрудник хорошо владеет английским языком, иногда необходимо адаптироваться к «местному» английскому языку, практикуемому в компании.

Если английский язык не является общим для разных членов команды, то иногда возникает необходимость выучить новый язык.

Открытие и любопытство к этим двум культурам имеют основополагающее значение для эффективной работы в мультикультурной команде.

Но язык - это не единственная проблема, с которой можно столкнуться в мультикультурной команде. Также важно узнать культуру, в которой человек работает, и связанные с ней коды (коммуникативные, приличные и т.д.).

В частности, на предприятии необходимо задать вопросом, какие кодексы, характерные для национальной культуры, и какие кодексы, связанные с корпоративной культурой, одинаково важны. Открытие и любопытство к этим двум культурам имеют основополагающее значение для эффективной работы в мульти-

культурной команде. [9, с. 12]

В большинстве случаев, трудности в мультикультурной команде - это проблемы с общением, которые могут возникнуть в мультикультурной команде и могут привести к недоразумениям, иногда наносящим ущерб работе.

Хороший менеджер должен знать об этом межкультурном разнообразии и уметь справляться с межкультурными недоразумениями.

Например, необходимо знать, как определить, как разные члены команды позиционируют себя по отношению друг к другу:

- на иерархическом расстоянии;
- в допустимой степени неопределенности;
- национальным ценностям и корпоративным ценностям;
- в довольно индивидуалистической или коллективистской среде. [6, с. 20]

Хороший менеджер должен знать об этом межкультурном разнообразии и уметь справляться с межкультурными недоразумениями. Для этого, безусловно, необходимо познакомиться с культурой (культурами), в которой работает сотрудник.

Следует также указать несколько советов по эффективному управлению многокультурной командой:

- принятие межкультурного нейтрального менеджмента без какой-либо негативной или позитивной дискриминации, чтобы члены команды могли идентифицировать себя;
- знание историй команд;
- понимание представлений и стереотипов, которые соседствуют между собой в мультикультурной команде.

Чтобы эффективно работать в мультикультурной команде, менеджеру следует:

- найти баланс между своими собственными культурными ценностями, местными культурными ценностями и ценностями общей профессиональной среды;
- мобилизация на содействие аккультурации, то есть она должна способствовать адаптации человека к новой культуре;
- понимание «генетического кода» команды, который включает в себя исходные ценности, которые послужили основой для создания группы. [8, с. 9]

То, что верно для менеджера, также одинаково справедливо для каждого члена команды.

Последний важный компонент - укрепить командный дух. Поскольку в них доминирует осознание своих

различий, мультикультурным командам больше нужно укреплять командный дух.

Это, например, связано с разработкой методов построения команды или, в частности, с моментами обмена мнениями по вопросам культуры. [1, с. 16]

Чтобы эффективно работать в мультикультурной команде, также можно отдавать предпочтение кодексам, специфичным для корпоративной культуры или культуры бизнеса. Эти культуры, общие для всех чле-

нов команды, могут способствовать идентификации и сплочению группы.

Таким образом, команда может работать сообща вокруг общих ценностей и общих кодов: поэтому их работа имеет смысл в соответствующей профессиональной среде. Из этих наблюдений можно сделать вывод, что при работе в мультикультурной команде важно прислушиваться к присутствующей культуре или культурам и анализировать различные коды, вытекающие из этого. Это называется развитием культурного интеллекта. [10, с. 23]

ЛИТЕРАТУРА

1. Волина, С.А. Межкультурная коммуникация - это актуально: учебник / С.А. Волина, Е.В. Садовникова. - Москва: Проспект, 2020. - 190 с. - ISBN 978-5-392-30967-2.
2. Гридина, Т.А. Методы психолингвистических исследований: теория, практикум, тренинги: учебное пособие / Т.А. Гридина, Н.И. Коновалова. - 2-е изд., стер. - Москва: ФЛИНТА, 2021. - 360 с. - ISBN 978-5-9765-4604-2.
3. Зинченко, В.Г. Межкультурная коммуникация. От системного подхода к синергетической парадигме: учебное пособие / В.Г. Зинченко, В.Г. Зусман, З.И. Кирнозе. - 3-е изд. - Москва: ФЛИНТА, 2021. - 223 с. - ISBN 978-5-89349-472-3.
4. Коммуникации и межкультурное взаимодействие: методические указания / составители Ю.И. Сидоренко [и др.]. - пос. Караваево: КГСХА, 2020. - 65 с.
5. Межкультурная коммуникация: человек и социум, коллектив: монография / Д.С. Батарчук, А.Ф. Белозор, Л.Н. Голуб [и др.]; под редакцией М.В. Резуновой, О.А. Овчинниковой. - Брянск: Брянский ГАУ, 2020. - 124 с. - ISBN 978-5-88517-344-5.
6. Морозкина, Т.В. Межкультурная коммуникация. Intercultural Communication. Interkulturelle Kommunikation: учебник / Т.В. Морозкина, Я. Русинякова. - Ульяновск: УлГПУ им. И.Н. Ульянова, 2020. - 244 с. - ISBN 978-5-907216-20-4.
7. Персикова, Т.Н. Межкультурная коммуникация и корпоративная культура: учебное пособие / Т.Н. Персикова. - Москва: Логос, 2020. - 224 с. - ISBN 978-5-98704-127-9.
8. Ртищева, О.В. Межкультурная коммуникация: практикум: учебное пособие / О.В. Ртищева, С.А. Золотарева. - Кемерово: КемГИК, 2020. - 42 с. - ISBN 978-5-8154-0550-9.
9. Сосфенова, И.А. Знакомство с Россией: хрестоматия / И.А. Сосфенова, Е.В. Пурыжинская. - Москва: РУТ (МИИТ), 2019. - 52 с.
10. Шабанов, О.А. Язык и коммуникация: учебно-методическое пособие / О.А. Шабанов, Г.С. Садриева. - Уфа: БГПУ имени М. Акмуллы, 2019. - 50 с. - ISBN 978-5-87978-454-1.

© Маханева Екатерина Александровна (pretty_n_i_a_zz_j@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО УМА В ФИЛОСОФИИ СЕВЕРНОГО БУДДИЗМА

Музафарова Наталья Раисовна

Аспирант, Бурятский государственный университет
им. Д. Банзарова, Улан-Удэ
muzafar-nr@mail.ru

FUNCTIONING OF THE CONCEPTUAL MIND IN NORTHERN BUDDHISM PHILOSOPHY

N. Muzafarova

Summary: The purpose of our study is to visually systematize information on one of the main topics of the philosophy of northern Buddhism - "The functioning of the conceptual mind". The tasks to be solved to achieve it are as follows: collection of information and analysis of data on research on the philosophy of northern Buddhism, systematization of information into supporting notes, approbation of the data obtained in the pedagogical process, analysis of the results obtained. In the course of our study, the following conclusions were made: in the philosophy of northern Buddhism, the concept of karma is developed in detail and logically substantiated. To facilitate the understanding and memorization of data, they must be systematized into supporting notes. Approbation of our methodology for teaching the key topics of the philosophy of northern Buddhism, systematized in the supporting notes, was successfully carried out in the teaching practice of higher education in the subjects: philosophy, religious studies, social science on the basis of BSU.

Keywords: northern Buddhism, philosophy, Dharma, Lorig, Dharmas.

Аннотация: Целью нашего исследования является визуальная систематизация информации по одной из основных тем философии северного буддизма – «Функционирование концептуального ума». Задачи, решаемые для ее достижения, следующие: сбор информации и анализ данных об исследованиях, посвящённых философии северного буддизма, систематизация информации в опорные конспекты, апробация полученных данных в педагогическом процессе, анализ полученных результатов. В ходе нашего исследования были сделаны следующие выводы: в философии северного буддизма подробно разработано и логически обосновано понятие кармы. Для облегчения понимания и запоминания данных их необходимо систематизировать в опорные конспекты. Апробация нашей методики по преподаванию ключевых тем философии северного буддизма, систематизированных в опорных конспектах, успешно проведена в педагогической практике высшей школы по предметам: философия, религиоведение, обществознание на базе БГУ.

Ключевые слова: северный буддизм, философия, Дуйра, Лориг, Дхарма.

Введение

1. Большинство людей являются визуалами. В их системе восприятия окружающего мира доминирует зрительный канал получения информации от внешних объектов. В последнее время из-за преобладания клиповой подачи информации во всех системах обучения в методиках максимально визуализируются данные по учебным предметам. Информация в графическом виде привлекает больше внимания, легче воспринимается, эффективнее запоминается и помогает быстрее донести до аудитории необходимые данные. С помощью графиков, диаграмм, схем, таблиц можно сделать понятными даже самые сложные темы. Инфографика помогает выявлять неочевидные взаимосвязи, упрощает постижение сложных идей, делает более эффективным анализ данных, демонстрирует закономерности, которые трудно уловить в тексте. Грамотная визуализация данных улучшает уяснение ключевого послания. Опорные конспекты наглядно упорядочивают, структурируют и градируют информацию. (Музафарова Н.Р., Традиции изобразительного искус-

ства северного буддизма, Чусовой, 2021. -186 с.;)

2. Согласно европейской науке, ум — это совокупность процессов переработки информации, ответных реакций и действий; способностей к мышлению, познанию, пониманию, восприятию, запоминанию, обобщению, оценке и принятию решения кем-либо. Ум определяется ощущениями, эмоциями, пониманием, памятью, желаниями, бессознательным, индивидуальными особенностями и мотивами. Русское слово «ум» часто используется как перевод санскритского термина «читта», обозначающего способность понимания. К латинским синонимам ума (mens) можно отнести «интеллект» (intellectus - «понимание, познание») — это разум, рассудок, умственные способности: обучение, применение знаний, абстрактное мышление. Ум - способность думать, видеть и предсказывать последствия своих действий, понимать и анализировать происходящее, принимать адекватные решения, учитывать последствия и делать выводы, активно и самостоятельно решать жизненные или ситуативные задачи. (https://spravochnick.ru/filosofiya/sovremennaya_filosofiya/)

В процессах сложившегося сознания самонаблюдение различает три основных группы явлений (согласно И. Канту): восприятия и их умственную переработку, изменения эмоционального равновесия, волевые позы-вы. Первая из основных групп психических процессов носит название ум, умственной или познавательной деятельности. Разнообразие явлений этой группы и количественное преобладание дифференцированных умственных процессов над процессами обеих других групп ведут до сих пор к чрезмерному расширению объёма понятия «ум» и отождествлению с ним всей совокупности явлений сознания. К параметрам, составляющим отличительные особенности умственной системы человека, относят: объём рабочей памяти, способность к прогнозированию, орудийная деятельность, логика, систематизация информации, сознание, память. Элементы умственной деятельности (восприятие, внимание, ассоциации, память, рассудок, разум, суждение) характеризуют умственную индивидуальность. (filosof.historic.ru/)

Представление об уме в философии северного буддизма схоже с европейским. Сознание или познание, включающее всю совокупность психических процессов/ shes pa (тиб.)/ джняна (санскр.) определяется как ясность/ gsal ba (тиб.), подразумевающую проявление объекта, и ведание/ rig pa (тиб.), означающее осознание того, что некий объект проявился в уме. Или, иначе: ясность восприятия собственного объекта и нематериальность/ bem min (тиб.), где «нематериальность» исключает «ясность», опирающуюся только на материю, когда объект проявляется на материальном носителе, типа зеркала или экрана монитора и, соответственно, не сопровождается «веданием» - имеющим место со стороны этого носителя осознанием того, что этот объект проявился. При этом сознание-познание с точки зрения его внутреннего, или субъективного, содержания, которое соотносится с сопутствующими ему психическими элементами, его содержанием, равнозначно понятию «ум»/ sems (тиб.)/ читта (санскр.). С точки зрения отдельных действий (актов) как обладателя объекта (субъекта) в отношении своего объекта равнозначно понятию «ум»/ blo (тиб.)/ буддхи (санскр.). Рассматриваемое в отношении своего последующего момента, опорой которого служит, будучи потоком моментов, действий, как сознание предыдущего момента равнозначно понятию «ум»/ yid (тиб.)/ манас (санскр.). Среди различных категорий ума выделяется категория концептуального ума/ rtag pa (тиб.)/ кальпана (санскр.), которая подробно исследуется в северном буддизме в связи с ее решающей ролью на пути совершенствования. (<http://buddhismrevival.ru/teachings/>)

Основная часть

Исходя из вышеизложенного, были созданы пять

опорных конспектов в виде схем по теме «Функционирование концептуального ума», в которых раскрыта основная информация. Тема природы и функции ума изучается в классическом университетском дацанском образовании по предметам «Собрание тем»/ Дуйра (тиб.), «Ум и знание»/ Лориг (тиб.) и других. Нами разработаны опорные конспекты по темам: «Несуществование Я индивида», «Подразделения обратно тождественного», «Тождество и отличие», «Виды объектов».

Опорный конспект №1 схема по теме «Несуществование Я индивида» по предмету «Дуйра».

Исходя из данной таблицы, можно уяснить, что сознание-познание относится к категории непостоянного/ mi rtag pa (тиб.)/ анитья (санскр.), которое равнозначно действительному или функционирующему dngos po (тиб.)/ васту (санскр.) и входит в состав существующего/ yod pa (тиб.)/ аста (санскр.). Существующее, в свою очередь, включается в самую общую категорию – «несуществование Я (самости) индивида»/ gang zag gi bdag med (тиб.)/ пудгала наиратмья (санскр.). Сознание-познание, согласно таблице, подразделяется на осознающее себя (самопознание)/ rang rig (тиб.)/ свасамведана (санскр.) и осознающее иное по отношению к себе/ gzhan rig (тиб.). В последнее, наряду с неконцептуальным познанием, включается концептуальное познание. Поэтому сознание-познание, наряду со своим специфическим признаком-определением, указанным выше, обладает и всеми признаками надстоящих дхарм-категорий в качестве своих второстепенных признаков.

Признак существующего: осознаваемое верным познанием.

Существующее равнозначно:

Признак предмета рассмотрения (оценивания): то, что постигается верным познанием.

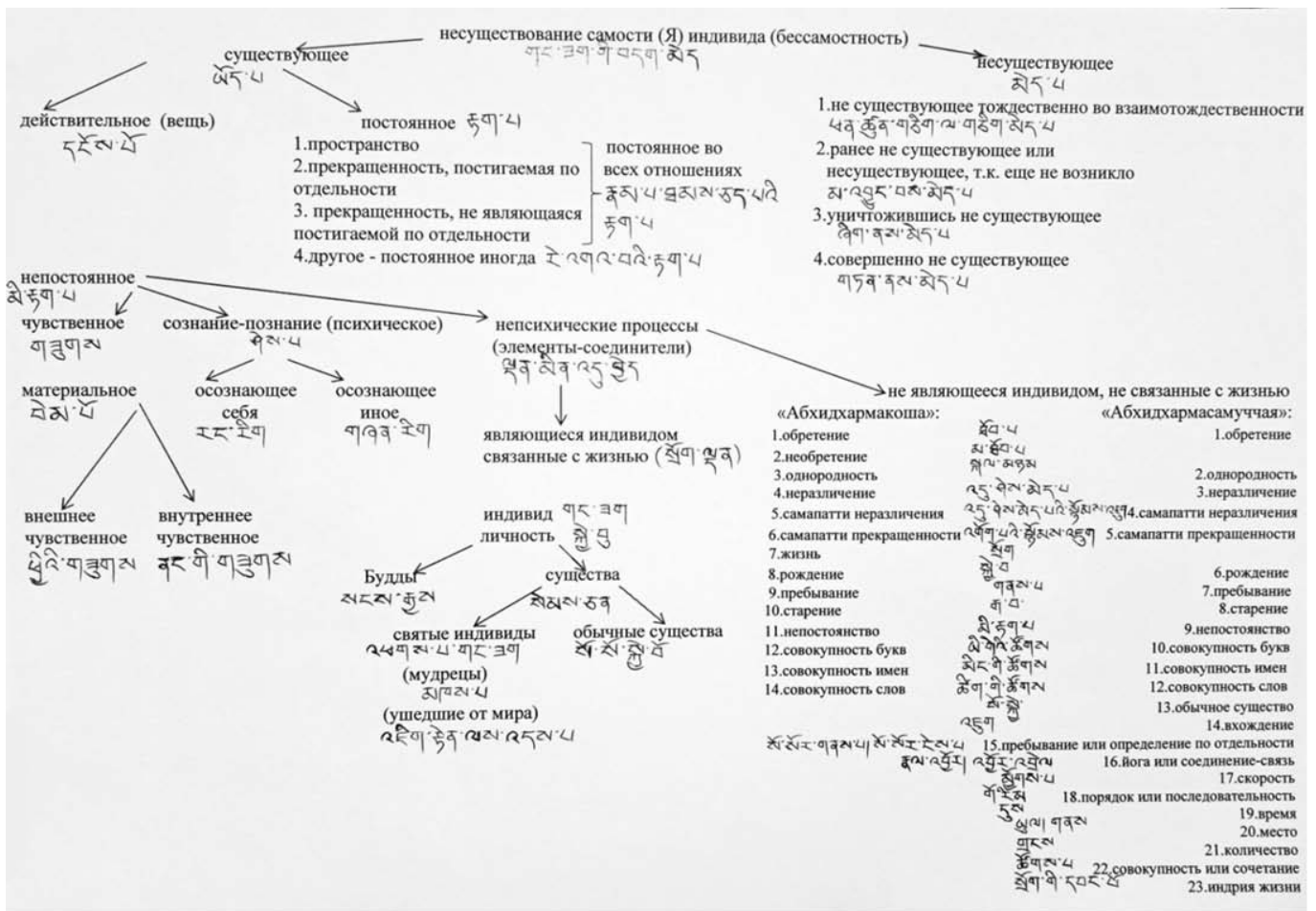
Признак имеющего место [в качестве] основы (обоснованного): обоснованное верным познанием.

Признак дхармы (chos) существует, так как им является держатель-носитель собственной сущности.

Признак предмета познания (познаваемого): то, что подходит быть объектом ума. Подразделяется на: предмет познания, являющийся [и] возможный и предмет познания, являющийся [и] не возможный.

Признак предмета познания, являющегося [и] возможного: то, что подходит быть объектом ума [как] являющееся [и] возможное.

Основа признака: колонна, например.

Признак предмета познания, являющегося [и] не возможного: то, что подходит быть объектом ума [как] являющегося [и] не возможное. Основа признака существует, так как ей является, например, колонна и кувшин - два.

Несуществующее - неосознаваемое верным познанием.

Признак несуществования кувшина: неосознаваемость кувшина верным познанием. (<http://buddhismrevival.ru/teachings/>)

С точки зрения рода называемого звуком (словом) «несуществующее», [оно подразделяется на]: не существующее тождественно во взаимоотноженности, ранее не существующее, не существующее после уничтожения, совершенно несуществующее и объясняется [так]: лошадь и бык - два - являются несуществующими тождественно во взаимоотноженности, так как лошадь в быке (в качестве быка) не существует, и бык в лошади не существует. Росток, являющийся несуществующим ранее, во время собственной причины этого роста, так как, [хотя] этот росток вообще не существует, однако [он] определяется несуществующим во время,

[пока] не завершено его наличие (становление) во время причины [этого] роста. Росток, являющийся не существующим одновременно с плодом [этого же] роста, так как этот росток [хотя и] существует, но полагается несуществующим [после] завершения [собственного наличия] одновременно со временем плода [этого же] роста. Сын бесплодной женщины является совершенно несуществующим, так как не существует с любой точки зрения: будь то место, время или собственное бытие. (<http://buddhismrevival.ru/teachings/>)

Подлинным несуществованием (несуществующим) будет только последний вид. Остальные - просто фиксируют отсутствие в данное время или в данном месте того, что существует в другом месте или в другое время. Дхармой «несуществование» как второстепенным признаком обладают 4 вида дхарм: еще не возникшее, уже прекратившееся, отсутствующее в другом, отсутствующее полностью (так как дхарма тождественна своему признаку, то все 4 – «несуществующее» или «несуществование», а поскольку эти 4 имеют отличия, то являются видами несуществования). (<http://buddhismrevival.ru/teachings/>)

Признак несуществования Я (самости) индивида: не-

осознаваемость самости индивида верным познанием. Несуществование самости индивида или бессамость, отсутствие самости – ключевое, специфическое учение в Буддизме – анатмавада (санскр.) - так называется и раздел Учения Будды, и все его Учение. Если нечто устанавливается верным познанием, то оно устанавливается и как несуществование самости индивида, но необязательно определяется в этом качестве. Если нечто не устанавливается верным познанием при его применении к данному предмету, то тем самым, будучи несуществующим, оно не устанавливается и как самость индивида, поэтому тоже будет несуществованием самости индивида.

Тиб. gang zag gi bdag med - несуществование самости индивида (существует) и несуществующая самость индивида (не существует), поэтому дхарма gang zag gi bdag med будет запредельной существующему и несуществующему, а с другой стороны будет их общим (родовым) признаком. (Донец А.М., Учение о верном познании в философии мадхьямики-прасангики, Улан-Удэ, Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. - 251с.)

Называемое этим звуком (словом) подразделяется на два: существующее и несуществующее/ med ra (тиб.)/ асат (санскр.). На существующее и несуществующее подразделяется не сама эта дхарма (так как она является единичным признаком), а ее основы признака (то, что помимо своего специфического признака, обладает и признаком «несуществования самости индивида» в качестве своего второстепенного признака, при том, что дхарма тождественна всем своим признакам и может рассматриваться как тождественная каждому из них) или: эта дхарма «несуществование самости индивида» - обладатель частей, которые включены в качестве второстепенных признаков во все другие дхармы. И поскольку дхарма тождественна своему признаку, то все дхармы являются «несуществованием самости индивида». Поэтому кувшин может быть выделен в качестве «несуществования самости индивида». Также существующее подразделяется на два: действительное или непостоянное и постоянное. Действительное или непостоянное подразделяется на три: чувственное или материальное, сознание-познание (психическое) и непсихические элементы-соединители. (Донец А.М., Учение об истине в философии школы Мадхьямика-прасаюика традиции Гелуг, Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. - 408 с.)

Опорный конспект №2 схема по теме «Тождество и отличие» по предмету «Собрание тем»/ «Дуйра», bsdus grwa (тиб.).

Концептуальный ум в своем функционировании опирается на логику. Западная логика базируется на четырех законах: тождества, противоречия, исключения третьего

и достаточного основания. Четыре закона формальной логики переводимы друг в друга и могут быть представлены в одном обобщенном требовании, каковым считают принцип тождества. В философии северного буддизма действуют те же самые законы, что свидетельствует об универсальности базиса мышления. Для усвоения категории тождества и противопологаемой ему категории отличия создана данная схема.

Признак тождества/ gcig ra (тиб.)/ эка, экатва (санскр.): дхарма неявляемости разным (отдельным).

С точки зрения рода называемого этим звуком (словом), [тождество] подразделяется на: тождество по обратно тождественному себе, тождество по сущности, тождество по роду.

Признак тождества по обратно тождественному себе: дхарма неявляемости разным по обратно тождественному себе.

Основа признака: два - произведенное и произведенное.

Признак тождественного по обратно тождественному себе с предметом познания: дхарма, не являющаяся разной по обратно тождественному себе с предметом познания.

Основа признака: предмет познания.

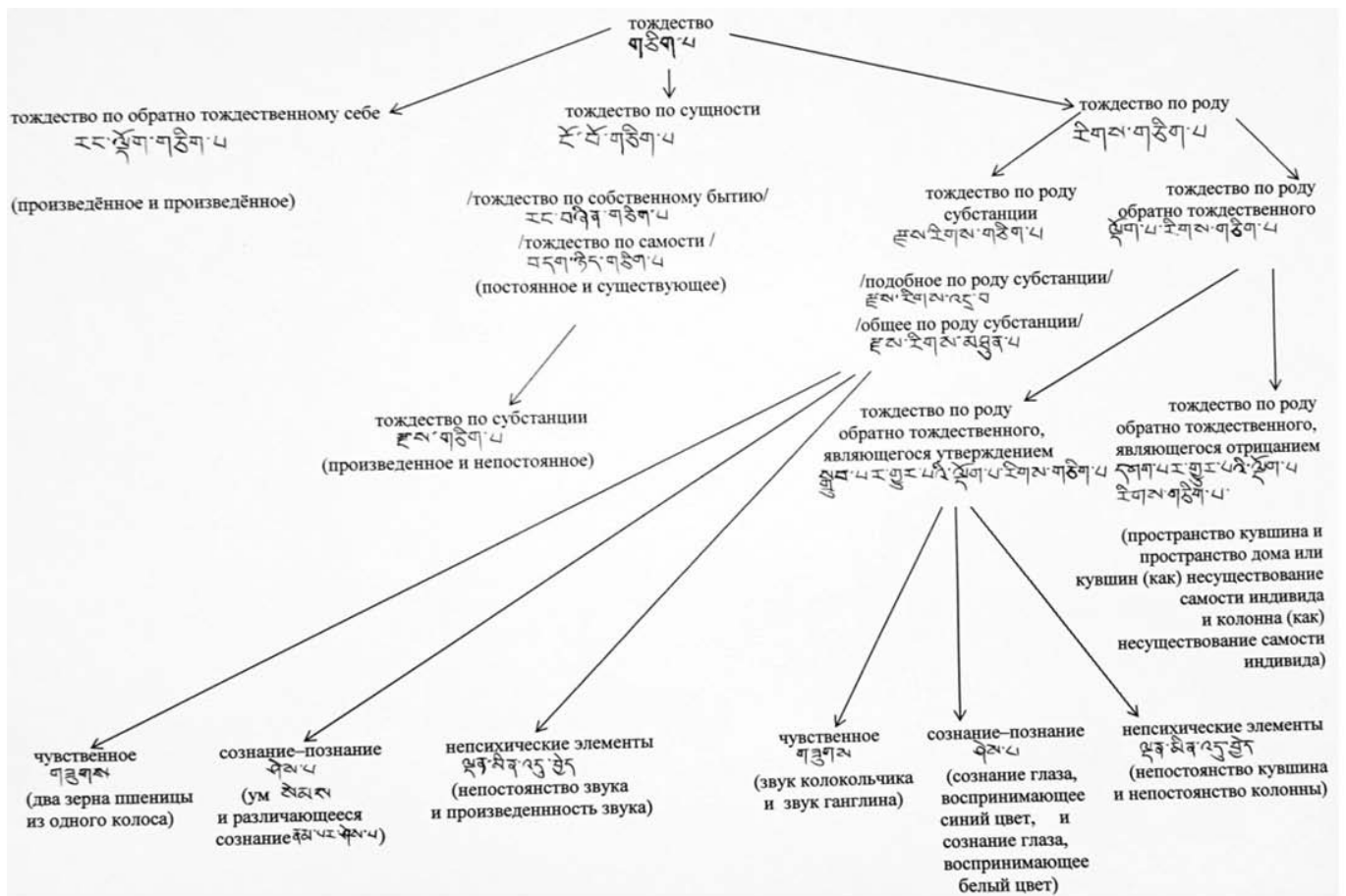
Признак тождества по сущности: дхарма неявляемости разными сущностями.

У каждой дхармы имеется своя собственная сущность. Если сущности двух дхарм являются одной сущностью, то будет одна дхарма. Значит, здесь имеется в виду некая третья дхарма с ее сущностью, в состав которой входят те две в качестве второстепенных признаков. Тогда две дхармы будут иметь одну и ту же общую для них сущность – сущность дхармы, в состав которой они включены (признак тождественен дхарме, а та – своей сущности) – таковы все равнозначные/ don gcig (тиб.) дхармы. Произведенное и непостоянное входят в кувшин (в качестве его второстепенных признаков) – тождественны по сущности.

Признак тождественного по бытию с существующим: дхарма, не являющаяся разной по бытию с существующим.

Основа признака: постоянное.

Кувшин и столб тождественны по сущности с познаваемым, но сами не тождественны по сущности друг другу.

Признак тождества по субстанции: дхарма рождения [в качестве] не являющегося разным с точки зрения субстанции - частный случай тождества по сущности.

Основа признака: произведенное и непостоянное – два.

Соединившееся, тождественное по самостности, и тождественное по субстанции - два - тождественны по предмету.

Тождество по реализации – одновременно возникающие, пребывающие и прекращающиеся, которые входят в состав одной дхармы, имеют общую сущность (белый цвет и сладкий вкус сахара), но не являются тождественными по сущности.

Тождество субстанционально по реализации – частный случай тождества по субстанции – некоторые: одно и то же с тождеством по реализации (например, восьмерницы частиц-субстанций, образующих кувшин, – субстанции, имеют общую сущность – частицы или кувшина, одновременно рождаются, пребывают и прекращаются). А. Таши – не совпадают (белый цвет и сладкий вкус сахара тождественны по реализации, но не тождественны

субстанционально по реализации, так как не являются субстанционально тождественными, так как наблюдаются и порознь (белый цвет и сладкий вкус), так как являются отличными по сущности), Донец: требуется еще возникновение от одной субстанциональной причины (например, звук и его непостоянство).

Признак тождества по роду: дхарма неявляемости разным с точки зрения рода.

Оно подразделяется на два: тождество по роду субстанции и тождество по роду обратного тождественного.

Род чего-то – то, что делает возможным это или способное породить это. Таким образом, род вещи – это то, благодаря чему имеет место эта вещь, источник ее существования, включающий совокупность ее причин и условий. Такой «род» подразделяется на два: субстанциональная причина или признак (признак делает возможным (т.е. является родом) существование дхармы, определяемой как «держатель-носитель собственного признака», указывает на дхарму, выявляет ее. Выделенный из дхармы признак – «обратно тождественное смыслу». Если у двух дхарм такие признаки «в чистом виде» совпадают, то их полагают тождественными по роду об-

ратно тождественного). Поэтому выделяются два вида тождества по роду.

Признак тождества по роду субстанции: взаимоотношительные соединившиеся (произведенные собранием), чьи субстанциональные причины имеют место [как] объединяющая основа, и которые родились из одной собственной субстанциональной причины.

Тождество по роду субстанции, подобие по роду субстанции, соответствие по роду субстанции - тождественны по предмету.

Оно (тождественное по роду субстанции) подразделяется на три: чувственное, сознание и непсихические элементы-соединители.

Первое: два отличных [друг от друга] семени, рожденных от одного обратного тождественного причины обладаемого (субстанциональной причины).

Второе: два - различающееся сознание и [главный] ум.

Третье: два - произведенность звука и непостоянство звука.

Тождество по роду обратного тождественного - «по роду обратного тождественного смыслу», т.е. признаку, выделенному умозрительно из дхармы. Если у двух дхарм такие признаки «в чистом виде» совпадают, то они будут тождественными по роду обратного тождественного. Признак является дхармой, которая может быть утверждением или отрицанием. Так, способность выполнять функцию будет утверждением, а неустанавливаемость верным познанием - отрицанием. Если «чистые признаки» двух дхарм совпадают и характеризуются как утверждения, то отношение между этими дхармами определяется как тождество по роду обратного тождественного, являющегося утверждением:

Признак тождества по роду обратного тождественного, являющегося утверждением: взаимоотношительные дхармы, о которых индивид, понимающий или не понимающий термины-обозначения, может подумать, что «это и это подобны», которые он только что воспринял (т.е. может подумать, что «это и это подобны», сразу же после того, как направил на них ум).

«Ожерелье»: «дхарма способности спонтанного рождения мысли, что «это и это подобны», у любого индивида, только что воспринявшего [нечто], направив [на это свой] ум».

Являющееся тем (тождественным по роду обратного тождественного, являющегося утверждением) также су-

ществует [в] трех [видах]: чувственное, сознание и непсихические элементы-соединители.

Первое: два - звук колокольчика и звук флейты.

Второе: два - сознание глаза, воспринимающее-признающее синий, и сознание глаза, воспринимающее-признающее пестрое.

Третье: два - непостоянство кувшина и непостоянство колонны.

Признак тождества по роду обратного тождественного, являющегося отрицанием: отличные [друг от друга] отрицания [типа] «не существует», которые лишь отрицают тождественные по роду отрицаемые [объекты].

Основа признака: два - несуществование самости индивида [у] кувшина и несуществование самости индивида [у] колонны.

Признак отличия/ tha dad (тиб.)/ бхеда (санскр.): дхарма [являемости] разным (дхарма разности, отдельности).

Оно подразделяется на три: отличие по обратному тождественному себе, отличие по сущности, отличие по роду.

Признак отличия по обратному тождественному себе: дхарма [являемости] разным по обратному тождественному себе.

Основа признака: два - постоянное и непостоянное.

Признак отличия по обратному тождественному себе от действительного: дхарма [являемости] разным по обратному тождественному себе с действительным. Основа признака: звук.

Признак отличия по сущности: дхарма [являемости] разными сущностями.

Отличие по сущности, отличие по самостности, отличие по бытию - тождественны по предмету.

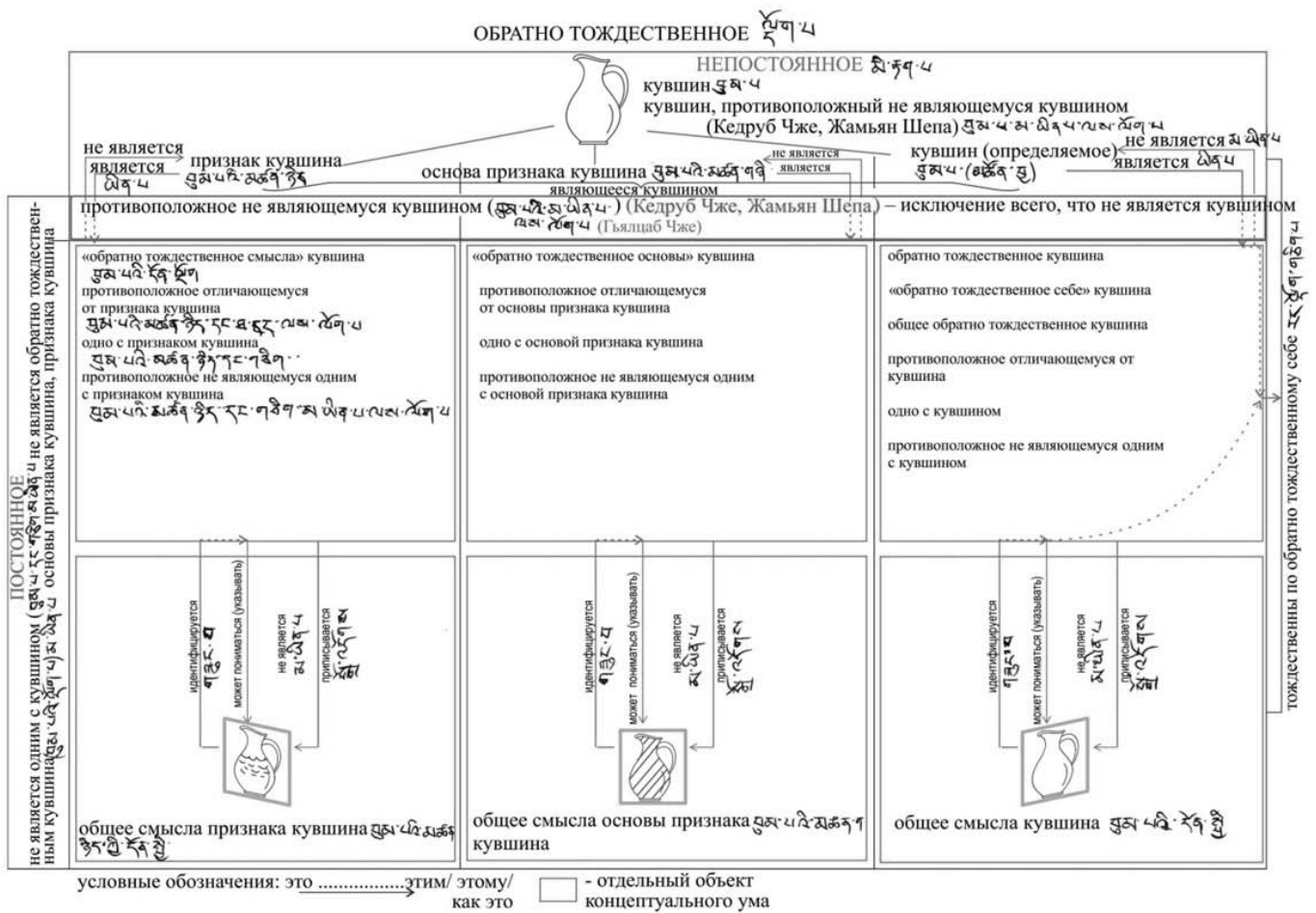
Признак отличия по сущности с постоянным: дхарма [являемости] разным по сущности с постоянным.

Основа признака: произведенное, например.

Признак отличия по субстанции: дхарма рождения [в качестве] разного с точки зрения субстанции.

Соединившееся, отличное по сущности, и отличное по субстанции - тождественны по предмету.

Признак отличия по роду: дхарма [являемости] раз-

ным по роду.

Отличие по роду, дхарма неоднородности, дхарма неподобия по роду, дхарма несоответствия по роду, дхарма несхожести по роду - тождественны по предмету.

Существует два [вида] этого (отличия по роду): отличное по роду обратно тождественного, являющегося утверждением, и отличное по роду обратно тождественного, являющегося отрицанием. Первое: два - чувственное [и] психическое.

Второе: два - несуществование самости индивида и пространство – несоединившееся. (Донец А.М., Структура дхармы в свете принципа срединности. - Улан- Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. - 296 с.)

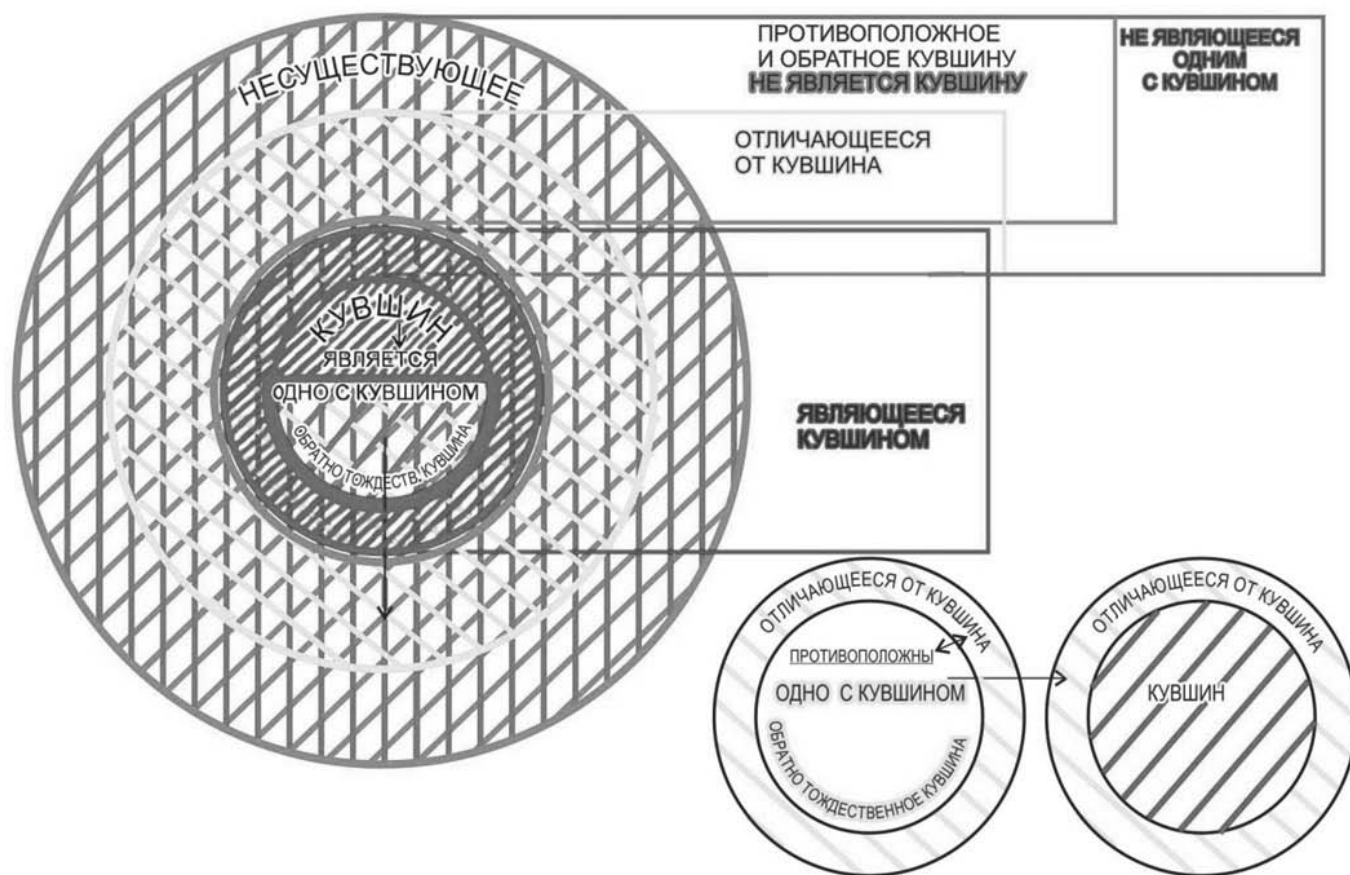
Опорный концепт №3 схема по теме «Подразделения обратно тождественного» по предмету «Собрание тем»/ «Дуйра».

Концептуальный ум познает свой объект через «обратное отождествление» или «абстрагирование», заключающееся в том, что явление объекта в таком уме

идентифицируется этим умом как обратно тождественное данному предмету – как противоположное всему, что отличается от данного предмета, что можно назвать «абстрагированием» от всего, что отличается от данного предмета. Эта теория называется «исключением иного»/ gzhan sel (тиб.)/ апоха (санскр.). При таком исключении исключается в том числе и явление объекта в концептуальном уме, поскольку оно, будучи лишь совокупностью признаков и функций данного предмета, объединенных в уме, отличается от самого предмета. Исключив это, концептуальный ум, продолжая удерживать лишь это явление, полагает, что воспринимает сам предмет, поскольку сам предмет является противоположным всему, что отличается от него самого, а явление в концептуальном уме идентифицируется как противоположным всему, что отличается от данного предмета. В обоих этих случаях – самого предмета и явления в таком уме – эти «противоположности всему, что отличается» от данного предмета, т.е. обратно тождественные, совпадают, являются тождественными друг другу.

Признак обратно тождественного той дхармы: дхарма, противоположная отличающемуся от той дхармы.

Диаграмма №4.

Признак обратно тождественного действительного: дхарма, противоположная отличающемуся от действительного.

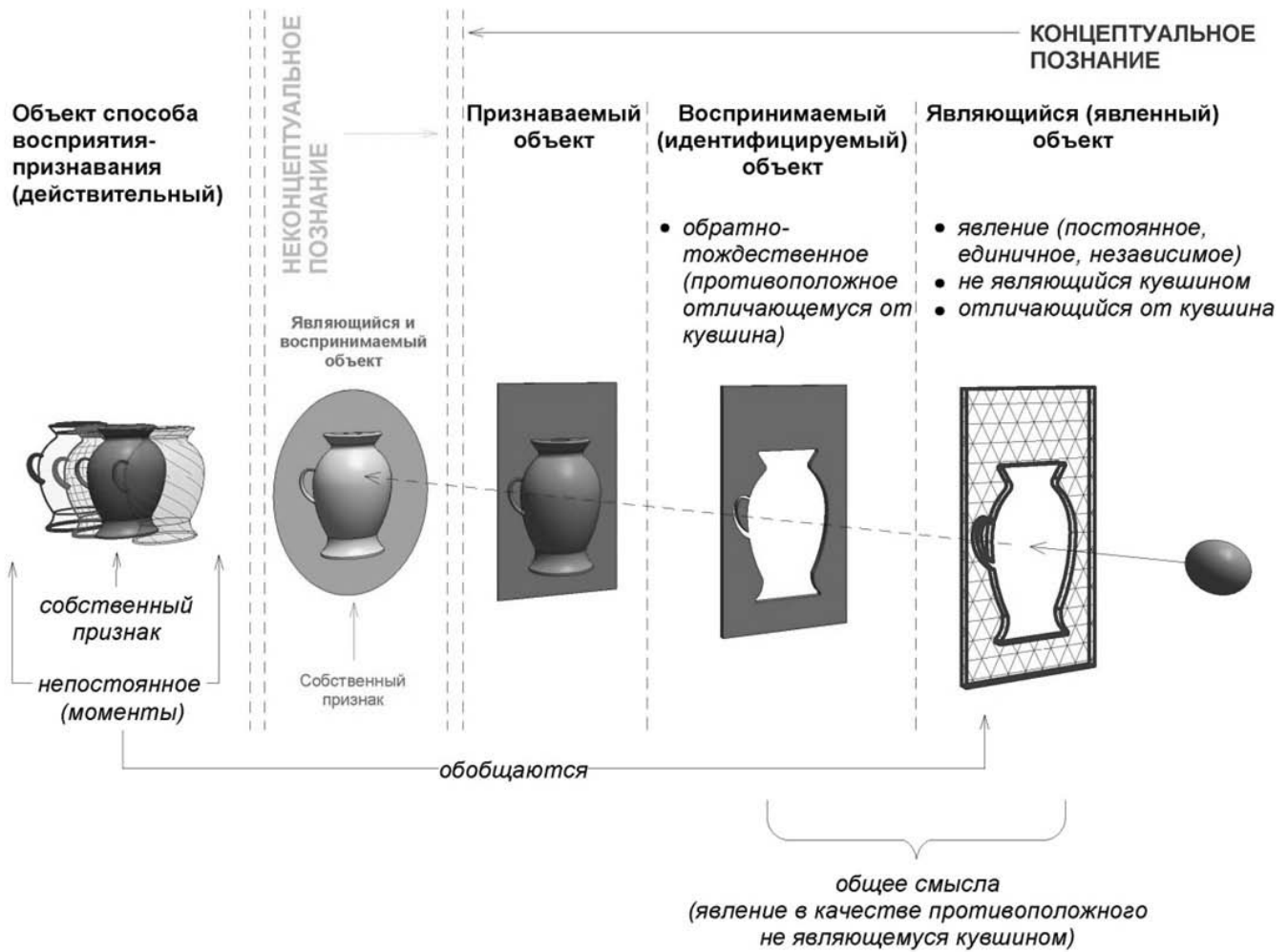
Основа признака: действительное.

Два: обратно тождественное кувшина и одно с кувшином являются равноохватывающим [по типу] «является», так как если [нечто] имеет место [в качестве] основы, оно охватывается [тем, что] является обратно тождественным ему самому, и, если [нечто] имеет место [в качестве] основы, оно охватывается [тем, что] является одним с ним самим, так как если [нечто] имеет место [в качестве] основы, оно охватывается [тем, что] не является отличающимся от него самого. Все дхармы – обратно тождественные себе. Существует устанавливаемое [как] обратно тождественное кувшину, так как им является кувшин. С точки зрения рода называемого [этим] звуком (словосочетанием), «обратно тождественное» подразделяется на три: Обратно тождественное себе, обратно тождественное смысла и обратно тождественное основе. При это признак той дхармы и обратно тождественное смысла той дхармы – подобны. (Донец А.М., Срединное познание в буддийской традиции Гелуг / отв. род. С.П. Нестеркин. - Улан-Удэ»: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. – 329 с.)

Звук является обратно тождественным основы чувственного, но, если [нечто] является обратно тождественным основы той дхармы, [то оно] не охватывается [тем, что] является основой признака той дхармы; однако, если [нечто] является основой признака той дхармы, [то оно] охватывается [тем, что] является обратно тождественным основы той дхармы. Если [нечто] имеет место [в качестве] основы, [оно] охватывается несуществованием множества (разных) (du ma) его обратно тождественных. Если [нечто] является определяемым/ mtshon bua (тиб.), [оно] охватывается существованием обратно тождественного его смысла. Если является предметом познания, являющимся [и] возможным, [оно] охватывается существованием обратно тождественного его основы. (<http://buddhismrevival.ru/teachings/>)

Опорный конспект №4 диаграмма по теме «Обратно тождественное» по предмету «Дуйра».

В таблице используются красный, синий, зеленый и желтый цвета штриховки для выделения и обособления понятий и смысловых блоков. А. Красная штриховка (являющееся кувшином) – 1. Кувшин, который является одним с кувшином и обратно тождественным кувшина (не отличающимся от кувшина); 2. Следующее поле (+ желтая и зеленая штриховка), которое охватывается от-

личающимся от кувшина и не являющимся одним с кувшином, но являющимся кувшином – это разновидности кувшина, а также признак кувшина (не могут включаться в красный сектор кувшина, поскольку не являются одним с кувшином и обратно тождественным кувшина).

Б. Следующее поле, которое охватывается теми же отличающимся от кувшина и не являющимся одним с кувшином (желтая и зеленая штриховка), но уже не охватывается являющимся кувшином (- красным), и добавляется противоположное и обратное кувшину (синее) – все существующее, не являющееся кувшином.

В. Следующее поле, которое охватывается теми же не являющимся одним с кувшином и противоположным и обратным кувшину (зеленое и синее), но уже не охватывается отличающимся от кувшина – несуществующее (тождественным чему-то или отличным от чего-то может быть только существующее).

Г. Сектор «одно с кувшином» и «обратно тождественное кувшина» соответствует не являющемуся кувшином,

противоположным и обратным кувшину, не являющемуся одним с кувшином, отличающемуся от кувшина, т.е. должен находиться в поле «все существующее, не являющееся кувшином» (Б).

Схемы справа уточняют центр левой схемы: «Одно с кувшином» и «обратно тождественное кувшина» («противоположное отличающемуся от кувшина») по своему смыслу или по тому смыслу, на который они указывают, противоположны отличающемуся от кувшина (два отрицания сокращаются, получается кувшин через исключение иного), поэтому располагаются в центре, где кувшин (красное), но сами они не являются одним с кувшином и противоположным отличающемуся от кувшина, поскольку отличаются от кувшина. Поэтому должны находиться в поле «отличающееся от кувшина» (желтое). (Кучин И.Л., Дхарма, Пермь, 2017. - 872 с.)

Опорный конспект №5 схема по теме «Виды объектов» по предмету «Дуйра».

В ней схематично изображен процесс восприятия и

концептуального признавания различных объектов/ ви-
шая (санскр.)/ yul (тиб.). Являющийся (явленный) объект/
abhasavisaya, pratibhasavisaya (санскр.)/ snang yul (тиб.)
определяется как то, что познается / rig bya (тиб.) при
его явлении/ snang ba (тиб.) уму, являет свой вид/ rnam
pa shar ba (тиб.) обладателю объекта. Поскольку являть-
ся уму объект может при чувственном или умственном
восприятии, то выделяют два вида этих объектов. При
чувственном восприятии являющимися объектами бу-
дут цвето-форма, звук, запах, вкус, осязаемое, то есть,
соответствующие виды (образы)/ rnam pa (тиб.), а при
умственном – представления (концепты): общее смысла/
artha samanya (санскр.)/ don spyi (тиб.) или общее звука/
sabda samanya (санскр.)/ sgra spyi (тиб.). Так, например,
при чувственном восприятии кувшина являющимся объ-
ектом будет кувшин, а при умственном – концепт кувши-
на. (<http://buddhismrevival.ru/teachings/>)

Воспринимаемый (идентифицируемый) объект/
grhayavisaya (санскр.)/ gzung yul, bzung yul (тиб.) опре-
деляется как то, что воспринимается (идентифицирует-
ся) при его ясном явлении уму. В случае чувственного
восприятия этот объект совпадает с являющимся, а при
умственном не совпадает, так как, хотя уму непосред-
ственно является (и воспринимается им) представление
о кувшине (концепт кувшина), но ум полагает, что вос-
принимает сам кувшин. Это осуществляется благодаря
умственной операции приписывания/ sgro 'dogs (тиб.),
в результате которой ум воспринимает представление
о кувшине как не являющееся иным, нежели кувшин
(как обратно тождественное/ ldog pa (тиб.) кувшину). А
это обратно тождественное кувшина в одном из своих
аспектов, по мнению сторонников школы гелуг, является
самим кувшином. (Кучин И.Л., Дхарма, Пермь, 2017. - 872
с.)

Объект способа восприятия-признавания (действи-
тельный объект)/ grahakavisaya (санскр.)/ 'dzin stangs kyi
yul (тиб.) полагаемый двойственным познанием (умом)
действительно имеющим место в качестве основы яв-
ления (согласно философской школе «Прасангика») или
именно так, как является и воспринимается. При
чувственном восприятии он обычно совпадает с являю-
щимся и воспринимаемым. Однако в некоторых случаях
действительный объект не идентичен двум другим. Так,
например, когда из-за некоторых атмосферных процес-
сов видят на небе две луны, то они будут являющимся
объектом и воспринимаемым объектом, а действитель-
ным объектом будет одна луна, существующая в дей-
ствительности. В случае несовпадения этих объектов
чувственное восприятие квалифицируют как ошибоч-
ное познание органов чувств/ dbang shes 'khrul ba can
(тиб.) или сознание органов чувств в качестве неконцеп-
туального ложного познания/ rtog med log shes su gyur
ba'i dbang shes (тиб.). (Донец А.М., Доктрина зависимого
возникновения в тибето-монгольской схоластике (раз-

вернутое изложение на основе переводов с тибетского
учебников Кунчен Чжамьян Шепы «Учение о зависимом
возникновении» и «Критическое исследование учения
о зависимом возникновении»), Улан-Удэ, Изд-во БНЦ СО
РАН, 2004. -268с.)

При умственном восприятии действительный объект
не совпадает с являющимся объектом, но может совпа-
дать или не совпадать с воспринимаемым объектом. Так,
при умственном восприятии кувшина этот кувшин будет
и воспринимаемым объектом и действительным объек-
том. А при умственном восприятии «заячьих рогов» та-
кие «рога» будут воспринимаемым объектом, но не дей-
ствительным объектом. Восприятие в подобных случаях
квалифицируется как концептуальное ложное познание/
rtog pa log shes (тиб.). В отношении являющегося объекта
чувственного познания обязательно должен быть задей-
ствован определенный способ его восприятия-призна-
вания, благодаря которому данный объект будет воспри-
ниматься как тождественный некоторой основе явления
- действительному объекту. Обычное озеро и миражное
являются видящему их человеку одинаково. Однако их
чувственные верные познания отличаются способами
восприятия-признавания: первое воспринимается-при-
знается как реальное, а второе - как иллюзорное, так как
первое в качестве являющегося объекта идентифициру-
ется с настоящим озером как действительным объектом,
а второе в качестве являющегося объекта отождествля-
ется с миражом как действительным объектом. Наличие
способа восприятия-признавания в чувственном непо-
средственном познании приводит к мысли, что здесь (по
анalogии с умственным концептуальным восприятием)
должен иметь место процесс приписывания, благодаря
которому являющийся объект относят к определенной
основе явления - действительному объекту, идентифи-
цируют с ним. (Донец А.М., Базовая система дхармиче-
ских категорий буддийских философов Центральной
Азии. - Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009.-198 с.)

Признаваемый объект/ abhinivesavisaya (санскр.)/
zhen yul (тиб.) - то, что ведается/ rig bya (тиб.) посред-
ством признавания/ zhen pa (тиб.). Устанавливается
только для умственного (концептуального) восприятия.
При умственном восприятии кувшина признаваемым
объектом будет кувшин, так как здесь ум воспринимает
кувшин через признавание, а именно: хотя непосред-
ственно воспринимается только представление о кув-
шине, но вследствие приписывания ум отождествляет
его с самим кувшином и признает подобный кувшин как
бы существующим в действительности и воспринима-
емым им. Считается, что признаком дхармы на уровне
признаваемого объекта может быть только общий при-
знак, а не собственный. Так, «кувшин» вообще может
иметь место лишь в качестве воспринимаемого концеп-
туально и признаваемого объекта. И поскольку эта дхар-
ма «кувшин» является общей для всех кувшинов (глиня-

ных, золотых и т.д.), то ее называют общим признаком. Однако это не означает, что в качестве признаваемого объекта, кувшин не имеет специфического признака. Поэтому считается, что концептуальный ум ошибается в являющемся объекте, то есть ошибочно принимает представление о вещи за саму вещь. Хотя концептуальный ум и ошибается в отношении своего являющегося объекта, но может оказаться безошибочным в отношении признаваемого объекта, если тот будет соответствовать действительному объекту. Точнее, признаваемый объект – это существующий умозрительно (идеально) объект концептуального ума, который может совпадать («кувшин» и «кувшин») или не совпадать («заячьи рога» и «заячьи уши») с действительным объектом. (Сэ Нгаванг Таши, «Ожерелье знатоков, полностью исполняющее чаянья счастливец», с. 40; Донец, «Учение о верном познании в философии мадхьямики-прасангики», 2006, с. 39)

Заключение

За двух с половиной тысячелетнюю историю выработана масса способов обучения буддийской философии. Современные реалии требуют современных подходов. Методика составления опорных конспектов, схем и таблиц по темам Дхармы показала свою продуктивность во время эксперимента. При опросе студентов на предмет пользы данной программы были сделаны выводы о том, что методика показала эффективность.

В ходе проделанной работы и систематизации полученных данных мы пришли к выводу, что классификация

информации по буддийской философии в таблицы верна, правильна и полезна. Это вместе с нашим участием со статьями и докладами на эту тему во Всероссийских научно-практических конференциях, дало перспективы к развитию данной деятельности и вдохновило на дальнейшую работу.

Помимо академической значимости наша работа приносит и психотерапевтические плоды. Согласно постулатам буддийской философии, квинтэссенцией Дхармы является работа с собственным умом, искоренение в нем всего дурного, приводящего к личным страданиям и проблемам окружающих. Понимание глубинных процессов происхождения отрицательных явлений в уме, приводящих к негативу, и их искоренение является главной темой Буддизма. Практическое применение его постулатов показало свою эффективность за двух с половиной тысячелетнюю историю. Понимание процессов, происходящих в сознании, реакций на внешние и внутренние раздражители, искоренение негатива и закрепление в позитиве дает буддийская философия. Постигание истинной природы сознания и окружающего мира приводит к равновесию и гармонии, адекватному функционированию в социуме, эффективной эволюции в любой области.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что мы будем продолжать работу в данном направлении. В скором времени у нас появятся новые опорные конспекты, диаграммы, схемы и таблицы по следующим темам буддийской философии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Далай-лама, Мир тибетского буддизма. СПб., 1996. - 467 с.;
2. Далай-лама, Буддизм Тибета, М., 1991. - 389 с.;
3. Донец А.М., Базовая система дхармических категорий буддийских философов Центральной Азии. - Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. - 198 с.;
4. Донец А.М., Доктрина зависимого возникновения в тибето-монгольской схоластике (развернутое изложение на основе переводов с тибетского учебников Кунчен Чжамьян Шепы «Учение о зависимом возникновении» и «Критическое исследование учения о зависимом возникновении»), Улан-Удэ, Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. - 268с.;
5. Донец А.М., Проблемы базового сознания и реальности внешнего в дацанской философии, Улан-Удэ, Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. - 168 с.;
6. Донец А.М., Пути Сутр и Тантр в тибетском Буддизме, Улан-Удэ, Изд-во БНЦ СО РАН, 2007. - 156с.;
7. Донец А.М., Срединное познание в буддийской традиции Гелуг / отв. род. С. П.Нестеркин. - Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. - 329 с.;
8. Донец А.М., Структура дхармы в свете принципа срединности. - Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. - 296 с.;
9. Донец А.М., Учение об истине в философии школы Мадхьямика-прасангики традиции Гелуг, Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. - 408 с.
10. Донец А.М., Учение о верном познании в философии мадхьямики-прасангики, Улан-Удэ, Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. - 251с.;
11. Йонзин Пуржог Чамба Гьяцо (phug bu ldog byams pa gya mtsho). «Изложение «Собрания [учебных] тем», раскрывающее смысл трактатов по [теории] верного познания, называемое «Чудесный ключ для пути доказательств» (tshad ma'i gzhung don 'byed ba'i bsdus grva'i rnam bzhag rigs lam 'phrul gyi lde mig ces bya ba) Перевод с тиб. Кучин И. Л. электронный адрес: <http://buddhismrevival.ru/teachings/>
12. Ра Сонам Вангьял (rwa bsod nams dbang rgyal). «Лучи солнечного света собрания [тем] коренных текстов» (bsdus gzhung nyi ma'i od zer). Перевод с тиб. Кучин И. Л. электронный адрес: <http://buddhismrevival.ru/teachings/>
13. Кучин И.Л., Дхарма, Пермь, 2017. - 872 с.;
14. Музафарова Н.Р., Традиции изобразительного искусства северного буддизма, Чусовой, 2021. - 186 с.;
15. Чже Цонкапа, Большое руководство к этапам пути Пробуждения. В 2т. СПб. 2020. - 896с.;

16. Кунчен Чжамьян Шепа, Превосходное объяснение толкования восьми предметов [и] семидесяти смыслов, называемое изречением уст непобедимого Учителя [Майтрейи], украшающее шею обладателей ясного ума» (сокращенно – «Семьдесят смыслов», «Дон дун чу» (don bdun cu)) (dngos po brgyad don bdun cu'i rnam bzhag legs par bshad pa mi pham bla ma'i zhal lung zhes bya ba bzhugs so). Перевод с тиб. Кучин И.Л., электронный адрес: <http://buddhismrevival.ru/teachings/>
17. Кунчен Чжамьян Шепа (kun mkhyen chen mo 'jam dbyangs bzhad pa'i rdo rje ngag dbang brtson 'grus dpal bzang po). «Золотое ожерелье прекрасных Учений, проясняющих некоторые наставления [относительно] ума [и] ведания» (blo rig gi rnam bzhag nyung gsal legs bshad gser gyi phreng mdzes zhes bya ba bzhugs so). Перевод с тибетского: Кучин И.Л., электронный адрес: <http://buddhismrevival.ru/teachings/>
18. Кедруб Чже (mkhas grub rje dge legs dpal bzang po). «Трактат, полностью разъясняющий истинную суть глубокой пустоты, под названием «Открывающий глаза счастливец»» (zab mo stong pa nyid kyi de kho na nyid rab tu gsal par byed pa'i bstan bcos skal bzang mig 'byed ces bya ba bzhugs so). Перевод с тиб. Кучин И.Л., электронный адрес: <http://buddhismrevival.ru/teachings/>
19. Сэ Нгаванг Таши (bse ngag dbang bkra shis). «Ожерелье знатоков, полностью исполняющее чаянья счастливец» (tshad ma'i dgongs 'grel gyi bstan bcos... mkhas pa'i mgul brgyan skal bzang re ba kun skong). Перевод с тиб. Кучин И.Л., электронный адрес: <http://buddhismrevival.ru/teachings/>
20. Русско-тибетский словарь/ под ред. Горячев А.В., Тарасов И.Ю., М., 2000.- 480 с.;
21. Тибетско-русский словарь/ под ред. Семчков Б.В., Ю.М.Парфионович, Б.Д. Дандарон, М., 1963.- 489 с.;
22. Рерих Ю.Н., Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями, М., 1983.- 3719 с.
23. Электронная библиотека Института философии РАН - philosophy.ru/library
24. https://spravochnick.ru/filosofiya/sovremennaya_filosofiya/
25. Электронная библиотека по философии - filosof.historic.ru/

© Музафарова Наталья Раисовна (muzafar-nr@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова

МАНИПУЛЯТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ РЕКЛАМЕ: PRO ET CONTRA

Писаревская Наталья Сергеевна

*К. филол. н., доцент, Московский международный университет
n-pisarevsk@mail.ru*

MANIPULATIVE TECHNOLOGIES IN MODERN ADVERTISING: PRO ET CONTRA

N. Pisarevskaya

Summary: One of the aspects of modern social life can be considered advertising, through which consumers are informed about goods and services and included in the interaction based on consumerism. To more effectively influence the audience, manipulative technologies are often used, which ensure the inclusion of people in the acquisition processes and at the same time correct their picture of the world.

Keywords: manipulation, manipulative technologies, advertising, mass media, mass society.

Аннотация: Одним из аспектов современной социальной жизни можно считать рекламу, посредством которой осуществляется информирование потребителей о товарах и услугах и включение их во взаимодействие, основанное на потребительстве. Для более эффективного воздействия на аудиторию зачастую применяются манипулятивные технологии, которые обеспечивают включение людей в процессы приобретения и одновременно корректируют их картину мира.

Ключевые слова: манипуляция, манипулятивные технологии, реклама, средства массовой коммуникации, массовое общество.

Рекламное продвижение товаров появилось еще в античности на фоне становления конкуренции среди ремесленников и их стремления привлечь внимание покупателей к своим изделиям. Реклама развивалась соответственно общекультурному контексту. С течением времени, в соответствии с научно-техническим прогрессом и осознанием позитивной динамики в экономической сфере, на которую воздействовало и информирование о товарах развивались и способы их рекламирования. К XX веку демократические преобразования индустриальной эпохи обернулись формированием так называемого «массового общества», которое впоследствии рассматривалось в контексте массового производства, массового потребления, массовой культуры и массовой коммуникации, частью которой является реклама.

Массовое общество по определению предполагает стандартизованность его членов, которые включаются в однотипное машинное производство. При этом важной его характеристикой становится включение все большего числа людей в массовое потребление стандартных продуктов. В «Новой философской энциклопедии» читаем: «Массовое общество – метафорическое или символическое обозначение общества, в котором преобладают массовые стандартизированные производственные и потребительские процессы» [5, с. 503]. Уточним, что массовое общество – это общество сплоченных индивидов как людей, похожих друг на друга не столько врожденными, сколько приобретенными качествами. В свою очередь это обусловило становление такого феномена, как массовая культура, которая «обладающая высокими техническими возможностями, выносит на рынок очень соблазнительный продукт, идеологи-

ческое содержание которого целенаправленно принижает человека, делает его мышление инфантильным и сильно повышает восприимчивость к внушению» [3, с. 234]. Реклама является неотъемлемой частью массовой культуры, посредством которой транслируются ценности и нормы потребительства. У людей «формируется «потребительская идеология» и «потребительское поведение»: люди начинают приобретать неограниченное число товаров, которые им предлагаются, выбирая их, человек ощущает себя деятельной и самодостаточной единицей общества, обособляющейся от окружающих. При этом потребитель не ощущает, что, бессознательно попадая под влияние манипулятивных тенденций массовой культуры, он идентифицирует себя с тем, что ему навязывается извне» [6, с. 60]. Более того, для получения необходимых результатов создатели рекламы зачастую прибегают к различным способам воздействия на сознание потребителей, в числе которых присутствуют и манипулятивные технологии.

Осмыслением феномена манипуляции представители социальных наук начали заниматься с середины XX века. Как научная категория манипуляция начала рассматриваться сначала западными политологами в 40-50 годы XX века как средство продвижения политических идей. Далее философы, социологи и психологи начинают исследовать социально-психологические аспекты манипуляции. В отечественной литературе вопрос манипуляции стал рассматриваться только в 50-60 годы XX века в контексте критики капитализма и западных теорий, также осмысление манипуляции шло в контексте воздействия средств массовой информации на сознание трудящихся.

Сегодня феномену манипуляции посвящено большое количество работ, освещающих, как теоретические, так и практические аспекты данного феномена, поскольку он рассматривается в контексте осмысления различных сфер социальной жизни: деловых отношений, средств массовой коммуникации, рекламы, маркетинга, политики, психологии, философии.

Определение манипуляции первым дал в 1964 году немецкий социолог Г. Франке своей книге «Манипулируемый человек». Под манипулированием он понимает «психическое воздействие, которое производится тайно, а, следовательно, и в ущерб тем лицам, на которых оно направлено» [7, с. 7]. Сегодня эта дефиниция трансформировалась, но суть ее сохраняется. Манипуляция, читаем мы в Большом психологическом словаре, - это «коммуникативное воздействие, которое ведет к актуализации у объекта воздействия определенных мотивационных состояний (а вместе с тем и чувств, аттитюдов, стереотипов), побуждающих его к поведению, желательному (выгодному) для субъекта воздействия; при этом не предполагается, что оно обязательно должно быть невыгодным для объекта воздействия» [4, с. 245].

Сегодня манипуляцию активно эксплуатируют в различных сферах социальной жизни посредством использования различных средств массовой коммуникации. В маркетинге, например, в контексте эффективности распространения товаров и услуг отдельно рассматривается поведение потребителей, включающее способы воздействия на целевую аудиторию для совершения ею конкретных действий, а точнее – приобретения конкретной продукции. Для этого используются все возможности, включая способы НЛП, манипуляцию и т.д. Американский социолог В. Пэккард в своей книге «The Hidden Persuaders» пишет: «В одном из крупнейших рекламных агентств Америки штатные психологи исследуют аудиторию, пытаясь выяснить, как идентифицировать и передавать сообщения людям с высокой тревожностью, враждебностью, пассивностью и так далее» [9, с. 33]. Представители различных областей знания ищут способы наиболее успешного воздействия на потребителей для реализации маркетинговых стратегий.

Автор также приводит мнение Луи Ческина, главы чикагской исследовательской фирмы, которая проводит психоаналитические исследования для мерчендайзеров: «Исследование мотивации - это тот тип исследований, который направлен на выявление того, что побуждает людей делать выбор. В нем используются методы, предназначенные для воздействия на бессознательное или подсознание, поскольку предпочтения обычно определяются факторами, которых индивид не осознает... На самом деле в ситуации покупки потребитель обычно действует эмоционально и импульсивно, неосознанно реагируя на образы, которые в подсознании

ассоциируются с товаром» [9, с. 35]. Так, в контексте маркетинга, подробно рассматривается поведение потребителей, их реакции на конкретные товары и способы их распространения. Для манипуляции сознанием потребителей используют различные методы, воздействующие как на когнитивную, так и на аффективную сферу личности.

Как указывает отечественный исследователь проблем коммуникации, доктор филологических наук И.М. Дзялошинский, «манипуляция предполагает некий внешний стимул, фиксирующий внимание объекта, и стимул скрытый, побуждающий объект к действию, которое сам бы он не совершил, но которое по какой-то причине необходимо субъекту. Дешифровка скрытого стимула лишает манипуляции смысла» [1, с. 6]. Он выделяет пять родовых признаков манипуляции: асимметричность процесса манипуляции и то, что манипуляция – это вид психологического воздействия, требующее мастерства, скрытое воздействие, продукт информационного взаимодействия [1].

Именно на воздействие на личность потребителя и направлены механизмы манипуляции, эксплуатируемые рекламой, повышенный интерес к которой объясняется тем, что она оказывает влияние на социальную жизнь в целом (трансформации в экономической сфере) и на каждого отдельного индивида (манипулятивные стратегии в социально-психологической и социально-культурной сферах).

Исследователи выделяют следующие группы методов манипулирования:

- Манипуляция посредством актуализации или создания ментально-мифологических конструктов и воздействия на архетипы и метапрограммы;
- Использование психологических;
- Манипуляция посредством актуализации ценностных представлений аудитории;
- Использование механизмов социального контроля;
- Логические уловки. Использование особенностей мышления человека. Манипулирование рациональными, убеждающими аргументами;
- Контроль над эмоциональной сферой. Психологические уловки.

Таким образом, в процессе манипуляции охватываются все сферы личности объекта манипуляции.

Сам факт присутствия рекламы в информационном пространстве обуславливает манипуляцию сознанием потребителей и в целом аудитории, попадающей под ее воздействие. Такой эффект создается посредством использования метода дробления информации. Г. Шиллер пишет об этой технологии: «реклама в дополнение к ее общепризнанным функциям по продаже товаров, куль-

тивированию новых потребительских запросов и восхвалению системы оказывает корпоративной экономике еще одну неочень ценную услугу. Ее вмешательство во все информационные и развлекательные программы снижает и без того низкую способность аудитории оценивать тотальный характер освещаемого события или проблемы» [8, с. 43]. Также он указывает на то, что трансляция информации подобным образом способствует формированию у аудитории фрагментарного получения информации и, как следствие, отсутствию целостного представления о происходящем. Шиллер пишет: «Подобно тому как реклама мешает сосредоточиться и лишает весомости прерываемую информацию, новая техника обработки информации позволяет заполнить эфир потоками ничемной информации, еще больше осложняющей для индивида и без того безнадежные поиски смысла» [8, с. 46]. Воздействие рекламного сообщения на подсознание потребителя обусловлено сочетанием вербального, визуально-изобразительного и звукового рядов. Благодаря комплексному использованию всех средств предоставления рекламной информации появляется возможность включения в нее и манипулятивных приемов.

Реклама, являясь частью маркетинга, зачастую строится по классической модели AIDA (Attention, Interest, Desire, Action — внимание, интерес, желание, действие), которая включает в себя последовательность действий потребителя: сначала она обращает на себя внимание, потом вызывает интерес у потребителя, далее возникает желание воспользоваться продуктом и завершается все призывом к конкретному действию. Учитывая это, следует отметить, что реклама по своей структуре уже является манипуляцией по отношению к потребителю, поскольку создает все условия для неосознанного осуществления желательных для субъекта действий.

Например, в видеорекламе Mercedes-Benz “Chicken” MAGIC BODY CONTROL с помощью танцующих куриц демонстрируются преимущества подвески автомобиля, благодаря которой обеспечивается комфортное вождение. В ролике присутствует текст, подтверждающий преимущества автомобиля: «Stability at all times. Magic body control. Mercedes-Benz intelligent drive» («Стабильность во все времена. Магическое управление телом. Mercedes-Benz умное вождение»), завершается он фразой The best or nothing («лучшее или ничего») и логотипом компании. Здесь задействованы методы: «Использование слоганов», «Концентрация на нескольких чертах или особенностях», «Использование фактора юмора», «Интрига» (изначально зритель не понимает, почему именно курицы и что с ними происходит). На протяжении всего ролика в углу экрана виден логотип компании. Все элементы в комплексе реализуют цели рекламы — привлечение внимания, информирование о товаре, запоминание видео и, как следствие, бренда и конкретного товара и т.д.

В отечественной рекламе методы манипулятивного воздействия тоже используются комплексно. Например, в серии видеороликов бренда «Сарафаново» известные актеры поют частушки о пользе молочных продуктов. Сопровождается каждый ролик слоганом: «Сарафаново - Молочные продукты для здоровья и души!». Здесь задействовано несколько манипулятивных методов, например, «Перенос положительного образа», «Псевдообъяснение», «Утвердительные заявления», «Акцент на простоте и скорости получения эффекта», «Использование слов, относящихся к основным ценностям общества», «Техника якорения», «Использование фактора юмора». Эффект воздействия усиливается вербальным сопровождением. Ролик завершается текстом, приобщенным к логотипу компании: «полезно молоко, вот и на душе легко». Так, потребитель вовлекается в просмотр рекламы и принимает информацию, которая до него доносится.

Также в качестве способов воздействия на потребителя используется ценностно-эмоциональное манипулирование, воздействие на когнитивную сферу личности посредством апелляции к логике и включения в рекламные тексты доводов, объясняющих необходимость покупки.

Сегодня, в контексте развития медиареальности и включения людей в сетевое взаимодействие все больше рекламного контента оказывается в интернет-пространстве: «за период январь-сентябрь 2021 года интернет-реклама в России выросла на 26% и составила 214-216 млрд. руб. (за вычетом НДС), по данным АКАР. Таким образом, объем интернет-рекламы опередил все остальные сегменты - внешнюю рекламу, рекламу на телевидении, радио и в прессе» [2]. Реклама внедряется в просмотр фильмов, передач, видеороликов, включается в игры, почтовые рассылки и т.д. Существует большое количество видов интернет-рекламы (контекстная реклама, SEO, SMM, баннерная реклама, видеореклама, e-mail-маркетинг, нативная реклама, вирусный маркетинг и т.д.), которые расширяют свои возможности соответственно развитию технологий и требованиям бизнеса.

Восприятие рекламы аудиторией зависит от картины мира каждого человека. Если он органично ощущает себя в обществе потребления, конформен и принимает его приоритеты, он будет позитивно относиться к рекламе, и к рекламируемым объектам. Если же он обладает критичностью мышления и стремится к личностной уникальности и, как следствие, к автономному принятию решений, любые попытки навязать ему какие-либо решения, будут восприняты им негативно. Однако осознанное неприятие рекламы не обуславливает отсутствия ее воздействия на подсознание личности. Поэтому наравне с осмыслением и подробным изложением методов манипуляции присутствуют и материалы по защите от нее.

Таким образом, мы можем говорить о том, что с позиции субъекта манипуляции реклама, созданная с включением манипулятивных технологий, безусловно, имеет позитивные результаты в контексте распространения информации о рекламируемом объекте, маркетинга и

эффективности продажи конкретных товаров и услуг. С позиции же объекта манипуляции можно рассматривать рекламу как некое вторжение в картину мира человека, ее корректировку и неосознаваемое им склонение к осуществлению навязанных ему действий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дзялошинский И.М. Манипулятивные технологии в СМИ: Учебно-методическое пособие. – М.: «Гуманитарный институт», 2006. – 44 с.
2. Какой была интернет-реклама в 2021 году: статистика и тренды. / Режим доступа: <https://vc.ru/marketing/342041-kakoy-byla-internet-reklama-v-2021-godu-statistika-i-trendy> (Дата обращения 30.01.2022)
3. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. - М.: Эксмо, 2005. - 832 с.
4. Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Большой психологический словарь. - СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. - 632 с.
5. Новая философская энциклопедия: В 4 тт. - Т. 2. - М., 2001. – С. 503.
6. Писаревская Н.С. Средства массовой информации и ценности массового общества / Вопросы теории и практики журналистики, Т.5, №1, 2016 С.58-66.
7. Франке Г.В. Манипулируемый человек. - М.: Политиздат, 1964. – 362 с.
8. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. - М.: Мысль, 1980. - 326 с.
9. Packard V. The Hidden Persuaders. Ig Pub., 2007. 240 p.

© Писаревская Наталья Сергеевна (n-pisarevsk@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВЫПУСКНИКАМИ И СТУДЕНТАМИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ДУХОВНЫХ СЕМИНАРИЙ И ИНЫМИ СУБЪЕКТАМИ ПРАВОСЛАВНОЙ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ И ПРОПОВЕДНИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА РОССИИ ПОДХОДОВ РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ: ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РАЗЪЯСНЕНИЙ ДАННЫМИ СУБЪЕКТАМИ РЯДА ПОЛОЖЕНИЙ «ОСНОВ СОЦИАЛЬНОЙ КОНЦЕПЦИИ РПЦ»

Потапчук Владимир Иосифович

*к.ф.н., доцент, Тихоокеанский государственный университет (Хабаровск)
000644@pnu.edu.ru*

Добрых Алексей Вячеславович

*к.с.н., Религиозная организация – духовной образовательной организации высшего образования Хабаровской епархии Русской Православной Церкви «Хабаровская духовная семинария»
avd.avch2010@yandex.ru*

PROSPECTS FOR THE USE OF THE APPROACHES OF RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHY BY GRADUATES AND STUDENTS OF FAR EASTERN THEOLOGICAL SEMINARIES AND OTHER SUBJECTS OF ORTHODOX EDUCATIONAL AND PREACHING ACTIVITIES IN THE CONDITIONS OF THE RUSSIAN FAR EAST: THE SIGNIFICANCE FOR THE CLARIFICATION BY THESE SUBJECTS OF A NUMBER OF PROVISIONS OF THE "FUNDAMENTALS OF THE SOCIAL CONCEPT OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH"

**V. Potapchuk
A. Dobrykh**

Summary: This article analyzes the problems associated with the use in Orthodox educational and preaching activities of the views of famous Russian religious philosophers on the problems of the material and spiritual, on the nature of the Church and human life in it – as well as the prospects for such use in explaining a number of provisions of the "Fundamentals of the social Concept of the ROC". The authors of the article believe that in modern conditions (especially in the conditions of the modern Russian Far East), it has become very difficult for students and graduates of theological seminaries, Orthodox clergy and other people engaged in Orthodox educational work to implement key tasks within its framework. This activity currently requires particularly flexible thinking and a very broad philosophical and other outlook. Of course, people who carry out such work should rely, first of all, on traditional Orthodox canons, ideas and postulates (including those contained in the "Fundamentals of the Social Concept of the ROC"). At the same time, to clarify any specific private nuances, these people may benefit from the views and judgments of famous Russian religious philosophers associated with such private nuances.

Keywords: traditional Orthodox approaches, Orthodox educational activities, "flowing culture", "librarianship", Russian religious philosophy, the metaphysics of unity, "middle-level theory".

Аннотация: В данной статье анализируются проблемы, связанные и использованием в православной просветительской и проповеднической деятельности воззрений известных русских религиозных философов на проблемы материального и духовного, на природу Церкви и жизнь человека в ней - а также перспективы такого использования при разъяснении ряда положений «Основ социальной концепции РПЦ». Авторы статьи считают, что в современных условиях (особенно в условиях современного Дальнего Востока России) студентам и выпускникам духовных семинарий, православным священнослужителям и иным людям, занимающимся православной просветительской работой, реализовывать ключевые задачи в ее рамках стало очень трудно. Данная деятельность в настоящее время требует особенно гибкого мышления и очень широкого философского и иного кругозора. Разумеется, люди, осуществляющие такую работу, должны опираться, в первую очередь, на традиционные православные каноны, представления и постулаты (в том числе содержащиеся в «Основах социальной концепции РПЦ»). При этом для разъяснения каких-либо конкретных частных нюансов этим людям могут быть полезны взгляды и суждения известных русских религиозных философов, связанные с такими частными нюансами.

Ключевые слова: традиционные православные подходы, православная просветительская деятельность, «проточная культура», «библиотечность», русская религиозная философия, метафизика всеединства, «теория среднего уровня».

Основные проблемы православной просветительской и проповеднической деятельности в современных условиях Дальнего Востока России: географические и социокультурно-духовные аспекты

Цель настоящей статьи можно определить как комплексное раскрытие и позиционирование совокупности социально-мировоззренческих проблем, связанных с условиями, смысловыми контекстуальностями и перспективами формирования рецепционных стратегий, а также стратегий преодоления имеющихся трудностей в области просветительской, проповеднической и миссионерской деятельности православных священнослужителей и иных субъектов. Особую актуальность рассматриваемая проблематика приобретает применительно к задачам разработки и реализации образовательных стратегий и траекторий, соотносимых со спецификой формирования конкретных компетентностных характеристик студентов духовных семинарий (не в последнюю очередь - Хабаровской духовной семинарии), чья будущая пастырская работа будет связана с Дальним Востоком России. Указанные обстоятельства требуют уделения особого внимания, во-первых, анализу специфики дальневосточных условий как особого социокультурно-смыслового пространства и особой совокупности полей и адресатов реальной или предполагаемой просветительской, проповеднической и миссионерской деятельности; во-вторых – анализу специфики и перспектив предполагаемых стратегий преодоления трудностей, особенно характерных для такой работы именно в условиях современного дальневосточного социума. Применительно к проблемам, релевантным специфике собственно дальневосточных условий как особого смыслового пространства просветительской и проповеднической деятельности, необходимо отметить следующее. Долгие десятилетия принудительного насаждения общеобязательного государственного атеизма в советскую эпоху наложили свой отпечаток, разумеется, на все современное российское общество как на макросовокупность потенциальных адресатов и как на смысловое пространство условий православной просветительской и т.д. работы. Субъектам такой работы довольно трудно вести борьбу с унаследованными от прошлого секуляристскими предубеждениями, суевериями, клише и стереотипами (как мировоззренческого, так и утилитарно-прикладного характера) фактически почти на всей территории современной России. При всем этом важно отметить, что насаждение атеистического мировоззрения в советское время именно на Дальнем Востоке России оказалось особенно «эффективным» и «успешным». Во многом такой «результативности» способствовали, в частности, следующие исторические факторы: а) малонаселенность дальневосточных земель и слабая их освоенность русскими людьми; б) почти полное отсутствие глубоких,

укорененных культурных и иных традиций, свойственных россиянам западной части страны; в) нередко временный, конкретно-ситуативный и «проточный» характер пребывания на этих землях представителей различных социальных групп; г) ярко выраженные устойчивые влияния на социум мировоззрений, субкультур, парадигм и «традиций» криминального и околокриминального характера (ибо Дальний Восток России всегда был регионом с особой концентрацией тюрем, лагерей и т.д.). В данном отношении архиепископ Хабаровский и Приамурский Марк, в частности, обращал особое внимание на то, что все вышеуказанные обстоятельства обусловили «...либо культурный нигилизм: индифферентность к родной старине и ориентация на «заграницу»; либо другая крайность: псевдотрадиционализм в духе сектанства и экстремизма» [5, С.43-44].

На вышеуказанные особенности Дальнего Востока России, на их особое значение в жизни дальневосточного социума обращали также внимание и современные светские ученые. В частности, Л.Е. Бляхер и С.А. Левков, характеризуя специфическую «проточную культуру» Дальнего Востока, отмечали следующее: «... территория региона осмыслялась, прежде всего, как осваиваемая Россией, не совсем Россия... Основная масса населения региона не столько заселяла его, сколько протекала через территорию...» [1, С.89-90].

Можно констатировать: вышеизложенные обстоятельства свидетельствуют о том, что в современных дальневосточных условиях субъекты просветительской и проповеднической деятельности вряд ли смогут уверенно разрабатывать и реализовывать стратегии, основанные на убежденности в априорной приверженности их адресатов определенным культурно-духовно-историческим архетипам и паттернам, смысловым контекстуальностям и «фоновым знаниям». Современные дальневосточники, по всей видимости, в особенно существенной мере утратили древнюю способность быть православными «простецами», верящими «сердцем». Трудно сказать, что здесь сыграло большую роль: советские агрессивные пропагандистские и образовательные (концепты «знания как анти-религии», «религии как невежества» и т.д.) либо же слишком уж жесткое доминирование в рамках «жизненных миров» установок и ориентаций прагматично-утилитарного характера (из-за суровых условий жизни, влияний криминальных и околокриминальных субкультурных установок и т.д.). Как бы там ни было, чаще всего для колеблющихся, сомневающихся в вопросах веры/неверия людей наиболее убедительными оказываются не апелляции к «сердечным» культурно-историческим архетипам и «фоновым знаниям», а те или иные формы рациональной аргументации на основе логических доводов либо формально-научного, либо житейско-обыденного характера.

Таким образом, для реальных или потенциальных субъектов просветительской, проповеднической и миссионерской работы на Дальнем Востоке (например, для студентов и выпускников духовных семинарий, готовящихся к пастырскому служению на дальневосточной земле), грамотное владение методологией, логикой и понятийным аппаратом социогуманитарного научного знания становится просто жизненно необходимым. Для современного православного дальневосточного пастыря, не желающего оказаться (например, на дискуссионной площадке) в некой униженной роли «невежественного попа», важным подспорьем во многих неоднозначных вопросах может оказаться русская религиозная философия, ее подходы и методы. В то же время нужно помнить, что далеко не все ее выводы и суждения строго соответствуют традиционным православным постулатам и канонам. В этой связи нам представляется целесообразным обратиться к проблематике отстаивания субъектами просветительской, проповеднической и миссионерской деятельности ряда православных постулатов в контексте базовых положений «Основ социальной концепции РПЦ» - с такими формами заимствования отдельных суждений и доводов русской философии, которые будут максимально релевантны вышеупомянутым положениям вышеуказанного официального документа.

«Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» как официальный документ: общее значение для субъектов православной просветительской и проповеднической деятельности

«Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» - официальный документ, всесторонне и комплексно раскрывающий канонические подходы Церкви к важнейшим проблемам общества и мира, человека и современной жизни. В декабре 1994 года Архиерейский Собор РПЦ признал, что, поскольку в традиционных канонических текстах и т.д. не всегда содержатся прямые исчерпывающие ответы на сложнейшие вопросы современности, то возникла острая необходимость в разработке такого документа, который бы мог всесторонне осветить официальные взгляды и подходы Церкви применительно к вышеуказанным вопросам и проблемам. Разработка проекта такого документа заняла достаточно продолжительное время и включала в себя несколько этапов. 19 июля 2000 года проект данного документа был рассмотрен и одобрен на заседании Священного Синода Русской Православной Церкви; тогда же принятый документ и получил свое современное официальное название [6]. Несомненно, субъекты православной просветительской, проповеднической и миссионерской деятельности в своих суждениях обязаны, помимо Священного Писания, решений Вселенских Соборов, наставлений Святых Отцов и т.д., руководствоваться также и положениями вышеуказанного до-

кумента. Православный пастырь, миссионер, преподаватель, общественный активист в своей деятельности ни в коем случае не должен позволять себе каких-либо отступлений от канонических взглядов и постулатов, от официальных подходов Церкви. При всем этом, конечно, необходимо учитывать, что ни в каком официальном документе, научном труде и т.д. (в том числе и в «Основах социальной концепции РПЦ») в принципе не может быть прямых однозначных ответов на все без исключения миллиарды миллиардов вопросов, которые могут волновать современных людей. По всей видимости, в некоторых случаях (например, при отсутствии прямых канонических ответов Церкви на волнующий собеседника вопрос) социальный актер, реализующий стратегии православной просветительской, проповеднической или миссионерской деятельности, гипотетически мог бы использовать в дискуссиях, беседах и т.д. какие-либо логико-методологические приемы и подходы «по аналогии» - которые, конечно, максимально адекватны, релевантны и комплементарны традиционным подходам Церкви, изложенным в «Основах социальной концепции РПЦ». Разумеется, формулировать такие «аналоговые» ответы необходимо с предельной осторожностью и гибкостью. В данном отношении православному активисту, проповеднику, миссионеру, преподавателю особенно важно глубоко и всесторонне овладеть общей логикой и методологией «Основ социальной концепции РПЦ». Только такое фундаментальное «погружение» в методологическое и иное смысловое пространство документа (естественно, на основе предшествующего такого же «погружения» в постулаты более древних основополагающих православных текстов) может «открыть» для скрупулезного разработчика и/или исполнителя просветительно-проповеднических и т.д. стратегий своеобразное «окно возможностей» для тех или иных «аналоговых» импровизаций и т.д. Несомненно, подобные поиски методологических «аналогов» на основе произвольных желаний, представлений, установок и умонастроений конкретных субъектов вышеуказанных стратегий также недопустимы. В соответствии с известным принципом «методологической самодостаточности», а также в силу необходимости преодоления личного и группового «своеволия» в данном вопросе, субъекты православной просветительской, проповеднической или миссионерской деятельности, реализующие какие-либо «аналоговые» методики, должны искать такую, выражаясь словами И.Т. Касавина, «библиотечность» [3], которая была бы как в духовно-содержательном, так и в методологическом отношении максимально адекватна «библиотечности» традиционных православных подходов в рамках «Основ социальной концепции РПЦ». При этом, конечно, исключительно важно следить, чтобы используемый «аналог» ни в коем случае в чем бы то ни было не «подменял» тот или иной традиционный православный постулат; он должен лишь служить целям эффективной трансляции адресатам вышеуказанного постулата. В данном отношении

имеет смысл обратить особое внимание на те «аналоговые» смысловые концепты и теоретические конструкции, которые содержатся в рамках подходов известных представителей русской религиозной философии. Как уже упоминалось, современные условия (особенно современные дальневосточные условия) требуют от субъектов православной просветительской, проповеднической и/или миссионерской деятельности особенно глубокого, гибкого и всестороннего владения методологическими и иными подходами социогуманитарного (не в последнюю очередь – философского) мышления.

Перспективы использования субъектами стратегий православной просветительской и проповеднической деятельности подходов русской религиозной философии – при разъяснении адресатам вышеуказанных стратегий ряда положений «Основ социальной концепции РПЦ», касающихся традиционного понимания проблематики материального и духовного, добра и зла, природы Церкви и жизни человека

В современную эпоху системного кризиса культуры, цивилизации, социогуманитарного научного мышления особую остроту приобретают так называемые «эффекты испорченных телефонов» – тесно связанные с усложнением, виртуализацией и «деконструкцией» как транслируемых смыслов, так и условий, контекстов и дискурсов их трансляций. Если же говорить о специфике и проблемах трансляции православных смыслов и ценностей в современных российских условиях, то важно отметить, что в данном случае вышеуказанные глобальные тенденции в очень значительной мере усугубляются сильным влиянием на потенциальных адресатов (особенно на Дальнем Востоке) сложного наследия долгих десятилетий насаждения общеобязательного атеистического мышления. Подобное влияние, в частности, может выражаться не только в колебаниях и сомнениях (самого разнообразного характера) у адресатов, но и, к примеру, в непонимании адресатами трансляций особенностей самой природы Православной Церкви, ее смысла и назначения и т.д. В сознании потенциальных адресатов, к примеру, могут быть как бы «размыты границы» между образами Церкви и культурных традиций, Церкви и этнокультурной обрядности, Церкви и каких-либо политических и иных идеологий, секулярных мировоззрений и т.д. Важно учитывать, что в современных условиях всевозможные подобные заблуждения могут быть многократно усилены и «диверсифицированы» влияниями различных фейков, «симулякров», подмен понятий и т.п. Субъектам православной просветительской и проповеднической деятельности всегда необходимо, прежде всего, исходить в своих рассуждениях из традиционных канонических формулировок православных доктрин (производные от канонических постулатов формули-

ровки, безусловно, содержатся и в положениях «Основ социальной концепции РПЦ»). Что же касается конкретных авторских разъяснений тех или иных традиционных постулатов и положений субъектами православных просветительских стратегий, то такие разъяснения, разумеется, будут предопределены сложной совокупностью влияний конкретных объективных и субъективных макро- и микрофакторов, условий и ситуаций, конкретных контекстов, ракурсов, коммуникативно-речевых составляющих, смысловых контекстуальностей и «фоновых знаний» и т.д. При всем этом для субъектов трансляций велика опасность совершения всевозможных ошибок, а также опасность ухода в различные крайности – применительно к разъяснению конкретных проявлений природы Церкви и пр. В этом отношении важную роль как бы «опосредующих» (напоминающих «теорию среднего уровня» Р. Мертона) положений (способных помочь, в частности, избежать крайностей как замалчивания каких-либо проблем, так и их слишком произвольных трактовок) вполне могут сыграть различные концепции выдающихся русских религиозных философов XIX – XX веков. Если говорить о природе Церкви, то, разумеется, важнейшие разъяснения по данному вопросу содержатся в рамках «Основ социальной концепции РПЦ». В рамках данного документа дается следующая формулировка: «Церковь есть собрание верующих во Христа, в которое Им Самим призывается войти каждый. В ней «все небесное и земное» должно быть соединено во Христе, ибо Он – Глава Церкви, которая есть Тело Его, полнота Наполняющего все во всем... В Церкви действием Святого Духа совершается обожение творения, исполняется изначальный замысел Божий о мире и человеке. Церковь являет результат искупительного подвига Сына, посланного Отцом, и освящающего действия Духа Святого...» [6, С.7]. Субъект православной просветительской деятельности, разъясняющий данные положения «Основ социальной концепции» гипотетически может столкнуться с возможными сомнениями со стороны адресатов, фундированными в содержательных и методологических парадигмах позитивистско-материалистической «научности». Подобные обстоятельства могут зачастую проявляться в форме серьезных сомнений в самой «возможности» (при том, что подобная «возможность» понимается таким адресатом исключительно в дословно-буквально-материалистическом смысле) таких явлений, как, например, «способность Церкви быть Телом Христовым», «обожение творения». Успешность преодоления субъектом просветительской деятельности таких сомнений со стороны адресатов возможна, по большому счету, лишь в тех случаях, когда речь идет именно о сомнениях и колебаниях, а не о твердой атеистическо-материалистической позиции оппонентов (хотя, конечно, нельзя «опускать руки» даже в ходе бесед с убежденными атеистами). Как бы то ни было, потенциальным субъектам стратегий православной просветительской деятельности, разъясняющим адресатам

вышеприведенные характеристики природы Церкви в рамках «Основ социальной концепции», гипотетически могли бы быть полезны (в тех или иных аспектах и отношениях) следующие утверждения, сопряженные с базовыми положениями русской религиозной философии.

Прежде всего, в подобных случаях представляется целесообразным обратить особое внимание сомневающимся адресатов на то обстоятельство, что хорошо известный «основной вопрос философии» даже в рамках позитивистской методологии не имеет и не может иметь однозначного решения в пользу материалистической картины мира. В данном отношении полезным было бы обращение, например, к основным идеям русских религиозных философов, которые считают приоритетным духовное значение – для любого явления, процесса, закономерности, проблематики. Так, например, Г.С. Сковорода, фактически основавший антропологическую традицию в русской философии, отмечал, что именно «сердце» (здесь имеется в виду духовное, нематериальное начало) в человеке и является тем главным, что определяет основное содержание человеческой личности [2]. Важно обратить внимание также на то, что ряд русских мыслителей (славянофилы, В.С. Соловьев и др.) в качестве важного условия и аспекта «целостности» человеческого бытия видят процесс преодоления односторонней рассудочной природы научного знания. Так, Н.Ф. Федоров утверждал, что необходимо восстановление в познании синкретичного единства, т.е. связи мысли и действия – в контексте его известной концепции «общего дела». Кроме того, примечательно, что В.С. Соловьев в своей «метафизике всеединства» определял трансцендентное духовное «единое» как то, что не поглощает собой частных элементов, индивидуальностей, но существует во имя всех и для каждого [7]. Именно в русле такого понимания «идеального бытия» у выдающегося русского философа и формулируется его учение о Софии – особой силы, связующей Творца и творение. В подобном же ключе выстраиваются рассуждения С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского и других представителей «метафизики всеединства».

Конечно же, опора гипотетических субъектов реализации стратегий православной просветительской деятельности на вышеприведенные умозаключения русских философов априори предполагает наличие определенного уровня социогуманитарного кругозора и гуманитарно-рефлексивного мышления у потенциальных адресатов соответствующих трансляций (что, в частности, зависит также от возраста предполагаемых адресатов и т.д.). Но даже в том случае, если потенциальные адресаты по каким-либо причинам и не будут обладать необходимым кругозором и требуемым уровнем мышления, все равно с довольно высокой долей вероятности можно спрогнозировать возможность появления такой ситуации, в рамках которой у того или иного

предполагаемого адресата теоретически можно развеять те же предрассудки относительно «религии как невежества» - даже самим утверждением о существовании великой русской религиозной философии, многие представители которой были православными священниками (например, о. Сергей Булгаков, о. Павел Флоренский, о. Георгий Флоровский).

В данном отношении необходимо также обратить внимание на ряд положений «Основ социальной концепции РПЦ», касающиеся отдельных аспектов сложнейших проблематик теодицеи и смертности человека и человечества. В частности, в тексте «Основ социальной концепции РПЦ» содержатся утверждения, что «... смысл бытия не ограничивается земной жизнью» [6, С.84], а также что каждый имеет христианское право на «...достойную, «непостыдную и мирную» кончину...» [6, С.99]. Таким образом, в положениях «Основ социальной концепции РПЦ» лишней раз подтверждается, что сами интерпретации понятий «жизнь» и «смерть» в традиционном православном дискурсе имеют особый характер, серьезно отличающийся от секулярно-материалистического и утилитарно-обыденного понимания. Точно так же и «зло», как исключительно разноплановое и многоликое явление, в православной трактовке будет иметь несколько иные аспекты и ракурсы и несколько иные проявления своей «многоплановости», чем в рамках обыденного и материалистического понимания. Важно отметить, что, применительно к реализации подобных просветительских задач, в некоторых случаях «на помощь» предполагаемым православным просветителям могут прийти, опять же, умозаключения русских философов. Так, В.С. Соловьев рассматривал проблематику зла в контексте своей «метафизики всеединства». С этим связана убежденность философа в том, что добро – абсолютно, а зло, представляющее в самых различных видах – всегда относительно [7]. С.Н. Булгаков полагал, что зло – лишь функциональная (а не субстанциальная) испорченность мира; в силу этого автор считает, что зло – в принципе исчерпаемо. По мнению Н.О. Лосского, зло может исчезнуть лишь вместе с материальным миром, но оно не является какой-то фатальной мировой «предзаданностью» - ведь зла могло бы и не быть, если бы не всеобщая эгоистичность, не всеобщее злоупотребление свободой [4].

Таким образом, подходы русских религиозных философов к вопросам, относящимся к сложнейшим проблематикам бытия духовного мира, смерти, теодицеи, мирового зла и т.д. очень разнообразны - но в то же время их отличает общая несводимость подходов к распространенным в современном обществе обыденно-утилитарным интерпретациям. Именно на это обстоятельство, по всей видимости, и следует обращать особое внимание потенциальным субъектам православной просветительской и проповеднической

работы – разумеется, в контексте раскрытия ими уже не «философской», а строго-традиционной «несводимости» православных трактовок к вышеупомянутому обыденному пониманию. Именно в таких случаях и контекстах гипотетически может иметь смысл говорить о потенциальной пользе тех или иных суждений русских религиозных философов XIX – XX вв. Можно констатировать следующее: как использование потенциальными субъектами православной просветительской деятельности в своей работе взглядов и подходов русских философов, так и отказ от их использования сопряжены с опасностями «ухода» просветителей в различные крайности, заблуждения, ошибочные трактовки (осо-

бенно в современных дальневосточных условиях). Тем не менее, нельзя не признать того факта, что знание потенциальными субъектами православной просветительской деятельности русской философии может обеспечить им, в тех или иных отношениях, определенные дополнительные «окна возможностей». Важно только еще уметь, конечно, духовно-грамотно такими «окнами» пользоваться. В данном ключе и имеет смысл говорить о значении тех или иных концепций известных русских религиозных философов для потенциальных субъектов стратегий православной просветительской деятельности, транслирующих адресатам ключевые положения «Основ социальной концепции РПЦ».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бляхер Л.Е., Левков С.А. Основания региональной социальной политики: монография / Л.Е. Бляхер, С.А. Левков; Хабаровский науч. центр ДВО РАН. Хабаровск: Хаб. кн. изд-во, 2005. 132 с.
2. Зеньковский В.В. История русской философии: В 2 т. Т.1. / В.В. Зеньковский. Ростов н/Д., 1999. 544 с.
3. Касавин И.Т. Традиции и интерпретации: фрагменты исторической эпистемологии / И.Т. Касавин. СПб.; М.: Изд-во РГХИ, 2000. 320 с.
4. Лосский Н.О. Бог и мировое зло / Н.О. Лосский. М., 1994. 432 с.
5. Марк, архиепископ Хабаровский и Приамурский. Православие на Дальнем Востоке: история, современность, перспективы / Архиепископ Хабаровский и Приамурский Марк. Хабаровск: Хабаровская духовная семинария, 2009. 64 с.
6. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви / М., 2001. 127 с.
7. Соловьёв В.С. Сочинения: В 2 т. / В.С. Соловьёв. М., 1990. Т.1. 894 с., Т.2. 824 с.

© Потапчук Владимир Иосифович (000644@pnu.edu.ru), Добрых Алексей Вячеславович (avd.avch2010@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Тихоокеанский государственный университет

КОНФУЦИАНСТВО: ИСТОРИЯ, СОДЕРЖАНИЕ УЧЕНИЯ, ВЛИЯНИЕ НА СОВРЕМЕННОЕ КИТАЙСКОЕ НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ

Семененко Дмитрий Сергеевич

Общецерковная аспирантура и докторантура им.
святых равноапостольных Кирилла и Мефодия
semenenko7595-1@uoiel.uk

CONFUCIANISM: HISTORY, CONTENT OF TEACHING, INFLUENCE ON THE MODERN CHINESE POPULATION

D. Semenenko

Summary: Modern Chinese society shares three main religious practices: Confucianism, Taoism, and Buddhism. Moreover, one person can be an adherent of three of the above religions at the same time. The study presents historical, cultural, social and ideological data based on reliable sources. The modern Chinese people are widely embedded in civilised communities around the world, hence the relevance of the subject: to identify the influence of Confucianism on the behavioural, economic, and social motivators of the Chinese people. The objectives of the study are to describe the personality of Confucius, the chronological course of his life, the basic postulates of the doctrine and inferences that may take place in the minds of Chinese subjects at the present stage of the civilisation development. Confucius strove to preserve the foundations of antiquity – the traditions and practices of Chinese civilisation to strengthen state power, justice in socio-economic life, as well as in the transmission of folk beliefs and rituals. Confucius disseminated political ideology through school education. The main principles are a large population, a developed education, a rich population, which has a positive effect on the stability of the central government. To develop the economy, it is necessary to strengthen the education of the population and raise the cultural level. Confucius concludes that governing the country through the imposition of ethical and moral principles is more effective than governing through decrees and laws. Confucius believed that diligence in learning ensures a comfortable existence in the future. Confucius introduced his distorted view of the world. This gave its negative consequences. Typical "diseases" of Confucianism are moralising, and abstract thinking without concrete steps and consistent actions. Confucianism is a way of philosophising without practical and pragmatic rules that can be implemented step by step to achieve material success.

Keywords: religious ritual, state, ruler, education, rules of conduct.

Аннотация: Современное китайское общество разделяет три основные религиозные практики: конфуцианство, даосизм и буддизм. Причем, один и тот же человек может быть адептом одновременно трех перечисленных выше религий. В предложенном материале представлены исторические, культурные, социальные и мировоззренческие данные с опорой на достоверные источники. Современный китайский народ широко внедрен в цивилизованные сообщества по всему миру, отсюда следует актуальность темы: выявить влияние конфуцианства на поведенческие, экономические и социальные мотиваторы китайского народа. Задачами исследования являются описать личность Конфуция, хронологический ход его жизни, основные постулаты учения и умозаключения, которые могут иметь место быть в сознании китайских подданных на современном этапе развития цивилизации. Конфуций стремился к сохранению устоев старины – традиций и практик китайской цивилизации по укреплению государственной власти, справедливости социально-экономической жизни, а также в передаче народных верований и ритуалов. Политическую идеологию Конфуций распространял через школьное образование. Основные принципы – это большая численность населения, развитое образование, богатое население, что позитивно влияет на устойчивость центральной власти. Чтобы развивать экономику – нужно усилить образование населения и поднять культурный уровень. Конфуций делает вывод, что управление страной через насаждение этических и нравственных принципов эффективнее чем управление через указы и законы. Конфуций считал, что усердие в учении обеспечивает безбедное существование в будущем. Конфуций внес свое представление о мире – искаженное. Это дало свои негативные последствия. Характерные «болезни» конфуцианства такие как – морализаторство, абстрактное размышление без конкретных шагов и последовательных действий. Конфуцианство – это путь философствования без практических, без прагматичных правил, которые можно внедрить шаг за шагом и достичь материального успеха.

Ключевые слова: религиозный ритуал, государство, правитель, образование, правила поведения.

Введение

Конфуций родился в 551 году до н.э. В то время Китай был раздроблен из-за бесконечных конфликтов враждующих друг с другом княжеств, аристократическая семья Конфуция обеднела, будучи еще ребенком он потерял отца, а в 16 лет скончалась его мать, которой Конфуций был обязан воспитанием, любовью к обучению и тягой к знаниям. Он жил в небольшом княжестве, женился в 18 лет и занял должность служилого человека, но всегда хотел увидеть «большой мир» и в 519 году

до н.э. Конфуцию посчастливилось сопровождать одного из вельмож в столицу Империи – город Лои. Там он познакомился с Лао-цзы (основатель даосизма) [1]. В этот период Конфуций уже сформулировал то, чему бы хотел посвятить свою жизнь: исправлению нравственности населения Древнего Китая. К 497 году до н.э. Конфуций достиг пика в своей карьере – заняв должность Руководителя Ведомства общественных работ в княжестве Лу и затем главного советника управителя княжества. Но поскольку он был за централизацию власти и против привилегированного положения и олигархического

отделения аристократической верхушки в китайском обществе, то довольно скоро его карьера закончилась из-за конфликта с семьями аристократов [2]. То, как европейцы называют Конфуция, не совсем точно отражает его имя. Звали Конфуция Цю, фамилия его была Кун, он жил во время Чунь, когда происходил закат империи Чжоу – многочисленные политические и социальные конфликты в раздроблённой на княжества стране, ослабляли империю. Государственная система Китая вот-вот должна была рухнуть.

Население обеднело, даже представители аристократии искали себе пропитание в преподавании частных уроков. Из обедневшего рода одного из аристократов – в 551 году до н.э. родился Конфуций. Его отец Шулян Хэ был чиновником княжества Лу 63 лет, а мать Янь Чжэнцзай – 17-летней наложницей и незаконной женой. В 1,5 года отец Конфуция умер и его мать опасаясь преследования со стороны других жён отца убежала в Восточный Китай, где снова вышла замуж. Конфуций рос в бедноте, подрабатывал на презируемых работах. Часто проводил культы жертвоприношений предкам. В 18 лет он женится, рождается сын и дочь, но в браке состоит не долго – считал привязанность к семейному уюту недостойной мудреца (кстати, прямых потомков Конфуция можно встретить на Тайване). Конфуций довольно хорошо владел шестью искусствами (Лю И), которые были обязательны для ученого китайца того времени: стрельба из лука, музыка, счет, письмо, езда на колеснице и, конечно же, знание религиозного ритуала. Он оставил свою жену и стал странником, пытаясь найти применение своему учению. Карьера Конфуция состоялась следующим образом. Начал он смотрителем амбаров у феодала рода Ци. Получил повышение смотрителя за скотом. Здесь у него появились ученики. Далее Конфуций посещает имение династии Чжоу в городе Лои (Лоян). Там Конфуций встречается с Лао-цзы (тогда он был архивариусом в династии Чжоу) [3; 4].

Оба учителя после встречи остались в противоборстве мнений о своих учениях. Впрочем, и до сих пор приверженцы даосизма не принимают догматы конфуцианства. Так Лао-цзы сказал о Конфуции, что тот «любит обсуждать других», тем самым «вскрывает зло в других людях» [5]. В 517 году до н.э. феодалы династии Лу были смещены другой династией, и Конфуций бежит к династии Ци. Здесь ему дали в собственность владение Ниси и по факту Конфуций стал феодалом. Но государь династии Ци менее чем через 3 года поменял своё мнение о Конфуции и его изгнали. Учитель вернулся в город Лу. Однако, там он тоже не нашёл поддержки правителей и оказался не востребованным.

Особенности содержания текстов и учений Конфуция

Конфуций начал систематизировать и редактировать

древние китайские тексты, которые далее стали фундаментом культурного кода китайского народа: «И цзин» («Канон перемен», или «Книга перемен» использовалась для гадания); «Шу цзин» («Книга истории», или «Книга документов» – мифы о начале истории Китая); «Ши цзин» («Книга песен» – народные песни, ритуальные песнопения); «Ли цзи» («Записки о ритуале», или «Книга благорядности» – о религиозных ритуалах); «Юэ цзи» («Записки о музыке», или «Книга музыки» – не сохранилась и поэтому осталось только 5 книг). Возможно, именно поэтому Конфуций столь популярен до сих пор, поскольку он редактировал и систематизировал главнейшие тексты китайской цивилизации. Конфуций организовал школу и тем самым получал плату для своего существования. Учитель стал быстро обрастать учениками, так как он принимал в свои ученики всех – и те, кто не мог заплатить скромную плату в три связки сушеного мяса, и те, кто был из высокого сословия. Конфуций считал, что благородным мужем может называться тот, кто по внутреннему содержанию таков, а не по титулу от рождения. Правители видели нарастающую массу учеников Конфуция и в 501 году до н.э. правитель Лу-Дин-гун, назначает Конфуция руководителем Чжунду – целого уезда. Дела у Конфуция шли хорошо – за 3 года наметился экономический рост в уезде, и он был поставлен руководителем общественных работ Лу, здесь Конфуций реализовал свою идею социальной справедливости – назначил соразмерную плату налогов в зависимости от плодородия земельных участков. Такая мера позитивно была принята руководством.

Конфуция назначили чиновником по расследованию политических, а также уголовных правонарушений. И апогеем стало назначение Конфуция главным советником государя княжества Лу. А фактически Конфуций управлял всем княжеством. Старался укреплять власть монарха – своего руководителя. Для этого пользовался различными приемами, включая сомнительные предприятия, описанные в книге учёного конфуцианца Ван Су в его труде «Семейные речи Конфуция». Ван Су пишет, что Конфуций пытался упрочить монархическую власть за счёт ослабления вассалов и аристократических вельмож. В пример этому один из случаев, когда Конфуций приговорил к смертной казни Шаочжэн Мао (оппозиционер того времени) за то, что тот «питал злые и подлые умыслы» [6]. Но государственная карьера Конфуция длилась не долго – с 501 по 497 г. до н.э. Уход Конфуция с государственной службы стал внезапным, но хорошо спланированным, как указывает историк Сыма Цянь. «Тогда отобрали в Ци восемьдесят красивых девушек, нарядили в цветастые одежды, научили танцевать “кан-лэ” и, усадив в тридцать повозок, запряженных четверками коней, покрытых вышитыми попонами, направили в дар правителю Лу» [7]. Правитель, увлеченный новой забавой, напрочь забросил государственные дела. После принятия подарка «три дня [в Лу] не прислушивались [к советам] об управлении, а после жертвоприношения

Небу и Земле жертвенное мясо не было роздано дафу [высокопоставленный государственный чиновник в Древнем Китае]. И тогда Кун-цзы ушел из столицы Лу» [7].

Конфуций был не угоден правителю княжества Ци (конкурирующее княжество с тем, где Конфуций был главным советником). И тот спланировал и организовал акцию, в ходе которой Конфуций понял, что правитель Лу и его окружение не соблюдают нормы морально-этического плана, и во время ритуала жертвоприношений не дали главному советнику жертвенного мяса – это было нарушение ритуала и показало тем самым – неуместность пребывания Конфуция на занимаемой должности. В то время Конфуцию было 55 лет, он начал странствовать по городам и искать возможности найти работу где-либо в Китае. Но после 14 лет безуспешных странствий – возвращается в княжество Лу. Государственной должности ему не удаётся получить, и Конфуций вновь открывает частную школу. Учат песням, музыке, религиозному ритуалу и преданиям. У Конфуция было около 3000 учеников. В 479 году до н.э. Конфуций умер и был похоронен на берегу реки Сышуй в провинции Лу. Ученики согласно ритуалу погребения, построили рядом хижины и проводили погребальные ритуалы на протяжении 3-х лет. Ученики составили книгу «Лунь юй» («Воспоминания и суждения») со словами Конфуция. В ней можем найти важный тезис, что Конфуций не был реформатором в чистом виде – он не ставил целью изобретать новое и борьбу со старым. Так в главе «В своей деревне» книги «Лунь юй» находим описание учителя его учениками: «В своей деревне Конфуций казался простодушным и в речи безыскусным, а при дворе и в храме предков он говорил красноречиво, хотя и мало» [8].

В Китае учение Конфуция называют «Жу цзя» («Школа ученых»). Многие ученые синологи считают религиозной составляющей нации Китая три элемента: даосизм, буддизм и конфуцианство. Несмотря на мнение некоторых ученых, таких как исследователь истории и философии Китая профессора Е. Торчинова [9], в конфуцианстве есть все признаки религии. Первое: учение Конфуция относится к духовной сфере человеческого бытия. Второе: по мнению Конфуция, мистические переживания гармонизируют человеческую жизнь. Третье: конфуцианство утверждает, что существует духовный мир Небо (Тянь) и загробное существование умерших (предков). Четвёртое: конфуцианство содержит религиозный культ жертвоприношений. Тексты древнекитайской культуры, которые Конфуций систематизировал и редактировал стали называться Лю И – шесть искусств. Этот термин был и ранее до Конфуция, так как охватывал 6 важных практических дисциплин для каждого китайца. Позднее термин Лю И стал тесно связан с учением Конфуция – как систематизатором, редактором и рьяным последователем китайского народного учения. Конфуций приложил свои старания не только над текстами искусств древнего

Китая – книга о религиозных ритуалах, о истории, о гадании, о песнях, о музыке, но и составил летопись «Чуньцю» – история княжества Лу с 722 до 479 гг. до н.э. Позднее в 10-13 веках н.э. к книгам, относящимся к Конфуцию были добавлены тексты «Лунь юй» – «Беседы и суждения» – Конфуция с учениками, «Чжун Юн» – этическое учение о середине и постоянстве от внука Конфуция – Цзысы, «Да Сюэ» – «Великое учение» – политический манифест конфуцианства от ученика Конфуция Цзэн-цзы, «Мэн-цзы» – от философа Мэн-цзы (372-289 гг. до н.э.) о том, что доброты человека имеет корни в человеческой природе.

Конфуций передавал своё учение во всей полноте термином Вэй (традиция), при этом говорил, что он не создавал учения, а только передавал его, а также то, что Конфуций верит в древность [10]. Данный тезис свидетельствует о конфуцианстве как о народной вере, то есть языческой. Тому подтверждение сохранившиеся достоверные тексты. Например, когда изгоняли демонов, Конфуций с почтением участвовал в этом обряде [8]. Конфуций во время болезни молился духам [10]. Конфуций призывал к жертвоприношениям, чтобы узнать волю Неба (Тянь), попросту – узнать свою судьбу. Все это необходимо, по мнению Конфуция, чтобы не испытывать колебаний и сомнений – как поступить в той или иной ситуации. Из этого Конфуций делает вывод, что можно действовать без цели – а просто выполнять правильно действия. Ведь если ты знаешь судьбу, которую нельзя изменить, то даже зная, что в конце будет провал, не будет успеха, то делая своё дело правильно, по мнению Конфуция, можно преуспеть. Данный тезис был раскритикован одним из оппонентов, последователем даосизма, но Конфуций лишь ответил «Если мое учение проводится в жизнь, на то воля [неба], если мое учение отбрасывается, на то воля [неба]» [11]. Следуя этому принципу, Конфуций странствовал и проповедовал своё учение. По мнению Конфуция, как глашатая китайской народной традиции Цзюнь-цзы – благородный муж или «Сын правителя» должен знать и исполнять Волю Неба – по-другому – судьбу. Благородный муж – это идеал для подражания, к которому должен стремиться каждый человек. Но, для какой цели? Для того, чтобы создать идеальное государство – как во времена императоров Яо и Шунь. По мнению Конфуция, если человек не идёт по пути благородного мужа, то он становится низким человеком – Сяо Жень, который не хочет выполнять волю великого Неба, то есть то, к чему призывает его великий замысел о человеке, а идёт по пути личных выгод и низко падает во время трудностей.

Перечислим пять добродетелей благородного мужа или пяти постоянств «У чан». Первая добродетель – это Жэнь – любовь к людям. По мнению Конфуция, любовь к людям заложена в природе человека и должна быть главной мотивацией для людей. Человеколюбие проявляется в первую очередь через Чжун – преданность к государю и старшим и Шу – забота о людях. Вторая добродетель

благородного мужа называется И – следование своему призванию, выполнять то, что должен; служить тем, чем призван, несмотря на то выгодно это самому исполнителю или не выгодно. Ли – это соблюдение ритуала в религиозном понимании этого слово. Исполнять ритуал – значит единственно правильный способ организации своей жизни с целью гармонии с миром духов и земными делами. Чжи – добродетель мудрости. Очень хитрая установка Конфуция, которая заключается в том, что мудрым может считаться только тот человек, который следует конфуцианству. Синь – добродетель искренности. Когда человек не принуждается к совершению ритуала, а желает его исполнять по свободной воле. Что касается конфуцианской религиозной практики, то здесь можно выделить несколько постулатов. Земной мир является отражением небесного мира. То есть признаётся существование духов. Конфуциане делают из этого вывод, что все земные чиновники и император обладают сакральными функциями жрецов. Что если не делать жертвоприношения, то теряется связь с миром духов и возникает полная анархия. А для того, чтобы следить за жертвоприношениями духам создали даже целый департамент церемоний, функция которого – отслеживать чистоту и своевременность ритуала. Помимо всего, департамент церемоний наделял духам – божествам различные титулы.

Соответственно, жертвоприношения совершались для процветания общества, устанавливали связь с духами – божествами и должны были установить гармонию существования в обществе, богатство каждому члену языческой общины. Те чиновники, которые не выполняли ритуал – подвергались суровому наказанию. Религиозный ритуал состоял из двух этапов: демонстрация того, что приносят в жертву и передача принесённых даров. Как правило, в жертву приносилась еда, предметы быта, которые потом сжигались – тем самым якобы переносились в мир духов. Все жертвоприношения делились на великие, средние, малые и по случаю несчастий (голода, засухи) [12]. Великие жертвоприношения совершал Император: духам неба, земли, предкам и духам злаков. Средние жертвоприношения также совершал Император: духам Солнца, Луны, Юпитеру; божеству шелководства Лэй Цзу, богу земледелия Шэн-нуну. Малые жертвоприношения совершались чиновниками.

Позднее и сам Конфуций стал тем, кому приносят жертвоприношения как покровителю науки и учения, а место его смерти и проповедей стали святыми местами. В 478 году до н.э. на родине Конфуция в Цюйфу был построен храм в его честь, затем храмы в честь Конфуция построили в Пекине и Шанхае. Династия Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н. э.) провозглашает Конфуция божеством, в школах читают Молитвы к нему. В 1 веке н.э. устанавливаются экзамены кэцзюй по знанию «Шести искусств» по трудам Конфуция. Это является основой для построения карьеры в китайском обществе. Однако, конфуцианство

встретилось с другим конкурентным учением – даосизмом во 2 веке до н.э. и буддизмом во время династии Тан (618-907 гг. н.э.). Хань Юй (768-824 гг. н.э.) адаптирует конфуцианство к новым реалиям и появилось «неоконфуцианство». В 19 веке после столкновения с европейской культурой появляется новая трактовка конфуцианства. В 20 веке во время реформ Мао Цзэдуна и инициированная им «культурная революция» (1966-1976) объявило конфуцианство препятствием к светлому будущему. Однако, корни народного учения глубоко прикипели к сознанию и быту масс. И во время Дэн Сяопина (1970-1980 гг.) конфуцианство вновь открыто показало себя как религиозное учение китайского народа.

Влияние учений Конфуция на социальную, политическую и экономическую сферы жизни

Для осмысления влияния конфуцианства на население Китая, вначале рассмотрим образовательные основы, которые сопутствовали истории китайского народа на протяжении последних 2-3 тысячи лет. Основопологающими элементами воспитания китайского общества Конфуций описал и выделил следующие: у учителя был статус и влияние как у отца семейства, младшие чтили старших. В 1 тысячелетии до н.э. в Китае существовали два типа княжеских школ: сянь, где пожилые учителя вели занятия для детей состоятельных семей (уроки морали, письма, математики, музыки, умение управляться с лошадью и стрельба из лука). Второй тип школы – сюй, где обучали военному делу. Однако, начиная с 770 года до н.э. с приходом династии Дун-чжоу в Китае происходит переход от рабовладельческого строя к феодальному с падением княжеской власти – в то время князья больше уделяли время роскошной жизни, чем поддержанию образования, школы пришли в упадок. Началась война между княжествами. Что еще больше ослабило княжескую систему образования. На смену княжеской школы, пришли частные школы – как новый путь развития в условиях упадка княжеской власти. У учеников появилась возможность выбирать учителей и школы. В это время благодаря частным центрам образования появились такие труды как «Моцзы», «Да Сюэ», «Сюэзи».

Местные правители различных частей Китая стали приглашать странствующих учителей к себе в гости на чтение лекций. Учитель стал свободной и почитаемой профессией. Чтобы иметь популярность и заработок учитель должен был много времени посвящать занятиям и саморазвитию. Образовалась естественная конкуренция между учителями Китая. Среди всех прочих учителей выделялся Конфуций. Формированием целей воспитания и выстраивание процессов обучения детей занялись Кун-цзы (Конфуций), Лао-цзы, Шан Ян и Мо-цзы. Кун-цзы (6 век до н.э.) и оказали существенное влияние на Китайскую цивилизацию и конечно же на образовательную систему. У Конфуция было около 3 тысяч учеников, част-

ные школы [13]. Падение монополистической системы образования рабовладельцев и дворян привел к переходу от пришедших в упадок княжеских школ к частным школам. Книги и образовательный процесс доступные ранее для детей высшего сословия начиная с 6 века до н.э. стали доступны для простых людей через учителей, по примеру Конфуция, странствовавшие по Китаю и обучавшие детей. Один из критериев успеха конфуцианского учения было доступность уроков для всех слоев населения. У Конфуция были и бедные ученики и богатые, должностные лица и даже дикари из горных местностей. Конфуций был своего рода бархатным революционером в образовательной сфере. Монополизированную не доступную для широких масс науку он открыл для широких масс, тем самым давал простым китайцам билет в жизнь, возможность вырваться из нищеты.

Даже цель образования Конфуций видел в том, чтобы: первое – подготовить образованные высокоэффективные кадры, второе – назначить правителями на соответствующие посты образованных людей. Все это конечно происходило в благоприятный период, когда рабовладельческая система государственной власти пришла в упадок и нужны были пути решения для укрепления власти. Как нельзя лучше действия Конфуция подошли для местных правителей, а население охотно шло обучаться, получая возможность карьерного развития в структурах власти. Ученики получали знания этикета, музыки, истории: «Ши цзин» («Книга песен»), «Шу цзин» («Книга истории»), «Ли цзи» («Книга этикета»), «И цзин» («Книга перемен»), «Чуньцю» («Весна и осень»). Однако, недостатком уроков Конфуция было недостаточность технических и производственных знаний. Конфуций подходил индивидуально к каждому ученику, на одинаковые вопросы отвечал по-разному, в зависимости от опыта и склада характера конкретного человека. Часто задавал вопросы, чтобы ученики размышляли, тренировали мышление. Не торопил учеников и не скрывал знания, любил повторять одно и то же по нескольку раз. Делал акцент на то, что обладать знаниями недостаточно, необходимо и обладать знаниями и развивать интеллект. От широты изучаемых наук следует переходить к глубине их изучения [12].

Конфуций своим ученикам и в частных школах преподавал урок, что управление должно строиться на правилах поведения, а не на законах и наказаниях. Он говорил: «Если руководить народом с помощью законов и вносить в народ порядок с помощью наказаний, народ будет стремиться избегать наказаний, и не будет испытывать стыда, если же руководить народом с помощью добродетели и вносить в народ порядок с помощью правил поведения, народ будет знать стыд и исправится» [14]. Здесь под добродетелью имеется в виду нравственное перевоспитание, а под правилами поведения – система правил, главным образом система родовых отношений. Правила поведения определяли отношение человека к

обществу в целом, а следующий принцип – «человеколюбие» определял отношение между людьми. «Любовь к людям» по мнению Конфуция один из важных критериев успешного правителя. Одним из главных принципов Конфуция – «Исправление имен». Этот принцип по мнению автора означает, что внешнее должно отражать внутреннее, форма соответствовать содержанию. Пример, если император не выполняет роль властителя, а все вожди управления передал знати, а та в свою очередь передала власть министрам, а они чиновникам, то такая империя погибнет. «Исправление имен» если угодно – это принцип правителя называть своими именами происходящее, не искажать и не приукрашивать, а если есть дисбаланс – то его устранять.

Одной из ошибочных по мнению автора статьи идей Конфуция было убеждение, что целью жизни человека (а цель в жизни, по мнению философа, обязательно должна быть) должна стать политика и государство. Конфуций обучал будущих правителей чтобы те свои интересы ставили на второй план, главное – широкие интересы и идеалы, этические нормы поведения, а не материальная выгода. Что нужно искать во всем свои ошибки – самокритично относиться к своим поступкам, подавать личный пример – когда слова не расходятся с делом. На практике, властителям Китая, придерживавшимся конфуцианства, в периоды расцвета Империи удавалось удерживать централизацию власти и держать под контролем большую страну. Однако, пороки власти, такие как взяточничество не исчезали в Китае никогда, даже несмотря на принцип Конфуция о «честных чиновниках». Почему же конфуцианство получило столь сильное распространение в Китае? Учение Конфуция возродило созданный ещё в языческий иньско-джоуский период – культ правителя, по которому император – сын неба, управляет страной от имени неба. Этот мистический культ наделяет императора полномочиями говорить и править страной от имени неба. Отсюда делалась вывод, что великий император правит великим Китаем, а все остальные народы – не культурные Варвары должны принимать волю великого императора и служить ему. Даже в те кризисные периоды, когда Монголия или другие народы завоевывали срединный Китай, то захватчики постепенно окитаивались по причине чиновничьей конфуцианской централизации власти на местах. Это давало ещё больше подкрепление китайцам верить, что конфуцианство устойчивый и корректный путь.

Конфуцианство строго определяло положение человека в обществе – так называемый учение «выправления имён» и тем самым поддерживало централизованную иерархическую систему власти. Ещё одной из причин укоренения конфуцианства среди правительства Китая был тот факт, что идеология Конфуция была удобна для чиновников, когда был период расцвета и все было хорошо, чиновники брали взятки и особо никому это не

мешало, а когда наступали периоды кризисов в стране, чиновники прибегали к конфуцианским принципам, организовывали народные восстания и провозглашали идеологию учителя, что доведший до катастрофы страну император должен уйти и смещали его. К удобной идеологии Конфуция прибегали и тогда, когда частный сектор чрезмерно развивался, лишая дохода казну. Дело в том, что в Китае правительственная казна пополнялась за счёт ренты с крестьян. А когда частный сектор разрастался, казна пустела, распущенность власти достигала апогея – поднималось народное восстание – войной разрушалось все то, что построено частным сектором и все нужно было начинать с начала. Так что частный сектор в Китае (помимо линии коммунистической партии) до сих пор не имеет должного развития, как в капиталистических странах. Те же «честные чиновники», которые попадали в немилость императора и были убиты, в народе провозглашались как мудрые правители, которым стоит подражать. Чиновники – ученые мудрецы становились идеалом карьерных устремлений. Романы и новеллы восхваляли мудрых правителей, добившихся богатства за счёт воплощения принципов учителя Конфуция [15].

Конфуцианство в Южной Азии также пропитывает общественную мысль об успехе, как протестантизм в Европе. В Азии придерживаются принципа – «человек настолько успешен, насколько он последовательно придерживается конфуцианских принципов» [14]. К примеру, приверженность основных видов человеческих отношений в иерархии: между правителем и подданными, отцом семейства и ребенком, между мужем и женой, а также старшими и младшими, братьями и друзьями, обеспечивает жесткую систему иерархических отношений, которая гармонично влияет на порядок, помогает снизить количество конфликтов. Это правило корнями восходит к конфуцианству, и в Восточной Азии гордятся своим экономическим ростом, в том числе, из-за приверженности к данному принципу. Таким образом, ориентация китайской нации на духовные принципы конфуцианства влияют на экономическую составляющую государств Восточной Азии. Появился даже термин – «конфуцианский капитализм», которому придерживаются Южная Корея, Сингапур, Гонконг и другие страны Восточной и Юго-Восточной Азии.

Термин «конфуцианский капитализм» ввел в понятие японец Сибусава Эйдзи (1840-1932 гг.), прочитав книгу Конфуция «Лунь юй», он написал свою книгу «Лунь юй и бухгалтерский счет», в которой заявил, что строить бизнес без этики и морали, а только на хитрости – по сути является дилетантизмом. И конечно же за основу этики Сибусава Эйдзи взял конфуцианство [11]. «Конфуцианский капитализм» пропагандирует тезис о свободе работников, чтобы первостепенно ориентироваться не на погоню за прибылью, а на семейные внутрикорпоративные отношения – только так они могут быть заинтересо-

ваны в результате работы и принести достойный доход. Угадывается принцип Конфуция «любить человека». По сути, Сибусава Эйдзи интерпретировал книгу Конфуция «Лунь юй» в современных капиталистических тонах. Сибусава Эйдзи и сам старался выполнять принцип Конфуция подавая личный пример подчиненным, он накопил внушительное состояние к концу жизни, в его владении были банки, предприятия, железные дороги. Впрочем, и Китай, и другие Азиатские страны, взяв курс на конфуцианский социализм имеют истории успеха, например, Китай с 3 млрд долларов годового экспорт товаров в 1974 году в наши дни превысил 2,5 трлн. долларов США (по данным на 2020 год) [16].

Можно ли считать конфуцианские принципы панацеей или волшебной палочкой для экономического роста, конечно же нет. Как в случае с протестантизмом (есть бедные протестантские страны и богатые протестантские страны), конфуцианство – это система правил, которая естественна для человеческой природы, которую вложил Создатель Неба и Земли (Бог) в Свое творение – человека. Так, дарование 10 заповедей Богом Моисею на горе Синай произошло за 1500 лет до рождения Иисуса Христа, а Конфуций жил через 700 лет от этого события. И конечно же заповеди о почитание родителей, не лгать, не завидовать и другие заповеди вкупе с книгами библии давали точное представление о правилах поведения, давали точную, не искаженную мораль от Создателя. Конфуций же, описывая естественную природу взаимоотношений человека с другим человеком или с обществом внес искажения – свою примесь, которая увела последователей Конфуция в сторону не практичных для предпринимательства действий. Например, смысл жизни человека по мнению Бога Творца состоит в том, чтобы человек стал Богом по благодати, а по мнению Конфуция смысл жизни человека состоит в связывании жизни с процветанием государства. Таким образом Конфуций внес свое представление о мире – искаженное.

Так, Корейские правители, например, до 18 века были последователями конфуцианства и это привело к тому, что страна оказалась закостенелой в средневековых традиция ведения хозяйственной деятельности и препятствовала экономическому прогрессу. Однако, на контрасте стилей ведения хозяйственной деятельности и бизнеса запада и востока можно явно выделить более человеческие технологии и менее человеческие. Так, например, в нынешней Южной Корее взяли конфуцианский принцип «сяокан» и интерпретировали его, выделив следующие постулаты: ответственность властей за благосостояние народа, отсюда следует, что правитель должен быть высококомпетентным профессионалом в государственных делах, тогда как на Западе правителем может стать актер, например, без специфических профессиональных навыков управления, ведения хозяйственной деятельности и прочих навыков присущих

руководителям высокого уровня. Конфуцианство провозглашает, что все население должно придерживаться моральным и этическим принципам.

Если это соблюдается – то бедным может быть в такой стране только ленивый. Если же правительство не придерживаются принципам этического поведения, то в такой стране честные люди всегда бедные, а богатым быть стыдно из-за дурных дел. В Китае, Японии и четырех малых драконах: Сингапур, Южная Корея, Тайвань, Гонконг – общественно поддерживается почитание престарелых и инвалидов. Чтут образование. Так, в современной Корее до сих пор культивируют конфуцианские принципы – главными считаются забота о семье, родине, трудолюбие. Выражается, к примеру, это тем, что в один из последних финансовых кризисов население Южной Кореи финансово помогало государственным структурам, поддерживая родину и ее устойчивое развитие. Другой пример, использования принципов Конфуция – это безресурсный Сингапур с 40 летней историей успеха. Правитель Сингапура Ли Куан Ю в своих интервью подчеркивает, что Сингапур помогают этические нормы, по которым гражданин законопослушен не из-за страха наказания, а из-за стыда сделать что-то плохое, пойти в разрез общественным нормам этики.

Выводы

Конфуцианские принципы ведения образовательной, политической, экономической деятельности позитивно влияют на развитие общества, однако, сами по

себе принципы не являются панацеей и «волшебной» формулой для процветания общества, так как это всего лишь наблюдения учителя Конфуция за человеком и обществом. Это всего лишь интерпретация того, как субъективно видят мир глаза Конфуция и его ученики. Можно проследить в 5 добродетелях Конфуция само за-цикленность на своём учении, то есть человек не может считаться мудрым если он не соблюдает религиозный ритуал по-конфуциански, и если делает это не искренне, то он тоже не мудрый. А если человек не следует учению Конфуция, то он тоже не мудрый.

Конфуцианские практики являются типичными языческим поклонением демонам. Так, во всех частях земли – начиная от ацтеков в Америке и заканчивая скифских племён европейской части – приносились жертвоприношения по одному и тому же сценарию, как и в Китае. Когда идолы не выполняли просьбы их пороли, били, а когда охота удавалась, урожай выдался обильный – приносили жертвоприношения, включая человеческие. Духов пытались задобрить, духи в разных народах назывались по-разному, но поразительно точно описывались – словно списывался образ того, кто скрывается под этими именами в разных народах – демон. Пример, демон, которому приносились жертвы на плодородие имеет одинаковое описание во всех народах, наречия на языках лишь разные. Постулаты конфуцианского учения легли в основу современной характеристики китайской нации, такие как общность культурных сугубо прокитайских принципов: многодетность, взаимовыручка, усердие и трудолюбие, подчинение властям, почитание учителей и властителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Walker M.D. Punishment and ethical self-cultivation in Confucius and Aristotle // *Law and Literature*. – 2019. – Vol. 31, No. 2. – P. 259-275.
2. Мартынов А.С. Конфуцианство. Лунь юй. – Санкт-Петербург: «Петербургское Востоковедение», 2001. – 368 с.
3. Lin Y. Confucius's view of learning // *Educational Philosophy and Theory*. – 2018. – Vol. 50, No. 13. – P. 1180-1191.
4. Jiang X. Confucius's view of courage // *Journal of Chinese Philosophy*. – 2021. – Vol. 39, No. 1. – P. 44-59.
5. Tao G. Confucius and job: The poor in spirit // *International Journal of Sino-Western Studies*. – 2019. – Vol. 16. – P. 35-46.
6. Малявин В.В. Китайская цивилизация. – Москва: Астрель, 2001. – 632 с.
7. Gentz J. Confucius confronting contingency in the Lunyu and the gongyang Zhuan // *Journal of Chinese Philosophy*. – 2021. – Vol. 39, No. 1. – P. 60-70.
8. Конфуций. Лунь юй. Изречения. – Москва: Эксмо, 2011. – 430 с.
9. Торчинов Е. Пути философии Востока и Запада. Познание запредельного. – Москва: Пальмира, 2018. – 464 с.
10. Литвинова Л.В. Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. – Москва: Мысль, 1972. – 363 с.
11. Pinto, M.M.L. Confucius's hero's journey // *Jung Journal: Culture and Psyche*. – 2019. – Vol. 13, No. 2. – P. 35-45.
12. Иларион (Алфеев) Митрополит, Корытко О. Протоиерей, Васечко В. Протоиерей. История религий. – Москва: Общecerковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, 2016. – 776 с.
13. Минцзя М., Бинцзюнь Ц. Влияние конфуцианства на развитие образования Китая // *Амурский научный вестник*. – 2007. – № 2. – С. 126-136.
14. Liu X. So similar, so different, so chinese: analytical comparisons of the Confucius Institute with its western counterparts // *Asian Studies Review*. – 2019. – Vol. 43, No. 2. – P. 256-275.
15. Просеков С.В. Конфуцианство: духовное начало и экономическое процветание // *Вестник финансового университета*. – 1999. – № 3. – С. 72-79.
16. Кушбаев Ф.К. Роль конфуцианства в истории Китая // *Молодежь и системная модернизация страны*. – 2016. – Т. 1. – С. 251-264.

© Семененко Дмитрий Сергеевич (semenenko7595-1@uoel.uk).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОНЯТИЕ ТРИАДОЛОГИИ КАК АКТУАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ В РУССКОЙ ФИЛОСОФСКО-ТЕОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Симутина Татьяна Владимировна

Аспирант, Кубанский государственный университет,
г. Краснодар
spongerbob@yandex.ru

THE CONCEPT OF TRIADODOLOGY AS A CURRENT TRADITION IN RUSSIAN PHILOSOPHICAL AND THEOLOGICAL THOUGHT. HISTORY AND MODERNITY

T. Simutina

Summary: The article will consider the special attitude of Russian religious philosophers to the concept of the Trinity. Let us examine how the Christian triadic doctrine was comprehended by Russian thought, and also characterize what modern philosophical and theological thought can give us on this issue. The topic opens up for researchers as an actual problem in modern science, where the interests of philosophy and theology collide. The concept of the Trinity is torn between the religious inviolability of sacred terms and the philosophical desire to know the concepts of God. Spassky A.A. emphasizes that "our time, hardened in religious formalism and dead dogmatism, finds it difficult to understand this freedom of thought that reigned in the ancient Church..." [8, p. 645]. For this reason, Russian religious philosophy was also rejected and not understood by the Orthodox Church.

The purpose of the study is to reveal the concept of the Trinity as a conceptual term of Christian thought in Russian philosophy, which originated in the first centuries of our era and meaningful in the modern era. For the successful resolution of the set goal, it is necessary: 1) to study the origins of the doctrine of the Trinity; 2) explore triadology as a unique conceptual moment in Russian philosophy; 3) determine the current state of triadic teaching in Russia.

The Trinity is a dialectical concept that reveals the essence of divine being. For this reason, the article will use the method of speculative consideration of this term.

The concept of triadology in modern science is given special attention, since it contains a dialectical process - multifaceted and complex. This topical issue is dealt with by such scientists and researchers as Spassky A.A., Zyblyntsev G., Fokin A.R., Dmitriev A.I., Eliseev G., Mikushevich V. The development of the dialectic of triadology in the historical process with a look at the present was studied: Sorokin P.A., Sergienko P.Ya., M. Kurochkina, Borzova E.P.

Keywords: triadology, Holy Trinity, Russian philosophy, Christian religion, doctrine of the Trinity, dialectics.

Аннотация: В статье будет рассмотрено особенное отношение русских религиозных философов к понятию Троицы. Исследуем, каким образом христианское триадическое учение было осмыслено русской мыслью, а также охарактеризуем, что может дать нам современная философско-теологическая мысль по данному вопросу. Тема открывается для исследователей как актуальная проблема в современной науке, где сталкиваются интересы философии и теологии. Понятие Троицы оказывается разорванным между религиозной неприкосновенностью священных терминов и философским стремлением к познанию понятий о Боге. Спасский А.А. подчеркивает, что «нашему времени, затвердевшему в религиозном формализме и омертвевшем догматизме, трудно понять эту свободу мысли, царившую в древней Церкви...» [8, с. 645]. По этой причине и русская религиозная философия была отвергнута и не понята православной Церковью.

Цель исследования заключается в раскрытии понятия Троицы как концептуального термина христианской мысли в русской философии, зародившуюся в первые века нашей эры и осмысленную в современную эпоху. Для успешного разрешения поставленной цели, необходимо: 1) изучить истоки учения о Троице; 2) исследовать триадологию как уникальный концептуальный момент в отечественной философии; 3) определить современное состояние триадического учения в России.

Троица – диалектическое понятие, раскрывающее сущность божественного бытия. По этой причине в статье будет использован метод спекулятивного рассмотрения данного термина.

Понятию триадологии в современной науке уделяют особое внимание, так как в себе оно содержит диалектический процесс – многогранный и сложный. Данной актуальной проблематикой занимаются такие ученые и исследователи как Спасский А.А., Зяблинцев Г., Фокин А.Р., Дмитриев А.И., Елисеев Г., Микушевич В., Развитие диалектики триадологии в историческом процессе со взглядом на современность изучили: Сорокин П.А., Сергиенко П.Я., М. Курочкина, Борзова Е.П.

Ключевые слова: триадология, Пресвятая Троица, русская философия, христианская религия, догмат о Троице, диалектика.

Учение о Троице – это основополагающая доктрина в христианской религии. Оно включает в себе объяснение божественной природы для разума. С первых веков христианства достойные умы того времени пытались дать пояснение сложному понятию Единого

Бога в Трех Лицах. То, каким образом мы можем познать Бога, описано в трудах отцов Церкви и других христианских мыслителей. Однако возможность познать Троицу в ее понятии для святых отцов Церкви оказалось невозможным. Тем не менее учения, которые они разработали

оказали огромное влияние на последующие попытки открытия тайны троического божества. Это понятие в итоге стало уникальной традицией восприятия Троицы.

Триадология в христианстве оказывается в состоянии тайны, потому как познать Троицу (отношения внутри нее) невозможно, а значит, все объяснения поверхностны. В сущности – это традиция и вера в то, что Бог Един в Трех Лицах – «Ибо три свидетельствуют на небе: Отец, Слово и Святой Дух; и Сии три Суть едино» (Послание 1 от Иоанна 5:7)

Более того, традиция понимания Бога в трех лицах не особенное решение христианства. Историк религии Уилл Дюрانت полагает, что подобная идея уже существовала еще в Древнеегипетской интеллектуальной теологической мысли. Аналогично в мифологии Древней Греции мы находим мысль о триадическом происхождении мира – Никс, Океанос, Тетис. Учения о троичности обнаруживаются в культурах Месопотамии, Древней Индии, Древнего Китая, Древнего Рима, этрусков, славян, ислама, Японии и других. Однако это лишь поверхностные и символические попытки охарактеризовать Бога как Троицу. Истинное и глубокое понимание мы находим в христианской религии. Следует при этом помнить, что богословие христианства развивалось не на пустом месте, но под влиянием античной философии. (Тациан)

Тринитарный догмат для святых отцов Церкви имеет богооткровенный характер. По мнению Фокина они, «при построении своих схем в той или иной степени опирались на античную философскую традицию и использовали различные философские методы и концепции, характерные для той или иной философской школы» [10, с. 95]. Влияние древнегреческой философии на формирование догмата о Троице доказывает и Е.П. Борзова – «Сами учения о Логосе и Троице были оформлены греческими отцами, которые находились под сильным прямым или косвенным влиянием платонической философии» [2, с.120].

Учение о Троице возникло на основании уже имеющегося культурного, религиозного и философского опыта, подобно особенной традиции восприятия и понимания сложного мира и Бога. Религиозное сознание устроено таким образом, что любые традиции оказываются жестко неизменными и с огромным трудом склонны к переменам. При этом если мыслить творчески, то понятие Троицы откроется с новой стороны [13, р. 7].

Русская философия в целом характеризуется христианской направленностью. Именно по этой причине мы обнаруживаем богословские темы как центральные для философской мысли России. Такие деятели как В.С. Соловьев, П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк, Н.А. Бердяев, В.Н. Лосский и А.Ф. Лосев уделили при-

стальное внимание понятию Троицы, во многом основываясь на преданиях святых отцов, однако под влиянием немецкой классической философии. Теперь рассмотрим в рамках обзора, какие основные мысли они выразили. Для этого выделим два направления в учении о Троице, которые являются ключевыми: 1) возможность познания трех Лиц в едином Боге и необходимость изучения догмата о Троице; 2) диалектика отношения Лиц внутри Троицы.

Одним из самых противоречивых моментов в исследовании Троицы является возможность познания разумом человека этого понятия. Этим вопросом занимались еще первые богословы христианства, которые по началу даже не стремились это объяснить. Все толкования, так или иначе существующие по догмату о Троице, сложились в результате ереси и служили для того, чтобы зафиксировать единственный верный вариант понимания Троицы как единства в Трех Лицах.

Для святых отцов Церкви как в первую очередь христиан, главной целью была защита догмата, но не доказательство возможности познания самой Троицы. В.С. Соловьев полагает, что многие отцы Церкви говорили о невозможности познания человеческим разумом божественной Троицы, говорит о том, что они оценивали весь человеческий разум в целом исходя только из своих возможностей. Здесь же, в «Чтениях о Богочеловечестве», он продолжает, что в действительности: «это триединство, будучи действительным и существенным отношением живых субъектов, будучи внутренней жизнью сущего, не может быть покрыто, вполне выражено или исчерпано никакими определениями разума, которые всегда по самому понятию своему выражают лишь общую, формальную, а не существенную и материальную сторону бытия; все определения и категории разума суть только выражения объективности или познаваемости существа, а не его собственного внутреннего субъективного бытия и жизни» [7]. То есть подлинное познание данного понятия как сущего в себе, для себя и у себя, человек познать не способен, так как категория Троицы (Бога) не относится к традиционным понятиям для человеческого разума. Оказывается заметным это противоречие, которое описывает Владимир Соловьев, и для него самого, однако он старается объяснить его рационально, в отличие от предшественников.

П.А. Флоренский исходит в своих размышлениях из того, что познание истины напоминает религиозную веру, и обращение к рассудку не может помочь в постижении Троицы, так как она, по сути, иррациональна и непознаваема. Философ говорит о возможности сверхразумного познания, которое выходит за пределы рассудка. «Осуждая себя самого, рассудок требует Троицы во Единстве, но не может вместить Ее» [9, с.65]. Познание Истины (для П.А. Флоренского истина – это Троица) воз-

можно благодаря не разуму, но веры и даже отчаяния, с которого начинается этот путь.

С.Н. Булгаков полагает, что «человек не может своими силами познать Бога, если Он Сам не откроется ему». То есть, познание Бога должно опираться на Откровение, так оно сверхприродно. Иными словами, это благодать, которая приходит извне и делает разум понятным для самого себя. С.Н. Булгаков пишет, что «откровение премирного Божества человеку в этом смысле – человечесно, сообразно человеку» [3]. Значит, само Откровение о Троице уже содержится в человеческом духе как образе Божиим, в нем заложена сама возможность этого познания, это есть его онтологическая основа. В этом, по словам С.Н. Булгакова, помогает антропология. Мысли Н.А. Бердяева схожи в этом вопросе, так как он аналогично убежден в том, что познав человека, возможно познать Бога, «человек – не только малая вселенная, но и малый Бог» [3].

С.Л. Франк говорит о том, что понятие Бога находится вне познавательной сферы, однако это «непостижимое... есть реальность, сама себя себе открывающая» [11]. Мыслитель показывает, что подлинное разумное «достигается через различия посредством отрицания». Однако, это не простое отрицание, ведущее к ничто, а спекулятивное отрицание отрицания, которое сохраняет все моменты мышления в единстве и целесообразности. Философ говорит об обращении к трансцендентальному мышлению в области познания непостижимого.

В.Н. Лосский, обращаясь к вопросу о познаваемости Троицы, говорит об единственном верном методе – апофатике. Так, с помощью негативного познания возможно достичь знания о том, что нам кажется недоступным, запредельным для нашего разума. «Апофатизм – сознание интеллектуального поражения» [4, с. 553]. Здесь нет необходимости понимать данное утверждение как отказ от познания. Напротив, это уровень отрицания мысли как очищение от несущественных моментов. Троическое богословие – это и есть мышление о понятии самого Бога, трансцендентного тварному миру, но при этом сотворившего все сущее.

В работах А.Ф. Лосева мы обнаруживаем совершенно оригинальный подход к триадологии, где обнаруживаем понятие Троицы с диалектической точки зрения, присущей античной философии, и онтологическое ее понимание с православной точки зрения. «Философия Лосева представляет интерес с точки зрения христианского богословия, поскольку, используя неоплатоническую диалектику, достижения Гегеля и Гуссерля, Алексей Федорович создает философскую интерпретацию и образ христианских догматов, начиная от триадологии и заканчивая догматом о нетварных энергиях Бога и

спасении» [5, с. 217].

Вопрос о постижимости догмата о Троице человеческим разумом плавно перетекает в проблему о необходимости его исследования как такового. Для святых отцов Церкви, необходимость исследования была очевидна, исходя из вышеперечисленных факторов, которые побуждали их к таким исследованиям. Та сфера знания, которую сложно познать поверхностно, должна быть тщательно исследована, поэтому и русская религиозная философия, вслед за богословами первых веков христианства так широко обсуждает триадическую концепцию. Необходимость изучения Троицы и ее понимания становится главным смыслом жизни для русских философов. Таким образом, возможно условно разделить русских философов, которые были убеждены в рациональном диалектическом познании Троицы (В.С. Соловьев, В.Н. Лосский, А.Ф. Лосев), иррациональным (П.А. Флоренский, С.Л. Франк) и антропологическим (С.Н. Булгаков и Н.А. Бердяев).

Святые отцы, рассматривая диалектику понятия Троицы, приходят к выводу, что Бог един в трех Лицах по существу. Соотношение Лиц Святой Троицы, достижение мысли о том, что ипостаси единосущны, а различия их лишь в самой сущности, приводит нас к выводу о глубоком логическом содержании мысли в восточной патристике. Однако, по форме логическая мысль святых отцов остается на уровне представления. Это объясняется стремлением приводить аналогии и примеры из мира для подтверждения и доказательства своих умозаключений.

Обратим свое пристальное внимание на диалектические размышления о Троице у русских философов, которые были убеждены в рациональном познании этого понятия, а именно – В.Н. Лосского, В.С. Соловьева, А.Ф. Лосева.

В.Н. Лосский в контексте предложенной темы полагает, что в Троице Лица Бога – это не три части единого целого. Каждое Лицо имеет своим содержанием единую сущность и природу, является целым. Далее мыслитель показывает отношения между личностью и природой в Боге. Так как все Лица в Троице содержат в себе единую природу Бога, то это говорит о наличии свободы у каждой Ипостаси. Исходя из этого, В.Н. Лосский делает еще одно умозаключение, касающееся особенностей личностного бытия. Каждое из Лиц Пресвятой Троицы имеет свое бытие не с помощью противопоставления Я и не-Я, не противоречием между другими Ипостасями, а в результате свободного обладания сущностью, при чем не для себя. В понятии Бога существование личности утверждает отношение к другому, то есть Личность обретает свое бытие в направлении к другому. В этом заключается природа Бога. Несмотря на негативное отношение

к диалектике, где он открыто заявляет, что «... никакая спекулятивная философия никогда не могла подняться до тайны Пресвятой Троицы. Поэтому также и человеческие умы могли во всей полноте получить Откровение Божества только после креста Христова, восторжествовавшего над смертью и адом. Поэтому, наконец, и сияет в Церкви откровение о Пресвятой Троице как данность чисто религиозная, как истина преимущественно католическая» [5], В.Н. Лосский в своем триадическом видении указывает на то, что понятие Троицы само по себе диалектично. Понимание того, что Лица Троицы в различии друг от друга обретают единство сущности Бога – основное положение диалектики любого понятия, где утверждение противоположных моментов создают их тождество в различии. Таким образом, триадическое богословие В.Н. Лосского имеет моменты диалектического становления понятия Бога как Троицы, утверждающего тождество Единой Божественной Сущности в наличии различий Ипостасей.

Глубокий диалектический подход к троическому богословию находим в философии В. Соловьева. В своей работе «Чтение о Богочеловечестве» ученый раскрывает диалектику Абсолютного Божества, показывая читателю философский подход к данной проблематике. В своем исследовании триадического учения, мыслитель выражает согласие с гегелевской диалектикой Абсолюта. Несмотря на многочисленную критику немецкого философа, В.С. Соловьев полагает, что Гегель дал подлинную логическую основу понятиям. Троица, как нестандартное для человеческого разума понятие, нуждается в особом рассмотрении. Так, он выделяет три формы абсолютно-сущего, которое определяет себя по отношению к своему содержанию. Это абсолютное в первой форме полагает себя как то, что обладает содержанием в единстве и безразличии к себе, это единая субстанция. Во второй форме оно есть проявляющее свое содержание, при этом противопологающее его себе, это есть самоопределение. В третьей форме оно полагает себя как сохранение и утверждение самого себя в актуальном, то

есть различном единстве. Эта третья стадия есть вечно к себе возвращающееся у себя сущее.

Русский философ XX века, А.Ф. Лосев основывает свою философию на античной диалектической методологической базе, в том числе и касаясь вопроса о Троице. К.В. Муравьев убежден, что «Триадология Лосева, соответственно общей особенности интеллектуального творчества мыслителя, имеет два модуса: антично-неоплатонический и христианский» [6, с. 217]. Причина, по которой существуют эти два направления в том, что именно учение о Троице для философа становится камнем преткновения двух противоборствующих сил – философии и богословия, где философия раскрывает диалектику понятия, а богословие онтологическую суть. Логос для А.Ф. Лосева становится диалектическим принципом, в отличие от православного богословия. Все три ипостаси раскрываются в философском ключе. В ипостаси бога Отца обнаруживается двойственность, присущая античному ходу мысли, но при этом свойство и сама Сущность также описываются. Бог Сын предстает как образ Отца и бытие. Святой Дух предстает перед нами как единосущная Жизнь.

Учение о Троице – это одна из самых трудных задач для мышления, которую пытались и до сих пор пытаются решить многие философы и теологи. Законы формальной логики в данном случае бессильны, однако диалектика как философский метод, способна дать подлинное ясное понимание триадического учения. Русская философия, согласно результатам вышеизложенного исследования, показала попытку продолжить диалектическое развитие концепции Троицы.

Идеи, которые описаны выше, открывают для нас безграничные перспективы в области триадологии, так каждое рассуждение философов о троичности при детальном их рассмотрении способно оказать помощь в установлении христианской триадической терминологии как основы (или традиции) для решения проблем познания Бога [12].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Смысл творчества. <http://psylib.org.ua/books/berdn01/txt14.htm>
2. Борзова Е.П. Триадология. Спб., 2005. – 672 с.
3. Булгаков С.Н. Главы о троичности. https://azbyka.ru/otechnik/Sergij_Bulgakov/glavy-o-troichnosti/
4. Лосский В.Н. Апофаза и творческое богословие // Лосский В.Н. Богословие и Боговидение. Сборник статей. М.: Издательство Свято-Владимирского братства, 2000.
5. Лосский В.Н. Очерки мистического богословия Восточной Церкви. https://azbyka.ru/otechnik/Vladimir_Loskij/ocherk-misticheskogo-bogoslovija-vostochnoj-tserkvi/
6. Муравьев К.В. «Два модуса триадологии А.Ф. Лосева». Вестник Русской христианской гуманитарной академии, том 12, выпуск 1. 2011. с. 217-225
7. Соловьев В.С. Чтения о Богочеловечестве. https://azbyka.ru/otechnik/Vladimir_Solovjev/chtenija-o-bogochelovechestve/
8. Спасский А.А. История догматических движений в эпоху Вселенских соборов (в связи с философскими учениями того времени). - Сергиев Посад, 1914. – 648 с.

9. Флоренский П. Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. — М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2012.
10. Фокин А.Р. Рациональные методы обоснования Божественной Троичности в западной и восточной патристике // Философия религии: Альманах. Выпуск III. Восточная литература. М., 2011. С. 95 – 115.
11. Франк С.Л. Непостижимое. https://azbyka.ru/otechnik/Semen_Frank/nepostizhimoe/2
12. Beau Branson, No new solutions to the logical problem of the trinity. – Journal of applied logics – If Colog Journal of logics and their applications. Vol.6, n.6, October, 2019. – p. 1090
13. Müller, R., 2019, The (non-)translatability of the Holy Trinity, HTS Teologiese Studies/Theological Studies 75(1), a5405. <https://doi.org/10.4102/hts.v75i1.5405>.

© Симутина Татьяна Владимировна (spongerbob@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Кубанский государственный университет

ДЕФОРМАЦИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ КАК ФАКТОР ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА

Сирин Сергей Анатольевич

К.ф.н., доцент, ФГБОУ ВО «Иркутский государственный
медицинский университет» Минздрава России
tkostina@gmail.com

DEFORMATION OF LEGAL CONSCIOUSNESS AS A FACTOR OF LEGAL NIHILISM

S. Sirin

Summary: In this article, a socio-philosophical analysis of the deformation of legal consciousness as a factor of legal nihilism is carried out; the directions of the study of legal consciousness and its role for society are considered, the factors of the deformation of legal consciousness and the causes of antisocial behavior from the point of view of the practice of social philosophy are determined; legal nihilism as a social phenomenon, consequence and form of the deformation of legal consciousness are investigated; two of its active forms are defined: legal indifference and legal negativism. In addition, the article presents the author's position on the need to revise the theoretical aspects of legal nihilism. In particular, it is proved that an additional passive form of deformation of legal consciousness is the legal illiteracy of an individual.

Keywords: legal awareness, personality, deformation, antisocial behavior, legal nihilism, indifference, negativism, legal literacy.

Аннотация: В данной статье проведен социально-философский анализ деформации правосознания как фактора правового нигилизма; рассмотрены направления исследования правосознания и его роли для общества; определены факторы деформации правосознания и причины антисоциального поведения с точки зрения практики социальной философии; исследован правовой нигилизм как социальное явление, следствие и форма деформации правосознания; определены две его активные формы: правовая индифферентность и правовой негативизм.

Кроме того, в статье представлена авторская позиция о необходимости пересмотра теоретических аспектов правового нигилизма. В частности доказано, что дополнительной пассивной формой деформации правосознания является правовая неграмотность индивида.

Ключевые слова: правосознание, личность, деформация, антисоциальное поведение, правовой нигилизм, индифферентность, негативизм, правовая грамотность.

Правосознание помимо своей юридической сущности, то есть представлении индивида о нормах права и следование им, может быть предметом научных исследований. С этой точки зрения правосознание — это динамично развивающаяся область исследований, привлекающая все большее число ученых по всему миру.

Социологи и юристы пытаются объяснить, когда и как право становится активным в общественной жизни. Сегодня закон применяется практически повсеместно, а его прямое и косвенное влияние можно обнаружить в самых обыденных и, казалось бы, не правовых взаимодействиях повседневной жизни. В настоящее время невозможно отделить социальное или культурное от юридического содержания жизненных ситуаций, настолько сильна их связь.

Учитывая взаимосвязь между правом и повседневными социальными практиками, остается открытым вопрос об изменении правосознания в случае нарушения адекватного восприятия сферы правового, приданием праву неправовых свойств.

Разные ученые использовали разные подходы к исследованию правосознания. Для одних правосозна-

ние — это способ, с помощью которого люди воспринимают, понимают и действуют в отношении закона [10]. Она включает в себя как познание, так и поведение, как идеологию, так и практику людей, когда они ориентируются в ситуациях, в которых закон может сыграть определенную роль. Другие научные деятели указывают, что правосознание — это не просто правовая осведомленность, которая предназначена для измерения знания или незнания закона. Для них правосознание — это и действия, которые индивид совершает в рамках принятых правовых позиций [5].

Последняя точка зрения является, по мнению автора данной статьи, наиболее точной. Учитывая, что человек - социальный субъект, существующий в обществе, то и рассматривать его правосознание необходимо не только в рамках анализа его представлений, но и с учетом его поступков и действий.

Такой подход к исследованию правосознания с точки зрения последствий гарантирует полноту анализа данного явления, как с точки зрения содержания, так и его роли для общества в целом.

Роль правосознания, как и любой социально-философской категории, оценивается в рамках положитель-

ных или деструктивных влияний на общество. В оптимальном варианте исследуемая социальная категория имеет исключительно положительные последствия – личностное принятие и соблюдение установленного правового регулирования. Во втором варианте человек не расценивает правовые нормы как единственно верные направления допустимого поведения, не следует им как постулатам в социальных контактах. Если в первой ситуации мотивы, цели и причины поведения личности понятны, то во втором – при очевидной деформации правосознания относительно общеприменимой нормы – мотивы, цели и причины поведения личности требуют более детального исследования.

Факторы деформации правосознания различны. Для молодежи, например, это дисфункциональность процесса правовоспитательной деятельности в государстве [11]. Для взрослого населения – несогласие с новой политикой власти, личностные изменения в психологии поведения, события материальной действительности, изменившие представления о роли и значении права. В любом случае, деформация правосознания, выраженная в антисоциальном поведении, может привести к негативным социальным последствиям, которые опасны и вредны для общества.

Термин «антисоциальное поведение» первоначально определялся как повторяющиеся нарушения социально предписанных норм в различных контекстах (например, в школе, дома и обществе) [3].

Такое поведение включает словесную и физическую агрессию по отношению к другим, пренебрежение к авторитетным фигурам, готовность нарушать правила и нарушение социальных норм и нравов общества. В школьных условиях, например, антисоциальное поведение проявляется в форме неповиновения, издевательств, прогулов, воровства, агрессии и, в конечном счете, исключения из школы [4]. Агрессия – физическая, вербальная и жестовая – является отличительной чертой антисоциального поведения. По определению, антисоциальное является противоположностью просоциального, которое характеризуется позитивными, совместными моделями социального взаимодействия [6].

Исследователи и практики социальной философии часто концептуализируют проблемное поведение либо как экстернализирующее, либо интернализирующее поведение. В первом случае термин относится к проблемам поведения индивида, которые направляются извне или недостаточно контролируются (например, агрессия и разрушение). Во втором – к проблемам поведения, которые являются внутренне направленными или чрезмерно контролируемыми (например, соматические жалобы, тревога и депрессия) [7].

Антисоциальное поведение с точки зрения социально-психологических аспектов социальной философии можно рассматривать как подкласс экстернализирующего поведения и основу расстройства поведения, психиатрического диагноза. Это особенно тревожно, учитывая, что расстройство поведения рассматривается как хроническое, пожизненное заболевание, которое часто не поддается тактике, контролируемой взрослыми, и очень устойчиво к усилиям по вмешательству [8].

Антисоциальное поведение, которое в социальной философии рассматривается как предвестник правонарушений и преступности, является слишком распространенной формой поведения как среди современной молодежи, так и взрослого населения. Личностные представления индивида о правилах поведения, о правовых нормах и их принятии являются в такой ситуации факторами формирования антисоциального поведения.

Таким образом, антисоциальное поведение следствие изменения правосознания, смены представлений о нормах права, их роли в обществе и отрицания их соблюдения. Такая характеристика социального поведения давно является объектом изучения социальной философии. Правовой нигилизм как социальное явление исследуется не только как проявления эмоционально-психологической реакции на практику правоприменения, но и с точки зрения отрицания социальной ценности права, либо адекватного воплощения права в какой-либо из присущих ему форм.

По мнению И.Н. Сенина, правовой нигилизм характеризуется, во-первых, юридической некомпетентностью (отсутствием правовых знаний), во-вторых, негативной оценкой права (отрицанием его позитивной роли как способа регулирования общественных отношений), в-третьих, распространенностью навыков и стереотипов неправового и противоправного поведения [12].

В любой из указанных методологий анализа правовой нигилизм рассматривается как следствие или форма деформации правосознания [9].

В научных источниках указывается, что правовой нигилизм проявляется в двух формах: правовая индифферентность и правовой негативизм [13]. При этом индифферентность – это равнодушие, безучастность и безразличие к праву, а негативизм – отрицательное отношение к нему. То есть, правовой нигилизм – это активная форма поведения по отношению к праву, осознаваемая индивидом и реализуемая им на практике.

Вместе с тем, по мнению автора данной статьи, с учетом современных реалий государственности, указанные формы требуют дополнения.

Так, развитие правовой грамотности определены в качестве целей государственной политики Российской Федерации [1].

Указанная цель стала следствием изменения в социально-экономические аспекты современного государства. Сегодня правовая грамотность рассматривается как проблема доступа к правосудию и необходима для обеспечения здоровой демократии. Кроме того, возможность взаимодействовать с экономикой через бизнес может стать важным способом доступа к экономическим возможностям. Однако мир торговли опирается на юридические требования, и понимание этих требований может помочь в соблюдении требований законодательства.

Правовую грамотность людей можно рассматривать как важнейший компонент обеспечения того, чтобы они были полноправными членами общества, способными вносить значимый вклад. Без правовой грамотности люди несут личные, имущественные и иные потери до момента восстановления правовой справедливости, например, в ходе судебных разбирательств. Многие, кто сталкивается с юридическими проблемами, чаще всего ничего не делают для поиска решения или не могут получить помощь или надлежащую юридическую консультацию из-за недостатка информации или отсутствия веры в систему. Такие группы населения, в частности, испытывают трудности с решением юридических проблем или обращением за помощью.

Необходимость учета правовой грамотности и бизнеса стала более острой, поскольку инновации приводят к серьезным изменениям в экономике и способах ведения бизнеса. Эти изменения поднимают множество проблем, которые необходимо решить правительствам, предприятиям и частным лицам, некоторые из которых связаны с юридическими последствиями. Например, экономика совместного использования за короткий промежуток времени разрушила традиционные бизнес-модели, в результате чего правительства и устоявшиеся предприятия столкнулись с тем, как принимать законы и управлять ими. Для отдельных лиц экономика совместного использования может открыть новые экономические возможности для участия и повышения дохода [2].

Однако, для этих людей их правовой статус и обязанности могут быть далеко не ясными, поскольку платформы обмена информацией иногда дистанцируются от ответственности. Это может оставить вовлеченных лиц либо в неведении, либо в лучшем случае неуверенными в своих юридических обязательствах. Очевидно, что в настоящее время правовая грамотность является необходимым компонентом правового социального поведения.

Цель повышения правовой грамотности состоит в том, чтобы обеспечить людям фундаментальные знания о

правовой системе, их законных правах и обязанностях, а также о том, где можно получить помощь, столкнувшись с юридическими проблемами. Такая правовая грамотность может повлиять на восприятие человеком правовой системы, которое может включать знания о преимуществах, справедливости и может привести к моральным обязательствам в отношении правовой системы.

Понятие юридической грамотности относится не только к самим знаниям, но также распространяется на способности и действия индивида в обществе. Правоспособность относится к характеристикам или компетенциям (знаниям, навыкам, психологическим ресурсам) человека, позволяющим ему эффективно решать юридические проблемы, с которыми он может столкнуться. Именно эти личностные характеристики могут быть основополагающими признаками фактического применения правовых знаний в действительности. Соответственно, отсутствие правовой грамотности может выразиться в несоблюдении правовых норм. Такого рода антиправовое поведение является и антисоциальным, так как приводит к негативным последствиям для общества, но выражено пассивной форме (например, не исполнении обязанности по уплате налога ввиду незнания последних изменений в налоговом законодательстве).

Идея повышения правовой грамотности тесно связана с концепциями значимого доступа к правосудию, который включает образовательные программы, доступ к законодательству и стремление к простому языку юридических документов. Аргументы в пользу важности юридической грамотности были сосредоточены на ее связи с теорией общественного договора, знании прав и обязанностей, и в них сводилось к минимуму (или избеганию) проблем. Другие причины, по которым юридическая грамотность считается важной, включают понятия социальной справедливости, а также право требовать справедливости.

С точки зрения общественного договора утверждается, что правовая грамотность может способствовать развитию фундаментальных ценностей правовой системы, в которой человеческое достоинство, порядочность, справедливость, доверие, терпимость и сдержанность способствуют верховенству закона. Благодаря этому юридическая грамотность может привести к уважению закона, которого в противном случае могло бы не быть, поскольку это помогает людям понять его и побуждает их взаимодействовать с правовой системой. Кроме того, благодаря более глубокому пониманию закона это может позволить отдельным лицам отстаивать свои права, поскольку они наделены полномочиями определять, понимать и обеспечивать соблюдение своих законных прав.

Это важно, поскольку без юридической грамотности люди могут не понять, как закон может быть использо-

ван для их защиты, что приведет к массовому юридическому отчуждению. Кроме того, правовая грамотность может привести к тому, что люди будут лучше понимать свои юридические обязательства и, следовательно, смогут избежать юридических проблем.

Напротив, правовая грамотность может привести людей к принятию превентивных мер, которые позволят избежать эскалации и кризисов. Отсутствие правовой грамотности может привести к процветанию коррупции в обществе, поскольку правовая система не используется для поддержания верховенства закона. Кроме того, юридическая неграмотность может сделать людей уязвимыми для использования в мошеннических целях, независимо от того, идет ли речь о первоначальном участии в мошенничестве или о последующих действиях по обеспечению соблюдения их прав. Например, предполагаемые преимущества налогового законодательства часто используются в качестве стимулов или тактики продаж для многих инвестиций и особенно для мошенничества с рискованными инвестициями.

Таким образом, в настоящее время следует пересмотреть представления о сущности правового нигилизма и формах проявления деформации правосознания. В частности, правовой нигилизм в XXI веке может проявляться не только в активной форме поведения по отношению к праву, осознаваемой индивидом и реализуемой им на практике (правовая индифферентность и правовой негативизм), но и в пассивной – правовая неграмотность.

Предлагаемая позиция подтверждается тезисом, ранее указанным в статье И.Н. Сенина о сущностной характеристике правового нигилизма в части юридической некомпетентности, то есть отсутствия правовых знаний.

Предлагаемая к анализу форма характеризуется пассивностью в поведении (выражена в бездействии в части обучения или изучении права), может не осознаваться индивидом (например, ввиду отсутствия в ней потребности), а также не выражается в конкретных действиях личности. Вместе с тем ее социальные последствия для индивида и общества в целом – негативны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан (утв. Президентом РФ 4 мая 2011 г.) // [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55071558/>.
2. Авдокушин Е.Ф. Экономика совместного потребления: сущность и некоторые тенденции развития // Экономический журнал. 2019. С. 6–12.
3. Бочанцева Н.И. Антисоциальное поведение учащихся профессиональных образовательных учреждений как психолого-педагогическая проблема: из опыта работы // Педагогический ИМИДЖ. 2018. С. 177–182.
4. Дубинин С.Н. Агрессивное поведение у детей и подростков как одна из форм девиантного поведения // Сибирский педагогический журнал. 2011. С. 98–103.
5. Ковалев И.А. Анализ определений и сущности правосознания // Молодой ученый. 2013. № 5 (52). С. 396–399.
6. Логвинова М.И. Про социальное поведение: социально-психологический анализ // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2021. С. 1–6.
7. Левченко А.О. Влияние интернализации и экстернализации на поведение и поступки людей // Символ науки. 2018. С. 100–102.
8. Ларионова С.О. Девиантное поведение: социальный, психологический и педагогический аспекты // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2011. С. 187–192.
9. Подольский В.В. Правовой нигилизм как особая форма деформации правосознания в современной России // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2017. С. 121–127.
10. Рыбаков В.А. Правосознание: к вопросу о понятии // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2015. С. 23–28.
11. Руденко К.И. Факторы деформации правосознания молодежи // Теория и практика общественного развития. 2015. С. 1–4.
12. Сенин И.Н. К вопросу о понятии правового нигилизма // Омский научный вестник. 2006. С. 268–274.
13. Шевченко К.Ю. Правовой нигилизм как особая форма деформации правосознания в современной России // Юридические науки. 2016. С. 1–5.

© Сирин Сергей Анатольевич (tkocmina@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТRENДЫ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

TRENDS IN INTERNET COMMUNICATION AMONG YOUNG PEOPLE

L. Smetankina
E. Mazyayeva

Summary: In the article, in the context of the concept of information society, the authors analyze the place and role of Internet communication in the socialization of youth, identify threats, dangers and constructive prospects associated with this type of mediated interaction, explore specific forms and features of self-determination and the realization of subjectivity in the Internet space.

Keywords: digital personality, socialization in the Internet space, Internet status of the individual, social integration of the individual.

Сметанкина Людмила Васильевна

д.ф.н., профессор, ФГКВБОУ ВО «Военная орденов Жукова и Ленина Краснознаменная академия связи имени Маршала Советского Союза С.М. Буденного»

Министерства обороны Российской Федерации
lsmetankina.umo@mail.ru

Мазяева Евгения Андреевна

к.ф.н., старший преподаватель, ФГКВБОУ ВО «Военная орденов Жукова и Ленина Краснознаменная академия связи имени Маршала Советского Союза С.М. Буденного»

Министерства обороны Российской Федерации
belka5-85@yandex.ru

Аннотация: В статье в контексте концепции информационного общества авторы проводят анализ места и роли интернет-коммуникации в социализации молодёжи, выявляют угрозы, опасности и конструктивные перспективы, связанные с данным типом опосредованного взаимодействия, исследуют специфические формы и особенности самоопределения и реализации субъективности в интернет-пространстве.

Ключевые слова: цифровая личность, социализация в интернет-пространстве, интернет-статус личности, социальная интеграция индивида.

Роль современных информационных технологий неоспорима, без них в настоящее время невозможно представить ни одну из сфер жизнедеятельности общества. Связано это в первую очередь с их коммуникационной функцией, играющей в современном информационном обществе ведущую роль. Именно интенсивная коммуникация не только обеспечивает тесную взаимосвязь и интенсивное взаимопроникновение основных сфер социальной жизни (экономической, политической, социальной и духовной), но и позволяет ускоренными темпами проводить изменения в нашу объективную реальность. Информационное общество – общество стабильно постоянной динамики, а, следуя выводам Элвина Тоффлера, «изменение – это процесс, посредством которого будущее вторгается в нашу жизнь, и важно внимательно на него смотреть не только с точки зрения истории, но и с точки зрения живых, дышащих людей, которые переживают это» [1, с.4]. В силу того, что молодёжь, являясь авангардом цивилизации, находится на гребне изменений и активно использует их, представляется возможным, анализируя ее поведение в информационном пространстве, оценить вектор социальных изменений, обусловленных глубоким проникновением информационных технологий не только в ткань общества, но и глубоко в сознание каждого его члена.

Велико влияние ИТ-технологий на формирование сознания подрастающего поколения благодаря непрерывно расширяющейся линейке новых возможностей, что, несомненно, выступает благом, дает простор для

самореализации и удовлетворения высших потребностей личности, при этом очевидны новые угрозы, которые связаны с ухудшением социального настроения, падением духовности и нравственности, ростом экстремизма (интернет-активность становится предпосылкой офлайн-активности) в молодежной среде, свидетельствующего о низкой социальной адаптации молодежи, формировании у нее асоциальных установок. Осложняет проблему еще непреодоленные социально-экономические, мировоззренческие, идеологические кризисные явления, переживаемые обществом на современном этапе развития. Основные институты социализации молодежи, готовящие ее к взрослой жизни и отвечающие за будущее социума, демонстрируют нерегулируемость и некоторую социальную отсталость (и это объяснимо, социальные институты, будучи продуктами исторического развития, достаточно консервативны в отношении любых изменений и зачастую не успевают соответствовать требованиям момента), чего нельзя сказать об интернете – лидере предоставления информации о мире и жизни.

Интернет перевернул давно устоявшиеся модели социально-экономической, политической и культурной организации жизни, изменил личность. На наших глазах идет становление инновационно-культурной – сетевой среды. Если лет десять назад мы говорили о необходимости «электронной готовности» человека для того, чтобы стать участником глобальной информационной сети, сегодня речь идет о «цифровой» личности, нахо-

дящейся под властью интернета – «особого контекста и канала коммуникации», который вывел функционирование языка «на уровень интернет-дискурса», со свойственными ему особыми ценностями [2, с. 84]. Стало очевидным что уровень социального капитала личности теперь определяет индивидуальный информационный капитал, ценный лишь как источник материальной или морально-психологической выгоды.

Интернет-виртуальность открыла человеку безграничные возможности для самореализации, общения, купли-продажи и т.д., нивелировала дистанцию между бытом и работой (дистанционная работа стала трендом в период пандемии COVID-19), хобби (увлечение кулинарией, изготовлением мыла, бижутерии, сладких букетов и других товаров и услуг, не относящихся к массовому производству, позволяющих заработать в интернете не выходя из дома) и реализацией гражданско-правового статуса (например, выражение гражданской позиции посредством электронного голосования), развлечением (онлайн-концерты, вечеринки, стримы) и обучением (дистанционное образование от школы и вуза до курсов переподготовки и повышения квалификации).

Интернет-пространство – искусственно созданная виртуальная среда – стало аналогичным пространству социальному, в нем те же социальные институты: экономические, политические, культурные, духовные и другие со всем многообразием их функций, групповыми процессами, стоит лишь освоить информационные технологии и усвоить информационную культуру. То есть, даже процессы социализации в определенном смысле переносятся на просторы интернета, что не может не оказывать влияния на личность, как субъект интернет-социализации, так и общество в целом. Согласно данным отчета Digital, по состоянию на конец января 2021 г. из 7,83 млрд людей планеты количество интернет-пользователей – 4,66 млрд человек, т.е. 59,5% [3], из 145,9 млн россиян – 124 млн являются пользователями интернета. Уровень проникновения интернета в России – 85,0%, среднестатистический россиянин-интернет-пользователь в интернете проводит 7 ч. 52 мин. каждый день [4].

Сегодня социализация (качественные изменения потребностно-мотивационной сферы и структуры самосознания индивидуума) личности происходит в киберпространстве. Под влиянием информационно-коммуникационных технологий формируются жизненные и морально-этические установки, регулирующие поведение верных почитателей Всемирной паутины – подрастающего поколения. Около трети российских 15–18-летних молодых людей все свободное время проводят в интернете [5], ставшем «зоной комфорта». Такое положение вещей сигнализирует о ряде психологических проблем, связанных с формирующейся интернет-зависимостью, выбором молодого человека в пользу

виртуального мира взамен реального: эйфорией от пребывания в Сети и агрессией вне ее, потерей контакта с родственниками и друзьями, утратой ощущения времени, отстраненности от жизненных процессов и т.д.

Интернет-виртуальность в отличие от управляемого пространства манит молодежь безграничной информационной емкостью, оперативностью, опосредованностью, простотой, открытостью, динамичностью, демократичностью, психологической комфортностью. Для них Всемирная сеть – возможность не стесняться своей внешности, т.к. отсутствует фейс-контроль; позиционировать себя под псевдонимом, так называемым сетевым именем – никнеймом (ник может отражать интересы, либо просто быть оригинальным (например, никнеймы девушек: Черничка, ★ ПриНЦеСкА★, ДА ★ ША, ♪В ритм с моим ♥; парней: ТотСамый, Солнечный парень, Crazy_4elovek [6]), есть никнеймы для игр, Инстаграма, стрима, Скайпа, Ютуба, и других социальных сетей), кому-то это позволяет уйти от неблагозвучного имени или неприличной фамилии; притворяться и казаться лучше или быть самим собой, не подстраиваясь под аудиторию; без стеснения обсуждать вопросы, которые сложно задать взрослым (например, «Она мне нравится, а я ей нет. Что делать?», «Как сказать маме, что я забеременела?») или проблемы (буллинг и ответ на него и др.); уйти от неудовлетворенности реальностью и попытаться прожить иную, лучшую жизнь, «какую захочешь ты» в условиях виртуальности.

В отличие от традиционных институтов социализации Интернет-ресурсы, обладающие интерактивными качествами, несут угрозу информационно-психологической безопасности индивидуума, вызывая изменения в сферах его сознания. Они вытесняют имеющиеся у человека представления, ценностно-смысловые образования, заменяя их новыми, не соотносящимися с целями его личностного роста. Так, недостоверная, лживая, порождающая иллюзии, информация затрудняет адекватность восприятия индивидом действительности, понимания самого себя. Заведомо ложная информация, расширяя субъективную реальность человека, разрушает единое духовное (информационное – его составляющая) пространство государства, традиционные устои (морально-этические каноны жизни), общественную нравственность.

Очень популярен среди юных пользователей интернета, в особенности – даркнета – жанр крипипаста, представляющий собой коротенькую страшную историю, распространяющуюся через форумы, соцсети, сайты. Современная крипипаста восходит к традиционному японскому жанру, призванному напугать читателя – кайдан. Как феномен, этот жанр не нов, анализируя его истоки, можно увидеть крипипасты во всех детских сообщениях, в которых обязательно рассказываются страшил-

ки по типу «в одном черном-черном городе...», однако перенесенные на просторы всемирной паутины детские крипипасты приводят к трагедиям. Потому что тех героев, которых следует бояться в крипипасте дети боятся в реальности, не осознавая грани между ней и вымыслом.

Кроме того, крипипасты способны вызвать в обществе моральную панику – социальный феномен, заключающийся в распространении истерии по поводу явления, которое может представлять угрозу для всего общества. Опасность, воспринимаемая как реальная, приводит к агрессии в адрес носителя опасности (агрессия может быть, как физическая, так и институциональная, применение санкций, штрафов, арест).

Иногда моральные паники вырастают из крипипаст, так произошло с группами смерти, такими как Синий кит. Сюжет крипипасты очень прост: подросток вступил в интернет группу, где куратор предлагает выполнять задания от невинных (нарисовать одуванчик), до более страшных (принести вред себе или другому живому существу). Последнее задание – совершить суицид. Если подросток хочет выйти из игры его преследует психологический прессинг.

Вспомним развитие истории моральной паники с Синим китом:

- в медийном пространстве появилась группа родителей, чьи дети совершили самоубийства, они обвинили группы смерти ВКонтакте;
- в мае 2017 года в Новой газете появилась статья, которая прямо обвинила синий кит в доведении до суицида;
- в 2017 году дискуссия перешла с просторов интернета на ТВ;
- информацию о группах смерти стали распространять в школах, садах, массовые рассылки смс о готовящемся массовом суициде подростков;
- власть принимает законы об ограничении доступа в интернет;
- с 2017 года – закон об уголовной ответственности за создание групп смерти [7].

Моральная паника строилась на страхе, что человека можно довести до самоубийства через игру, то есть кто-то может контролировать поступки человека. Происходит движение информации, которая была ошибочно понята из сети в реальный мир.

Крипипасты отражают реальные социальные страхи сообществ: дети боятся пространств (странное место), подростки – людей (злой человек), взрослые – ситуаций.

В какой-то мере, как ни парадоксально, интернет-общества зачастую можно отнести к закрытым, в которых возможно наблюдать феномен девиаций в замкнутом

пространстве («безумцы на корабле» – после периодов продолжительного штиля люди устраивают чудовищные вещи – оргии, каннибализм, тотальную моральную деградацию). Отсутствие любых визуальных раздражителей на корабле, невозможность с него сойти заставляют людей терять связь с общественным в себе, с личностью, возвращают в животное состояние. Те же процессы происходят и в закрытых интернет-сообществах.

Страх занимает весьма внушительное место в общественных отношениях. Страх – эмоция, которая имеет как физиологическую, так и социальную детерминацию. Среди детерминант страха можно назвать среду (природная, антропогенная, культурная, городская и др.); культуру (страх социального или морального неодобрения); тело (физиологическая реакция страха); личность (подверженность разная у разных типов личности) и социальный субъект (различная склонность к страхам на разных этапах социализации).

Интернет рождает огромное количество новых страхов, которые уже трудно отнести к социальными, ведь они порождены не обществом, а информационным пространством и «жизнью» в этом пространстве. Среди интернет-страхов отмечаются следующие:

1. Страх потери воспоминаний, доказательств, страх не завершить начатое, невозможность контролировать (например, облачные сервисы, которые кажутся ненадежными, потому что не имеют материального носителя, существующего в реальном мире).
2. Страх потери реальной жизни и возможности выбирать – жизнь онлайн, отсутствие жизни офлайн, потеря смысла жизни, самоактуализации.
3. Страх расчеловечивания (загадочность и непубличность алгоритмов). Каждый из нас оставляет цифровой след в интернете, именно по этому следу алгоритмы оценивают, что нам нужно. Пытаясь предугадать наши настроения, желания и интересы. Это вызывает настоящую жуть, так как образ человека с точки зрения алгоритма похож на механический набор элементов. За этим страхом следует страх тотального контроля над человеком.
4. Страх слежки и размывания границ. Благодаря цифровому следу становится невозможным хранить секреты. Нет ничего личного, все может стать публичным. Стекланный мир П. Платонова победил [7].

Интернет, задумываясь изначально как место, где человек сможет получить мгновенный доступ к конструктивной, полезной информации, насыщен деструктивным контентом, развивается индустрия треш-стримов (шок-контенты блогеров и стримеров, посвященные убийствам, кибербуллингу, детской порнографии и др.), размещение последних в даркнете (компьютерные сети, назначение которых – анонимная передача информации, в обычном поисковике их не найти) не гарантиру-

ет их выход в открытые, общедоступные веб-ресурсы. Например, широкую огласку получило видео, в котором стример в ночь с первого на второе декабря 2020 г. по просьбе зрителя выставил подругу в одном белье на балкон, вследствие чего девушка замерзла. Стример внес бездыханное тело, положил на диван и продолжил эфир [8]. Этот и подобные ему треш-стримы калечат неустойчивую психику молодых людей, ставших свидетелями ужасающих реалий.

В сознании молодежи легко посеять ненависть социальную, национальную, расовую. Интернет изобилует агрессивно-депрессивными сообществами, призывающими к расправе над всеми подряд. Так, в 2015 г. Мосгорсуд осудил пятерых молодых людей, называющих себя «чистильщиками», за желание «очистить город» от алкоголиков и бомжей. Молодые убийцы познакомились «в правых группах в «ВКонтакте», вроде Time to hate». Они лишили жизни более 15 человек [9]. План массового убийства «биомусора» незадолго до расстрела в казанской школе 11 мая 2021г., унесший жизни девяти человек, опубликовал в своем Telegram канале «Бог» 19-летний молодой человек [10]. Несмотря на чудовищное преступление в Сети появилось большое количество ресурсов, героизирующих, романтизирующих казанского преступника [11].

Попытки противостояния деструктивному контенту в интернете предпринимаются, например, только за три месяца 2019 года из соцсети Facebook было удалено 4 млн единиц контента, призывающего к изоляции людей какой-либо этнической принадлежности, расы, религии, касты, инвалидности или болезни; 33,6 млн – пропаганды насилия; 6,4 млн – терроризма. Однако, данным Национального антитеррористического комитета, вербовка в экстремистские организации в основном ведется в соцсетях. Неуравновешенные, не способные критически мыслить, психически неустойчивые молодые люди – контингент, с которым работают вербовщики террористов посредством личной переписки, что обеспечивает их «неуловимость». Усугубляет проблему открытость Сети, объединяющая людей [12].

В реальном мире статус молодых людей отличается неопределенностью, они испытывают трудности при самоопределении и реализации своей субъектности. Интернет устраняет эту проблему, предоставляя возможность приобрести в Сети определенный статус, который молодой человек может менять с учетом своих целей, интересов и способностей. Интернет-статус может быть предписанным, выходящий в Сеть не пользуется маской виртуальности, каков статус в реальной жизни, таков и в Интернете, и, достигаемым – пользователь с низким статусом в реальности завоевывает авторитет в Сети. Так, интернет стал каналом социально-виртуальной мобильности молодежи. Популярность,

приобретенная индивидом в интернете как автора творческих проектов, которые получили известность, имеет шанс быть признанной в реальности и стать основой для последующей социальной мобильности (правда сегодня это пример не подобный Олегу Куваеву, создателю в нулевых серии flash-мультфильмов про Мясню, а TikTokera Дани Милохина, его токсичную популярность используют в своих целях представители шоу-бизнеса и даже «Сбер»). Это еще одна из функциональных сторон интернета.

Российская молодежь, оказавшаяся в условиях социального исключения, с трудом интегрируется в социальное пространство реальности. Интернет как средство, обеспечивающее механизм интегрированности в систему социальных коммуникаций, в большинстве случаев является лишь иллюзией включенности, которая распадается, как только индивид покидает Сеть. Это приводит к формированию противоречивого пространства социальной и виртуальной реальности в сознании индивида, что не позволяет кардинально и оптимально решать проблемы социальной интеграции молодежи в общество, а лишь на ситуативном уровне снижает негативный эффект от реальной ситуации социального исключения.

Как средство коммуникации и реализации молодым человеком своей субъектности интернет решает проблемы ограничения социальной мобильности молодежи, ее исключения из единого процесса социально-профессиональной преемственности. Интернет изобилует технологиями, необходимыми для достижения высокого статуса в Сети, например, публикация игрового видео либо производство уникального контента посредством видеосъемки, копирование действий своих кумиров, создание онлайн-контента и др. Однако, в интернете, как и в обычной жизни люди не всегда достигают успеха честным путем, и это не удивительно, ведь интернет-пользователи – реальные люди, переносящие свои ценности/ антиценности, установки и привычки в Сеть. Так, среди молодежи чрезвычайно популярны челленджи – скандальные «вызовы», «удачные» мгновенно делают их авторов популярными и богатыми (пример – антигерой, «голос поколения» Моргенштерн, открыто противопоставляющий себя обществу и использующий каждый выплеск ненависти в свой адрес как инфоповод).

Приведенные примеры способов виртуальной интеграции, формирования определенного виртуального статуса пользователей в сети, доказывают, интернет – влиятельный агент социализации.

Статус молодежи в силу возраста, отсутствия жизненного и трудового опыта, зависимости от родителей отличается маргинальностью, многие молодые люди испытывают трудности при самоопределении и реализации своей субъектности в реальной жизни. Чтобы

изменить такое положение необходимо не только получить образование, окончить техникум (вуз), но и стать самостоятельным (устроиться на работу, «оторваться от родителей», образовать свою семью и т.п.). На это требуется время, желание, усилия. А интернет в одночасье, без проблем и требований развиваться, преодолевать трудности позволяет молодому человеку изменить статус, надеть на себя никнейм, вместе с успешностью его героя и завоевывать виртуальный мир без усилий и по собственным правилам.

В интернете, как в реальной жизни статус может быть предписанным и достигаемым. Интернет-пользователь, входящий в сеть без никнейма, обладает предписанным статусом, не отличающимся от реального, соответственно, авторитет и в жизни, и в интернете прямо пропорционален статусу.

Статус пользователя в Сети зависит и от умения пользоваться искусственным языком интернета. Интернет-культура – культура подачи информации и коммуникации пользователей в интернете, отражается в специальном сленге (аббревиатура позволяет уменьшать объем текста и экономить время; смайлики и эмодзи – репрезентовать эмоции, оживить виртуальное общение).

Интернет с сформировавшимися в нем культурно-этическими, символическими особенностями, определяющими характер и тип интернет-коммуникации, можно рассматривать как субкультуру. А субкультура – один из агентов социализации молодежи. В интернет-среде формируются такие равносильные социальной реальности универсальные для пользователей ценности как солидарность («Бессмертный полк онлайн» и др.), взаимопомощь («Виртуальная Рында», «Соседи» и др.), альтруизм (свободный файлообмен, wiki-проекты и др.), корпоративность.

Интернет-пользователи имеют самые различные мотивы для общения, что определяет стратегии коммуникации. Относительно культуры общения, особенно среди молодежи, она оказалась под влиянием средств телекоммуникации.

По данным, приведенным в докладе Центра «Сова» о преступлениях ненависти, совершенных по мотивам

этнической, религиозной и т.п. вражды: среди пострадавших категории «этнических чужаков» в 2020 году – уроженцы Центральной Африки (4 избитых; в 2019 г. – 3 убитых, 11 – избитых), Кавказа (1 убитый и 8 избитых; 2019 г. – 1 избитый); люди не идентифицированной «неславянской внешности» (2 избитых; в 2019 г. – 3 избитых). Из общего ряда выделяется убийство 17-летнего студента мединститута из Республики Азербайджан, совершенное с особой жестокостью в июне 2020 г. в Волгограде. Член ультраправой организации, нанесящий молодому человеку 20 ножевых ранений, задался целью «убить нерусского» [13].

Интернет стал значимой частью жизни молодежи, формирующей ее облик и духовное содержание. Однако, далеко не все происходящее в Сети, можно одобрить и принять. С засильем антинравственной и антиморальной информации, угрожающей моральным устоям общества (детская порнография, экстремистские контенты, неонацистские, нелегальные онлайн казино и др.) необходимо непрестанно бороться (запретить эту практику вряд ли возможно, одна из причин – запрет какой-бы то ни было цензуры).

Средства телекоммуникации изменили культуру общения, особенно среди молодежи. Виртуальный формат общения не требует мобилизации мышления, предоставив время для «правильного» реагирования и обдумывания обсуждаемого вопроса. Не требуется, так же и умение метко использовать слова, быстро выявлять суть ситуации и определения ее контекста. Это снижает остроту мышления, а неумение метко использовать слова в реальном общении и быстро выявлять суть ситуации, определять ее контекст приводят к неуверенности в себе, расстройству личности. Общение стало имманентным явлением, появился сетевой язык, речь.

Молодежь испытывает трудности интеграции в социальное пространство реальности, механизм интегрированности в систему социальных связей и коммуникаций ей обеспечивает интернет, но этот способ включенности растворяется, как только индивид выходит из Сети, что формирует в сознании индивида противоречивое пространство социальной и виртуальной реальности, осложняет решение проблемы социальной интеграции молодежи в общество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тоффлер Э. Шок будущего. – АСТ, 2002. – 122 с.
2. Попова Д.А. Цифровая личность как центральный элемент межперсонального интернет-дискурса // Вестник Брянского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2019. № 2. – С. 84-91.
3. Цифра дня: сколько человек в мире пользуются интернетом? // [Электронный ресурс] – URL: <https://news.rambler.ru/internet/45705599-tsifra-dnya-skolko-chelovek-v-mire-polzuyutsya-internetom/>

4. Интернет и соцсети в России в 2021 году – вся статистика // [Электронный ресурс] – URL: <https://www.web-canape.ru/business/internet-i-socseti-v-rossii-v-2021-godu-vsya-statistika/>
5. Исследование: треть российских подростков все свободное время проводят в интернете // [Электронный ресурс] – URL: <https://mel.fm/novosti/5130796-issledovaniye-podrostki>
6. Красивые псевдонимы «никлеймы» // [Электронный ресурс] – URL: <https://ladyeve.ru/vsyakoe/pseudonimy-kak-pridumat-krasivyy-pseudonim-niknejm.html>
7. Филоненко К. Путеводитель по современным страхам. Социология стрёма. – АСТ, 2020. – 272 с.
8. Треш-стрим как образ жизни // [Электронный ресурс] – URL: <https://expert.ru/expert/2020/51/tresh-strim-kak-obraz-zhizni/>
9. Депрессивно-агрессивный контент в социальных сетях, как средство для использования «обработанной» молодежи. // [Электронный ресурс] – URL: <https://narasputye.ru/archives/3158>
10. «Убью огромное количество биомусора». Бойня в казанской школе. Что известно на данный момент // [Электронный ресурс] – URL: <https://strana.ua/news/332602-strelba-v-kazani-hlavnoe-o-terakte-v-shkole-175-i-strelke-ilnaze-haljaviye.html>
11. СМИ: стрелка из Казани поставили на учет как склонного к суициду // [Электронный ресурс] – URL: <https://ptoday.ru/proisshestiya/smi-strelka-iz-kazani-postavili-na-uchet-kak-sklonnogo-k-suitsidu/>
12. Сколько в интернете агрессии и преступности? Что не так с методами борьбы с ними? // [Электронный ресурс] – URL: <https://tass.ru/obschestvo/6703517>
13. «Potius sero, quam pupquam»: преступления ненависти и противодействие им в России в 2020 году // [Электронный ресурс] – URL: https://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2021/02/d43593/#_Тoc63099885

© Сметанкина Людмила Васильевна (lsmetankina.umo@mail.ru), Мазяева Евгения Андреевна (belka5-85@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Военная орденов Жукова и Ленина Краснознаменная академия связи имени Маршала Советского Союза С.М. Буденного

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД: ПЕРСПЕКТИВА СТАБИЛИЗАЦИИ АНТРОПОГЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА БИОСФЕРУ

Смирнов Сергей Владимирович

К.ф.н., доцент, Елабужский институт (филиал)
Казанского (Приволжского) федерального университета
sunstability@yandex.ru

DEMOGRAPHIC TRANSITION: THE PERSPECTIVE OF STABILIZING THE ANTHROPOGENIC IMPACT ON THE BIOSPHERE

S. Smirnov

Summary: The purpose of the present study is to identify the dynamics of the planet's population as a factor that determines the scale of anthropogenic impact on the biosphere. The article discusses the features of the change in the population of the Earth in a historical context, characterizes the concept of demographic transition as a global trend of the current stage of development of society. The reasons influencing the dynamics of population growth are revealed, the relationship between the population of the Earth and the scale of manifestation of human activity in nature is emphasized. As a result of the study, the idea of the prospect of stabilizing the anthropogenic impact on the biosphere due to the cessation of the growth of world population is substantiated.

Keywords: biosphere, planet, demographic transition, anthropogenic impact, population, man, nature.

Аннотация: Целью представленного исследования является выявление динамики численности населения планеты как фактора, определяющего масштаб антропогенного воздействия на биосферу. В статье рассматриваются особенности изменения численности населения Земли в историческом контексте, характеризуется концепция демографического перехода как глобальный тренд современного этапа развития общества. Выявляются причины, воздействующие на динамику роста численности народонаселения, подчеркивается связь между численностью населения Земли и масштабами проявления человеческой деятельности в природе. В результате исследования обосновывается мысль о перспективе стабилизации антропогенного воздействия на биосферу обусловленную прекращением роста мирового народонаселения.

Ключевые слова: биосфера, планета, демографический переход, антропогенное воздействие, народонаселение, человек, природа.

Последняя четверть XX – начало века XXI – эпоха роста глобальной экологической нестабильности. Загрязнение окружающей среды, уничтожение естественных ландшафтов, уменьшение видового многообразия биогеоценозов приводят к изменению интегральных параметров биосферы – теплового и радиационного балансов земной поверхности, химического строения литосферы, атмосферы и гидросферы, объемов биомассы и биологической продуктивности экосистем и т.д.

Наблюдаемые явления далеко не всегда имеют антропогенно-детерминированный характер. Климатические изменения, к примеру, в значительной степени обусловлены космическими и геологическими факторами – колебаниями интенсивности солнечного излучения, прецессией угла наклона земной оси к плоскости ее орбиты, вулканическими явлениями и т.д. Изменения видового многообразия экосистем могут определяться явлениями сукцессионной смены сообществ возникающих под воздействием таких естественных причин как пожары, ветровалы, биологические инвазии. Загрязнение окружающей среды может являться следствием ветровой или водной эрозии, массового цветения растений, береговой абразии и т.д.

Несмотря на существующие естественные причины, нельзя не признавать всё увеличивающуюся интенсивность антропогенного воздействия на биосферу, темпы которого особенно возросли, начиная, со второй половины XX века.

Основным фактором, определившим рост масштабов воздействия человека на биосферу, стало увеличение численности населения Земли и соответствующее этому умножение его потребностей в биологических и минерально-сырьевых ресурсах.

Рассмотрим, в соответствие с поставленной целью, особенности динамики численности населения Земли в историческом контексте.

В течение многих веков со дня появления «на свет» человека разумного, его численность была крайне невелика. Считается, что десять тысяч лет до нашей эры на Земле проживало лишь около 4 млн. человек [1].

Данная численность является настолько незначительной, что человек не оказывал сколь-нибудь заметного воздействия на биосферу. Примитивные технологии

добычи ресурсов, жесткая зависимость от природных условий, антисанитария и т.д., ограничивали темпы роста народонаселения которые, в то время, колебались в пределах нулевых значений. Локальные экологические кризисы, если таковые имели место, легко компенсировались биосферой за счет того, что человек просто менял географию своего проживания, позволяя нарушенным экосистемам естественным образом восстанавливаться.

Ситуация стала изменяться с изобретением земледелия и скотоводства, в эпоху так называемой «неолитической революции». Переход к самостоятельному производству продуктов питания, позволил человеку обрести относительную независимость от природы, перейти от приспособления, к ее активному преобразованию. Человечество, «освоив земледелие, открыло первую страницу современной цивилизации. И с тех пор вся история биосферы пошла по новому руслу, ибо человек начал создавать искусственный кругооборот веществ, несвойственный «бесчеловечной биосфере» [2, с. 31].

Развитие земледелия и скотоводства привело к росту масштаба негативного антропогенного воздействия на биосферу. Так, увеличение популяций домашнего скота уничтожающего растительный покров, вызывало опустынивание земель. Выжигание и вырубка лесов под пахотные угодья, приводило к снижению уровня рек и грунтовых вод, способствовало развитию ветровой и водной эрозии. Следствием интенсивной ирригации становилось засоление почв, приведшее, в свое время, к гибели земледельческих цивилизаций Шумера, Индаи Месопотамии.

Причиной ухудшения экологической ситуации стало увеличение численности населения Земли. Так, к началу нашей эры, на Земле проживало уже около 200–250 млн. человек [3, с. 40]. В тоже время невысокий уровень развития сельскохозяйственных технологий, бесконечные войны, эпидемии, сохраняющаяся зависимость от «капризов» природы способствовали тому, что даже к 1500 году нашей эры эта численность составляла лишь около 500 млн. человек [3, с. 41].

Данные обстоятельства ограничивали масштабы негативного воздействия человека на биосферу лишь территориями с высокой плотностью населения.

В эпоху становления капиталистических отношений, в демографической динамике происходит резкий перелом.

Возникновение науки, рационализировавшей сознание людей, развитие образования и медицины, познакомивших человека с методами лечения болезней, основами санитарии и гигиены, замещение тяжелого малопродуктивного ручного труда трудом механизированным, расширение пищевой базы (имевшее

место в эпоху Великих географических открытий, познакомивших европейцев с новыми сортами культурных растений), способствовали повышению качества и продолжительности жизни человека.

Следствием перечисленных обстоятельств стал тот факт, что за четыре столетия – с 1500 по 1900 годы, численность народонаселения Земли выросла почти в четыре раза, миновав в 1820 году отметку в 1 млрд. человек [3, с. 41].

Увеличение численности населения Земли, сопровождалось хищническим истреблением природы. Так, уже к XVI веку сведение лесов в Европе привело к острому дефициту древесины и росту цен на дрова [4, с. 41]. Три столетия спустя были практически уничтожены экосистемы Нового света. Отмечается, что до открытия европейцами Северной Америки, «весь восток США до реки Миссисипи был покрыт густыми лесами. ...К середине XX века из 170 млн. га лесов Атлантического побережья сохранилось только 7-8 млн. га, в основном вследствие повторных облесений и искусственных преобразований. Затем были освоены Великие равнины за рекой Миссисипи, и прерии превращены в зону экстенсивного земледелия. Естественные экосистемы сохранились только высоко в горах и в засушливых районах» [5].

Параллельно идет процесс снижения видового многообразия. К началу XX века был уничтожен странствующий голубь – вид, максимальная численность которого до прихода европейцев в Северную Америку достигала от 3 до 5 млрд. особей. В это же время были практически истреблены американские бизоны, бесчисленные стада которых паслись на огромных территориях от побережья Атлантического океана до Скалистых гор.

Во второй половине XX века темпы прироста народонаселения достигли пиковых значений. Так, лишь за 12 лет, с 1987 по 1999 год население планеты выросло с 5 до 6 млрд. человек. Это дало основания говорить о так называемом «демографическом взрыве» – резком увеличении численности населения за счет значительного превышения рождаемости над смертностью [6].

Следствием демографического взрыва стало дальнейшее увеличение антропогенного воздействия на биосферу. Так, по данным экологов, в настоящее время «человечество ежегодно потребляет более 5 млрд. т. полезных ископаемых и 3 млрд. т. растительной массы. За последние 100 лет извещено 2/3 лесов; в настоящее время лес уничтожается со скоростью 20 га в минуту, в результате 19% суши грозит превращение в пустыню. Земля деградирует со скоростью 44 га в минуту. ...Только в результате человеческой деятельности в атмосферу ежегодно выбрасывается 10 млрд. т. углекислого газа. Резко истощаются ресурсы питьевой воды. За послед-

ние десятилетия XX в. вымерло 34 вида млекопитающих. Сегодня под угрозой вымирания – почти 1000 видов позвоночных и 25 тыс. видов растений» [7, с. 62].

Планету охватил глобальный экологический кризис преодоление, которого, «требует концентрации сил и ресурсов всего мирового сообщества задачей которого, становится не просто обеспечение устойчивого развития человечества в гармонии с окружающей средой, но его выживание как биологического вида» [8, с.23].

В историческом контексте, таким образом, численность населения Земли изменялась достаточно неравномерно. Ее первое увеличение было связано с достижениями неолитической революции позволившей человечеству перейти от потребляющего, к производящему хозяйству. Второе – со становлением капиталистических отношений, следствием которых стало развитие производительных сил и повышения уровня жизни населения Земли. Одновременно с ростом численности, отмечается, и рост масштабов воздействия человека на природу, в настоящее время, приведший к возникновению ситуации глобального экологического кризиса.

Охарактеризуем, далее, концепцию демографического перехода.

В настоящее время численность населения Земли составляет более 7,7 млрд. человек и продолжает увеличиваться [9].

Но этот рост обеспечивают в основном отсталые страны Африки южнее Сахары. Остальной мир находится в условиях заключительной фазы демографического перехода.

Демографический переход – это процесс снижения рождаемости и смертности, при котором воспроизводство населения сводится лишь к простому замещению поколений. Концепция демографического перехода была разработана в 1909-1934гг. французским демографом А. Ландри [10]. Термин «демографический переход», был предложен в 1945 году американским демографом Ф. Ноутстайном.

Как особый процесс, демографический переход включает в себя следующие фазы.

Первая фаза демографического перехода связана с высокой рождаемостью, высокой смертностью и незначительным приростом населения. Данная фаза характеризовала общества первобытной эпохи. В настоящее время на данной стадии демографического перехода находятся первобытные племена, обитающие в бассейнах рек Конго и Амазонки.

Вторая фаза характеризуется высокой рождаемостью, пониженной смертностью и высокими темпами прироста населения. Данная фаза связана с переходом от охоты и собирательства к земледелию и скотоводству. Данную стадию в настоящее время переживают отсталые страны Азии и Африки.

Для третьей фазы характерно дальнейшее снижение смертности и ее последующая стабилизация на относительно низком уровне. Одновременно происходит уменьшение рождаемости. Темпы естественного прироста замедляются. Данная фаза берет начало одновременно с формированием в Европе капиталистических отношений. В конце XX века на данном этапе находился ряд стран Латинской Америки.

В условиях четвертой фазы естественный прирост сокращается вплоть до нулевых показателей. Первым регионом, вступившим в заключительную фазу демографического перехода, стала Европа. В конце XX века, к ней присоединились США, Канада, Япония и Австралия, прошедшие пик прироста населения еще в XIX–XX веках. В начале века XXI, к этим странам присоединились государства Юго-Восточной Азии.

Процесс демографического перехода, таким образом, в настоящее время приобретает характер глобального тренда. Его причин несколько. Это и перенос традиций малодетности, характерных для развитых стран на страны развивающиеся, пропаганда методов контрацепции, рост ВВП и повышение стандартов личного потребления, улучшение качества питания, рост доступности медицинского обслуживания, урбанизация и т.д.

Завершение демографического перехода дает основание утверждать о перспективах стабилизации численности населения Земли. Так уже к концу XXI века, согласно прогнозам ООН, ожидаемый прирост мирового народонаселения будет составлять не более 1%. К 2150 году численность населения Земли стабилизируется, и будет составлять около 11160 млн. человек (на 2022 год – 7948 млн. человек) [9].

Существует, конечно, немалая вероятность того, что к 2150 году «благодаря» неразумной хозяйственной деятельности глобальные параметры биосферы станут несовместимы с условиями существования человечества и последнее просто исчезнет. Тем не менее, прекращение, пусть и в достаточно отдаленной перспективе, роста численности населения Земли вкупе с дальнейшим развитием науки и техники, придачей им экологических функций, позволит планете вынести тяжесть антропогенного давления на биосферу, тем более, что, по мнению экспертов Международной организации питания, «в настоящее время на планете достаточно пространства и ресурсов для того, чтобы в принципе можно было

обеспечить питанием 20–25 миллиардов человек» [11].

Снижение и последующая стабилизация темпов роста народонаселения Земли дает возможность надеяться на относительную сохранность экологических систем до настоящего времени не затронутых, или слабо затронутых хозяйственной деятельностью человека. Данные экосистемы охватывают северную часть Евразии, большую часть Канады и Аляски, бассейн реки Амазонки. «Именно они вместе с Мировым океаном с его пока еще слабо возмущенными экосистемами, подобно тем китам, что, по представлениям древних, поддерживали нашу Землю, вносят решающий вклад в сохранение стабильности биосферы, позволяя ей более-менее успешно противостоять растущему год от года антропогенному прессу» [3, с. 259].

Демографический переход, таким образом, иллюстрирует процесс постепенного замедления темпов прироста мирового народонаселения с перспективой его дальнейшей стабилизации на нулевом уровне. Данный процесс дает основание утверждать о возможности сохранения относительно нетронутых экологических систем выполняющих функцию нейтрализации последствий негативного воздействия человека на биосферу [12].

Выявление особенностей динамики численности населения планеты как фактора, определяющего масштаб антропогенного воздействия на биосферу, позволяет нам сделать следующие выводы:

1. Вплоть до эпохи неолитической революции, численность населения планеты была незначительна. Начало ее увеличения связано с переходом от присваивающего, к производящему хозяйству.
2. Становление капиталистических отношений, связанных с механизацией производства, с развитием науки, образования и медицины, привело к резкому увеличению темпов роста населения, к возникновению ситуации так называемого «демографического взрыва».
3. Начиная с конца XX века, мир вступает в эпоху демографического перехода – глобального тренда постепенного снижения темпов прироста народонаселения Земли с перспективой его стабилизации на уровне простого замещения поколений.
4. Завершение демографического перехода дает надежду на обеспечение относительной сохранности экологических систем до настоящего времени не затронутых хозяйственной деятельностью человека, обеспечив их роль в поддержании глобальной стабильности биосферы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Население Земли: численность, плотность, динамика [Электронный ресурс] <https://rosinfostat.ru/naselenie-zemli/> (дата обращения 20.01.2022).
2. Моисеев Н.Н. Еще раз о проблеме коэволюции // Вопросы философии. 1998. № 8. С. 26-33.
3. Данилов-Данильян В.И., Рейф И.Е. Биосфера и цивилизация: в тисках глобального кризиса. – М.: ЛЕНАРД, 2019. 316 с.
4. Козлова М.С. Эволюция: Универсальный подход. эволюция человека. Экологические аспекты истории. Эволюция мировоззрения. Прогнозы глобальных катаклизмов. М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2018. 120 с.
5. Источники экологических опасностей. Пути гармонизации экологических отношений [Электронный ресурс] <http://www.refsr.ru/referat-19138-2.html> (дата обращения: 28.01.2022)
6. Демографический взрыв в мире: причины, последствия и пути решения [Электронный ресурс] <https://delta-eco.ru/drugoe/demograficheskij-vzryv-v-mire-prichiny-posledstviya-i-puti-resheniya.html> (дата обращения: 20.01.2022).
7. Александрова Г.Е. Нравственная ответственность ученого перед обществом в современном мире // Архивариус. 2016. № 6(10). С. 58-63.
8. Смирнов С.В., Курманалиева А.Д. Роль философии в осмыслении глобальной экологической проблематики // Коэволюция и ноосфера: исследования, аналитика, прогнозирование. 2019. 3(9). С.22-26.
9. Department of Economic and Social Affairs Population Dynamics [Электронный ресурс] <https://population.un.org/wpp/> (дата обращения: 20.01.2022).
10. Ландри А. Демографическая революция // Демоскоп Weekly. 2014. № 611–612. 22 сентября – 5 октября 2014 [Электронный ресурс] <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0611/nauka02.php> (дата обращения: 20.01.2022).
11. Капица С.А. Модель роста населения Земли и предвидимое будущее цивилизации [Электронный ресурс] <http://www.svom.info/entry/254-model-rosta-naseleniya-zemli-i-predvidimoe-budushe/> (дата обращения: 22.01.2022).
12. Горшков В.В., Горшков В.Г., Данилов-Данильян В.И., Лосев К.С., Макарьева А.М. Биотическая регуляция окружающей среды // Экология. 1999. №2. С. 105-113.

© Смирнов Сергей Владимирович (sunstability@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИМЕЕТ ЛИ СМЫСЛ ОТСТАИВАТЬ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ?

Ярославцева Анна Владимировна

К.ф.н., доцент, Новосибирский государственный
медицинский университет
almarlis@yandex.ru

DOES IT MAKE SENSE TO DEFEND UNIVERSAL MORAL VALUES?

A. Yaroslavtseva

Summary: The study is devoted to the problem of upholding moral values (resistance to wrong), more precisely, the factors that determine the possibility of its successful solution. Since without understanding the nature of values (meanings), the ways of their embodiment in historical, social, cultural reality, the biosphere, it is impossible to defend universal values; the problem under consideration is of vital, practical importance for a person and his happiness; there is a need to raise the question of the consequences of an axiological and moral choice, to defend a choice that allows to create communities, culture, civilization, to be human, – the subject of research is the logical, psychological and empirical properties of values that can claim the status of "universal"; individual opportunities that open up in case of conscious acceptance of the mentioned values, finding the corresponding meanings in human existence. It is argued that state-building, historical progress and economic development, as well as other creativity, are impossible without a sustained adherence to fundamental, universal values, among which the principles of morality occupy a worthy place. Principles, meanings, goals that don't have the properties of self-applicability, realizability in the community, the ability, if embodied, to improve the position of the individual and society, to ensure the preservation and the widest possible distribution of the good, cannot become an imperative of creative action, and in case of attempts to implement, they are doomed to degradation of projects based on them. Everything that's an object of pride, the basis of prosperity and the guarantee of the future success of men is, in fact, the achievements of good people who defend universal moral values.

Keywords: values, moral values, creativity, state building, history, economics, sustainable development.

Аннотация: Исследование посвящено проблеме отстаивания нравственных ценностей (сопротивления злу), точнее, факторам, обуславливающим возможность ее благополучного решения. Поскольку без понимания природы ценностей (смыслов), способов их воплощения в историческую, социальную, культурную реальность, биосферу, невозможно отстаивать фундаментальные ценности; рассматриваемая проблема имеет жизненно важное, практическое значение для человека и его счастья; существует необходимость поставить вопрос о последствиях аксиологического, в том числе, нравственного выбора, выступить в защиту выбора, который позволяет создавать общности, культуру, цивилизацию, быть человеком, – предметом исследования являются логические, психологические и эмпирические свойства ценностей, которые могут претендовать на статус «общечеловеческих»; отдельные возможности, которые открываются в случае сознательного принятия упомянутых ценностей, нахождения соответствующих смыслов в человеческом существовании. Основными выводами проведенного исследования являются три взаимосвязанных утверждения: государствообразование, исторический прогресс и экономическое развитие, равно как иное творчество, невозможны без устойчивой приверженности общечеловеческим ценностям, достойнейшее место среди которых занимают принципы нравственности. Принципы, смыслы, цели, которые не обладают свойствами самоприменимости, реализуемости в общности, способностью в случае воплощения улучшать положение индивида и общества, обеспечивать сохранение и максимально широкое распространение блага, не могут стать императивом созидающего действия, а в случае попыток реализации, обрекают на деградацию проекты, на них основанные. Всё, что составляет предмет гордости, основу благоденствия и залог будущих успехов человечества, по сути является достижениями хороших, отстаивающих общечеловеческие нравственные ценности, людей.

Ключевые слова: ценности, нравственные ценности, творчество, государствообразование, история, экономика, устойчивое развитие.

Введение

История знает много прекрасных примеров отстаивания фундаментальных, достойных стать принципами всеобщего законодательства [3, с. 240], «общечеловеческих» ценностей, сопротивления злу [6]. Возможно, настоящая, подлинная история человечества *состоит* из этих примеров. В ситуации, когда имеет место и ощущается недостаток развития, прогресса, процветания, изобилия, достоинства, целостности, творчества – который вправе быть охарактеризованным как избыток зла и упадка, – может наблюдаться недостаток надежды на лучшее; возникнуть потребность в подкреплении этой надежды за-

служивающими доверия верованиями [7].

Примеры успеха, а также возникшие в ходе обобщения исторического опыта технологии сопротивления злу [9; 12], постулирование необходимости сопротивления злу [2] решают эту задачу, но только отчасти. Одним из аспектов избавления от страха и обретения надежды на лучшее, т.е. воплощенное нравственно ценное, является уверенность стремящегося к благу человека в собственной способности к его достижению. Повседневный опыт может подрывать эту уверенность, однако из опыта не всегда делаются правильные выводы.

О препятствиях к тому, чтобы сделать правильные

выводы, писал И.А. Ильин: «полное отсутствие всякого сопротивления, и внешнего и внутреннего, требует, чтобы прекратилось осуждение, чтобы стихло порицание, чтобы *возобладало одобрение зла*. Поэтому несопротивляющийся злу рано или поздно приходит к необходимости уверить себя, что зло – не совсем плохо и не так уж безусловно есть зло, что в нем есть некоторые положительные черты, что их притом немало, что они, может быть, даже преобладают. И лишь по мере того, как ему удастся уговорить себя, заговорить свое здоровое отвлечение и уверить себя в близине черноты, – угасают остатки сопротивления... приятие незаметно становится цельным... душа... приспосабливается и уподобляется...» [2]. В наши дни мы можем столкнуться с убежденностью, что нравственно дурное чем-то полезно, в том числе для тех, кто наиболее от него страдает; что есть веские (в частности, экономические) причины сохранять, сберегать, поддерживать аморальные уклады (неофеодализм или неорабование) и образы действия (насилие, жестокость). Столкнуться даже с надеждой на развитие в компромиссе, объединении, сотрудничестве с теми, кто безнравственен, и оценкой ситуации как безнадёжной, если договоренности не будет.

Цель исследования показать, каким образом возведение в ранг ценностей обладающих определенными свойствами принципов способствует творчеству, созиданию в повседневных практиках. После обсуждения источников нравственности [13] имеет смысл снова и снова говорить о последствиях ее возникновения, к каковым относятся культура, цивилизация, наука, право..., существующие только благодаря созидающей, бережной, доброй силе хороших (отстаивающих общечеловеческие нравственные ценности) людей. Рассмотреть вопрос о связи между нравственностью и творчеством, которая хотя и имеет признаки некоей логической очевидности, совершенно лишена эмпирической явственности в повседневной жизни, в социальной сфере, хозяйственной деятельности, государственностроительстве, воспитании, образовании, медицине, – то есть, во всех областях приложения человеческих сил, в которых имеет смысл отстаивать фундаментальные ценности. Знание ответа на вопрос, почему важно придерживаться определенных, а не безразлично каких, нравственных ценностей, следовать нравственному идеалу, быть хорошим человеком, знание возможностей, которые такой образ мышления и действия открывает, помогло бы избавиться от сомнений в бескомпромиссном отстаивании свободы, справедливости, природы и иных основ нашего существования.

Исследование посвящено демонстрации того, как следование некоторым, обладающим определенными свойствами нравственным принципам создает государства и иные общности; творит историю; обеспечивает эффект успеха, процветания деятельности людей.

Непротиворечивая система само-непротиворечивых ценностей как необходимое условие существования сложноорганизованных общностей

Рассмотрим связь нравственности и творчества в государственностроительстве. Достаточно очевидно, что ценности играют важнейшую роль в процессе возникновения и жизнедеятельности государств: *государство не может быть учреждено и существовать без права и, следовательно, нравственности*.

Во-первых, нравственные ценности логически связаны с пониманием (интерпретацией) природы человека, отражаются в праве. Применительно к современным государствам, комментарий к Статье 17 Части 3 Конституции Российской Федерации прямо говорит о связи упомянутой конституционной нормы с золотым правилом нравственности: «Комментируемое положение Конституции проистекает из естественного сочленства индивида в обществе, в котором только и возможно его становление как личности, и в этом смысле является атрибутивным свойством человеческой личности и потребностью социального развития; одновременно оно заключает в себе воспринятый Конституцией и в силу этого выступающий в качестве общеобязательного веления императив морали. В связи с этим данное предписание адресовано не только гражданам; оно в равной мере обращено к законодателю и правоприменителю, обязанным в принимаемых ими актах обеспечить принципы социальной солидарности, т.е. учитывать все многообразие общественных и индивидуальных интересов, их сочетание и взаимодействие, без чего эволюционное развитие общества и государства как рациональной организации публичной власти для достижения общих целей невозможно. Из указанного принципа, лежащего в основе социального и юридического статуса личности в ее коллективном бытии и воплощающего фундаментальную презумпцию практической морали, так называемое «золотое правило поведения»: *поступай по отношению к другому так, как ты хотел бы, чтобы он поступал по отношению к тебе*, проистекают в конечном счете все основные обязанности человека и гражданина, в том числе гражданские, этико-социальные и другие, конкретизируемые в отраслевом законодательстве» [5]. Комментарий к Статье 17 Части 1 в том же источнике констатирует, что «права и свободы человека и гражданина представляют собой общечеловеческую [нравственную] ценность» [5]. Иными словами, *нравственные ценности становятся нормами права, нормы права делают общеобязательными ранее имевшие сослагательный характер нравственные ценности*.

Поскольку в государствообразующем договоре речь идет не только о правах и свободах гражданина (обретаемых вместе с гражданством, принятых в государстве),

но также о правах и свободах *человека* (естественных, присущих от рождения, неотчуждаемых, непосредственно вытекающих из достоинства личности), другие части системы права также распространяются не только на граждан, но и на людей, не являющимися гражданами государства, в котором принято конкретное правовое регулирование, – обнаруживается вторая фундаментальная связь между нравственностью и правом: *право апеллирует к человеку и гражданину, основная роль в формировании которых принадлежит нравственности; понятие «человека» и «гражданина» присутствуют в праве, в том числе, как этические категории.*

Человек с нравственной точки зрения характеризуется человечностью – в первую очередь милосердием, состраданием, – то есть конкретными, определенными нравственными качествами [13]. Быть гражданином с нравственной точки зрения означает обладать способностью чувствовать, которая позволяет знать, *что* есть благо, волей, которая способна сделать своей целью общее благо, разумом, который позволяет сформировать концепцию прав и свобод, стать участником общественного договора, в котором договаривающиеся стороны обретают правоспособность а также права и свободы, которые они гарантируют друг другу, обязываются ценить, уважать, соблюдать в отношении друг друга, – то есть обладать всем необходимым для того чтобы быть человеком с нравственной точки зрения. Иными словами, отсутствие необходимых условий для того, чтобы быть гражданином, *также* исключает возможность быть человеком с точки зрения этики, вследствие чего закономерно, что утрата человеческого достоинства в связи с утратой человечности влечет за собой поражение в отдельных гражданских правах.

Во-вторых, *основу государственности не могут составлять противоречащие друг другу, не составляющие систему ценностей, поэтому выбор ценностей, которые могут составить основу государственности, ограничен, не является делом случая.* Невозможно место золотого правила нравственности использовать его полную противоположность в качестве основания системы права, вместо текущей интерпретации природы человека – любой произвольно взятый альтернативный вариант.

В силу логических причин и природы реальности права и свободы могут быть реализованы только на условиях «взаимности», то есть в том случае, когда права и свободы одних не ущемляют прав и свобод других, и когда одни права и свободы не препятствуют реализации других прав и свобод субъекта. В непротиворечивой системе ценностей, составляющей основу современной государственности, так и есть: право на жизнь никак не ущемляет права на справедливый суд, справедливый суд обеспечивает, в том числе, право на жизнь; досто-

инство одного человека не является препятствием для достоинства другого; здоровье третьих лиц не терпит ущерба от того, что некто реализовал это право; моя благоприятная для жизни и здоровья окружающая среда не может закончиться там, где начинается чужая, она может быть только одна для всех в силу, как минимум, биологического сходства и всеобщей взаимосвязи жизни на планете, etc.

Однако требованию непротиворечивости в описанном смысле удовлетворяют далеко не все комбинации и системы ценностей, поэтому выбор ценностей, которые могут быть положены в основу различных форм социальной организации, включая государство, ограничен, обусловлен не только чистым волеизъявлением, – оно обязано считаться с чем-то вне себя.

Пример несовместимых, противоречащих друг другу прав и свобод: если у кого-то есть право убивать, пострадает право на жизнь третьих лиц и самого субъекта, если его право убивать не является исключительным; если некто отстаивает право унижать, умалять честь и достоинство – честь и достоинство неопределенного круга лиц, включая обладателей этого неисключительного права пострадает. Право на жизнь исключает право на убийство, право на убийство исключает право на жизнь.

Здесь мы, вместе с тем, обнаруживаем, что *выбор ценностей, которые могут составить основу государственности, ограничен не только требованием системной непротиворечивости, но и требованием реализуемости в общности.* Чтобы ценность могла быть реализуема в общности любого размера, она не должна быть само-опровергаемой, обнаруживать само-противоречивую природу в случае распространения более чем на одного субъекта.

Некоторые из теоретически возможных прав и стоящих за ними ценностей не могут воплотиться в социальных институтах именно потому, что не могут быть реализованы в общности любого размера. Поскольку группа «ценностей», которые теоретически могут претендовать на статус государствообразующих, но практически не могут этого делать, потому что допускают наделение вытекающими из ценностей правами и свободами только одного субъекта (если ими будут наделены двое, всё равно по ходу реализации останется только один), главный вывод: утверждающие ценности такого рода никогда не договорятся, не смогут создать Конституции, т.е. образовать государство для совместного мирного проживания и созидательного труда на общее благо.

Важное замечание: подобного результата (невозможность образовать государство как форму общежития) можно достигнуть также раскалывая общество путем противопоставления ценностей, которые не являются

противоречащими и попытки убедить в само-противоречивости ценностей, которые таковыми не являются, путем формирования негодных верований. Так, сытость противопоставляется свободе, созданное руками человека – дарам природы (например, охрана природы может считаться несовместимой с существованием удовлетворительной транспортной инфраструктуры), дети и старики – взрослым (одновременно угодить детям и взрослым не получится, будто бы у детей и взрослых взаимоисключающие интересы), больные – здоровым, интересы людей постулируются как противоречащие интересам нечеловеческих форм сущего (животным и растениям) – якобы естественное право на жизнь животных или растений исключает право на жизнь людей. Все это служит обоснованием для отказа в декларируемых конституционных правах или отказа в наделении конституционными правами, вытекающими из общечеловеческих ценностей.

Данными противопоставлениями, ложными дилеммами с навязываемым выбором, задаются представления о человеке, его благе, благополучии, нормальности, о том, как устроен мир, искусственно заужается горизонт доступного жизненного опыта.

Резюме: только удовлетворяющие двум названным условиям ценности и закрепляющие их нормы права могут претендовать на статус «общечеловеческих», обеспечить возникновение и жизнеспособность государств. Благополучное государство возникает вследствие решимости отстаивать непротиворечивую систему само-непротиворечивых, «общечеловеческих», ценностей. Понятно, что мораль и право эволюционируют и делают это в единственно возможном направлении, – в сторону всё более широкого распространения систем ценностей, правовых отношений, выражающих всё более ясное понимание того, какие ценности и правовые нормы могут быть распространены в максимально разнородных и обширных общностях. Отказ от движения в этом направлении, неготовность основывать государство на ценностях, удовлетворяющих перечисленным требованиям, делает невозможным существование государства и, по аналогии, иных общностей.

Свойства ценностей, обуславливающих исторический прогресс

Если в предыдущем разделе говорилось о требованиях к ценностям, принятие которых *делает возможным* образование сложноорганизованных общностей, в частности, государства, продолжим рассуждение описанием требований к ценностям, которые позволяют каждому участнику сложноорганизованной общности *хотеть* воплощения заявляемых целей, принципов и *желать* успеха тем, кто их поддерживает, следует им. Вносить вклад в социальное развитие, культурное творчество используя

все свои силы, не встречая внутреннего сопротивления, *быть свободной движущей силой перемен к лучшему.*

Соглашаясь с двумя важнейшими тезисами Джулии Херманн, утверждающей, что изменения на уровне убеждений (моральный прогресс) и изменения на уровне институтов и социальных практик (исторический прогресс) глубоко взаимосвязаны, и что невозможно провести четкое различие между моральным прогрессом в убеждениях и моральным прогрессом в социальных практиках (между моральным и историческим прогрессом) [15], отметим в качестве исходного пункта рассуждений факт, что за любым историческим сдвигом, в том числе за обретением представителями вида *homo sapiens sapiens* прав и свобод, за расширением концепции естественного права на животных, стоит моральная активность индивидуумов и обществ. Общая подоснова упомянутой моральной активности – новые культурные смыслы, ценности, которые объединяли, вдохновляли, побуждали людей изменять социокультурную реальность. Помимо *логических* требований, обеспечивающих совместимость с золотым правилом нравственности, данные ценности удовлетворяли другому условию – их воплощения *можно было желать.*

Не всего люди могут хотеть. Логически и практически возможное иногда может даже не рассчитывать на согласие, одобрение, принятие человечества, а невозможное – обрести его. Согласие не раздается невольно и случайно. Если не все может быть предметом мечтаний, то есть ли что-нибудь, что отличает те культурные смыслы, ценности, которые становятся желанными в качестве цели и приводят к историческим сдвигам, помимо тех логических требований, которые позволяют им стать краеугольным камнем в фундаменте сложноорганизованных общностей? Ведь если люди не хотят – как можно заставить их делать без принуждения и надзора то, что не стало желанным. Насколько они после этого будут способны к творчеству, созиданию? Все ли может быть согласовано с волей человека, любые ли культурные смыслы, культурные коды. Антиутопии исходят из того, что человек абсолютно пластичен в нравственном отношении, то есть, лишен свободы воли, но так ли это эмпирически (насколько массовой может быть готовность «перейти последнюю черту» [1])?

Иногда люди жертвуют жизнью для достижения желаемого (признание прав и свобод досталось дорогой ценой; как справедливо отмечает Э. Фромм, многие пожертвовали жизнями за свободу [11]). Любые перемены сопряжены с рисками для тех, кто их продвигает. Что побуждает человека жертвовать всем прочим ради реализации базисных, фундаментальных ценностей?

Человек *не способен* идти на риски, самопожертвование, быть мотивирован в творчестве желанием ухудшить

свое положение. Способен принять, в частности, страдание как средство избавления от еще худшего страдания, но не способен желать страдания в качестве конечной цели. *Помимо логических (формальных) требований к ценностям, которые являются основой любого, в том числе исторического творчества, существуют содержательные требования к нравственным ценностям, которым они, обусловленные свободой нравственного существования, должны удовлетворять.* Невозможно свободно оказать предпочтение худшему.

Никто не может желать зла себе, а золотое правило нравственности вынуждает не желать наихудшего другому. В любом случае есть те, то, что человек любит, и чему он не может желать зла. Нравственный идеал задает представление о лучшем, что делает возможным социальные преобразования. Необходимое свойство ценностей, целей, принципов, которые позволяют каждому участнику сложноорганизованной общности *хотеть* воплощения заявляемых целей, принципов и желать успеха тем, кто их поддерживает, следует им, и, следовательно, вносить вклад в социальное развитие, культурное творчество, используя все свои силы, не встречая внутреннего сопротивления, – во-первых, обещание лучшего для индивидуума, во-вторых – общего блага.

Иными словами, нравственный идеал становится желанным только в случаях, когда он удовлетворяет двум простым условиям: он призван улучшить положение творца истории как индивидуума, призван улучшить положение не немногих избранных, а многих, неограниченного круга лиц. Чем более высоким является нравственный идеал, который хочет воплотиться в социальном развитии, культурном творчестве, чем откровеннее он воплощает идею блага для всех, – тем он желаннее, тем меньше внутреннего сопротивления он встречает, тем больше сторонников он может приобрести, тем больше вероятность, что некоторые из сторонников будут готовы пожертвовать жизнью для его реализации.

Воля направленная к благу – залог индивидуального развития, воля направленная к общему благу – необходима для исторического развития. Желание блага для ограниченного круга лиц не может стать основой исторического прогресса – только желание расширить круг лиц, на которых распространяется благо, может стать его основой. *Без желания добра для всех не будет истории, в которой имеет место рост социального благополучия и прогрессивное развитие;* история регресса, в ходе которой утрачивается социальное благополучие и возможности к развитию, предполагает прямо противоположные стремления.

Ценности, возникающие вследствие нравственно обусловленного культурного творчества, принципы нравственности, которые, будучи распространенными

в общности, позволяют извлекать личное благо каждому участнику общности, не требуют «жертвенного» поведения, т.е. поступков с причинением «пользы» другим членам общности с одновременным причинением вреда себе, допускают и требуют общего блага, также являются ценностями, удовлетворяющими логическим требованиям, необходимым для создания общности любого порядка, могущие претендовать на статус общечеловеческих.

Таким образом не может быть конечной целью ценность, которая, в случае ее утверждения усугубит страдание индивидуума и обеспечит массовость страдания или какого-бы то ни было иного зла. Нравственность вынуждает развиваться, в том числе, общества и культуры в сторону уменьшения страдания, обеспечивает перемены к лучшему. Лучшее и худшее дается в чувствах, а с чувствами нелегко спорить, их свидетельства сложно опровергнуть весомыми рациональными доводами, равно пред-
рассудками, искренними заблуждениями ума.

Нравственность как основа экономического благополучия

Если мы приняли ценности, которые могут стать руководящими принципами сложноорганизованной общности, если эти ценности не встречают волевого сопротивления, то что мы можем получить и получаем в результате? «Благо в ощущениях» – благоприятный чувственный опыт, в том числе, в экономическом смысле этого слова, т.е. в виде материального благосостояния.

В хозяйственной деятельности, которая, по сути, является важнейшей разновидностью человеческого творчества, преимущественно достигается именно желаемый эффект. Любая область приложения сил, в которой задействуется человеческий труд, основывается на каких-то общих этических идеалах. Недостатки моральной, ценностной культуры, отсутствие в основании деятельности общечеловеческих принципов является причиной многих проблем не только в медицине [16]. Действуя, в том числе выступая в качестве хозяйствующего субъекта, человек проявляет имеющиеся способности, знания, качества личности, включая нравственные качества.

Невозможно получить социальное благополучие вследствие экономической деятельности, если хозяйствующие субъекты не озабочены социальным благополучием; или чистую, здоровую, устойчивую (богатую природными ресурсами – источниками материального благосостояния, самоподдерживающуюся в изобилии) окружающую среду, если хозяйствующие субъекты в этом не заинтересованы.

В Японии четыреста лет назад этический кодекс периода Токугавы провозгласил, что «коммерческая деятель-

ность» «должна осуществляться не только в интересах бизнеса, но и в интересах общества» [14]. Этот нравственный идеал укоренился в корпоративной культуре Японии, сейчас социальную ответственность многие японские компании видят в «пожизненной занятости, экологически сознательных производственных процессах, ориентированных на клиента продуктах и услугах, а также безопасности продукции» [14]. Следование обозначенному принципу принесло долголетие бизнесу. Приверженность общепринятым этическим ценностям, с точки зрения авторов, способствует капитализации компаний, экономическим успехам в следующих областях: «новые возможности для роста, снижение операционных расходов, снижение риска государственного вмешательства, повышение удовлетворенности и производительности сотрудников, ... оптимизация активов» [14].

Современность предлагает бизнесу рост, устойчивость (сохранение естественных экосистем, «природного капитала») и инклюзивность («возможность продуктивной работы и удовлетворительной жизни для всех граждан») для фундаментального улучшения жизни и средств к существованию. Авторами провозглашается необходимость «выйти за рамки защиты жизни и средств к существованию и взяться за решение более серьезной задачи: улучшить их», а также неразрывная связь между экономическим ростом, устойчивостью и вовлечением, – поскольку невозможно достичь «процветания и благополучия или оплатить переходные периоды, необходимые для того, чтобы сделать экономику более устойчивой и инклюзивной, без роста», без устойчивости невозможно «обеспечить рост для нынешнего поколения и будущих поколений», без инклюзии – «спрос, необходимый для стимулирования роста» [17].

Несмотря на констатацию фактов значимости нравственности «для успешного функционирования современных организаций, ... их устойчивого развития в будущем, формирования благоприятной репутации и роста конкурентоспособности на рынке» [8, с. 106], существования «гарантий сохранения предпринимательства как деятельности... вне рыночных отношений и не столько в сфере политики государства, сколько в сфере культуры и морали» [4, с. 158], попытки призвать отечественный бизнес быть этическим встречают сопротивление, создавая проблемы для культуры, общества и природной окружающей среды. У сопротивления есть причины, – во-первых, ставшие традиционными характерные особенности предпринимательской, хозяйственной деятельности, как-то: отсутствие привычки «рассматривать потребителя как главную фигуру бизнеса», наличие обыкновения «рассматривать народ как средство для реализации своих целей» [4, с. 159]; отсутствие осознания необходимости ценностного роста для разворачивания своего дела; пренебрежение к праву, только частично обусловленное его несовершенством [4, с. 160].

Во-вторых, уровень зрелости общества, в котором осуществляется хозяйственная деятельность, цивилизационного развития: тезис «бизнес вне морали» естественным образом получает поддержку и воспроизводится в хозяйственных практиках общества, делающего «первые робкие шаги» на пути рационального предпринимательства [10, с. 232]. В постсоветском пространстве совершенно ненормальным считается предъявлять крупным корпорациям, известным брендам или мелким бизнесам этические требования, тем более странно было бы ждать после предъявления таковых их удовлетворения.

Требования сохранения уже имеющихся благ и как можно более широкого распространения производимых вследствие социокультурно обусловленной деятельности благ – являются необходимыми условиями чувственного благополучия. Если в ходе деятельности уничтожаются уже имеющиеся, предшествующие и являющиеся ее необходимым условием блага, деятельность не принесет чувственного благополучия. Если деятельность служит все большему ограничению доступа к благам – она не принесет чувственного благополучия обществу, при этом есть основания полагать, что также и субъекту деятельности, не будет рассматриваться как движение к лучшему или как хорошее.

Проблемы, которые отмечают упомянутые авторы (неуловимость экономического роста; эндемичность и разрастание бедности, т.е. отстранения значительной части человечества от благ цивилизации; необходимость инвестиций для сохранения окружающей среды) – *следствия деятельности не направленной на сохранение уже имеющихся благ и не нацеленной на как можно более широкое распространение благ произведенных. Поддерживать естественный порядок легко, для поддержания порядка неестественного требуются колоссальные усилия. Именно создание, поддержание и углубление неравенства равных от природы требует непомерных вложений; разрушение естественного порядка и препятствование его восстановлению дорого обходится. Следование в противоположном направлении удовлетворяет требованиям движения к нравственно лучшему (нравственного прогресса): обуславливающей возможность согласия обладающих сознанием существ заботы одновременно об индивидуальном и общем благе, и обуславливающей возможность совместного действия непротиворечивости ценностей-целей.*

Заключение

Основная роль нравственности – быть необходимым условием, обуславливать возможность созидания чего бы то ни было, что обладает ценностью и, вследствие этого, может существовать достаточно продолжительное время. Неучастие в строительстве организованных общностей, не обладающих достаточным жизненным

потенциалом, обреченных на краткое и бесславное существование подразумевает следование ценностям, которые могут быть реализованы совместно, и которые при последовательном воплощении не ограничивают до предела, до индивидуума круг лиц, могущих извлечь из их реализации благо.

Следующая составляющая сопротивления злу вытекает из способности добра обеспечивать прогрессивные изменения, – творить историю развития человечества, – за счет желания лучшего для себя и для всех, *благодаря воли*. Как без способности желать лучшего для себя не может быть индивидуального развития, так без способности желать хорошего для неограниченного круга лиц не может быть социального, культурного, исторического прогресса. Свобода воли подразумевает, что желанным может быть как прогресс (изменения к лучшему), так и регресс (изменения к худшему). Существуют принципы, в защиту которых не может быть массовых движений, достигающих успеха, – могут быть только отдельные лица и группы, пользующиеся тем, что их ценности не разделяет подавляющее большинство и за счет этого получающие преимущество.

Поскольку только высокий нравственный идеал может быть движущей силой перемен, основой исторического прогресса, важнейшим способом поддержать изменения к лучшему является поддержка тех, кто к нему стремится. Если стремление к худшему становится доминирующим, получает гарантированную возможность не считаться с мнением оппонентов, давить их прямым физическим насилием, получать моральную поддержку и даже вполне себе действенную защиту от покорно-«пассивного» большинства, не сталкивается со сколь-нибудь серьезным сопротивлением, – оно возобладает и станет основой индивидуальной и социокультурной деградации. Важнейший способ не уподобляться злу – научиться не быть к нему добрым; и, вследствие доброты

ко злу, как бы неосознанно, незаметно, не становиться жестоким, несправедливым к добру.

Для того чтобы что-то сделанное, обустроенное, организованное человеком могло существовать и приносить пользу, оно должно воплощать фундаментальные ценности. Верно и обратное – всё устойчиво существующее, приносящее пользу – воплощает фундаментальные, общечеловеческие ценности. Благоприятный чувственный опыт, жизненное благополучие – естественное следствие стремления к благу и практик взаимодействия с окружающей средой, которые основываются на неисключающих принципах сохранения и неограниченного распространения (обеспечения максимально возможной доступности) хорошего, позволяющих любому человеку (в современности – живому существу) стать благоприобретателем.

Ценность создаваемого в государствовоительстве, историческом творчестве, хозяйственной деятельности (а также в иных областях приложения человеческих сил) обусловлена воплощением основного принципа нравственности; и это основная причина, по которой необходимо противостоять противоположному, по меньшей мере путем неслужения, несотрудничества, несоучастия. Непременная составляющая любого сопротивления злу – не служить ему, не исполнять просьбы, не позволять ему пользоваться *созидающей силой добра*.

Именно следование общечеловеческим нравственным принципам делает творчество осуществимым, позволяет каждому участнику сложноорганизованной общности заниматься созидательным, творческим трудом. Как от природы мы получаем все необходимое для нашего существования, так, следуя принципам нравственности, мы получаем все необходимое для творчества, – мысли, воля и чувства хороших людей – необходимая причина изменений к лучшему.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беттельхейм Б. Люди в концлагере [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/book/bettelheym_bruno/lyudi_v_kontslagere.html (дата обращения: 15.12.2021).
2. Ильин И.А. О сопротивлении злу силою [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ivan_Ilin/o-soprotivlenii-zlu-siloyu/ (дата обращения: 15.12.2021).
3. Кант И. Основы метафизики нравственности // Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 4. Ч. 1. М.: Академия наук СССР Институт философии, Издательство социально-экономической литературы «Мысль». 1965. С. 220-310.
4. Кантемирова Т.А. Факторы, определяющие деловую этику российского предпринимателя // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2004. № 1. С. 158-163.
5. Комментарий к Статье 17 Конституции РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://constrf.ru/razdel-1/glava-2/st-17-krf> (дата обращения: 15.12.2021).
6. Михель Д.В., Михель И.В. Упорство в истине: философия и политика Махатмы Ганди // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2019. № 19(3). С. 272-276. DOI: 10.18500/1819-7671-2019-19-3-272-276.
7. Пирс Ч. Закрепление верования // Пирс Ч.С. Избранные философские произведения. М.: Логос. 2000. С. 234-265.
8. Смирнова И.Л., Соловьева М.В. Бизнес-этика как приоритетный вектор современного развития организаций // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2021. Том 2. № 1(47). С. 105-111.

9. Солженицын А. Жить не по лжи [Электронный ресурс]. URL: <https://dslov.ru/txt/t78.htm> (дата обращения: 15.12.2021).
10. Тюленев А.И. Нравственный бизнес как проблема социологической науки и социальной практики // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 1. С. 230-233.
11. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ. 2017. 288 с.
12. Шарп Д. От диктатуры к демократии: Стратегия и тактика освобождения. М.: Новое издательство. 2005. 84 с.
13. Ярославцева А.В. Гуманность, человечность, мораль, нравственность в отношении к измененным состояниям сознания // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2020. Том 9. № 3А. С. 12-22. DOI: 10.34670/AR.2020.56.24.002
14. Cremers V., Goerg M., Grundin G., Nuttall R., Yamada Y. Charting a path from the shuchu kiyaku to ESG for Japanese companies. URL: <https://www.mckinsey.com/business-functions/sustainability/our-insights/charting-a-path-from-the-shuchu-kiyaku-to-esg-for-japanese-companies> (accessed: 15 December 2021).
15. Hermann J. The dynamics of moral progress // Ratio. Special Issue: Evolution and Moral Epistemology. 2019. Vol. 32. Iss. 4. P. 300-311. <https://doi.org/10.1111/rati.12232>
16. Kvesić, A., Galić, K. & Vukojević, M. Humanism influencing the organization of the health care system and the ethics of medical relations in the society of Bosnia-Herzegovina // Philosophy, Ethics, and Humanities in Medicine 14, 12 (2019). <https://doi.org/10.1186/s13010-019-0082-7>
17. Sternfels B., Francis T., Madgavkar A., Smit S. Our future lives and livelihoods: Sustainable and inclusive and growing. URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/sustainable-inclusive-growth/our-future-lives-and-livelihoods-sustainable-and-inclusive-and-growing?cid=other-eml-dre-mip-mck&hlkid=e1990830ecaf42d8a72af1570afec887&hctky=13182114&hdpid=fb4440b0-e0b1-4245-812f-660ab178c045> (accessed: 15 December 2021).

© Ярославцева Анна Владимировна (almarlis@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

Bychkova O. – Cand. Sci. (Economy and the Management of a National Economy), Assoc. Prof., Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Krasnodar

Devletov O. – Ph.D. History, associate Professor, Institute of Economics and Culture; ZMS of Russia, full member of the Petrovsky Academy of Sciences and Arts by the Department of Tourism, Moscow

Dobrykh A. – PhD, Religious Organization – the Spiritual Educational Organization of Higher Education of the Khabarovsk Diocese of the Russian Orthodox Church «Khabarovsk Theological Seminary»

Filippova O. – Ph.D., Associate Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin; Notary Public of Ekaterinburg, Ekaterinburg

Galmagova G. – Senior Lecturer, Tomsk State University of Architecture and Building

Gao Yue – graduate student, State Institute of the Russian Language. A.S. Pushkin

Glukhov P. – candidate of philosophy, associate Professor, Moscow Aviation Institute (National Research University)

Gorbunov V. – Ph.D. History, Institute of Economics and Culture, Moscow

Gorlova I. – Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof., Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Krasnodar

Gutkevich E. – Doctor of Medical Sciences, Leading Researcher, Federal State Budgetary Scientific Institution «Tomsk National Research Medical Center of the Russian Academy of Sciences» Mental Health Research Institute (FSBSI TNIMC RAS, of Mental Health Research Institute); Professor, Tomsk State University (TSU)

Our authors

Kogan B. – Doctor of Biological Sciences, Professor, Moscow City University, Moscow

Kolganov S. – candidate of philosophy, associate Professor, Moscow Aviation Institute (National Research University)

Kostina N. – Cand. Sci. (Library Science, Bibliography and Bibliology), Assoc. Prof., Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Krasnodar

Kostyuk E. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions

Krasnikov S. – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Russian University of Cooperation

Krupskaia N. – Institute of Creative Psychology

Levada A. – Southern University (Institute of Management, Business and Law)

Makhaneva E. – Postgraduate student, Plekhanov Russian University of Economics

Malkina S. – Applicant, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences

Martynova N. – Kazan Federal University

Mazyayeva E. – Candidate of Philosophical Sciences, senior lecturer, Federal State Public Military Educational Institution of Higher Education "Military Orders of Zhukov and Lenin Red Banner Academy of Communications named after Marshal of the Soviet Union S.M. Budyonny" Ministry of Defense of the Russian Federation

Muzafarova N. – postgraduate student, BSU named after D. Banzarov, Ulan-Ude

Orishchenko S. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Samara State Institute of Culture

Panukova Ju. – Doctor of Psychology, Professor, Russian State Agrarian University (Moscow); Psychological Institute, Russian Academy of Education (Moscow)

Petrov I. – Academy of marketing and socially-information technologies, Krasnodar

Petrova S. – Academy of marketing and socially-information technologies, Krasnodar

Pisarevskaya N. – Candidate of Philology, Associate Professor, Moscow International University

Polschikov K. – Doctor of Technical Sciences, Professor, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Belgorod National Research University»

Potapchuk V. – PhD, Associate Professor, Pacific National University (Khabarovsk)

Reva A. – post-graduate student, Russian State Agrarian University (Moscow)

Ryzhova D. – Leningrad State University named after A.S. Pushkin, St. Petersburg

Sarkisova E. – Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Krasnodar

Sazbandyan T. – Ph.D. Philosophy, Professor, Institute of Economics and Culture; member of the Russian Geographical Society, Moscow

Semenenko D. – Saints Cyril and Methodius Institute for Postgraduate Studies

Shakina E. – Postgraduate, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod National Research University"

Simutina T. – graduate student, Kuban State University, Krasnodar

Sirin S. – PhD in Philosophy, Associate Professor, Irkutsk State Medical University of the Ministry of Health of Russia

Smetankina L. – Doctor of Philosophy, professor, Federal State Public Military Educational Institution of Higher Education "Military Orders of Zhukov and Lenin Red Banner Academy of Communications named after Marshal of the Soviet Union S.M. Budyonny" Ministry of Defense of the Russian Federation

Smirnov S. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Elabuga Institute (branch) of Kazan (Volga Region) Federal University

Tkach E. – Candidate of Psychological Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Pacific State University"

Velikanova A. – Candidate of psychological sciences, Associate Professor, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod National Research University"

Vyaznikova L. – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Pacific State University"

Yaroslavtseva A. – PhD, Associate Professor, Novosibirsk State Medical University

Zekeryaev R. – Candidate of Psychological Sciences, Lecturer, Crimean Engineering and Pedagogical University

Zhakov D. – postgraduate student, Moscow City University, Moscow

Zhang Meng – Associate Professor, Heihe University, Heihe City (China)

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).